

A medieval-style illustration. In the foreground, a knight in a brown and black checkered tunic and a white helmet with a red plume sits on a brown horse with black diamond-shaped patterns. The horse is facing left. In the background, a stone castle with a tall, thin tower and crenellated walls sits on a hill. The sky is a deep blue. The overall style is reminiscent of a manuscript illumination or a historical painting.

Юрий Григорьев

TERRA INSAPIENS

Дороги

Приключения Бродячего Короля, самозваного графа Редмонта и безумных скитальцев по времени в поисках собственных смыслов. — Что? Ещё одна книга про «попаданцев»? Да сколько можно! Подождите, подождите. Это не обычные «попаданцы». Они не хотят изменить мир, не хотят поправить историю. Они хотят оставить Человечество, Вселенную и само Время за стенами Замка. Но пока им приходится защищать себя и действовать по обстоятельствам. Перед вами вторая книга трилогии «Terra Insapiens». Ваша смерть не отрицает вашего бессмертия.

Юрий Григорьев

Terra Insaniens. Дороги

Бродячий Король

В этот мир он упал с неба. Ему повезло, что упал он на дерево. Упругая крона погасила скорость и пару минут он раскачивался на ветке, охватив её руками. Когда отдышался и успокоился, стал оглядываться. Дерево оказалось яблоней. Прямо перед собой он увидел зелёное яблоко и, протянув руку, сорвал его. Яблоня оказалась дикорастущей, но яблоко, на вкус горьковатое, тем не менее, было сочным. Поедая его, поудобней устроился на ветке и подумал:

— А здесь можно жить... Интересно — куда я попал?

Он стал прислушиваться к звукам, но ничего, кроме пения птиц, не услышал. Доев яблоко, решил слезать с дерева. С ветки на ветку он спустился вниз, и спрыгнул на землю. Опираясь на колено, некоторое время осматривался и прислушивался. Потом встал и пошёл — куда повели его ноги.

Через полчаса он вышел из леса на поляну, где стояла скирда скошенной травы. Сняв рюкзак, с удовольствием плюхнулся в неё, закинув руки за голову, и стал смотреть в небо на плывущие облака.

— Здравствуй, новый мир! — подумал он. — Как ты встретишь меня? Найду ли здесь покой в своём сердце?

Он вспомнил события последних дней, вспомнил каменный Замок, людей, заселивших его — всё казалось теперь странным сном, от которого он очнулся, но где? — в новом сне?

— Ждать ли мне здесь Адама или пойти поискать людей?.. Как минимум надо найти какой-то источник воды.

Солнце опускалось за верхушки деревьев. Не хотелось думать. Он закрыл глаза и легко заснул.

Артур проспал весь вечер, всю ночь, и проснулся от солнечного света, упавшего на лицо. Хотелось пить, и Артур развязал рюкзак, который Адам дал ему при расставании. Нашёл алюминиевую флягу с водой и, жадно глотая, опустошил её наполовину. Потом стал рассматривать содержимое рюкзака. Вытащил Библию, полистал, положил обратно. Вытащил пакет с едой и с удовольствием позавтракал. Ещё в рюкзаке было немного одежды, махровое полотенце, нож, ложка, кружка и зажигалка. На дне лежал целлофановый пакет. Артур развернул его и вытащил бумажный листок, кожаный ремешок и кольцо. Полюбовавшись кольцом, он положил его обратно и стал читать послание.

«Привет, мой юный друг! Если ты читаешь это, значит, что-то пошло не так и мы разминулись. На этот случай выслушай мои советы.

Во-первых, будет лучше, если ты найдёшь укромное место и будешь дожидаться меня. Если станет туго — продай кольцо.

Во-вторых, надень на голову кожаную бандану. Это поможет тебе понимать языки и говорить на них.

В-третьих, никогда не теряй надежду, и будь уверен, что я тебя найду».

Артур поднял ремешок, и одел на голову, застегнув на затылке. Посмотрел на часы. Они показывали два часа. Он вздохнул.

— Надо как-то определить точное время, — подумал он. — Если судить по высоте Солнца над горизонтом, сейчас около девяти часов. Хотя всё зависит от времени года.

Он оглядел поляну. Трава была скошена совсем недавно.

— Похоже на лето... Тепло...

Поставил часовую стрелку на девять. Встал, закинул рюкзак за спину и пошёл наугад. Долго блуждал по лесу и набрёл на ручей. Напившись воды и набрав флягу, присел отдохнуть. Оглядывая деревья вокруг, подумал:

— А залезу-ка я на дерево и посмотрю сверху.

Сказано — сделано. Через пару минут он уже карабкался по стволу и веткам. Поднявшись метров на пять, увидел за лесом поля. Запомнив направление, слез и зашагал уверенно. Через некоторое время он вышел из леса на дорогу. За дорогой уже тянулись поля и холмы. Стоя посреди дороги, он долго оглядывался, потом уселся на придорожный пенёк и решил ждать.

— Дорога сделана для людей. Если подождать, обязательно кто-то пройдёт по дороге, и я наконец узнаю — куда я попал?

Через два часа на дороге показались трое. Пожилой священник в рясе вёл за повод навьюченного ослёнка, сзади шёл паренёк лет двенадцати, босой и лохматый. Подойдя ближе, старик остановился и с удивлением, но без боязни, посмотрел на Артура.

— Pro Deo amur et pro christian poblo et nostro commun salvament — благословляю тебя, сын мой. Как тебя зовут, и что ты делаешь здесь, на дороге?

— Меня зовут — Артур. Я жду своего друга.

Артур невольно оглянулся, чтобы понять — он ли это сказал, или кто-то, стоящий за его спиной? Нет, за спиной никого не было. Это он говорил на старофранцузском диалекте, смешанном с народной латынью.

— Я приехал издалека. Скажите мне — куда я попал, что это за место?

— Это владения графа де Блуа, — охотно пояснил старик. — Если вы пойдёте с нами, мы проводим вас в Кардерлин — ближайший городок в округе.

— Спасибо, я хочу подождать друга здесь. Ещё один вопрос, может быть, он покажется вам странным... Какой сейчас год?

— Тысячный год от рождества Христова, — не смутившись, ответил священник. — Близится второе пришествие Сына Божьего. Молись, отрок, Отцу нашему и Сыну Его Помилуй нас грешных!

Артур открыл рот. Он явно не ожидал такого.

Старик удивлённо посмотрел на него, потом поправил медный крест на груди и, потянув ослика за верёвку, продолжил путь по дороге. Мальчишка последовал за ним, но долго ещё оглядывался на стоящего у дороги Артура.

— Тысячный год? Почему? — Артур был в недоумении. — И почему Франция?

Поглядев вослед уходящим, он, понуриив голову, пошёл обратно к ручью. Лёг на траву, подложил под голову рюкзак. И стал размышлять.

— Адам говорил про точку отсчёта. Значит, либо он что-то напутал, либо что-то случилось во время телепортации. Может быть, просто не хватило мощности питания. Я сейчас могу только гадать... Надо принять то, что есть, и думать, как действовать дальше.

Он перевернулся на бок, подперев голову рукой.

— Вариантов два — либо ждать здесь, либо пойти по дороге. Еда у меня скоро закончится, значит, сидеть на месте нет смысла.

Он поднялся.

— Надо идти. Под лежащий камень вода не течёт.

Перекусив на дороге и набрав у ручья воды, он тронулся в путь. Вернувшись на место,

где он встретил священника, задумался — в какую сторону идти?

— Они шли в какой-то городок, пойду и я за ними.

Дорога шла вдоль опушки леса, но потом свернула в лес. Артур шёл, задумавшись, не глядя по сторонам.

Затрещали ветки. Два человека соскочили с дерева и схватили Артура за руки. Из кустов подошли ещё двое. В руках у них были дубины. Один из них, видимо старший, с недоброй улыбкой сказал:

— Ну-ка, ну-ка. Что за цыплёнок попался в наши сети? Как тебя звать, и что ты забыл в наших краях?

— Меня зовут — Артур, я ищу своего друга.

— Как тебе повезло, приятель. Искал друга, а нашёл четырёх друзей.

Компания захохотала.

— А ведь у друзей всё должно быть общее. Ну-ка, что там у тебя в мешочке за спиной?

Он стащил с Артура рюкзак и высыпал всё содержимое прямо на дорогу.

— Боже мой, да это же Библия! Моя любимая книга, люблю почитать её на ночь.

Компания опять захохотала.

Один из разбойников снял с руки Артура часы и протянул старшему.

— Какая диковинная вещь — наверно дорогая. Смотри-ка, тут ещё стрелочки и какие-то знаки непонятные.

Он приложил часы к уху.

— Да они ещё тикают. Бесовское изделие. Ты часом не из этих — еретиков?

— Я живу очень далеко, я случайно попал сюда. Отпустите меня, пожалуйста.

— Пожалуйста... Какой вежливый. Так со мной говорила монашка, которую мы повстречали однажды на дороге. Вот так и молила: пожалуйста, говорила, не надо!

Шайка снова покатила со смеху.

Разбойник кинул часы в рюкзак, протянул его сообщнику и сказал:

— Собери всё барахло. Дождёмся Мортара. Пусть он решает — что с этим делать?

Он кивнул тому, кто стоял у Артура за спиной. Тот поднял дубинку и, коротко, без замаха, ударил Артура по голове.

Очнулся Артур уже вечером. Он лежал в неглубокой яме, связанный по рукам и ногам. Разбойники громко смеялись, сидя вокруг небольшого костра. Пахло кислым вином и дымом.

Артур не шевелился. Он слушал пьяную болтовню разбойников. Один из них, видимо тот, которого они ждали, рассказывал свои похождения на ярмарке в Кардерлине. Компания хохотала, смакуя пикантные подробности. Когда веселье немного улеглось, главарь, оглядев остальных, сказал.

— Ну, будет! Повеселились — теперь поговорим о деле. На ярмарке от хозяина корчмы я узнал, что завтра приедет Бродячий Король.

— Бродячий Король? — переспросил чей-то голос. — Жирный кусок. Я слышал, он возит всё своё богатство с собой. Хорошо бы заглянуть в его сундуки и карманы.

— Вот об этом я и говорю. Завтра утром он будет проезжать по этой дороге. У него много слуг, но наше оружие — внезапность. Нападём неожиданно, они не успеют опомниться, как мы перережем им глотки. А теперь — всем спать! Перед серьёзным делом надо крепко выспаться.

— А с этим что делать?

Артур понял, что показывают на него.

— Пусть валяется. Сделаем дело, потом я на него посмотрю — что за птица, и нужен ли он нам?

Главарь поднялся.

— Рябой, остаёшься сторожить. Потом тебя сменит Мелкий.

Разбойники разошлись по поляне и улеглись спать, подложив под голову мешки. Через полчаса на поляне раздавалось только мерное сопение и тихий храп. Осторожно повернув голову, Артур увидел, что, оставшийся у костра разбойник, тоже клюёт носом. Подождав ещё немного, Артур перевернулся на спину, и осмотрелся. Недалеко от себя на земле он увидел то, что ему было нужно. Отталкиваясь от земли связанными руками и ногами, он переместился и, подняв ноги, толкнул к себе, лежавший на земле камень. Камень покатился ему под руки. Нащупав острый край камня, Артур стал перетирать верёвку на руках. Поначалу шло плохо, Артур уже начал терять терпение. Но потом верёвка затрещала, и дело пошло быстрее. Через десять минут руки у него были свободны. Верёвки на ногах он развязал быстро.

Свой рюкзак он увидел возле костра. Осторожно, чтобы никого не разбудить, подкрался к костру и взял рюкзак. Затем также бесшумно он покинул поляну и вскоре вышел на дорогу.

Светила полная луна, дорожная пыль серебрилась. Он шёл около часа, устал, и, сойдя с дороги, прилёг на траву. В ночном небе сверкали звёздные миры. Отыскав Большую Медведицу, он улыбнулся ей, как старой знакомой, и закрыл глаза.

Проснулся он от толчка и весёлого голоса.

— Молодой человек, просыпайтесь, уже утро.

Человек лет сорока, невысокий, стройный, с обезоруживающей улыбкой, смотрел на Артура. Волосы его, затронутые первой сединой, были небрежно растрёпаны, что придавало ему вид человека легкомысленного, но лукавые искры в глазах говорили о славном умении относиться с иронией к себе и к окружающему миру. Человек опирался на палку, которой, видимо, толкнул Артура.

Артур вскочил на ноги. На дороге стояли повозки. Несколько человек, некоторые на лошадях, смотрели на него.

Один из всадников явно выделялся среди других. Это был мужчина лет двадцати пяти с тонкими чертами лица и стройной фигурой. Длинные русые кудри его спускались на плечи. Одет он был в лёгкий камзол, украшенный разноцветными камнями и синие бархатные штаны. На голове у него был берет с белым пером, на ногах — высокие кожаные сапоги со шпорами.

— Как вас зовут, приятель, и что вы здесь делаете? — спросил он.

— Меня зовут — Артур. Я шёл по этой дороге вчера, и меня схватили разбойники. Ночью мне удалось от них сбежать, а потом я заснул у дороги.

— Разбойники?

Человек посмотрел на другого всадника рядом.

— Наверно это шайка Мортара. Они давно промышляют здесь, — сказал тот.

— Именно так, — продолжил Артур. — Главаря называли Мортаром. Я подслушал их ночной разговор за костром. Сегодня утром они собирались ограбить какого-то Бродячего Короля.

— Какого-то! — возмутился один из всадников. — Нет, как вам это нравится!?

— Спокойнее, Лонгрин! — вмешался улыбчивый мужчина, тот самый, который

разбудил Артура. — Молодой человек определённо не с наших мест, видимо, он прибыл к нам издалека, и не обязан знать, что перед ним Бродячий Король.

Артур покраснел. Всадник в берете засмеялся. Обернувшись, он приказал:

— Лонгрин, дайте ему свободную лошадь.

И, обращаясь к Артуру, добавил:

— Мы едем на ярмарку. Составьте нам компанию.

Подвели гнедую кобылу с маленьким белым пятном на лбу. Артур хотел было признаться, что не умеет ездить на лошади, но ему стало стыдно. Он поставил ногу в стремя и, удивительно для самого себя, легко вскочил в седло.

Бродячий Король приказал:

— Лонгрин, позаботься об охране.

Всадник поклонился и дал команду.

— Дирон, Винтер — поезжайте вперёд и внимательно смотрите по сторонам. Будьте готовы к нападению... Шут! — обратился он к улыбчивому мужчине, который уже вскочил на коня. — Держись рядом с молодым человеком.

— В дорогу, друзья, в дорогу! — крикнул, обернувшись назад, Бродячий Король.

И кавалькада тронулась.

Они ехали по дороге в том направлении, откуда вчера пришёл Артур. Все оглядывались по сторонам, держа руки на рукоятках мечей. Но постепенно напряжение стало спадать. Сзади даже слышались шутки и смех.

Внезапно один из ехавших впереди, это был Винтер, схватился за плечо. В него попала стрела. В следующий момент из-за деревьев выскочили пять разбойников. Один ударил дубиной по ногам лошади, и второй всадник, Дирон, полетел вместе с лошадью наземь. Остальные кинулись на короля. Тот, не мешкая, выхватил меч и с размаху ударил одного из разбойников. Ещё одного тут же уложил подскочивший Шут. Сзади налетели ещё два всадника и через минуту бой был закончен. Двоим из нападавших удалось скрыться в кустах, трое лежали на земле.

Стремительная атака, закончившаяся так же быстро, как и началась, ошеломила Артура. Он ничего не успел сделать и только озирался по сторонам.

Перевязали раненного Винтера, Дирон отделался ушибами и хромал на одну ногу, как и его лошадь. Все были в приподнятом настроении.

— Видел? — как я ему врезал! — хвалился Шут. — Полетел, как птица, и шмякнулся, как лягушка.

— Мортар убежал от меня! — досадовал Лонгрин. — Ну ничего! — я его ещё достану.

Вскоре кавалькада продолжила путь. Бродячий Король обратился к Артуру:

— Спасибо за предупреждение, Артур. Как говорится: предупреждён, значит, вооружён... Вы мне представились, позвольте и мне представиться — виконт де Блуа. Все называют меня Бродячим Королём, хотя королём мне ещё предстоит стать.

Он улыбнулся и внимательно осмотрел Артура с ног до головы.

— Я вижу, что вы чужестранец. Откуда вы прибыли, мой друг? Не из Фриландии, случайно?

— Фриландии? — удивился Артур.

— Вы не знаете такую страну?

— Что-то вроде слышал, — засомневался Артур, — но не могу вспомнить.

Бродячий Король взмахнул руками.

— Ну что ты будешь делать! Кого не спросишь, все отвечают, что вроде слышали про такую, но где она — никто не знает!.. Так откуда вы прибыли?

— Не знаю, как сказать, ваше величество.

Бродячий Король остановил его жестом.

— Называйте меня — Виконт. Король в этой стране — благословенный Роберт.

— Не знаю, как сказать, Виконт. Если я скажу вам всю правду, вы не поверите. А врать не хочу. Потому что не умею. Вы почувствуете ложь и утратите ко мне доверие.

— Так скажите часть правды, которую я смогу понять.

— Я прибыл из тех мест, о которых вы не знаете. Это очень далеко отсюда. Очень далеко... Оказался я здесь случайно, так получилось. И сейчас я ищу одного своего друга, чтобы он помог мне вернуться.

— Как зовут вашего друга?

— Адам.

— Ну что ж... Сейчас мы едем в Кардерлин. Это небольшой городок по пути. Там мы отдохнём. С округи много людей съезжается туда на ярмарку. Возможно, там вы встретите своего друга.

Виконт обернулся назад, увидев кого-то, улыбнулся и, развернув лошадь, поехал в конец кавалькады.

Поравнявшись с Артуром на своей лошади, Шут завёл разговор.

— Вы можете мне рассказать всё без утайки. Я человек доверчивый, и нет такой чепухи, в которую я бы не мог поверить.

— Вы уверены, что хотите знать всё?

— О, да! Всё, и даже немножко сверху.

Артур решил, что с Шутом можно быть откровенным. Этому человеку он решил довериться. Как-то это получилось само собой.

— Я прибыл из будущего.

— Так!.. Это становится интересным. Из далёкого будущего?

— Да. Из очень далёкого.

— Ну и как там живётся, веселее, чем здесь?

— Сложнее... А поводов для грусти и веселья всегда хватает.

— Понятно... И как там всё устроено — есть ли там короли, императоры, епископы, римский папа, наконец?

— Как не странно, всё это есть. Но есть многое помимо этого.

— Что, например?

— Ну... Большинство стран управляется президентами или парламентами.

— И с чем это едят? — лукаво спросил шут.

— Президент — это вроде выборного короля, выбранного всем населением страны на несколько лет. Парламент — что-то вроде сената. Парламент тоже избирается и в него может попасть любой человек, независимо от состояния и родовитости.

— Прямо какое-то общество благоденствия вы рисуете. И что — ни у кого не возникает желания взять всю власть себе в руки?

— Человечество повзрослело за тысячу лет, что нас разделяют. Прошло через много испытаний, войн. Всё создаётся в процессе эволюции... и революций.

— Какие умные слова вы произносите. Ещё бы я понимал, что они значат!

— Попробую объяснить попроще. Допустим, вы посадили сад. Если за садом ухаживать,

вовремя обрезать, вовремя поливать, — сад будет хорошесть с каждым годом. Это эволюция. Но вдруг у вас поменялся садовник. Он не хочет ждать долгие годы результата эволюции. Он нетерпелив. Он вырубает деревья, которые ему кажутся больными, ненужными, и сажает вместо них только те, которые он одобрил. Это революция.

— Я думаю, опытный садовник может совмещать оба подхода. Между крайностями всегда есть золотая середина.

— Это верно. Только опытных садовников всегда не хватает.

Шут засмеялся.

— Ваша правда!.. А что ещё у вас интересного?

— Люди научились делать разные машины. Они уже не скачут по дорогам на лошадях, а ездят на железных автомобилях. Они научились летать по небу на самолётах.

— По небу?! Вот хотел бы попробовать. Посмотреть на Землю с высоты.

— Люди даже долетели до Луны и оставили там свои следы.

— Уже и на Луне наследили? — поразился Шут. — Вот интересно, если с Луны кинуть какой-нибудь камешек, упадёт он на Землю?

Артур улыбнулся.

— Нет, не упадёт.

— Ну, слава богу! А то пришлось бы всё время шлем носить... И что — живут ли на Луне лунатики, или «лунатяне», или как они там называются?

— Нет никаких «лунатян», — засмеялся Артур. — И лунатиков только на Земле можно встретить. Луна — безжизненный шар, где нет даже воздуха.

— Значит, врал Лукиан, писавший, что на Луне живёт погорелый философ Эмпедокл, заброшенный туда извержением Этны?

— Лукиан — это тот ещё фантазёр. Его Менипп с самим Зевсом разговаривал.

— А скажите откровенно — в будущем станут люди счастливей?

Артур пожал плечами.

— По-моему, нет.

— Я так и думал! Ну хоть жить они станут дольше?

— Пожалуй, да. Правда, ненамного.

Шут задумался.

— Полетать по небу и походить по Луне оно конечно интересно. Много умных машин, значит, придумают люди. А секрет счастья так и не откроют...

Артур посмотрел вокруг, на зелёные деревья вдоль дороги, на голубое небо с редкими облаками.

— Я думаю, счастливым можно быть в любые времена. Это уже от человека зависит.

— И то верно... Вот мы и доехали до Кардерлина.

Впереди показались домишки, покрытые соломой.

Кавалькада проехала до большой рыночной площади и остановилась возле корчмы. Хозяин корчмы встречал их с поклонами. Лонгрин стал распоряжаться насчёт ночёвки, а Артур с Шутом поехали шагом, осматривая городок. Доехали до берега речушки, слезли с лошадей и умылись проточной водой. Пока лошади пили воду, сели на камень и продолжили разговор.

Артур сказал, глядя на собеседника:

— Я оказался один в этом времени, и мне нужен кто-то, кому я бы мог довериться. Не знаю почему, но к вам я испытываю доверие. Вы мне кажетесь человеком искренним.

Шут лукаво улыбнулся.

— Я всегда говорю искренне, даже если иногда немного обманываю.

— Почему вас называют Шутом? — спросил Артур.

— Как и все, я унаследовал фамилию отца. Шевалье Буффон к вашим услугам, — сделал забавный жест рукой Шут. — Впрочем, я стараюсь ей соответствовать, и даже, говорят, преуспел в этом.

Фыркали лошади, журчала вода, солнце стояло высоко.

— Виконт меня спрашивал про какую-то Фриландию. — вспомнил Артур.

Губы Шута тронула улыбка.

— Виконт является законным наследником этой страны. Но, увы, не знает — где её искать.

— Как это возможно?

— Тут надо вам рассказать предысторию моего господина... В младенческом возрасте он был усыновлён старым графом Эдом, и с детства слышал историю о том, что его настоящий отец был королём Фриландии. У короля был младший брат и, как это часто бывает, зависть к старшему брату съедала ему душу. Кончилось тем, что младший отравил своего брата, отца нашего господина, и занял его место. Верный слуга старого короля тайно увёз его сына, опасаясь за его жизнь. Когда он проездом гостил у нашего старого графа, то рассказал ему эту историю. Старый граф был тронут судьбой малютки, и захотел его усыновить. В то время у него ещё не было своих детей. Вот так мой господин стал приёмным сыном графа де Блуа.

— И что случилось потом?

Шут наклонил голову, глядя на медленное течение реки.

— Мальчик вырос, а у графа были уже свои дети... Нет, старый граф не отказывался от приёмного сына. Он к тому времени полюбил его, как родного. Но мой господин стал чувствовать себя лишним. И однажды собрался в путь — искать свою страну. Никто не знает — где она находится. Вот уже второй год мы скитаемся по дорогам в поисках её. Где мы только не были! объехали весь север Франкского королевства — от Аквитании до Нормандии. Наконец добрались до Парижа, и мой господин добился аудиенции у короля Роберта. Тот любезно его выслушал и дал распоряжение проверить все архивы — нет ли упоминания о Фриландии? Увы, ничего не нашлось, и возвращаемся мы домой ни с чем. Впрочем, мой молодой господин не теряет надежды. Кто-то ему сказал, что Фриландия может находиться на северных островах. Так что я предвижу, что на следующий год мы отправимся туда.

— А что вы думаете об этом? — спросил Артур, глядя в глаза Шута.

Тот лукаво улыбнулся.

— Лично я допускаю, что такой страны может и не быть, что это чья-то выдумка. Но разрушать мечту своего господина я не готов. Да и не вижу в этом смысла. У человека должна быть мечта. Отнимите у него мечту, и вы сделаете его несчастным.

Они поднялись, сели на лошадей и поехали обратно. Доехав до площади, спешили и зашли в корчму. Шут сразу увидел кого-то и направился к нему. Стукнул его по плечу.

— А вот и наш святой Пётр! Стал ещё толще, с тех пор как мы виделись в последний раз.

Толстяк обернулся.

— Дружище, а я тебя искал на площади. Думал, раз приехал Бродячий Король, то увижу

своего старого приятеля. Хоть будет с кем выпить за компанию!

— А разве ты не все бочки в Кардерлине ещё осушил?

— Нет! На твоё счастье осталось немного.

— Ну, тогда наливай — мне и молодому человеку со мной.

Хозяйка поставила на стол две кружки. Толстяк плеснул вина. Шут хлебнул, Артур пригубил.

— Как поживает твой отец? — спросил Шут.

— Ой, не спрашивай! Надоел хуже горькой редьки. И всем недоволен, и никто ему угодить не может. Да я уже смирился. Старость — не радость.

— Все мы будем стариками, если раньше не погрём.

Артур разглядывал людей вокруг. У стола рядом сидели Дирон и Винтер, слуги Виконта. Чуть дальше, в другом углу, сидели местные крестьяне, приехавшие на ярмарку.

— Дай бог нам дожить до такого преклонного возраста, как у твоего отца. Умереть от старости — это смерть редкая, — сказал Шут. — В наше время почти противоестественная.

— По-моему, эту мысль я уже где-то встречал, — подумал Артур. — Хотя!.. Ничего нет нового под луной, и вряд ли можно сказать что-то, что уже не было когда-то сказано.

Шут взял со стола круглую погремушку с бубенчиками, видимо забытую здесь ярмарочными музыкантами, повертел в руке и нахлобучил её себе на голову. Увидев удивление Артура, лукаво подмигнул ему.

— Тебе идёт дурацкая корона! — заявил толстяк Шуту. — Впрочем, по тебе и так видно, что ты — шут гороховый.

— Жить, прикидываясь дураком, легче. К тебе меньше вопросов и больше сочувствия.

Шут снял погремушку и бросил обратно на стол.

— Это старому графу было в забаву, — с сожалением выговорил он, — молодому я уже не нужен. Он смотрит в рот тем, кто ему льстит, а моих шуток не понимает. Потому и спровадил меня с Виконтом.

— Как поживает твоя сестрёнка, где она сейчас? — спросил он у толстяка.

— Да здесь она, — Пётр кивнул в сторону двери, — мы вместе на ярмарку пришли.

Поболтав ещё немного и допив вино, Шут с Артуром вышли из корчмы. На торговой площади шумела ярмарка. Чего только там не было! Лошадиная упряжь, тёсанные доски, колеса для телеги, железные гвозди, дёготь и верёвки — всё необходимое для крестьянского хозяйства. Были товары и для людей побогаче — цветастые шёлковые ткани, богато инкрустированное оружие, резные седла, шерстяные попоны и товары совсем уж диковинные. Артур остановился поглазеть на двух маленьких африканских обезьянок. Одна с видимым удовольствием грызла кукурузный початок, а другая завистливо пыталась его у неё отобрать.

Помимо лавок и торговых рядов, в толпе ходили розничные торговцы, выкрикивая свой товар и зазывая покупателей.

— Селёдка копчёная, селёдка солёная! — напевал молодой парень, идущий с гроздьями рыбы на груди. Небольшие селёдки были сквозь глазки нанизаны на верёвку, и от них разлило таким густым рыбным духом, что Артур невольно задержал дыхание.

— Рыбий зуб! Кому рыбий зуб? — толкнул Артура, проходящий мимо торговец. На плече у него висел мешок, из которого торчали какие-то рога. Не сразу Артур сообразил, что это были моржовые клыки.

Пошли ряды с разнообразной едой и живностью. Артур с интересом глазел по сторонам.

Шут ходил между рядов и балагурил с торговками.

— Что это, хозяйка, петух у тебя такой худой? Ты его молитвами, что ли, кормишь?

— Да ты на себя посмотри. Мой петух ещё потолще тебя будет!

Заметив молодую женщину в фартуке, идущую с корзинкой, Шут просиял и раскинул руки.

— Мартиночка, любовь моя. Я вернулся к тебе, красавица. Обними меня, родная.

Женщина сердито посмотрела на него и махнула рукой.

— Убирайся, скотина! Я всё знаю про тебя. Тебя видели в Ларме с какой-то танцовщицей на площади. Ты целовался с ней, а потом пошёл к ней домой. Мне всё рассказали!

— Мартина! Клянусь тебе, это было один раз. Клянусь, что когда я её целовал, то представлял, что целую тебя.

— Не клянись, негодник! Чтоб у тебя язык отсох! Не ходи за мной, проваливай к своей танцульке.

Она оттолкнула его руку и быстро ушла.

— Вот бабы! — повернулся Шут к Артуру — Сестрѐнка у Петра занозистая... Ладно пусть остынет. Завтра с ней поговорю.

Нагулявшись, они уселись на лавку, наблюдая ярмарочную суету. Задрав голову и вытягивая шею, Шут стал высматривать своих. Увидев Лонгрину, пошёл к нему и через несколько минут вернулся.

— Пойдѐм! Нам покажут — где будем ночевать.

Вместе с Лонгрином они пошли вглубь посѐлка и вскоре зашли в невысокий дом.

— Дом пустой, нежилой. Заселяйтесь и ночуйте. Завтра утром встретимся на торговой площади.

Лонгрин ушёл. Артур с Шутом стали оглядывать своё временное пристанище.

— Да... — задумчиво протянул Шут. — Спартанское жилище... Даже кроватей нет.

Действительно, в комнате были только небольшой грубый стол и две колченогие табуретки. В углу было навалено сено — видимо здесь им предстояло спать. Единственное окно было закрыто деревянным ставнем.

— Ну да ладно! Нам не привыкать, — бодро сказал Шут. — Если бы ты знал — в каких бывало условиях нам приходилось ночевать! До сих пор помню одну ночѐвку под дождѐм в скирде соломы.

Шут поставил на стол корзинку с продуктами, купленными на рынке. Они сели поужинать.

— Налетай, налегай! Наша кочевая жизнь заставляет запасаться впрок. Неизвестно — где и когда будешь завтра обедать.

После еды допивали вино, которое Шут захватил, выходя из корчмы.

Шут давно поглядывал на левую руку Артура. Тот понял — что привлекло его внимание. Артур снял с руки часы и протянул Шуту.

Повертев часы в руках, Шут стал рассматривать циферблат.

— Погоди, погоди, не говори мне — что это за «ерундовина»? — попробую догадаться.

Он приложил «ерундовину» к уху.

— А-а! Так это часы. Я видел нечто подобное в Париже, на столе у короля Роберта, но там была одна стрелка. А тут целых три...

— Всё правильно. Одна стрелка показывает часы, другая минуты, а третья секунды.

Шут явно был озадачен.

— Мелкая вторая?.. То ли я забыл латынь, то ли чего-то не понимаю.

Артур терпеливо объяснил:

— В одном часе — шестьдесят минут. В одной минуте — шестьдесят секунд.

Шут озадачился ещё больше.

— В одном часе — шестьдесят мелких... В одной мелкой — шестьдесят вторых... Нет, я сейчас свихнусь.

— Да какие мелкие, какие вторые! — Артур потерял терпение. — Если час разделить на шестьдесят частей — это будут минуты, если так же разделить минуту — это будут секунды.

Шут вздохнул.

— Ну, хорошо. А для чего это надо?.. Часовую стрелку я могу понять. Ставишь на ночь караул, сменяешь — по часам. Но к чему ваши минуты и секунды — ума не приложу!

— Допустим, варите вы яйцо. Если хотите всмятку — варите четыре минуты, если хотите вкрутую — варите десять минут.

— Как сварить яйцо — я и без ваших минут разберусь. Придумали чёрт-те что, не пойми зачем!.. Что-то вы намудрили с этим. Не нужны мне ваши минуты и секунды... Суетливо живёте... Когда солнце восходит — это утро, когда солнце высоко — это обед, когда солнце к закату — вечер. Вот и всё, что нужно — забирай свои часы!

Артур, смеясь, забрал часы и одел на руку.

— Впрочем, если ты захочешь их продать, — предложил Шут, — не сомневаюсь, что мой господин их купит и отсыплет тебе полсотни солидов. Он любит всякие курьёзные вещи.

— Нет, часы я не хочу продавать. Но у меня есть золотое кольцо. Вот его я, пожалуй, продам.

Он протянул Шуту кольцо.

— Ну, так это другое дело! Кольцо с изумрудом, да ещё хорошей огранки. Это может заинтересовать Лонгрину. Если хочешь, я ему предложу. Ты и сам можешь ему предложить, но я предполагаю, что торговец из тебя плохой. А я вытащу из него за это кольцо двадцать солидов.

Артур согласился.

— Однако темнеет, — Шут оглядел комнату. — Окно открывать не будем. Ночью прохладно.

Он вытащил из кармана кремень и стал чиркать, пытаясь разжечь стоящую на столе масляную коптилку.

— Чёрт! Не зажигается, — пожаловался Шут. — Фитиль что ли отсырел?

Артур вытащил из рюкзака зажигалку и зажёл коптилку. Шут недоумённо уставился на зажигалку.

— Ну-ка дай сюда твой кремень!

Артур протянул ему зажигалку. Повертев её в руках, Шут хмыкнул.

— Да! Такого я не видел даже у короля Роберта.

Он пощёлкал зажигалкой, разглядывая пламя.

— Не вижу никакого фитиля. Такое ощущение, что воздух горит.

— Так оно и есть, — сказал Артур. — Там внутри горючий газ.

— Горючий что? — не понял Шут.

— Воздух такой особый, горючий.

— Горючий воздух? И где его можно найти?

— Он глубоко под землёй. Надо пробурить скважину и оттуда пойдёт горючий воздух.

— У чертей воруете! — ахнул Шут. — На этом, значит, огне грешников жарят?.. Ну и как, черти на вас не сердятся?

Артур рассмеялся.

— На этом огне у нас кашу варят и суп.

— Значит, чертям не жалко... У них, видно, его много.

Спать ещё не хотелось, они вышли из дома. На улице никого не было. Только фыркали привязанные к изгороди лошади. Где-то недалеко, на окраине городка, лаяли собаки.

Посмотрев на яркий диск Луны в тёмном небе, Артур улыбнулся и сказал:

— Луна напоминает нам, что солнце живо.

Шут с иронией посмотрел на него.

— О-о! Да ты романтик!

Артур смутился.

— А разве это плохо?

— Нет, почему же. В твоём возрасте я тоже был романтиком.

— А что изменилось потом?

Шут неопределённо качнул головой.

— Люди меняются. Это нормально. В зрелом возрасте чувства притупляются и большую власть получает рассудок... Трудно остаться романтиком до седины. Всему своё время — в юности предаваться мечтам и страстям, в старости предаваться воспоминаниям о бурной молодости. Старость потому равнодушна к страстям, что они покинули её, а не она их.

Артур с удивлением посмотрел на Шута.

— Вам ещё рано рассуждать о старости, — с улыбкой заметил он. — Вы ещё полны сил и задора, так что я вам могу позавидовать.

— А всё почему? — оживился Шут. — Я живу сегодняшним днём. Не загадываю наперёд, не сожалею о прошлом. Живу легко, как птицы небесные. Радуюсь и солнцу, и дождю. Не позволяю себе грех уныния — есть более приятные грехи!

— Трудно жить легко, — вздохнул Артур. — Мир прекрасен, но равнодушен к нам.

— Мир похож на зеркало, он возвращает тебе то, что ты бросаешь в него. Если ты улыбаешься миру, он обязательно улыбнётся тебе в ответ. Если ты отворачиваешься от него, он отвернётся от тебя.

Артур согласился, кивнув головой.

— Истинная правда... Но всё же в мире много... несовершенного.

Он с лёгкой грустью улыбнулся.

— Наблюдая сей мир, приходит на ум поговорка: «ложка дёгтя в бочке мёда». В этом мире много мёда не бывает. И дело не в чьём-то злом умысле. Видимо, в этом мире дёготь изначально входит в состав мёда.

Шут в недоумении развёл руками.

— Вот не пойму я тебя... То ты романтик, то старый брюзга. Как это в тебе совмещается?

— Сам удивляюсь, — рассмеялся Артур.

Ночная тишина окутала маленький городок. Лишь изредка слышен был лай собак, и отдалённо доносился стройный лягушачий хор от запруды.

— Я знал одного проповедника, — почему-то вспомнил Артур, — который упрекал людей за то, что не нужна им истина, а нужно счастье.

— Ну, в этом ничего удивительного...

— Желание счастья есть главная человеческая слабость, — пояснил Артур, — ахиллесова пята, ухватив за которую, с ним можно делать всё, что угодно... Старинный способ заставить осла идти вперёд — протянутая над его головой палочка, с привязанной к ней охапкой соломы. Осёл идёт за пучком соломы, тянется к своему ослиному счастью, и невдомёк ему, что этот кусочек счастья перед его носом — всего лишь хитрая уловка хозяина, подчиняющего желания осла своей воле.

Шут хитро посмотрел на Артура.

— Может быть Господь именно тот хозяин, сидящий у нас на спине?

— А мы, значит, ослы? — засмеялся Артур.

Продрогнув на улице, зашли в дом и стали готовиться ко сну. Шут достал что-то из дорожного мешка и протянул Артуру.

— Одень это... Ночью ещё прохладно.

— Не надо! Вам самому пригодится.

— Одевай, одевай. У меня другой есть. Я не святой Мартин, и не отдам нищему свой последний плащ, — проворчал Шут.

Артур укутался в подаренный плащ и лёг на сено. Сквозь дырявую крышу подглядывали звёзды. Усталость закрыла его глаза, и он уснул.

Проснулся он ранним утром от первых петухов. Шут продолжал спать, когда Артур встал и вышел во двор. Поёживаясь от утренней свежести, он напился воды и умылся у колодца на дороге.

Солнце ещё не выглянуло из-за крыш невысоких домов, но уже было светло. Артур прошёлся по улочке и заметил сидящую на траве девочку. Она играла с маленьким, пёстрым котёнком. Артур подошёл и присел рядом.

— Привет! Как тебя зовут?

— Мария. А тебя?

— Артур.

— Ты приехал с острова?

— С острова?.. А! — ты имеешь в виду Англию. Нет, я приехал из ещё более дальних стран.

— А что ты делаешь здесь?

— Хотел бы я сам это знать, — задумчиво сказал Артур.

Девочка посмотрела на него с удивлением.

— Такой большой, а не знаешь, чего хочешь?

— Я знаю, чего хочу, но не знаю, где это найти. Поэтому скитаюсь по свету, смотрю на людей, на мир, ищу...

— И чего же ты ищешь?

— Да... того же, чего и все — счастья.

— Моя мама говорит: счастье не валяется на дороге, счастье внутри нас. Надо его увидеть.

— Какая мудрая у тебя мама! Хорошо, я попробую.

В полдень на ярмарочной площади было многолюдно. В самом центре её два бродячих акробата ловко жонглировали яблоками, развлекая публику, в то время пока их собака с

соломенной шляпой в зубах обходила народ, и кое-кто, посмеиваясь, бросал туда мелкую монету. Рядом какой-то нарядно разодетый и слегка запылённый испанец с аккуратной бородкой, сидя на высокой табуреточке, закинув ногу на ногу, играл на диковинной в этих краях мавританской гитаре, собирая в долгополую шляпу, лежащую перед ним, своё вознаграждение. Каждый раз, когда в шляпу бросали монету, он с достоинством кивал головой.

Артур и Шут бродили в толпе неспешно, наблюдая все доступные простому люду развлечения. Надоедали бесконечные попрошайки с протянутой рукой, от которых все отмахивались, как от назойливых мух. Где-то рядом заголосила баба, закричали «держи воришку» и босоногий пацан, нырнув в толпу, удирал от погони.

— Спрячь кольцо подальше, — озабоченно говорил Артуру Шут, — а лучше отдай мне. У меня потайной карман такой, что ни один вор не залезет.

Артур отдал ему кольцо с лёгким сердцем. Он доверился Шуту, потому что всегда нужен человек, которому можешь довериться.

Людской волной прибило их к лавкам торговцев чудесными средствами. Благовидный мужичок с залысиной протянул им что-то завёрнутое в грязную тряпочку и доверительно убедительно заявил:

— Только для вас! Мощи святого Григория Турского. Излечивают от подагры, ревматизма и грудной жабы. Всего пять денье, не упустите случай. Другие вам продадут подделку, а у меня честный товар — прямо из монастыря.

— Продаёшь святых в розницу и оптом? — прищурился на него Шут. — Что у тебя там? Вот ты ж нехристь! Хоть бы тряпочку почище нашёл. А то и прикасаться-то страшно.

— Тряпочку мы поменяем, — засуетился мужичок, — тряпочку мы найдём. Товар, главное, товар хороший. Куда же вы! — но людская волна уже потащила Шута с Артуром в сторону.

— Моча архангела Гавриила используется как приворотное средство, — сунула Шуту под нос соседняя торговка стеклянную банку с жёлтой жидкостью.

— Тьфу ты! — рассердился Шут — Что ты мне её под нос суёшь. Я уважаю архангела, но не его мочу... Надо выбираться отсюда, — повернулся он к Артуру. — Что-то нас не туда занесло.

Вынырнув из людского потока, они пошли по рядам, где продавалась разная хозяйственная утварь. Шут повертел в руках котелок, но забраковал его за вмятину на боку. Взял в руки решето и посмотрел на Артура.

— Как наполнить решето водой? — Шут хитро прищурился.

— Чтобы наполнить решето водой, надо бросить его в воду, — радостно вспомнил Артур.

— Соображаешь! — удивился Шут и положил решето обратно.

Они прошли дальше и остановились на рядах, где продавалась лошадиная сбруя. Шут долго и придирчиво рассматривал потник под седло, но тоже забраковал.

— Слишком жёсткий. Лошади хребет натрёт.

Наконец вышли на продовольственные ряды. Тут Шут купил десяток яиц и кусок сала. Опасаясь, что яйца в толпе разобьются, он бережно завернул их в дорожный плащ и положил в наплечную сумку.

— Что-то я притомился в толпе, пойдём на воздух, посидим, отдохнём, — потянул он Артура за собой.

Они вышли к домам на краю площади и уселись на перевёрнутые пустые бочки, наблюдая базарную суматоху.

— Хорошо бы купить запасные сапоги, — сказал Шут, — я там видел недорогие, но как вспомню, что таскать их с собой, так охота пропадает. Я люблю жить налегке. Подумал ещё — ведь дёшево продают, купи! Но терпеть не могу лишнее барахло. «Лишнее всегда дорого» — говорил Катон. Вот человек, на которого я бы хотел быть похожим.

Худой попрошайка стоял недалеко от них, вытянув руку, возле снующей толпы. Он смотрел в землю, точнее на ноги идущих мимо людей. Шут порылся в кармане, встал с бочки, подошёл к нему и стукнул попрошайку по плечу. Тот вздрогнул и поднял голову.

— Что загрустил, бедолага, никто не подаёт? Держи монету, специально для тебя приберёт, — он положил в ладонь нищему медный обол.

— Благодарствую, добрый человек, — поклонился нищий.

— Хочешь, научу тебя одной премудрости? — делился богатым жизненным опытом Шут. — Ты вот торчишь на одном месте, как рыбак с удочкой. Не клюёт, и все дела. А ты не поленись, пройдишь по площади, как опытный рыбак, сети набрасывай, да пошире, да поглубже. Глядишь, к вечеру богачом станешь.

— Пробовал я, мил человек. Люди толкаются, сердятся — куда прёшь, и без тебя тесно! И дают-то скупно, отказывают чаще.

— А ты чего хотел?! Здесь богачей мало, народ всё бедный, каждый обол бережёт. Привыкай к отказам и брани. Знаешь, как греческий мудрец Диоген, он ведь тоже на жизнь протянутой рукой зарабатывал, приучал себя к отказам? — просил милостыню у статуй!

— Здесь это не пригодится, — рассмеялся Артур. — Тут в окрестностях ни одной статуи не найдёшь.

— Ну, у дерева можно попросить, — не смутился Шут. — С тем же успехом.

Отдохнув, они снова пошли через площадь. В самом центре её, где раньше потешали толпу акробаты, теперь сидела на бочке крупная, седая старуха, возле которой толпился любопытный народ. Артур с Шутом подошли поближе и поняли, что старуха гадает по руке. Она как раз держала за левую руку молоденькую крестьянку и водила своим заскорузлым ногтем по линиям её руки.

— Жизнь у тебя гладкая, ровная. Будет у тебя муж, и двух деток вижу — девочки у тебя будут.

— А сына не будет? — расстроилась крестьянка. — Хозяйство у нас большое, сыновья нужны.

— Не гневи Бога, — ворчала старуха. — Благодарю за всё, что Он посылает тебе.

Дождавшись момента, Артур протянул ей правую руку. Она взяла её и сразу вздрогнула. Внимательно, цепким, пронзительным взглядом, посмотрела ему в глаза. Потом перевела взгляд на его ладонь. Длинным ногтем провела по ней и снова бросила взгляд прямо ему в глаза, словно прямо ему в душу.

— Ты не из этого мира. Что ты делаешь в нашем мире?

Артур онемел, пытался что-то сказать, но не мог. Старуха снова внимательно посмотрела на его ладонь.

— Жизнь у тебя долгая, но несчастливая. Черви сомнений грызут тебя изнутри. Не будет тебе покоя и мирного счастья. Возвращайся в свой мир... Если сможешь.

Она отпустила его руку и покачала головой.

— Не пугай моего друга! — сказал Шут. — Предсказывай только хорошее. Дурное само

придёт — без предсказаний.

— Я говорю то, что вижу. А ваше дело — верить или не верить.

Шут протянул старухе мелкую монету и пошёл прочь.

— А вы не хотите погадать? — догнал его Артур.

— Я предпочитаю не знать будущего, — покачал головой Шут. — Так интереснее жить.

Нагадает мне ещё какие-нибудь несчастья, и буду я ходить расстроенный — зачем мне это надо? Неприятности надо переживать по мере поступления.

— А вдруг она бы вам богатство нагадала? — улыбнулся Артур.

— Да зачем мне богатство?! Моё богатство — хорошее настроение. Его я себе и сам нагадаю.

Возле оружейной лавки встретились с Виконтом и Лонгрином.

— Вот, посмотри, — похвалился Шуту Виконт, — какую я себе вещь приобрёл.

В руках он держал не то короткий меч, не то длинный кинжал в изящных ножнах с позолоченной инкрустацией. Шут взял у Виконта ножны, вытащил оружие и рассмотрел.

— Мавританская игрушка, — Шут вставил клинок обратно в ножны и протянул Виконту. — Видел я такие в Кордове. Только покрасоваться, а как до дела — вещь бесполезная.

— Много ты понимаешь, — нахмурился Лонгрин. — Для ближнего боя — то, что надо.

— Пока со мной мой меч, — похлопал себя по боку Шут, — с такой игрушкой ко мне никто не подойдёт.

— Как ваши дела, Артур? — поинтересовался Виконт. — Нашли своего друга?

— Нет, пока не нашёл.

— Мы задержимся в городе на несколько дней. Можете рассчитывать на нашу помощь.

Я сам изрядно поскитался в последнее время и понимаю, как нелегко одному на чужбине.

Возле рядов с оружием маленький седой старичок точил ножи, топоры, мечи и прочее оружие. Точильный круг из песчаника был уже наполовину сточен, и фартук точильщика был покрыт жёлтой пылью. Шут, понаблюдав его работу, дал ему подточить свой нож. Через пару минут взяв его обратно, опробовал на веточке, которую подобрал с земли, и удовлетворённо хмыкнул.

— Молодец, старина, знаешь своё дело. Давай-ка ты мне тогда и мой меч наточи.

Он вытащил из кожаных ножен на боку меч и протянул его точильщику.

Пока Шут наблюдал, как затачивают его меч, Артур рассказал Виконту про гадалку и тот заинтересовался.

— А ну пойдём! Послушаем, что она мне нагадает.

Компания направилась в центр площади. Шут, забрав у точильщика свой меч и расплатившись, последовал за ними и, похоже, был недоволен.

— Дёрнуло тебя за язык, — повинил он Артура. — Нагородит она ему чёрт-те что, а нам потом отдуваться.

Лонгрин бесцеремонно отогнал толпящийся возле гадалки народ, и Виконт сел перед ней. Гадалка долго рассматривала его правую руку, потом взяла левую, потом снова вернулась к правой. Виконт терпеливо ждал с явным интересом. Наконец гадалка отпустила его руку и посмотрела Виконту в глаза. Взгляд у неё был пристальный, проникающий насквозь. Видно было, что Виконту стало не по себе, но он старался улыбаться.

— Тернистый у тебя путь, — сказала гадалка. — Позади взлёт, впереди падение. Но, в конце концов, ты обретёшь своё место в мире и покой в душе... В скором времени ждут тебя

разочарования и потери. Не теряй веры в себя, и всё образуется.

— Сбудется ли то, о чём я мечтаю? — прямо спросил Виконт.

— Нет! — твёрдо сказала старуха. — Ты на ложном пути, ты идёшь неверной дорогой.

— Не слушайте безумную старуху, — наклонился к Виконту Лонгрин. — Она выжила из ума.

— Я не выжила из ума, — услышала его слова гадалка. — А этот, — она протянула костлявую руку, указывая на Лонгрин, — первый предаст тебя, когда ты споткнёшься.

Лонгрин бросил на старуху презрительный взгляд, и рука его легла на рукоятку меча. Виконт быстро встал и, протянув старухе монету, пошёл прочь. Его спутники поспешили за ним.

Они зашли в корчму и сели за стол. Хозяин подбежал и торопливо протёр тряпкой поверхность стола.

— Что принести, Виконт?

— Мяса и овощей, — ответил за Виконта Лонгрин. — И вина не забудь.

Виконт сидел задумчивый и смотрел в стол.

— Не берите в голову, — утешал его Шут. — Я вообще не верю всем этим гадалкам. Они себе не могут ничего предсказать, а берутся предсказывать другим.

— Ты не веришь в судьбу? — бросил взгляд на него Виконт.

— Я верю, что свою судьбу мы создаём сами.

Вернулся хозяин корчмы и поставил на стол блюдо с варёным мясом. Девчонка, дочь хозяина, принесла хлеб и овощи. Ещё через пару минут хозяин принёс кувшин с вином и четыре кружки.

Артур напрасно ждал, когда принесут какие-нибудь вилки. Увидев, что все едят руками, присоединился к обедающим.

Отобедав, вышли из корчмы и сразу увидели какого-то крупного человека лет пятидесяти, который шёл через площадь в сопровождении двух монахов. Он был одет в дорогую пурпурную капю, очевидно подражая старому королю Гуго. Народ расступался перед ним, крестьяне снимали шапки.

— А вот и аббат Леруа собственной персоной, — заметил Шут.

Аббат подошёл к ним и вытер пот со лба цветастым платочком. Седые волосы придавали ему определённое величие, но крупный нос, пухлые щёки и толстые губы изрядно мешали этому.

— *Deus autem omnipotens benedicat tibi*, Виконт. Я не знал, что вы в Кардерлине.

— Приехали на ярмарку, монсеньор?

— Да, надо пополнить монастырские склады продуктами и вином.

— Я думал, вы сами производите вино?

— Это само собой. Вино для евхаристии и на продажу крестьянам у нас есть. Но я люблю себя побаловать хорошим вином. У меня здесь проверенные поставщики. С ними я должен сегодня встретиться.

Аббат оглянулся назад.

— И ещё одно дело привело меня сюда. Мне надо поговорить с Бертраном, начальником стражи. Вы не видели его?

— Кажется, я видел его в корчме, — сказал Лонгрин.

Аббат прошёл в корчму, Виконт с Лонгрином снова пошли смотреть оружейные лавки, а Шут с Артуром продолжили прогулку по площади.

Два монаха с кружками для подаяния обходили торговцев. Торговцы бросали монеты, а монахи осеняли их крестным знаменем.

— Вот хорошо устроились, — прокомментировал Шут. — Не сеют, не пашут, а денежку гребут. А попробуй не дай! Тебе же дороже выйдет. Аббат — человек злопамятный. В Кардерлине его вся управа побаивается.

Тут же они стали свидетелями этих слов. Аббат в сопровождении двух стражников подошёл к гадалке и зычным голосом стал отгонять простой народ от неё.

— Сказано в Библии: «Пусть не будет среди вас ни прорицателей, ни гадателей, ни предсказателей, ни колдунов, ни заклинателей, ни тех, кто обращается к мертвецам и духам, ни тех, кто взывает к мёртвым». Изыди, ведьма! — повернулся он к гадалке. Та не смотрела на него и как будто его не слышала.

Подошёл стражник и грубо потянул старуху за руку. Та вцепилась в ярмарочный столб и неожиданно сильно оттолкнула стражника, так что тот покатился кубарем.

— Ветер идёт с севера, — закричала старуха. — Холодный ветер разожжёт горячий огонь. Многие сегодня останутся без крова.

Подскочили уже два стражника, оторвали старуху от столба и поволокли с площади под свист и хохот зевак.

— Кажется, наша Кассандра попала в переплёт, — наблюдая это, сказал Шут. — Если уж аббат за неё взялся, то из Кардерлина её выгонят. Никто не захочет ссориться с аббатом.

Нагулявшись до усталости, вернулись в корчму, но Виконта там не обнаружили. Зато Шут опять заметил своего старого приятеля, который вместе с шумной компанией пьянствовал за длинным столом, и направился туда. Он уселся на свободное место, встреченный радостными возгласами. Артуру ничего не оставалось делать, как сесть рядом.

В корчме было шумно и душно. Пот стекал по лицам пьющей компании. Хороводил за столом Шут. Объектом насмешек он выбрал Петра, который видимо должен был отдуваться за сестру. После каждой шутки компания покатывалась от смеха. По красному лицу толстяка было видно, что он злится.

— Почему ты веришь своей сестре, а не мне — своему старому другу? — допытывался Шут. — Твоя сестра обманывает тебя.

— Ещё не родился такой человек, который сможет меня обмануть, — стукнул кулаком по столу Пётр.

— Любого человека можно обмануть, сказав ему приятную ложь, — поддразнивал Петра Шут.

— Только не меня. Вот скажи мне неправду, но так, чтоб я поверил.

— Спорим на десять деньё?

— По рукам! Говори!

— Ты умный человек.

— Но это правда!

— Поверил! — радостно взмахнул руками Шут. — Гони монеты!

Компания засмеялась.

— Дурак ты! — обиделся Пётр.

— Я — дурак по профессии, а ты — по призванию... Дураки бывают разные... Бывают дураки безнадёжные. А бывают дураки... надёжные. Каким ты хочешь быть?

Толстяк обиженно засопел. Шут насмешливо посмотрел на своего приятеля.

— А ты знаешь, почему толстяков не берут в рай?

— Почему? — насторожился тот.

— Ворота в рай узкие, толстяки не проходят. Зато в ад ворота широкие. Туда любая бочка пролезет, даже такая, как наш аббат.

Компания грохнула от смеха, а толстяк обиделся.

— Не обижайся, дружище, — похлопал его по плечу Шут. — Ты ещё не самый толстый, до аббата тебе далеко. Тот и в адских воротах застрянет. Апостолу Петру придётся дать ему хорошего пинка в зад.

Компания снова расхохоталась.

— Ты бы прикусил язык, — посоветовал, подошедший к столу, Лонгрин. — А то отрежут за такие речи.

— А что я такого сказал? — удивился Шут. — Все знают, аббат наш не дурак покушать. Монахи обедают после полуденной молитвы, а аббат всё остальное время дня. Не удивлюсь, если и ночью во сне он доедает всё, что не успел съесть днём.

— Я его спросил однажды, — продолжил Шут, — какого цвета у Бога глаза? Он удивился, но я настаивал: если мы созданы по образу и подобию Божьему, значит, у Бога есть глаза — какого цвета? Он разозлился и перестал со мной разговаривать.

— Вот пожалуется он на тебя графу, — пробурчал Лонгрин, — и выгонит тебя граф... Смеёшься над аббатом, а сам-то ты, когда последний раз был в церкви? Когда последний раз исповедовался? Грешник ты, а туда же — духовника критикуешь. Тебе как раз прямая дорога в Ад за такие речи.

Шут подмигнул своей компании.

— Слышал я от одного умного человека, кстати, священника, такую притчу. Двое пришли к воротам святого Петра: святоша и язычник. И первый был пущен в Ад, а второй — в Рай.

— «Господи, за что такая несправедливость?!» — возопил святоша.

— И услышал Голос: «Не по вере сужу, а по делам».

— Неважно, — продолжил Шут, — сколько раз ты зашёл в церковь, сколько поклонов положил, сколько свечек поставил, важно — сколько добрых и злых дел ты сделал за свою жизнь? Только это упадёт на весы.

— Что ты брешешь, — возмутился Лонгрин. — Не мог священник такого сказать. Церковь говорит, что язычники не попадут в рай.

— Церковь говорит, — согласился Шут. — А у Бога может быть собственное мнение.

Лонгрин покачал головой.

— Ох, приятель, рано или поздно доведёт тебя твой язык до беды.

— Если у меня есть выбор, — не смутился Шут, — рано или поздно, я выбираю — поздно.

Артур устал от шума и духоты. Он тихонько встал и вышел, решив прогуляться до дома по улице. Миновав шумную торговую площадь, он свернул на улочку, ведущую к их неказистому жилищу и далее к реке. Прохладный ветерок быстро освежил его голову и поднял настроение. Он шёл не торопясь, внимательно наблюдая текущую мимо него жизнь. Крестьяне везли сено на скрипучей телеге. Мальчишки гоняли скрученное из ивовых веток колесо. Молочница несла на коромысле вёдра с парным молоком. Корова, привязанная к забору, общипывала траву возле дома и неторопливо жевала её, отмахиваясь хвостом от мух.

— Как же это понять? — думал Артур. — Ведь для меня эти люди уже тысячу лет мертвы. И вот они снова живы. Как же это понять? Значит, смерти нет? «Все мы будем жить»

вечно, какими бы мёртвыми мы иногда ни казались». Идея небытия — ложная. Она возникает из-за того, что невидимое называется несуществующим. Пустота как следствие слепоты. Ничто не исчезает, никто не исчезает. Всё остаётся на своих местах. Прошлое скрывается от нас за поворотом, за холмом, остаётся за нашей спиной, но никуда не исчезает.

Шут вернулся, когда уже начало темнеть. Он принёс с собой копчёную рыбу и ломоть хлеба.

— Поешь, а то ты наверно голодный, — сказал он Артуру, поставив еду на стол.

— Разругался я с Петром, — рассказывал он, пока Артур ужинал. — И сам удивляюсь — чего я на него взъелся? Это я на Мартину разозлился — дала она мне сегодня от ворот поворот — вот и попало Петру за сестрёнку... А с другой стороны, не понимаю его — здоровенный парень, сидит сиднем в корчме, вино лакает, скоро пузо треснет... Ещё одна ошибка природы. Разве это человек? Это только попытка человека.

— У него старший брат был, — продолжил рассказ Шут. — Вот тот был дельный малый. Мы с ним победокурили изрядно в молодости. Но у него жена померла при родах, и дитё недолго прожило. Вот тогда он и сломался. Задумался человек о смерти, крепко задумался, а потом руки на себя наложил.

— Я ж с ним по душам разговаривал, — вспоминал Шут, — говорил ему — выбрось это из головы! Нет, загрустил человек, озаботился тайной смерти... Меня она тоже интересует, но я не столь нетерпелив, я подожду ответа. В конце концов, смерть — это всего лишь плата за жизнь. За всё надо платить. За жизнь платят смертью, за счастье платят болью. Ничего в этом мире не даётся даром. Но пока с тебя платы не требуют, зачем торопиться?

После ужина Артур достал из мешка Библию. Увидев, что Шут заинтересовался, протянул книгу ему. Шут осторожно взял её в руки и стал разглядывать и листать. Он цокал языком от восхищения и качал головой.

— Какая чудная книга! Какой тонкий папирус, и какой белоснежный! Много монастырских книг я держал в руках, но такой не видывал. Сейчас-то книги все на пергаменте — толстые и тяжёлые. А эту одной рукой можно держать. Только буквы какие-то мелкие, все глаза испортишь с такими буквами.

Он ещё раз посмотрел на обложку.

— Понятно, что это Библия... Крест константинопольский, хотя буквы не греческие. Загадка! На каком это языке написано?

— На русском.

Шут задумался, нахмурившись.

— Это где такие живут? Что-то я не слышал.

— Там... В Киевской Руси, — сказал Артур и махнул рукой куда-то вбок.

— Нет, не слышал, — покачал головой Шут и протянул книгу Артуру.

— Ну как это, не слышали, — с обидой сказал Артур. — Это нашему князю Владимиру константинопольский император свою сестру в жёны отдал.

— Вашему князю? — не понял Шут.

— Ну... королю нашему.

— А-а! — припомнил Шут. — Что-то мне Виконт такое рассказывал. Это где-то в Скифии. Так ты, стало быть, скиф? Надо же! Я их как-то иначе себе представлял. Хотя... Вот Анахарсис скиф — прославился мудростью, дружил с Солоном.

Артур уселся у окна с Библией в руках. В прорезь ставня дул прохладный ветер,

смешанный с каким-то странным шумом, и струился лунный свет — серебристо-красный. Нахмурившись, Шут стал выговаривать Артуру:

— Не порть глаза. Как ты можешь читать такие мелкие буквы в темноте?

— Ничего, я вижу. Луна яркая, да ещё какой-то красный фонарь горит.

— Какой красный фонарь? Что за бред!

Шут распахнул ставень и выглянул в окно.

— Мать Божья! Да ведь это мы горим!.. Хватай вещи, бежим на улицу!

Впопыхах схватив свои вещи, выбежали на улицу и побежали в сторону разгоравшегося под сильным ветром огня. Полыхало уже с десятков домов. По дороге метались люди. Воздух резали людские крики и ржание лошадей. Со стороны ярмарочной площади доносился звон колокола. Яркие языки пламени освещали дорогу, дома и лица людей. Безумная женщина хватала пробегающих за руки.

— Дочка! Моя дочка осталась в доме. Помогите, люди добрые!

Шут бросил наплечный мешок, выхватил у бегущего мимо ведро с водой. Одним движением вылил воду себе на голову. Отшвырнул ведро и бросился в горящий дом. Артур замер, уставившись туда, где огонь уже грозил обрушить кровлю. Прошло всего несколько секунд, показавшихся вечностью, и Шут выскочил из пламени, прижимая к груди девочку. Отдав её бросившейся к нему женщине, он отвернулся и надрывно закашлялся.

— Заглянул в гости в пекло... — попытался пошутить. — Мне там не понравилось... Слишком жарко и дымно.

Отдышавшись и откашлявшись, он подошёл к женщине с девочкой. Она прижимала к себе девочку, покрывая голову её поцелуями. Артур узнал Марию, с которой он разговаривал утром. Шут погладил девочку по голове. Женщина бросилась целовать ему руки, но он отдёргнул их.

— Спасибо добрый человек! Молиться буду за вас всю жизнь. Имя своё скажите.

— Не надо, не надо за меня молиться. Молись за всех нас, грешных.

Шут повернулся к Артуру и указал рукой.

— Смотри! Огонь перекинулся на наш дом. Отвяжи лошадей и отведи их к реке.

Артур бросился выполнять приказание.

Потом ещё где-то час они бегали вдоль горящих домов, передавая из рук в руки ведра с водой, которую черпали из речки. На счастье, ветер затих, и огонь удалось остановить. Но два десятка домов сгорели и догорали.

Перемазанный копотью, Шут подошёл к Артуру.

— Пойдём за лошадьми, потом поищем наших. Тут уже нечего делать, — сказал он, глядя, как догорает дом, из которого они недавно выбежали.

Сев на лошадей, они поехали по дымным улицам вглубь городка.

На ярмарочной площади они наткнулись на Лонгрин. Лонгрин оглядел Шута подозрительно.

— Ты чего мокрый, купался что ли?

— Ага! — бодро сказал Шут, подмигнув Артуру. — Спасался от пламени адского в речке.

— От пламени адского тебя и речка не спасёт, — пробурчал Лонгрин.

Он махнул рукой кому-то и вскоре подошли Винтер с Дироном.

— Где Виконт? — спросил Лонгрин.

— Мы увели его в корчму. Он обжёт руку, пытаюсь тушить пожар.

— Почему вы не с ним?

— Он отослал нас на помощь жителям. Но теперь уже всё кончено. Что могли потушить, потушили. Повезло, что ветер утих, иначе было бы худо.

— Пойдёмте к Виконту! — приказал Лонгрин.

В корчме было многолюдно. Все горячо обсуждали пожар и его причины.

— Говорю тебе, — кричал меднорожий мужик, — это старая ведьма накликала пожар. Слышал, что она говорила днём на площади? Может быть, она сама и подожгла. Её саму надо на костёр. Вот увидишь, гореть ей в огне и здесь, и в аду!

Свита Виконта поднялась по скрипучей лестнице наверх, к гостевым комнатам. Артур пошёл следом.

В комнате Виконта сидело несколько человек. Хозяин корчмы рассказывал — как он ловко боролся с огнём, отстаивая своё имущество. Дочь хозяина меняла повязку на руке Виконта.

Артур почувствовал усталость от всех событий и шума. Заметив это, Шут взял его под локоть, отвёл в соседнюю комнату и указал на кровать.

— Ложись здесь и постарайся заснуть.

Последнее было лишним. Едва коснувшись головой подушки, Артур провалился в глубокий сон.

После столь бурной ночи Артур проспал до обеда. Проснувшись, он увидел, что Шута в комнате нет. За окном, на улице, кого-то распекал Лонгрин. Открыв ставни, Артур зажмурился от солнечного света. Вчерашней непогоды как не бывало. Только стало чуть-чуть прохладней.

Умывшись, он позавтракал тем, что обнаружил на столе, и вышел из дома.

— Вы не видели Шута? — спросил он Лонгрин.

— На речке он. Рыбу с Виконтом ловят, — хмуро бросил Лонгрин.

Артур отвязал свою лошадь и поехал неторопливой трусцой в сторону реки. После вчерашнего пожара дымились развалины сгоревших домов, возле которых бродили потерянно люди, собирая уцелевшую утварь и посуду.

На полпути он встретил возвращавшихся верхом с рыбалки Шута и Виконта. Виконт держал удочки, Шут — суму с уловом. Артур присоединился к ним.

— Добрый день, молодой человек, — улыбнулся Виконт. — Вы проспали замечательную рыбалку.

Шут вытащил из сумы среднего размера шуку, предъявил Артуру, и, разжав пальцы, бросил её обратно.

— Остальное — окуньки. Карпов в такой речушке не бывает, — с сожалением сказал он.

Пока в корчме готовилась уха, Артур с Шутом гуляли по ярмарочной площади.

— Ты чего такой кислый? Держи хвост трубой!

— Мне стыдно, что вы, а не я, бросились в огонь.

— Не бери в голову. У меня просто лучше реакция и больше опыта. Это не первый пожар, на котором я был. Эти домики, крытые сеном и соломой, горят каждый год.

На площади было по-прежнему оживлённо и многолюдно. Все разговоры крутились вокруг ночного пожара. Почти все обвиняли гадалку, расходились только во мнении — накликала она пожар или сама разожгла?

Посреди площади двое стражников расчищали площадку, грубо отталкивая всех, кто

подвернулся под руку. Притащили большое, дубовое кресло и поставили в центре.

— Вон она, вон она! Ведут! — закричали мальчишки.

В самом деле, четверо стражников вели задержанную гадалку. Следом, гордо задрав двойной подбородок, в окружении слуг, поглядывая по сторонам, шагал аббат. Замыкал шествие начальник стражи Бертран.

Гадалку привязали к рыночному столбу, аббат плюхнулся в кресло. Стражники встали по периметру, оттесняя народ.

— Волею графа де Блуа, данной мне властью, объявляю суд над преступной гадалкой. Как твоё имя, женщина? — обратился он к гадалке.

Старуха смотрела на аббата исподлобья и что-то бормотала себе под нос.

— Говори громче! — рассердился аббат. — Как тебя зовут?

— Это Года из Манса, — наклонившись к аббату, сказал начальник стражи. — Она каждую ярмарку посещает. В прошлом году тоже безобразия устроила — всякие бредни рассказывала, народ смущала. До драки со стражей дело дошло.

— Слушай, женщина! — обратился опять аббат к старухе. — Ты обвиняешься в колдовстве, богопротивном и преступном, ты обвиняешься в поджоге и в пожаре, которые спалил десятки домов. Только милостью святого Мартина, нашего заступника, удалось избежать человеческих жертв. Что ты можешь сказать на это обвинение?

Старуха продолжала что-то бормотать. Казалось, она не отдаёт себе отчёта — где находится и что происходит? В толпе раздались смешки и хихиканье. Аббат рассердился уже не на шутку и оглянулся на начальника стражи.

— Прикажите хлестнуть её плёткой. Пусть поймёт наконец, что на мои вопросы надо отвечать громко и чётко.

Бертран кивнул стражникам и один из них несильно хлестнул старуху по ногам. Она вздрогнула и неожиданно завопила.

— Ах, ты, толстый боров! Гореть тебе в аду, что приказываешь бить невинную женщину. Десять чертей запрягают в повозку, большая честь для большого человека. Ждёт тебя адский котёл с кипящей смолой. Дрова горят весело — где он, где он, наш любезный аббат? Всё уже готово, чтобы вытопить из него жир... Развяжите меня! Развяжите, сто чертей вам в глотку!

Толпа захохотала, аббат нахмурился.

— Вздорная баба, отвечай на мой вопрос — ты призвала огонь на наш город, ты подожгла дома своим мерзким колдовством?

— Не обвиняй меня в колдовстве. Я говорю то, что вижу. Это дар от Бога. Я увидела огонь, прежде чем он разгорелся.

— Дар от Бога, говоришь? А, может быть, от дьявола? Сказано в Библии — гони прорицателей и гадалок. Покайся в своих грехах, признай свою вину, и я ограничу наказание позорной ямой и последующим изгнанием из Кардерлина. Если же будешь отречься и упорствовать в грехе, я прикажу тебя сжечь на площади — в назидание всем таким же, как ты, безумцам, погрязшим в своих грехах.

— Сжечь? Меня? — старуха дёрнулась так, что верёвки затрещали. — Руки короткие! Это меня защищает святой Мартин, это мне он подсказывает будущее. Знаю я свой конец, и это не костёр. Но огонь я вижу. Вижу адский огонь, который ожидает тебя — старый обжора и бабник... Сжечь меня! Врёшь, толстый боров! Я законы знаю. Ты оскорбил меня, назвав колдуньей. По салическому закону ты должен мне уплатить 63 солида за недоказанное

оскорбление.

— Недоказанное?! — взревел покрасневший аббат. — Да какие ещё доказательства нужны, если весь народ слышал, как ты призывала огонь на их дома! Ах ты, грязная мерзавка! Ты ещё смеешь мне угрожать!

Аббат встал и в гневе стукнул посохом по земле.

— Так слушай мой приговор. Завтра на этой площади ты будешь сожжена за свои грехи, и тогда все поймут, что ты лживая «бредунья», дурачившая людям головы. Ты накликала пожар на город, и огонь сожрёт тебя. Да будет так! Аминь.

Аббат оглянулся на начальника стражи.

— Бертран, исполните завтра на этой площади мой приговор, а пока бросьте эту грязную ведьму в яму.

Начальник стражи почтительно склонил голову, и аббат проследовал в окружении слуг обратно в корчму. Стражники отвязали старуху от столба, и погнали на край площади, где находилась позорная яма.

Артур и Шут вернулись в харчевню, пообедали ухой, запили вином и снова вышли на площадь. Солнце было в зените, на ярмарке было не протолкнуться.

— Пойдём, я куплю что-нибудь своей любезной Мартиночке, — сказал Шут. — Надо её задобрить. Вечерком схожу её навестить.

Они прошли до торговых рядов, где продавались ткани, иголки, нитки, разная галантерея и косметика. Наблюдая молодящуюся пожилую женщину, втирающую себе крем в лицо, Шут сказал:

— В своей нелёгкой борьбе со временем женщины одерживают временные победы и постоянные поражения.

Тем не менее, он купил коробочку с кремом, который назывался «индийский бальзам», и попросил продавца завязать её красивым бантиком. Сунув попку в карман, подмигнул Артуру.

— Скажу ей, что привёз этот бальзам специально для неё из Парижа.

— Чего мелочиться? — посмеялся Артур. — Скажите, что вам его прислал из самой Индии ваш знакомый индийский магараджа.

— Нет, — засомневался Шут, — она женщина неглупая, в это она не поверит.

В самом конце площади, возле каменной стены местной тюрьмы, находилась позорная яма. Сюда помещали пойманных воришек и должников. Сейчас там сидела старая гадалка. Народ толпился у края ржавой решётки, накрывавшей позорную яму. Кто-то смеялся, кто-то сочувствовал. Мальчишки кидали мелкие камешки сквозь прутья решётки и бурно радовались, когда камешек достигал цели.

Грязный бродяга в каких-то немыслимых лохмотьях, стоя над ямой, насмехался над старухой.

— Что, старая — готова поджариться на костре?

— Чему радуешься? — одёрнул его Шут. — Завтра и тебя может ждать то же самое.

Бродяга обернулся к нему и ослабил:

— Если нет своих радостей, почему бы не порадоваться чужому горю?

Отойдя от ямы, Артур оглядел здание тюрьмы. Двухэтажное строение причудливой формы из тёмного кирпича, с маленькими зарешёченными окошками, соседствовало странным образом с колокольной, где висел один колокол, звук которого, видимо, они слышали при пожаре. Мрачное здание внушало и подавляло, особенно по контрасту с

разноцветной бурлящей площадью и низенькими домишками вокруг неё.

— Много ли там сидельцев? — задумался вслух Артур.

— Нет, сейчас немного, — откликнулся Шут. — Вот когда были голодные бунты, тюрьма была забита битком.

— Поначалу ведь строили церковь, — поделился он. — Но, когда недостроенная церковь сгорела, решили, что это дурной знак, и переделали её в тюрьму.

Шут лукаво улыбнулся и развёл руками.

— Какой-то злой рок преследует людей — вроде строят храм, а выходит тюрьма.

— Что же в городке нет церкви?

— Есть небольшая в другой стороне. А так по церковным праздникам и в воскресенье ездят в монастырскую церковь. Она здесь недалеко.

Оставив Артура, Шут отправился к своей «любезной». Артур на лошади проехался до речки и искупался, несмотря на то, что время уже было закатное.

Выйдя из воды и попрыгав, чтобы согреться, он натянул свою одежду и подошёл к лошади.

— Как же мне тебя назвать? — он погладил её по холке.

Лошадь фыркнула и посмотрела вверх. Артур тоже посмотрел вверх и заметил первую вечернюю звезду.

— Арктур! — обрадовался он и посмотрел на лошадь. — Это моя звезда! — объяснил он ей. — Только на одну букву отличается... Давай-ка, я назову тебя Звёздочка! Вон у тебя и белое пятно на лбу есть! Ты как — не против?

Лошадь ещё раз фыркнула, что Артур оценил, как знак согласия.

Поздним вечером Артур прогуливался по площади, сбежав из душной и шумной корчмы, где Шут балагурил с товарками за кружкой вина. Он вернулся от своей «любезной» быстро и был малость не в духе. Впрочем, долго печалиться он не умел, благодаря счастливому свойству характера. Поэтому быстро нашёл разбитных девиц и угостил их вином. Артур улучил минуту, чтобы сбежать. На душе у него цвела грусть.

Погоуляв немного по опустевшей ярмарке, он направился к тюремному зданию. У дверей тюрьмы сидел солдат с алебардой. Ему было скучно, и по тем взглядам, которые он бросал через площадь, в сторону корчмы, было ясно, что он хотел бы сидеть там. До тюрьмы доносилось нестройное пение подвыпившей компании, и солдат тяжело вздыхал, проклиная свою службу.

Артур прошёлся мимо него, украдкой бросая взгляд в его сторону. Солдат не обратил на него внимания, погружённый в свои невесёлые мысли.

— Хорошо бы его отвлечь, — подумал Артур. — Может быть, я сумею поднять решётку и выпустить гадалку.

Решившись действовать, он направился в корчму и через минуту вышел оттуда с Шутом.

— Объясни толком — чего ты хочешь? — недоумевал Шут.

— Там сидит один солдат, всего один! Уговорите его пойти в корчму, предложите ему выпивку, а я тем временем выпущу гадалку.

— Далась тебе эта гадалка! Что она тебе — родственница что ли?

— Неужели вам её не жаль, неужели мы завтра будем наблюдать её мучения на костре? Я себе не прощу этого!

Кое-как он уговорил Шута, и тот пошёл через площадь к тюрьме. Артур незаметно приблизился тоже и встал за каким-то деревянным щитом, откуда он мог наблюдать. Шут

присел на лавочку рядом с солдатом и заговорил с ним. Говорили они минут десять. Артур уже начал терять терпение. Наконец они поднялись и пошли через площадь к корчме. Проследив за ними и убедившись, что они зашли в корчму, Артур быстрым шагом пошёл к позорной яме. Ночной полумрак освещала луна и факел на стене тюрьмы. Артур наклонился к решётке и позвал:

— Года! Вы меня слышите?

Он увидел, как старуха зашевелилась и подняла голову.

— Я вас вытащу отсюда! Помогите мне поднять решётку.

Он взялся за прутья решётки и с силой потянул её к себе. Старуха встала и вытянула руки вверх. Но она не достала решётку, а Артур понял, что он один не осилит.

— Что же делать?

Он лихорадочно стал оглядываться вокруг и его осенило. Подбежав к ближайшему торговому ряду, он с усилием выдернул длинную доску и побежал обратно. Кое-как подсунув доску под решётку, он стал действовать ей, как рычагом. Постепенно, рывками, он сдвигал решётку вбок. Наконец получилось отверстие, достаточное для того, чтобы там пролез человек. Свесившись по пояс в дыру, Артур протянул руку гадалке, и она схватилась за неё. Стиснув зубы, Артур тащил старуху вверх и понимал, что он её не поднимет. И вдруг кто-то сзади обхватил его за пояс и потащил. Артур от испуга разжал руку, но старуха вцепилась в неё уже мёртвой хваткой. С хрипом и стоном она вылезала из ямы и наконец повалилась на землю. Артур привстал на колени и услышал голос Шута:

— Берём старуху под руки и бежим отсюда.

Вдвоём они потащили старуху прочь. Она охала и стонала, но кое-как перебирала ногами. Через пять минут они пересекли площадь и все трое рухнули в канаву у дороги, чтобы передохнуть. Отдышавшись чуть-чуть, продолжили путь и остановились уже у окраины городка.

— Всё! Хорош! Я уже выдохся, — бросил Шут. — Бабуля! Ты как там — жива?

Старуха моргала глазами и тяжело дышала. Вдвоём они подняли её на ноги, и Шут показал рукой:

— Иди туда и не возвращайся в Кардерлин. Здесь тебя ничего хорошего не ждёт.

Посмотрев, как старуха ковыляет по дороге из городка, они развернулись и пошли обратно.

— Ну и задал ты мне работёнку! — бранил Артура Шут. — Много в моей жизни бывало, но старух я ещё на себе не таскал. И ведь какая тяжёлая, зараза! Я думал, что сдохну, пока вас тянул.

— А я думал, что вы меня разорвёте пополам! — смеялся Артур. — С одной стороны вы тащите, с другой стороны старуха висит.

Они вернулись на площадь, убедились, что пока всё спокойно, пропажу не обнаружили, и пошли в корчму.

Солдат уже спал за столом, алебарда стояла возле него у стены. Несколько поздних гуляк ещё пьянствовали в дальнем углу. Артур с Шутом поднялись по лестнице и прошли в свою комнату.

Затворив за собой дверь, Артур расстроено сказал:

— А солдата мы подвели. Ему теперь из-за нас попадёт.

— Ну, извини! — возмутился Шут, зажигая свечу. — Ты хочешь приготовить яичницу, не разбив яиц... И потом — это была твоя идея!

— Да! — стоически согласился Артур.

— Ничего ему не будет, — успокоил Шут. — Всыпят десяток горячих по спине, так для солдата — это дело привычное.

— А он не выдаст вас? — заволновался Артур.

— Не думаю... Я его так напоил, что он вряд ли вообще что-нибудь вспомнит.

Разбудили Артура утром громкие голоса.

— Что значит — не нашли?! Прочесать всё в округе на десять лье! Обойти в городке все дома!

Испуганный голос отвечал что-то сбивчивое, и следом неслись разъярённые вопли:

— Если до вечера не найдёшь старуху, я тебя выпорю вместе с этим пьянчугой. Ты меня понял? Бери десять солдат, и чтоб к вечеру она сидела в яме. Пошёл вон!

Разъярённый голос, как понял Артур, принадлежал Бертрану — начальнику городской стражи. Шут поднял голову, проснувшись.

— Что там за шум?

Артур вскочил с кровати и, опасливо глядя на дверь, рассказал Шуту, что ищут старуху.

— Пусть ищут. Если не дура, она уже далеко.

Он повернулся и снова заснул.

Бертран всё-таки вызвал Шута на допрос, который происходил в комнате хозяина корчмы.

— Вас видели за столом с этим солдатом. Вы угощали его вином.

— Разве это преступление? — удивился Шут. — Я увидел его во дворе корчмы и предложил ему выпить со мной за компанию. Я не знал, что он на службе. Я просто щедрый человек. Хотите, я и вас угощу?

— Оставьте шутки, шевалье Буффон. Дело нешуточное. Здесь задета моя честь. Аббат Леруа пригрозил, что не оставит это без последствий. Я не хочу быть крайним.

— Как я вас понимаю! Я тоже не хочу быть крайним.

— Я должен буду сообщить об этом происшествии графу.

Бертран встал из-за стола. Виконт подошёл к нему и взял его за руку.

— Зачем вам это, Бертран? — сказал он ему вкрадчиво. — Поверьте мне, рыночные гадалки — это не то, что интересуется графа Тибо. Вы поставите себя в неловкое положение. Давайте, закончим это недоразумение.

Он незаметно положил небольшой мешочек с монетами в карман куртки Бертрана. Незаметно для всех, кроме, разумеется, самого Бертрана. Разумные доводы Виконта закрыли дело, оставив недовольным только аббата Леруа.

— Мы едем на охоту в ближний лес, — сообщил Шуту Виконт, когда они завтракали в корчме. — Погоняем зайцев, а может и лису выманит. Вернёмся к вечеру.

Шут на мгновение задумался и сказал умоляюще, прижав руку к груди:

— Виконт, моя лиса живёт в Кардерлине. Разрешите мне остаться здесь.

Виконт нахмурился, но потом засмеялся.

— Это та проворная бабёнка? Мартина, кажется? Ну, бог с тобой. Лови свою лису за хвост.

Через полчаса Виконт в компании с Лонгрином, Дироном и Винтером поскакали в лес, а Шут обернулся к Артуру.

— Ты мог бы поехать с ними.

Артур покачал головой. Ему было комфортнее в компании Шута, а с Виконтом он

чувствовал некую скованность, хотя тот был почти что его ровесник, старше всего на несколько лет.

Шут отправился ловить «лису» за хвост. Артур решил прогуляться по ярмарке в слабой надежде встретить того, кто забросил его в этот мир, в это время.

Шумная толпа людей текла по площади. Говорливая и крикливая, она казалась хаосом, олицетворением броуновского движения, но, если подняться вместе с птицами ввысь, думал Артур, толпа покажется единым живым организмом.

Грустная рыжая собака лежала под мясной лавкой. Возле неё валялась обглоданная косточка. Артур присел и осторожно погладил собаку. Собака покосилась на него взглядом, не поднимая головы.

— Купите ромашки, — услышал он из-за спины и обернулся.

Молоденькая девчонка, лет пятнадцати, с венком из полевых ромашек на голове стояла напротив него с корзинкой цветов.

— Свежие, только утром сорвала, — улыбнулась она Артуру.

— Спасибо, — рассеянно посмотрел на неё Артур, — но мне не надо.

— Надо, надо! — настаивала девчонка. — Вы такой грустный, а цветы вам настроение поднимут. Вы понюхайте — какой аромат! — она поднесла свою корзинку к его лицу.

Артур невольно улыбнулся и встал.

— Да что я с ними буду делать?

— Дома поставите на окошко — сразу жизнь веселее станет.

— Да у меня и дома нет, — опять загрустил Артур.

— У всех есть дом, — удивилась девчушка. — Даже у собаки есть конура.

— А у меня нет, — как открытие для себя, констатировал Артур.

— Вы наверно приехали издалека? — продолжила разговор словоохотливая девчушка.

— Это точно, — кивнул Артур. — Из очень далёкого далека. Но и там у меня нет дома.

— А где же вы живёте? — недоумевала девчонка.

— Весь мир мой дом, — попробовал пофилософствовать Артур, но это вышло неубедительно.

— Вы не похожи на бродягу, — покачала головой девчонка. — Я бродяг много видела. Наш дом у дороги, каждый день к нам заходят путники — кто напиться, а кто переночевать. Такие интересные, бывает, истории рассказывают — заслушаешься!

Артур рассматривал её лицо, молодое и в то же время обветренное, слегка конопатое от веснушек.

— Один человек рассказал мне, — продолжала девчонка, — что есть страна, где люди дышат улыбками.

— Как это? — удивился Артур.

— Чтобы сделать вдох, им надо улыбнуться. Так у них голова устроена. Вот они и улыбаются всю жизнь! Даже во сне.

Артур засмеялся, девчонка тоже. Он купил у неё букет ромашек за медный обол и помахал на прощанье рукой. Потом ещё долго, блуждая по площади, вдыхал полевой аромат и невольно улыбался, вспоминая забавную девчонку.

Устав гулять в толпе, он отправился на речушку. Искупавшись, сел на берегу, и, рассеянно глядя на текущую воду, думал о загадке времени.

— Чтобы я сейчас не делал, всё может иметь непредсказуемые последствия, всё может изменить будущее. Например, я предупредил Виконта о нападении, и Виконт с Шутом

возможно, благодаря мне, избежали смерти. Но тогда это уже иной мир, и его различия с тем миром, откуда я прибыл, станут множиться в геометрической прогрессии. Так что, вернувшись в своё время, я уже не узнаю его, оно неминуемо будет другим. Значит, мой мир уже для меня потерян? Я не могу этого понять.

Так прошло два часа. Он почувствовал голод и, поднявшись, пошёл обратно в городок. Зайдя в корчму, он сразу увидел Шута. Тот сидел за столом, беседуя с Петром. Увидев Артура, он махнул ему рукой. Артур подошёл и сел рядом.

— Что-нибудь выпьешь? — спросил Шут.

— Я бы сначала пообедал, — ответил Артур, и Шут пододвинул к нему тарелку с мясом и хлеб.

— Так вот я тебе говорю, — продолжил Шут разговор с Петром. — Что ты сидишь на шее сестры и ножки свесил? Она женщина молодая, работает и швеёй, и прачкой, а ты только пьёшь вино по кабакам, да штаны просиживаешь до дыр! Твой отец был хорошим плотником, вся мебель в доме его руками сделана. В кого ты такой увалень?!

Пётр сидел багровый, сжимая в кулаке кружку с вином, и пытался что-то возразить, но Шут не давал ему вставить слова.

— Ну ладно по молодости, я сам с твоим братом пропадал в кабаках, но тебе уже тридцать лет! Так и будешь сидеть у сестры на шее? Найди себе дело наконец!

— Ты же знаешь, — наконец прорвало Петра, — что я искал работу. Нету в Кардерлине работы. Что мне в поле идти пахать? Дураков нет.

— Дураки есть, — с сожалением глядя на Петра, сказал Шут. — Хочешь увидеть одного — посмотри в зеркало.

Пётр насупился и уставился в стол.

— Вон дома после пожара люди отстраивают, — продолжил Шут. — Пошёл бы и нанялся в работники. Силы у тебя немерено. Брёвна таскать, да топором стучать можешь. Или в солдаты пойдешь что ли. Всё лучше, чем до старости у сестры в приживалах числиться.

Вечером вернулся Виконт со своими спутниками. Похвалился Шуту рыжей лисой, держа её за пушистый хвост.

— Подстрелил одной стрелой! — похвастался он.

Кроме того, охотники привезли трёх зайцев. Вся добыча немедленно отправилась на кухню, и через час в корчме состоялось пиршество, с вином и музыкантами.

— Зайчатину я уже пробовал, — сказал Шут, — а вот лисятину не доводилось.

— Ты немного потерял, — посмеялся Виконт. — Подстрелить лису для охотника дело славное, а вот есть её можно только из принципа — не выкидывать же!

— Всё зависит от того, как её приготовить, — заметил Лонгрин, — а, точнее, — кто будет готовить? У меня был повар-грек, так тот однажды подстреленного мной волка так приготовил, что пальчики оближешь. Из гостей никто не поверил, когда я сказал — что они только что съели.

Музыканты заиграли что-то весёлое, за соседним столом торговки и солдаты затянули хором песню. Одурев от шумного веселья, Артур улучил момент и вышел на площадь.

Почти полная луна сияла над городком, мерцали звёзды, ветерок гонял по опустевшей площади солому и лай собак. Артур прогулялся до речки, сел на берегу, прислонившись к дереву, и закрыл глаза, слушая ветер в листве и шелест воды. Шорох сухой листвы заставил его открыть глаза. Маленькая бродячая собака подошла к нему, заглядывая в глаза и виляя хвостом. Артур пожалел, что не взял в корчме лопот хлеба.

— Мне нечего тебе дать, — сказал он собаке. — Я сам в этом мире бродяга, как ты.

Он протянул руку, но собака отпрянула и побежала прочь, вдоль берега речки. Артур вздохнул и снова закрыл глаза.

Через полчаса он продрог, поднялся и пошёл, не торопясь, обратно. Веселье в корчме всё ещё продолжалось, но Артур сразу свернул на лестницу и пошёл в комнату. Лёг на кровать и уснул, как только прикоснулся головой к подушке.

Утром Шут сказал Артуру:

— Виконт проверил свои карманы и обнаружил в них дыру. Деньги кончились, и он решил заехать в монастырь. Аббат занимал у него кругленькую сумму. Только сомневаюсь я, что он отдаст. Этот аббат — большой проныра и, между нами говоря, безбожник.

— Как это возможно?!

— А вот так! Он не священник, он мирской человек. Монастырь принадлежит графу де Блуа, а не епископу, и аббата назначает граф из своих доверенных людей.

— Большая шельма, наш аббат! — лукаво улыбнулся Шут. — Совратил молоденькую мирянку прямо на исповеди, а когда она от него понесла и родила, отдал ребёнка в монастырский приют. И на всё у него отговорки есть. Как он мне говорил — он не любит детей, потому что первым ребёнком был Каин.

Рассчитавшись с хозяином корчмы, они выехали из Кардерлина в сторону монастыря. Виконт с Лонгрином ехали впереди. Затем скакали Дирон с Винтером. Шут с Артуром замыкали процессию. Остальных своих слуг Виконт отправил в графский замок.

Дорога шла сначала среди полей. Затем потянулись лесистые места. Переехав маленькую речку вброд, стали подниматься на холм. На вершине холма остановились на привал. Отсюда уже был виден монастырь, точнее — купол монастырской церкви с крестом.

Немного перекусив и отдохнув, продолжили путь. Через полчаса подъехали к монастырским воротам. Монахи торопились в церковь, начиналась дневная служба. Спешившись с лошадёй, путники тоже проследовали туда.

Под пение псалмов Аббат взошёл на кафедру, так что половицы закрипели, и началась дневная ординарная месса. Всё было торжественно и чинно, но без огонька. Аббат вёл службу буднично, бубнил себе под нос что-то маловразумительное и еле слышное. Прочитав «Confiteor» с положенным «*mea culpa*», перешёл сразу к чтению Евангелия от Матфея.

Пока аббат служил мессу, Артур осматривал убранство церкви и монахов. Наконец раздалось троекратное «*Agnus Dei, qui tollis peccata mundis, miserere nobis*» и все пошли к причастию. После этого снова уселись и дослушали литургию до конца, до «*Ite, missa est*».

Выходя из церкви, Лонгрин небрежно перекрестился и сказал Виконту:

— Не люблю монахов. Им некогда жить — они думают о смерти... Вот увидите, Виконт, денег он вам не даст. Зря мы сюда приехали. Надо было вызвать его к графу и там, при свидетелях, потребовать с него долг.

Аббат вышел к ним, когда в монастырские ворота въехала крытая повозка с парой лошадей. Бегло перекрестив Виконта, аббат подбежал к повозке, из которой уже вылезал седой священник в богатом епископском одеянии. Как потом выяснилось, это был папский легат, заехавший в монастырь по пути в Париж.

Легат сказал аббату:

— *Laudetur Jesus Christus!*

— *In sæcula sæculorum! Amen!* — поторопился с ответом аббат и поцеловал протянутую ему руку.

— Я к вам ненадолго. Переночую и завтра отправлюсь в Париж. Я везу письмо королю Роберту от его святейшества папы Сильвестра Второго... Пришлось сделать крюк, заехать в Тур. У меня там были неотложные дела. Но завтра продолжу путь и через два дня буду у короля Роберта.

После затянувшегося до вечера обеда, во время которого аббат выспрашивал у легата все римские новости, а Виконт заметно скучал, аббат подошёл к Виконту.

— Диакон покажет вам ваши жилые комнаты. Отдыхайте, а мне разрешите удалиться. Мне ещё надо о многом расспросить Легата.

Виконт поклонился, но руки целовать не стал. По нему было видно, что он не в духе. Из чего Артур понял, что денег Виконту аббат не дал.

Диакон провёл их в гостевой дом. Виконту с Лонгрином досталась большая комната. Винтер с Дироном заняли среднюю, а Шут с Артуром довольствовались малой. В небольшой комнате стояли две кровати, стол и два стула. В углу притулилась небольшая печурка, в которой потрескивали дрова. Труба от печурки уходила в потолок. В комнате было тепло и даже жарко. На столе горела свеча в подсвечнике, создавая лёгкий полумрак, располагающий к отдыху.

Шут бросил на пол свой заплечный мешок, снял сапоги и плюхнулся на кровать.

— А хорошо живут монахи! На такой перине можно проспать до второго пришествия.

— Это комнаты для гостей, — сказал Артур. — У монахов кельи наверно поскромнее.

Артур разделся и тоже с удовольствием лёг на вторую кровать, глядя в потолок, где трепетали отсветы от пламени свечи и печурки. Всё тело его ныло от долгой поездки верхом, но это была приятная усталость.

— Накормили, напоили и спать уложили, — зевнул Шут. — Чего ещё желать?.. Не хочется вставать, но надо раздеться.

Он ещё долго возился, снимая и раскладывая одежду, а Артур уже заснул сном младенца. И приснился ему странный сон.

Он увидел себя во дворе Замка тёмной ночью. На столе возле «Мыслителя» горит свеча в подсвечнике, за столом сидит Мерлин и, хмуря седые брови, старательно выводит что-то на клочке бумаги. Артуру не видно — что он пишет? — но он понимает, что там каллиграфическим почерком, без всякой пунктуации, написаны два слова: «Артур вернись».

Артур улыбается во сне, но потом улыбка исчезает, и лицо его становится напряжённым. Губы что-то шепчут беззвучно. Ему снится церковный амвон. Он стоит на коленях перед образом и с ужасом понимает, что не знает ни одной молитвы. Он вспоминает историю про одного старика, который, забыв слова молитвы, стал читать алфавит, надеясь, что милостивый Бог сам расставит все буквы в правильном порядке.

Утреннее солнце, заглянувшее к ним через окно, разбудило Артура. Шут ещё спал, когда он поднялся, оделся и вышел в коридор, чтобы умыться.

На выходе из гостевого дома он встретил Виконта. Тот уже возвращался после умывания.

— Доброе утро, Артур! — Виконт сегодня был явно веселей вчерашнего.

— Доброе утро! — улыбнулся Артур.

Умывшись во дворе, он вернулся в комнату. Шут всё ещё спал. Артур прилёг на кровать и достал из ниши Библию. Открыл её на случайном месте и прочитал:

— «Что за сила у меня, чтобы надеяться мне? И какой конец, чтобы длить мне жизнь мою? Твёрдость ли камней твёрдость моя? И медь ли плоть моя? Есть ли во мне помощь для

меня, и есть ли для меня какая опора?»

Он понял, что это книга Иова и задумался.

Шут пошевелился, вздохнул, потянулся и открыл глаза. Повернув голову, спросил:

— Что читаешь?

— Книгу Иова.

— Это премудрость и утешение для стариков. Молодым надо читать «Песню Соломона».

— Я случайно открыл Библию на этой книге.

Шут приподнялся в кровати и сладко зевнул, потягиваясь.

— Я в молодости гадал на Библии. Но в монастыре меня за это били посохом по рукам.

— Вы были в монастыре? — удивился Артур. — Монахом?

— Послушником, — ответил Шут. — Мальчиком на побегушках.

Он слез с кровати и стал одеваться.

— Кем я только не был! Пока не поступил на службу графу Эду. И в монастыре псалтирь зубрил, и с рыбаками по морю плавал, и в Бретани воевал — есть что вспомнить!

— Что это у вас на шее висит? — удивился Артур. — Медальон?

— Это? — Шут взял в руку серый кругляшок на тонком шнурке и протёр его рукой. — Амулет. Достался мне от отца. Серебряный денье Карла Великого.

— А крестик вы не носите?

— Ты прям как наш аббат! — рассердился Шут. — Это он мне такие пощёлки делал. А я ему под нос сунул, могу и тебе показать.

Он снял с шеи и показал Артуру реверс монеты.

— Видишь крест? Вот то-то же. Так что у меня это — два в одном — и амулет, и крестик.

Он вернул амулет на шею и стал надевать рубаху.

За завтраком Легат обернулся к Виконту.

— Я приехал из Тура, по пути заехал в аббатство Мармутье — помолился у гробницы вашего приёмного отца.

Виконт благодарно склонил голову.

— Мы были с ним знакомы, — продолжил Легат. — Вы не помните, вам тогда было пять лет, я гостил в его замке. Он рассказывал мне историю вашего усыновления. Она заинтересовала меня и запомнилась. Я вам кое-что расскажу, прежде чем уеду.

Закончив завтрак, Легат пригласил Виконта в соседнюю комнату. Артур, Шут и Лонгрин прошли туда же.

Легат сел в кожаное кресло и знаком предложил Виконту сесть в кресло напротив. Когда Виконт сел, Легат внимательно посмотрел ему в глаза и сказал:

— Итак, меня заинтересовала история вашего усыновления... Недавно я разузнал подробности этой истории.

Виконт вскочил, но легат остановил его движением руки.

— Не торопитесь! Я не закончил... Наберитесь терпения выслушать до конца. Сядьте!

Виконт послушно сел. Видно было — как он взволнован.

— Я должен избавить вас от одной иллюзии, — Легат продолжал пристально смотреть ему в глаза. — Выслушайте меня внимательно, это очень важно.

Легат откинулся в кресле, продолжая смотреть на Виконта.

— Человека, который привёз вас к графу, звали Готар?

Виконт снова встал.

— Да, мне называли это имя.

Легат кивнул и, махнув рукой, опять усадил Виконта.

— Я встретился с этим человеком в прошлом году в Риме, на избрании Папы Римского Сильвестра Второго, и расспросил его о вас. Он был со мной откровенен, как на исповеди. Хотите, чтобы я рассказал всё, что узнал от него?

— Да!

— Хорошо... Готар рассказал мне, что от холеры умер его старый друг, священник небольшой деревушки, у которого был ребёнок. Мать ребёнка умерла ещё при родах, и теперь он остался на свете один. Готар забрал ребёнка с собой и привёз его к графу де Блуа. Он выдумал историю про Фриландию, надеясь, что граф захочет усыновить королевского сына. Так вы стали приёмным сыном графа де Блуа.

Легат оглядел присутствующих.

— Я стар... Мне незачем врать... Я рассказал только то, о чём слышал от самого Готара... Правда, как бы горька она не была, лучше сладкой лжи. Таково моё убеждение.

Виконт, не отрываясь, смотрел на легата. Он был бледен, но по нему трудно было понять — что он чувствует. Шут сидел сзади него и смотрел в пол.

— Вы можете съездить в деревеньку Монтери и, расспросив местных жителей, наверняка найдёте могилу своего настоящего отца... Вот, собственно, то, что я должен был вам сказать.

Легат поднялся и протянул Виконту руку. Тот, вскочив, припал к ней губами. Легат перекрестил его голову.

— Оставьте ложные надежды, примите свою судьбу с христианским смирением. Готар совершил грех, солгав вашему приёмному отцу. Но он покаялся и, надеюсь, Бог его простил. Уезжая неделю назад из Рима, я узнал, что он уже покинул наш мир. Я помолился за его душу, помолитесь и вы.

Легат повернулся и медленно вышел.

В комнате остались только — Виконт, Лонгрин, Шут и Артур. Они сидели молча. Потом Шут встал, подошёл к Виконту и положил руки ему на плечи. Виконт вздрогнул, отвёл его руки и сказал:

— Не сейчас... Я еду к отцу. Вы останетесь здесь.

Он стремительно вышел из комнаты.

Шут постоял, держа руки на весу, опустил их и сел на место. Несколько минут все сидели молча. Затем поднялся Лонгрин и, ничего не говоря, вышел из комнаты. Шут проводил его внимательным взглядом.

— Что будем делать? — спросил Артур.

— Подождём, когда вернётся Виконт... Тогда и будем думать.

Он поднялся и пошёл на выход. Артур последовал за ним.

Вечером в комнату, где гостевали Артур с Шутом, зашёл Лонгрин.

— Завтра утром мы отправляемся в графский замок, — строго заявил он. — Здесь нам больше нечего делать.

Шут привстал с кровати и недоумённо посмотрел на него.

— Разве мы не будем ждать возвращения Виконта?

— Нет! — сказал, как отрезал, Лонгрин. — Нам пора возвращаться на службу к нашему графу.

— Но так нельзя! — возмутился Шут. — Мы не можем бросить Виконта!

— Ну тогда оставайся здесь, — отрубил Лонгрин. — А я уже сыт по горло похождениями Бродячего Короля.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Артур вопросительно смотрел на Шута. Тот, встав с кровати, на пару секунд задумался и, повернувшись к Артуру, не глядя ему в лицо, сказал:

— Ты решай сам — что делать? А я остаюсь тут, ждать Виконта.

— Я остаюсь с вами! — не задумываясь, ответил Артур.

Шут кивнул и, надев сапоги, направился к двери.

— Пойду, поговорю с Винтером.

Он вернулся через десять минут. Молча разделся, лёг в кровать и погасил свечу. Пять минут ворочался с боку на бок. Потом не выдержал, поднял голову и спросил:

— Ты не спишь?

— Нет, — ответил Артур.

— Вот что ты будешь делать — с этими людьми! — в сердцах произнёс Шут. — Пока ты в фаворе, тебе улыбаются и льстят, а стоит споткнуться, тут же бросают и отворачиваются!

— Винтер тоже уезжает? — спросил Артур.

— Все уезжают, — хмуро сказал Шут. — Всех настроил против Виконта Лонгрин.

Он опустил голову на подушку и продолжил говорить.

— Чувствовал я, что эта история с Фриландией как-то сомнительна. Но независимо от этого — Виконт был и остаётся приёмным сыном старого графа. И я готов служить ему ещё больше, чем когда-либо раньше. Мы друзья, я знаю его с пелёнок. Я учил его математике и верховой езде. Наконец, я обещал старому графу, что буду заботиться о нём. Я не могу оставить его в беде.

Артур слушал Шута и думал, что опять в его жизни какие-то перемены, и будущее снова туманно и загадочно. Через полчаса они всё-таки заснули, но сны были беспокойные и тревожные.

Наутро их ждало ещё одно неприятное открытие.

— Они увели наших лошадей! — взмахнул руками Шут. — Это чёрт знает, что такое!.. Ну, подожди Лонгрин. Я доберусь до молодого графа и всё ему выскажу, что я думаю о тебе!

— Жалко! — тоже расстроился Артур. — Я только привык к своей лошади. И где теперь моя Звёздочка?!

Пообедав в трапезной, они вышли из стен монастыря и гуляли по окрестным лугам и садам, наблюдая и слушая птиц. Воробьи кувыркались в дорожной пыли. Тёмно-синие ласточки с белым брюшком скакали по траве и веткам деревьев, летали над землёй в поисках мух, сверчков и стрекоз. Щебетали друг с другом, словно ведя оживлённый разговор. Шут внимательно прислушивался к ним. Артур с интересом наблюдал за Шутом.

— Вечером будет дождь, — уверенно заявил Шут.

Артур посмотрел на небо — оно было чистое. Только редкие облачка проплывали высоко.

— С чего вы взяли? — спросил Артур.

— Ласточки рассказали, — поведал Шут. — Они как раз об этом сейчас щебечут.

— Вы понимаете птичий язык? — бросил взгляд на Шута Артур.

— С детских лет, — на полном серьёзе ответил Шут. — Помню, мать рассказывала — мне ещё года не было, а я сидел на траве, задрав голову — наблюдал за птицами и слушал их

щебет и пение.

— Вы как святой Франциск, — улыбнулся Артур.

— Кто такой? Почему не знаю?

— Потому что он ещё не родился.

— Значит, это он как я, — логично заключил Шут.

Шут оказался прав. Вечером пошёл дождь. Поужинав, они вернулись в свою комнату и улеглись на кроватях, слушая монотонный шум дождя за окном. Крупные капли барабанили по оконной слюде. Шут разжёл печурку и поставил на неё закоптелый медный чайник. Молоденький монашек, Дени, по их просьбе принёс монастырского мёда. Пили чай, разговаривали.

— Чего тебе непонятно? — удивлялся Шут. — Раскрой Библию — там всё написано. И то, что было, и то, что есть, и даже то, что будет.

— Библию сочинили люди, много людей, — упрямылся Артур. — Я хочу сам понять этот мир, не полагаясь на мнения других, может быть, замечательных, но мне не знакомых людей.

— Значит, ты язычник, — решил Шут. — Видел я таких — деревянных богов себе ставят и приносят жертвы перед ними.

— Да нет же! — рассердился Артур. — С чего вы взяли? Я не верю ни в каких богов.

— А во что же ты веришь?

Артур запнулся и вздохнул. Ему не хотелось говорить красивых банальностей — «верю в разум и в человечество». Это было бы неправдой.

Виконт вернулся на следующий день. Он был спокоен, задумчив и стал, как будто взрослей. Голова его была коротко пострижена, так что Артур его не сразу признал. Виконт выслушал жалобы Шута на Лонгрину и «других предателей», похлопал его по плечу.

— Ничего, старина! Как-нибудь всё наладится. Не вешай нос! Я вот немного успокоился, побывав на могиле отца... Во всяком случае, появилась какая-то определённая, всё стало намного проще.

— Виконт! Вы по-прежнему можете рассчитывать на нас! — горячо объявил Шут.

— Я знаю... В тебе я никогда не сомневался.

Он посмотрел на своего коня и грустно сказал:

— Втроём на одном коне мы будем выглядеть нелепо... К тому же мой конь захромал на левую ногу. Ему нужен отдых.

— Мы куда-то отправляемся? — спросил Шут. — Я думал, вы захотите повидаться с графом Тибо.

— Нет. По крайней мере, не сейчас. У меня другие планы, — задумчиво ответил Виконт. — Мы пойдём в Анжер.

— Пешком?! — поразился Шут. — Это же тридцать лье!

— До Тура нас доведут, я договорюсь, а там пешком. За три дня доберёмся, — успокоил его Виконт.

— А не проще купить трёх коней у Аббата в счёт его долга?

— Аббат уже в курсе того, что сказал Легат. Не сомневаюсь, что и Лонгрин с ним поговорил. Встретившись во дворе, я поздоровался, а он мне только сдержанно кивнул. Так что сейчас не лучшее время выбивать из него долги.

— Ну что ж, когда-то я был паломником, — грустно констатировал Шут, — придётся вспомнить этот давно забытый опыт.

Выйдя в полдень во двор монастыря, они сели в открытую повозку. Возница тронул поводья, и лошадь тронулась. Они выехали из ворот монастыря. Дорога пошла под уклон с холма.

Виконт был задумчив и молчалив. Шут устроился поудобней и закрыл глаза.

— Ночью я плохо спал, — объяснил он. — Попробую наверстать в пути.

Артур смотрел на окрестные холмы и поля, и думал свои невесёлые мысли.

— Что я делаю, куда я еду? Мне бы надо искать Адама, а я влип в чужую историю, в чужую жизнь. Неужели я навсегда останусь здесь?

Через три часа они доехали до ворот аббатства Мармутье, и Виконт сказал:

— Подождите меня тут. Я схожу на могилу приёмного отца, а потом поговорю с аббатом. Может быть, он даст нам лошадей.

Виконт вернулся довольно быстро и был не в духе.

— Дурные новости летят со скоростью ветра и обгоняют нас. Местный аббат был со мной любезен, но как-то странно смотрел на меня, и лошадей не дал... Пойдём пешком. Видимо я должен испытать до дна превращение из Бродячего Короля в простого бродягу.

— Не говорите так, Виконт, — запротестовал Шут. — Никто не посмеет вас назвать бродягой. А посмеет — так я ему заткну рот своим мечом.

— Давайте, зайдём в город, — предложил он, — и я куплю для вас коня. На одного коня у меня денег хватит. Вы поедете верхом, а мы будем идти рядом.

— Нет, в город мы заходить не будем, — ответил Виконт. — Не хочу, чтобы на меня указывали пальцем. Мы пойдём напрямую, по дороге в Анжер.

Они шли уже три часа. Дорога петляла между полями. Над головами летали ласточки и жаворонки. Виконт шёл впереди, не глядя по сторонам, о чём-то думая. Шут с Артуром завели беседу.

— Зачем Виконт хочет попасть в Анжер? — спросил Артур. — Это же столица анжуйского графства.

— Именно поэтому. Виконт влюблён в младшую дочь шевалье Герье — одного из слуг графа Фулька. Он уже просил её руки, и ему не отказали наотрез, но и согласия не дали. Отговорились тем, что она ещё слишком молода, хотя ей уже исполнилось пятнадцать, и в таком возрасте это возможно. Я женился, когда моей жене было пятнадцать.

— Сейчас обстоятельства изменились, — продолжил он, — и я думаю, что ему откажут наотрез. Так что зря мы стираем подошвы своих сапог. Хорошо, если не побьют. Шевалье Герье — под стать своему господину, а тот совсем недавно зарезал свою жену и сжёг прямо с домом. Там пожарище был покруче того, что мы видели! Половина Анжера сгорела.

— А за что он её зарезал? — поразился Артур

— Дело тёмное, но подозреваю, что не обошлось без супружеской измены.

Ночевали на поле в скирде душистого сена. Проснувшись с первыми лучами Солнца, умылись в ручье и позавтракали остатками вчерашней еды. После чего вышли на пыльную, неширокую дорогу и продолжили путь.

Дорога шла среди бескрайних полей, и только однажды им повстречался, идущий навстречу, человек. Это был слепой старик с длинной палкой в правой руке и холщовой котомкой за спиной. Он шёл, высоко подняв голову, с открытыми глазами, но каждый, кто заглянул в его белёсые глаза, понимал, что они на этом лице лишние.

— День добрый! — поздоровался Шут. — Далеко ли идёте, старче?

Старик повернулся на голос, и лёгкая улыбка тронула его губы.

— Иду, куда ноги ведут.

— Как же вы один отправились в путь? Найдёте ли вы дорогу?

— Я хожу по дорогам всю жизнь, встречаю разных людей, разговариваю с ними, расспрашиваю их. Я ищу землю добрых людей.

— Землю добрых людей? — удивился Шут. — А есть такая?

— Должна быть.

Старик подошёл к ним, постукивая палкой по земле. Артур помог ему сесть на камень у дороги и предложил перекусить вместе с ними. После лёгкого обеда, передавая друг другу флягу с вином, они разговорились.

— Сколько вам лет? — спросил Виконт.

— Да разве я их считаю? — улыбнулся старик. — Сколько есть, все мои. Пока ноги держат, живу, не жалуясь. Вот зрение меня Бог лишил, а я не ропщу. Понимаю, — это Он меня к близкой смерти готовит.

— Значит, вы не всегда были слепым? — спросил Артур.

— Слава Богу, нет. Грех жаловаться. Поглядел на мир — есть, что вспомнить.

— В молодости у меня был друг, — продолжил старик. — Вот он был слеп от рождения, и жадно расспрашивал меня о том, как выглядит мир... Я говорил, что в мире есть Солнце, и что оно — жёлтое... Он улыбался, ему хотелось плакать. Он говорил, что в мире слепых есть «котор», и он очень «гарёный»... Я не верил, говорил ему: ты шутишь!.. «Да, я шучу... — отвечал он. — А ты?»

— И всё же, сколько вам лет? — повторил Виконт. — Помните ли вы правление Людовика Заморского?

— Что вы, молодой человек! — махнул рукой старик. — Королю Людовику я верой и правдой десять лет служил. Я короля Рауля помню. Когда он умер, у меня первый сын родился.

— Это что же, вам, получается, — Виконт что-то подсчитывал в уме. — Девяносто лет? Виконт был откровенно поражён.

— Ну надо же! И вы в таком возрасте ещё гуляете по дорогам!

— А что — лучше дома на печи помирать?

— Завидую вам! — искренне сказал Виконт. — Не знаю, доживу ли я до ваших лет, очень сомневаюсь.

— А вы, молодой человек, не завидуйте старикам. Это мы вам должны завидовать. Что хорошего в старости? Потери родных, болезни и немощь... Старость — это мелкая сдача, которая бренчит в кармане, но ничего на неё уже не купишь.

— Когда я был помоложе, встретил как-то на дороге согбенного старика, — вспомнил он. — Посмотрел на него — в чём душа держится? Ручки трясутся, ножки подкашиваются... Так вот он чуть ли не хвалился тем, что пережил всех своих детей и собирается пережить внуков.

— Стоит ли так гордиться преклонным возрастом? — сказал я ему. — «Кого любят боги, тот умирает молодым» — говорили греки. Стало быть, Бог тебя не любит, раз оттягивает время встречи с тобой.

— Получается, и вас Бог не любит? — улыбнулся Шут.

— Получается так, — засмеялся старик. — Но я на Него не сержусь.

— А что это за страна добрых людей, которую вы ищете?

Старик задумался, вздохнул и стал вспоминать.

— Половину жизни я провёл в сражениях. Служил королю Людовику, потом королю Лотарю... Когда меня тяжело ранили в Нормандии, меня просто списали. Отправили в монастырский лазарет и забыли... Я вернулся домой, какое-то время жил ремеслом, наблюдая жизнь вокруг. Но когда холера забрала всех близких, я бросил дом, и с тех пор блуждаю по дорогам.

— Как-то всё неправильно — думал я. — Почему вокруг столько некрасивых, уродливых людей? Может, природа у нас такая? А где-то в других землях есть страна красивых людей... Вот и пошёл по дорогам — искать страну красивых людей.

Он ещё раз вздохнул.

— Я её не нашёл... А потом Бог лишил меня зрения... Я подумал — это знак! Это указание на мою ошибку. Надо было искать не красивых, а добрых людей. Доброта — это внутренняя красота. Она важнее... Живя среди воров, становишься вором, живя среди добрых людей, становишься добрым человеком... С тех пор я хожу по дорогам в поисках страны добрых людей. Вот поговорил с вами, и понимаю, что вы добрые люди. И в сердце снова затеплилась надежда — может я её уже нашёл?

Помолчали, потом Шут сказал.

— Хотел бы я ответить тебе, старик — да! Но врать не хочу... Люди здесь разные, как, впрочем, везде.

— Добрые люди должны объединиться и создать страну добрых людей, — предположил Виконт, опередив этой мыслью ещё не рождённого графа Толстого.

Старик встал, поблагодарил за еду и душевный разговор, и пошёл неторопливо, опираясь на палку. Шут догнал его, сунул ему в котомку хлеба, и о чём-то ещё поговорил с ним. Потом вернулся к своей компании, но долго смотрел старику вслед, пока тот не скрылся за косогором.

— Станный старик, — рассуждал Виконт. — Вроде прожил долгую жизнь, должен понимать — что к чему в этом мире, а он какой-то детской ерундой страдает.

— Не зря говорится — старый, что малый, — пожал плечами Шут. — Если я доживу до его лет, может, тоже отправлюсь искать землю добрых людей.

К вечеру следующего дня дошли до окраин Анжера. Виконт оставил Шута и Артура за городскими стенами и приказал ждать его возвращения.

Вернулся он ночью, невесёлый и задумчивый. Ничего объяснять не стал, но всё и так было понятно. Они легли спать, и с рассветом отправились в обратный путь, закупив по дороге у крестьян немного продуктов.

Виконт быстрым шагом шёл впереди, не разбирая дороги, через поля, направляясь к видневшемуся вдали лесу. Артур с Шутом едва поспевали за ним. Добравшись до леса, они сделали привал, пообедали и, немного отдохнув, продолжили путь. Сначала их направляла тропа, но она становилась всё уже и уже, и наконец затерялась в листве и валежнике. Быстро стемнело. Потеряв тропу, они решили переночевать на маленькой поляне в траве — утро вечера мудренее.

Разбуженные солнцем, они умылись утренней росой в зарослях травы. Шут первым показал пример, и Артур с интересом ему последовал. Потом перекусили деревенской едой, запивая водой из кожаного бурдюка, и Шут спросил:

— Куда мы сейчас идём?

— Вернёмся в монастырь. Я заберу коня и поеду в Блуа. А вы подождёте меня в Кардерлине.

— О-хо-хо! — вздохнул Шут. — До монастыря ещё топать и топать. Может, поищем дорогу в Тур? На какой-нибудь попутной телеге доедем.

Виконт на минуту задумался.

— Нет. Только время потратим — будем дорогу искать. Пойдём напрямую через лес, — он махнул рукой, показывая направление.

День выдался жаркий. Солнце пекло так, что не спасала даже тряпка, которую Артур повязал себе на голову.

— Ты похож на пирата! — смеялся Шут. — Только бороду тебе надо отрастить.

На закате, устав после долгого пути, завалились на отдых посреди большой поляны, заросшей травой. Чуть-чуть отдохнув и оглядевшись, Шут сказал Артуру:

— Ну-ка, сбегай туда с котелком! — он указал рукой в сторону ближней опушки леса. — Сдаётся мне, там должен быть ручей.

Артур не поверил сначала, но послушно пошёл, и действительно скоро обнаружил маленький ручеёк, где набрал прохладной воды. Вернувшись, он протянул котелок с водой Шуту и спросил:

— А как вы догадались, что там ручей?

— Да ты присмотришься повнимательней, — Шут протянул котелок Виконту, и тот стал жадно пить. — Там растительность гораздо гуще, чем в других местах. И птицы над этим местом кружат... У меня глаз намётанный. Полжизни в дороге провёл. Идём туда!

Пришли к ручью, развели костёр и подвесили котелок. Шут нарвал полевые цветы и мяту. Когда вода закипела, бросил всё в котелок. Через десять минут уже пили ароматный чай. Из еды были — хлеб, варёные яйца и сало. Соль доставали из маленького холщового мешочка со шнурком. Разговор перескакивал с темы на тему и вырuling наконец на «философские» размышления.

— Относиться к жизни серьёзно — смешно, относиться к жизни несерьёзно — глупо, — говорил Артур. — Приходится выбирать между смешным и глупым.

Шут с обычной своей ироничной улыбкой, посмотрел на него.

— Жизнь — это приключение, путешествие... Живи так, чтобы Богу было интересно наблюдать за тобой, чтобы Богу не было скучно в твоей кампании.

— А ты думаешь, Он наблюдает за нами? — спросил Виконт.

— А как же! — хитро прищурившись, ответил Шут. — Вот прямо сейчас с облака смотрит на нас и посмеивается над нашими речами в бороду.

— На свете столько никчёмных людей, — сказал Виконт. — Бог зевает от скуки, наблюдая за ними.

Шут пожал плечами и ответил:

— Все люди — творения Божьи... Люди как листья на дереве. Есть большие, красивые, гордые. Есть маленькие, больные, униженные. Но все они — дети дерева, и всех своих детей оно любит.

— Любит-то, любит, — усмехнулся Виконт, — но как-то по-разному. Одни рождаются в рубашке и с серебряной ложкой во рту, а другие не знают ничего, кроме нищеты и невежества.

Шут устроился поудобней у костра и предался воспоминаниям.

— Помню, по молодости я послушничал в Турском монастыре. Был у меня наставник — старый, седой монах, отец Эристарх. Вот как-то я ему высказал примерно то, что и вы сейчас, Виконт. А он взглянул на меня светло, потом поднял голову и кивнул вверх.

— «Посмотри на этот высокий бук», — сказал он. — «Видишь, как много листьев у него? И все они нужны ему... Прислушайся к шороху листьев. Слышишь, как нижние листья упрекают верхние за то, что они мешают им, за то, что весь солнечный свет достаётся верхним, а нижним остаётся довольствоваться рассеянным светом. «Как это несправедливо!» — говорят нижние листья. Но дерево живёт, дерево растёт, и смеётся, слушая речи своих неразумных детей... Так и люди — завидуют, обижаются, сердятся. А всё потому, что, как эти неразумные листья, не видят дерева, которому служат, а видят только себя. Как только они поймут, что отдельный листок не имеет смысла без дерева, они забудут свои обиды, зависть, злобу».

Шут замолчал, задумавшись.

— Тебе надо было остаться в монахах, — пошутил Виконт. — Можешь проповеди читать, не хуже аббата.

— Нет, я к этому не готов! — замотал головой Шут. — Характер у меня непоседливый и озорной. Для монашеского послушания негодный.

Виконт отдышал в траве, под деревьями, наблюдая, как большой майский жук ползёт по веточке. Он подставил ладонь, и жук заполз ему на руку. Виконт поднял руку, и жук взлетел в небо.

— Вот этот жук, например, тоже для чего-то живёт, — сказал Виконт. — Имеет свои желанья, может быть, надежды. Почём мы знаем?.. Я вот подумал, этот мир мог бы прекрасно обойтись без нас, без человека. Те же облака плыли бы по небу, те же жуки ползли по своим делам — ничего бы не изменилось без нас.

— Мир без человека был бы бесчеловечным, мир без жука был бы бесжуковым, — рассудительно заметил Шут, укладываясь на ночлег, и было неясно — шутит он или всерьёз?

Впрочем, через минуту он легко вздохнул и, как младенец, заснул. Вскоре заснул и Виконт. Артур ещё долго сидел у небольшого костра, подбрасывая в него сухие веточки и слушая, как они трещат в огне. Наконец он прилёг у костра, закрыл глаза и уснул под этот мирный треск, тихое пение сверчков и шуршание ёжиков в палой листве.

— По-моему, мы заблудились, — сказал Шут, когда наутро они завтракали у костра. — И, как назло, никого вокруг нет, чтобы спросить дорогу. Ещё день пути, и я не удивлюсь, если мы выйдем к Парижу.

— Хорошо, если к Парижу, — невесело усмехнулся Виконт. — Хуже, если вернёмся к Анжеру.

— Давайте, я заберусь на высокое дерево и посмотрю сверху, — предложил Артур. — Может быть, увижу дорогу или какую-нибудь деревеньку.

Выбрав высокий бук, он с ловкостью обезьянки полез наверх. Вспугнул какую-то птицу, которая, хлопая крыльями, полетела прочь. Наконец залез достаточно высоко, чтобы можно было увидеть окрестность. Повсюду простиралось зелёное море леса с редкими островами полян и пропешин. Далеко-далеко, где кончалось зелёное море, виднелись холмы. На вершине одного из холмов он заметил маленькую, как будто игрушечную, мельницу. Запомнив направление, он полез вниз.

Дождь собирался весь день. Небо хмурилось и угрюмилось, съедая последние лучи Солнца, которые едва пробивались сквозь грозные облака. Шут смотрел в небо с беспокойством и подгонял путников, призывая ускорить шаг. Артур шёл впереди, стараясь не сбиться с выбранного направления. К вечеру вышли из леса к подножью небольшого холма, на самой вершине которого высилась заброшенная ветряная мельница. И в этот

момент грянул гром, небо прочертила первая молния, и потоки воды хлынули на землю, словно Бог открыл заслонку небесного резервуара.

— Скорее туда!

Артур бросился вверх по холму к ветряной мельнице. Её ободренные крылья вертелись как бешеные. Ветер усилился, дождь хлестал путникам прямо в лицо, раздавая всем мокрые пощёчины.

Забежав внутрь мельницы, нашли сухое место, куда не доставал дождь, и стали отжимать промокшую верхнюю одежду.

— Вот это ливень! — по-мальчишески радовался Шут. — Вот это я понимаю — от души! Хорошо хоть успели найти укрытие.

Немного отдохнув, Шут обошёл мельницу, отодрал несколько сухих досок и вскоре на полу уже горел маленький костёр, и путники смогли обогреться и просушиться.

— Эта мельница уже лет пять, как заброшена, — рассказывал Шут. — Построил её, говорят, некий мавр, приехавший в наши края из Кордовы. Но не ужился он здесь, мавров у нас не любят — помыкался, помыкался, да продал мельницу отставному солдату и уехал к себе обратно... Старый мельник, если жив ещё, работает где-то на каменоломнях. Графский суд приговорил его за убийство жены. Жена, говорят, у него была молодая, красивая... Однажды проезжал мимо молодой шевалье, один из слуг графа анжуйского. Заехал на мельницу, воды напиться. Принесла она ему воды, да слово за слово, разговорились, разулыбались. Влюбилась она в молодого шевалье и через пару дней сбежала с ним. Затаил старый мельник на неё злобу, и, когда через несколько месяцев она вернулась к родителям в деревню, он пришёл к ней и хотел увести с собой. Она ни в какую! Упёрлась и стоит на своём. «Не хочу тебя знать, не люблю тебя, и никогда не любила. Против воли моей меня замуж выдали». Озверел мельник, схватил оглоблю и со всей дури хватил её по голове. Она разом и померла. Скрутили его, связали, да впоследствии суд учинили. Граф наш старый, строгий был человек. Отправил его в турецкую тюрьму, а оттуда уже он пошёл в колодках на каторгу. Мельница долго стояла бесхозная, обветшала, осыпалась. Так никто её к рукам и не прибрал. Далековато от деревни. Я так полагаю, постепенно её на дрова разберут.

— Откуда ты всё это знаешь? — устало проговорил Виконт.

— Птички рассказали, — не затруднился с ответом Шут. — Они всё знают.

Артур с интересом, задрав голову, оглядывал устройство мельницы. Хотя крылья крутились, вал не вращался и жёрнов тоже. Видимо все верёвки уже растащили. Под крышей на перекладинах сидели стайки ласточек и стрижей, нашедших укрытие от непогоды.

Поужинав, устроились на ночлег. Виконту досталось самое удобное место. Шут прикорнул у него в ногах. Артур пристроился спать сидя, прислонившись к пустой бочке. Непогода продолжала бушевать за стенами мельницы. Дождь хлестал, не переставая, но гром и молнии прекратились.

Виконт и Шут быстро уснули. Артур долго не мог заснуть. Он сидел и представлял, как здесь раньше кипела жизнь, вертелся тяжёлый жёрнов, мучная пыль висела в воздухе и оседала на землю, крестьяне привозили и сгружали зерно, увозили мешки с мукой, а молодая мельничиха ходила под деревянными крыльями и мечтала о любви.

Наконец он заснул под монотонный шум дождя.

Проснувшись утром, Артур вышел из мельницы и сел рядом с Шутом на траву. Шут протянул ему флягу с водой.

Виконт бродил у подножия холма в задумчивой меланхолии. Он смотрел то на небо, то

в землю, теребил в руках ивовый прутик. Артур и Шут наблюдали за ним сверху, сидя у стены мельницы.

— Виконт потерялся, он утратил смысл жизни, — грустно отметил Шут. — Нет попутного ветра для того, кто не знает, куда он плывёт.

Он на минуту задумался и потом сказал:

— Продукты кончаются. Надо что-то делать. Пойдём к Виконту, у меня есть предложение.

Они спустились с холма и подошли к Виконту.

— Я понял, где мы находимся, — сказал Шут. — Здесь проходит граница между графствами Анжу и Блуа. Я бывал здесь, правда, очень давно — в далёкой юности. Если я ничего не путаю, вот в той стороне, — он указал за холмы, — дорога на Тур. — Но, чтобы всем не плутать, предлагаю вам остаться здесь, а я пойду в разведку. Либо найду дорогу, либо найду того, кто мне эту дорогу подскажет.

Виконт согласился с Шутом, кивнув, а Артур сказал:

— Я хочу пойти с вами!

— Нет, тебе лучше остаться здесь. Мы не можем оставить Виконта одного.

Шут ушёл за холмы, Виконт продолжил свою одинокую прогулку в задумчивости, а Артур, не зная — чем себя занять? — полез на верхушку мельницы. Это далось нелегко, однажды он чуть не сорвался вниз, но, в конце концов, он добился задуманного и уселся на вершине, гордый своим достижением. Оглядев окрестности — лес с одной стороны и холмы с другой — он решил покататься на мельничных крыльях.

Идея была неразумная, так как крылья были сильно повреждены дождями, ветром и временем. Трухлявые доски могли обломиться в любой момент. Тем не менее, он рискнул и, улучив момент, когда медленно движущееся крыло поравнялось с ним, вцепился в него руками и повис. Опустившись в нижнюю точку, он спрыгнул и улыбнулся.

— Я похож на Дон Кихота, который победил великана.

После этого он пошёл гулять по соседним холмам и вернулся только к полудню, принеся с собой охапку хвороста. В низовье холма он разложил костёр и сказал Виконту:

— Вот за тем холмом я нашёл родник. Сейчас принесу воды, и мы будем обедать.

Через полчаса он вернулся с котелком и флягой, набрав воды. Разжёг костёр и поставил котелок на огонь. Бросил в воду пшено, купленное у крестьян, и вскоре они ели из котелка горячую кашу, запивая её родниковой водой.

После обеда Виконт улёгся вздремнуть, а Артур уселся под крыльями мельницы и задумался о своём положении. Невесёлые мысли заставили его несколько раз вздохнуть, но потом он сказал себе:

— Надо думать о хорошем. Что хорошего произошло после того, как я оказался здесь? Мне удалось спастись от разбойников, я встретил Шута и Виконта, и теперь я уже не один в этом мире. Я не знаю — что меня ждёт? Но верю, что рано или поздно Адам найдёт меня, и мы отправимся вместе с ним дальше, в иные времена.

Так он настраивал себя на позитив, пока глаза его не закрылись. Он уснул под тихий скрип мельничных крыльев.

Проснулся он уже под вечер. Снова разжёг костёр. Они сели с Виконтом, напротив друг друга, у костра, и смотрели в огонь, ломая и подбрасывая в костёр сухой хворост. Было тихо, и сумрак спускался вместе с прохладой. Но им у костра было светло и тепло.

— Можно вечно смотреть, как течёт вода и горит огонь, — сказал Артур, пытаюсь

завести разговор.

Виконт не ответил, но взгляд его был прикован к огню.

— Вы знаете, Виконт, я в ваших краях оказался случайно, но уже начинаю забывать об этом. Те же звёзды, — Артур посмотрел вверх, — небо, лес, холмы, костёр — это может быть где угодно, во все времена.

— Вы мне так и не сказали, — бросил взгляд на Артура Виконт, — откуда вы прибыли к нам?

— Не сказал, потому что... — Артур задумался. — Потому что боюсь, вы мне не поверите.

Виконт вновь посмотрел на него и предложил:

— Расскажите, а я попытаюсь поверить.

Артур вздохнул, но отступать было некуда.

— Я, Виконт, путешественник, но не по странам, а по времени. Я прибыл к вам из другой эпохи. Нас разделяет тысяча лет.

Виконт продолжал на него пристально смотреть, и Артур снова вздохнул. Наконец Виконт отвёл свой взгляд и сказал, глядя на огонь:

— Если это так... То мне есть, что спросить, а вам, что ответить.

— Спрашивайте, — пожал плечами Артур, — я постараюсь быть откровенным. Насколько это возможно.

— Если нас разделяет, как вы сказали, тысяча лет, значит, — он сделал паузу, — второе пришествие откладывается?

Артур решил ответить Виконту честно, чтобы не пришлось юлить и выкручиваться.

— Я не верю во второе пришествие... Я не верю даже в первое.

Виконт помолчал, потом поднял голову и спросил:

— А во что вы верите?

— Я верю... Что человек может познавать мир, обустраивать его под себя. Человек может и будет искать себе счастья. Но... Мы никогда не узнаем истину. Мы никогда не поймём этот мир, и всегда будем его выдумывать.

Виконт долго молчал, глядя в огонь.

— Все ли думают так же, как вы, в ваше время? — наконец спросил он.

— Нет, конечно, — сразу ответил Артур. — И в наше время много верующих в Бога, в том числе христиан. Я высказываю только личное мнение.

— Значит, мнение у вас есть, а знания нет?

— И знание есть... Но любое знание ограничено горизонтом... Что касается Бога... Один учёный человек сказал: «я не нуждаюсь в этой гипотезе»... Я не могу повторить его слова. Он верил в могущество разума, верил в силу науки. Я же думаю, что разум умеет постигать, но не способен постигнуть.

— Как же вы живёте, на что опираетесь, в чём видите смысл?

— Я не вижу смысла, — ответил Артур. — Я его ищу.

Ночью Артуру не спалось. Он ходил вокруг мельницы, наблюдая звёздное небо. Не заметив яму, угодил в неё ногой и свалился наземь, чуть не покотившись по склону. Чертыхнувшись, он поднялся, отряхивая грязь с одежды.

— Не стоит слишком пристально смотреть в небеса, — услышал сзади голос Виконта, — иначе обязательно споткнёшься и упадёшь в яму, как Фалес.

Виконт подошёл к Артуру.

— Вам тоже не спится, ваша светлость? — смущённо спросил Артур, продолжая отряхиваться.

— «Ваша светлость»? — улыбнулся Виконт. — Так обращаются к герцогу. Не называйте меня так... Моя светлость изрядно потускнела в последнее время... Моё имя Рене, хотя так называли меня только старый граф и моя старая нянька. Друзья называли меня Виконт, враги называли Бродячий Король. Я был титулом, он заменил мне имя... Теперь я уже сам не знаю, как мне себя называть.

Они присели рядом на небольшое бревно на земле.

— Вся моя жизнь — как меткий выстрел мимо, — грустно констатировал Виконт. — Только когда у тебя всё отнимут, ты понимаешь, что у тебя ничего и не было.

Виконт огляделся вокруг. Тишина покрывала их с головой. Было так неестественно тихо, что казалось, слышно, как лунный свет струится по склонам холмов. Редко-редко из недалёкого леса доносилось уханье совы или пролетала высоко над ними бессонная птица.

— Раньше я горел желанием славы, хотел, чтобы меня знали и почитали. А теперь мне хочется забраться в какую-нибудь глушь и последовать совету Эпикура: живи незаметно.

Он посмотрел на Артура.

— Человек — это дерево, утратившее корни, — задумчиво глядя вдаль, сказал Артур. — Он обречён, скитаться по миру как перекасти-поле, нигде не находя себе покоя.

Виконт согласно кивнул.

— Да, я много поскитался в свои двадцать пять лет. Всё надеялся найти родную страну. Придумывал — каким хорошим я буду королём. Сочинял законы и указы... Каким же я был наивным глупцом!

Он повернулся к Артуру.

— Много ли в ваше время королей?

— Нет, немного. Да и те уже не правят, а... играют королей.

— Что же, — удивился Виконт, — вы возродили римскую республику?

— В каком-то смысле — да! — согласился Артур. — Не буквально конечно, но... Республика и демократия — слова популярные в наше время.

— Демократия? — переспросил Виконт. — Власть народа? Разве это возможно? Нет, я знаю, что демократию придумали греки. Но и там она не прижилась. В этом мире без сильной руки всё развалится рано или поздно.

— Это спорный вопрос, — не согласился Артур.

Виконт облокотился на руку и задумался, а потом сказал:

— Я ведь тоже, как тот старик, искал страну добрых людей. Точнее, я хотел её сделать такой. Блуждая по дорогам в поисках своей Фриландии, я ночью лежал и мечтал — как я построю страну, где не будет зла. Я придумал, как это сделать... В моей стране не было бы тюрем и смертной казни. Всем преступникам — ворами и убийцам — я бы ставил на лоб клеймо и выгонял их из своей страны. И, если б они вздумали вернуться обратно, их бы выдало позорное клеймо, и они снова были бы изгнаны.

— Я боюсь, — улыбнулся Артур, — так ваша страна со временем обезлюдела бы.

— Почему же? Я думаю, услышав о стране добрых людей, в неё бы пошли люди соседних стран. Все, незапятнанные позором, могли бы поселиться в моей стране.

— Ещё одна утопия, — подумал Артур, но расстраивать Виконта не стал.

Заснули они поздно и встали, когда уже солнце было в зените. Артур разогрел на костре остатки каши, и они позавтракали. Разливая по кружкам чай, Артур первым заметил

всадника, который выехал из-за холма и направлялся к ним. Когда всадник подъехал, Виконт поднялся с места.

— А вот и наш бездельник! Ты где пропадал?.. Смотри-ка, и лошадь где-то раздобыл! Шут соскочил с лошади и ответил, широко улыбаясь.

— Виноват, Виконт! Задержался в пути, зато принёс для вас две новости: хорошую и плохую.

— Надоели плохие новости, давай сначала хорошую.

Шут посмотрел на них с торжествующим видом.

— Ад придумали люди.

Виконт удивлённо поднял брови.

— Хорошая новость! А какая же тогда плохая?

Шут притворно вздохнул.

— Рай придумали тоже они.

Артур не удержался от смеха, Виконт, глядя на него, засмеялся тоже.

— И где же это ты набрался таких новостей?

Шут с довольным видом уселся возле костра.

— Заехал я по пути к вам в монастырь, а там чудеса дивные! Старого аббата монахи прогнали, выбрали из своей среды себе нового аббата. И такой чудной малый! Я раньше его в монастыре не видел. Такие проповеди читает — монахи слушают, открыв рот. Я тоже послушал, и с вами делюсь. Он ещё много чего там наговорил — всего и не упомяну.

— А куда же делся аббат Леруа?

— Поскакал в графский замок, жаловаться. А только молодой граф Тибо ему не подмога. Он и сам хотел избавиться от аббата, так что даже рад будет, что оно само собой получилось.

— Да, аббат Леруа ставленник моего приёмного отца, старого графа, незабвенного Эда, — пояснил Артуру Виконт. — Его сын постепенно избавляется от отцовских людей, окружает себя своими ставленниками.

— Так что будем делать? — спросил Артур.

— Сейчас я, с вашего позволения перекушу, — сказал Шут. — Отдохну чуток. А потом Виконт сядет на коня, мы пойдём рядом. Я вас выведу на дорогу. Виконт поскачет в Блуа, а мы потихоньку к вечеру доберёмся до монастыря.

Шут с удовольствием доел кашу, вычистив краюхой хлеба весь котелок. Пообедав, он завалился на пригорок, потягивая из фляги что-то покрепче, чем чай, и довольно улыбнулся.

— Расскажу-ка я вам байку про доброго чёрта, — он протянул флягу Виконту, который сел рядом. — Жил, значит, в преисподней маленький чёртик, чёрненький, с рожками — всё как полагается. Смотрел он, как мучаются грешники, слушал их жалобные вопли, и что-то так ему их жалко стало. Начал он огонь под котлом убавлять. «И грешникам полегче, и дровишки сэкономлю» — думает. Только стали на него жалобы поступать. «Переведите нас в другой котёл» — заявили грешники чёртову начальству. «Другие уж варят, так варят — за воплями и про боль забываешь. А этот маленький, вредный чёртик нас на медленном огне готовит. Он у вас изувер какой-то». Получил добрый чёртик выговор от своего начальства, и с тех пор уже дровишки не экономил — кидал под котёл от души. А в уши затычки вставил, чтобы вопли грешников больше не слушать.

Виконт засмеялся.

— Умеешь ты, дружище, настроение поднять! Уже и в аду доброго чёрта нашёл.

— Ну так, в семье не без урода, — лукаво улыбнулся Шут.

Собрав нехитрые пожитки и котелок в мешок, Шут закрепил его за седлом лошади. Можно было отправляться в путь, но, оглядевшись, Шут внезапно что-то увидел и тронул Виконта за плечо, другой рукой указывая на ближние холмы. Группа всадников спускалась по склону, направляясь к ним.

— Это люди графа Анжуйского. Будьте осторожны, — внезапно посерьёзнев, сказал Шут.

Пятеро всадников подъехали и окружили их. Один из них засмеялся.

— Ба! Да это Бродячий Король со своим Шутом и слугой. Вот так встреча! Какая честь для нас! — с издёвкой произнёс он. — Что угодно вашему величеству на земле графа Анжуйского?

— Мы идём в Тур, в земли моего отца, — гордо выпрямившись, произнёс Виконт.

— Твоего отца?! Как вам это нравится? — повернулся он к своим спутникам. — Этот подкидыш и впрямь считает себя благородным.

Он с презрительной усмешкой смотрел на Виконта.

— Не смей так говорить со мной! — Виконт положил руку на рукоять меча. — Ты знаешь — кто я такой.

Всадник соскочил с жеребца и подошёл к Виконту. С надменным презрением он смотрел ему прямо в лицо.

— Я знаю — кто ты такой, — спокойно произнёс он. — Ты самозванец и жалкий ублюдок. Я могу раздавить тебя, как червя. Но не хочу пачкать свои сапоги.

Кровь бросилась в лицо Виконту. Не раздумывая, он наотмашь дал негодяю пощёчину, так, что тот пошатнулся и упал на землю. Тут же, соскочив с лошадей, на Виконта бросились двое. Схватили за руки и наклонили к земле. Двое других приставили мечи к груди Артура и Шута.

Упавший поднялся, отряхнул землю с камзола, и, наклонившись к Виконту, сказал:

— Я бы скрестил с тобой мечи, если б ты был благородных кровей. Но ты сын деревенского попа, и я не могу так себя унижить.

Он выпрямился и бросил слугам:

— Свяжите их и отвезите в Лэндор. Завтра я с ними поговорю.

Шут бросился к Виконту, но его повалили наземь. Через несколько минут все трое лежали связанные на земле. Один из всадников поскакал в Лэндор за телегой. Остальные уселись на траву вокруг пленников и пили вино, потешаясь над Виконтом и его спутниками. Через полчаса подъехала телега, их бросили на неё. Возница щёлкнул кнутом, и телега покатила по дороге. Всадники поскакали вперёд.

Телега ехала медленно по ухабистой дороге. Артур смотрел в небо, на высокие облака, под которыми летали вороны, и думал о странной своей судьбе, что швыряет его по миру, по времени, по дорогам...

Телега остановилась. Возница соскочил и начал стучать в ворота.

— Эй, просыпайся. Принимай гостей.

Ворота отворились. Вышел какой-то, действительно заспанный пожилой солдат, и заглянул в телегу.

— Куда их? — спросил он у возницы.

— Запри в подвале. Завтра будут с ними разбираться.

Вдвоём они перетащили пленников по одному в подвал. Бросили на земляной пол,

покрытый соломой, и ушли, заперев дверь.

Шут приподнял голову.

— Артур! Ползи ко мне. У меня в сапоге есть нож. Сможешь вытащить?

— Попробую.

Артур подполз к его ногам, вывернул связанные сзади руки, и стал нащупывать пальцами нож. Наконец нашёл и, зацепив двумя пальцами, стал тянуть. Вытянув рукоятку, захватил её рукой и вытащил нож.

— Готово!

— Давай, режь верёвку на моих руках!

Это было совсем непросто. Приходилось действовать наощупь. Но вскоре дело было сделано.

После этого всё пошло быстрее, и через пару минут они уже растирали натёртые верёвкой ноги и руки.

Артур повертел в руках нож. Это был короткий обоюдоострый кинжал с выгравированной буквой «В» на рукоятке.

— Это мой сапожный ножик. Я его называю — последний аргумент.

Артур отдал Шуту нож и спросил:

— Что с нами будет?

Шут потёр небритый подбородок.

— У графов Анжуйских давние счёты с графами Блуа. Наш старый граф воевал со своим соседом и неудачно. Тогда Анжуйского графа поддерживал король Гуго... Теперь времена переменялись. Король Роберт женился на графине Берте, матери молодого графа, и по факту он теперь правит графством. Молодой Тибо вынужден принять это, как данность. Впрочем, он этому даже рад. Под королевской защитой ему теперь не опасен граф анжуйский... Я думаю, нас отдадут в обмен на какие-то уступки.

— Ты думаешь, я нужен Тибо? — спросил Виконт.

— Да вы ему, пожалуй, не нужны, он бы и рад избавиться от вас, но молод и недостаточно циничен для этого... Он совсем не похож характером на своего отца. Говорят, яблоко от яблони недалеко падает, но это не всегда так. Видимо эта яблоня росла на холме, и яблочко укатилось далеко вниз. Граф Тибо изнежен, слаб и религиозен. Это не тот вояка, каким был его отец.

Виконт лёг на лежанку, подложив руки под голову.

— Мы с Тибо росли вместе, — сказал он, — были друзьями. Но в последнее время я заметил, что он тяготится мной. Наши отношения стали холодны... Я теперь и сам не понимаю, что мне делать, как жить дальше? У меня как будто бы украли смысл жизни.

— Помните, Виконт, того странника, которого мы повстречали несколько дней назад? — Шут посмотрел на Виконта. Тот нахмурил брови, припоминая.

— Это тот слепой старик, который искал землю добрых людей? Помню, как же, — улыбнулся Виконт.

— Когда мы прощались, я его спросил: «а если не найдёте страну добрых людей, что будете делать?» Он как-то странно улыбнулся и сказал:

— «Когда куда-то долго идёшь, дорога обретает самостоятельный смысл. Ты уже не помнишь, что тебе нужно там — куда ты идёшь. Ты понимаешь, что твоя жизнь — дорога. И даже, если там, куда ты идёшь, ничего нет — это не важно. У тебя есть дорога, и смысл твоей жизни — движение».

Виконт задумался, но потом встряхнул головой.

— Нет! В отличие от него, я устал скитаться по дорогам. Мне уже хочется найти себе приют. Пусть это будет маленький домик у реки с тихим течением. Буду сидеть вечерами у воды, наблюдая закат Солнца.

— Это годится для старика, а вы ещё молоды. У вас ещё много приключений впереди, — не согласился Шут.

— Ты думаешь? — наклонил голову Виконт.

— Уверен!

— А я вот не уверен... Вполне возможно, что Чёрный Сокол прикажет по-тихому зарезать нас и бросить в какой-нибудь заброшенный колодец.

— Такой вариант тоже нельзя исключить, но я предпочитаю надеяться на лучшее, — сказал Шут и улёгся на сено между Виконтом и Артуром. Сладко потянулся, так что хрустнули косточки, и, обращаясь к Артуру, объяснил:

— Чёрным соколом прозывают анжуйского графа Фулька. Хороший вояка, надо признать. Заклятый враг нашего старого графа. Малолетнего Тибо он бы скрутил в два счёта, если бы не поддержка короля Роберта... Мы с Виконтом три года назад участвовали в захвате замка Чёрного Сокола. Это южнее Тура, на реке Эндр, — Шут обернулся к Виконту. — Вы помните, Виконт?

— Когда лезешь по длинной деревянной лестнице на донжон, а сверху на тебя летят камни и льётся кипящая смола, это трудно забыть! — усмехнулся Виконт. — Ты меня тогда спас от неминуемой гибели. Я это помню.

Они стали вспоминать многочисленные стычки и бои, вероломство и коварство анжуйского графа.

— А вы знаете, кто тот молодчик, которому вы дали пощёчину? — спросил у Виконта Шут. — Это Рожер Дьяболер — я его вспомнил. Верная собака своего графа. От него ничего хорошего ждать не приходится.

Виконт замолчал, задумавшись. Шут повернул голову к Артуру и стал ему рассказывать:

— Пару лет в отрочестве я провёл в монастыре аббатства Святого Мартина в Туре. Не могу сказать, что это были светлые годы, но в монастыре я выучился читать на латыни, и перечитал всё, что откопал в тамошней библиотеке. Особенно меня увлекла «История Франков» Григория Турского. Он рассказал о первых франкских королях, о великом Хлодвиге и его сыновьях. Он перечислил их многочисленные сражения, преступления и откровенные злодеяния без упрёков и порицаний. Ведь было то главное, что оправдывало их в его глазах, — они исповедовали истинную христианскую веру. Они отринули язычество и не поддались арианской ереси. Это было главное для епископа Григория, поэтому он не судил их за то, что во всём остальном они были страшные грешники. Так он сухо рассказывает, что король Хлодвиг, чтобы объединить под своей властью всю Галлию, просто перерезал всех своих родичей — кого-то в сражениях, кого-то банально подослав убийц. И добившись своего, лицемерно жаловался, что вот он теперь «чужой среди чужих», и нет у него близких людей. Григорий отмечает, что жаловался он неискренне, а с целью выяснить — не осталось ли ещё каких-то недорезанных родичей, которые могут претендовать на его власть?

— Сыновья Хлодвиге не отличались в лучшую сторону от отца, — продолжил Шут свой рассказ. — Они постоянно враждовали друг с другом, втайне мечтая сделать то же, что папаша сделал со всеми родственниками. Так, когда в сражении погиб один из братьев

король Хлодомер, два других брата задумали присвоить его королевство. Они обманули свою мать, которая оберегала внуков, детей короля Хлодомера. Они попросили её прислать к ним этих детей, якобы чтобы короновать их. Обрадованная мать выполнила их просьбу, прислала им внуков, а они их зарезали, своих племянничков, как скот, вместе со всей прислугой и воспитателями. Казалось бы, куда ещё отвратительней? Ан нет! Был один интересный нюанс в этой истории. Прежде чем решиться на злодеяние, — совесть всё-таки мучила — они послали к мамаше гонца с ножницами и мечом, предлагая ей самой выбрать — быть ли внукам убитыми, либо остриженными. Тут надо пояснить, что длинные волосы — это была привилегия королей и претендентов на корону. Если бы детишек остригли, это означало бы, что они лишаются права на королевство своего отца. Так вот королева-мать поступила по-королевски. Она сказала, что ей больней будет увидеть внуков остриженными, нежели мёртвыми.

— Таким образом, если вдуматься, — продолжил Шут, — произошло тройное предательство. Братья предали память своего погибшего в бою брата, предали смерти своих племянничков, а королева-мать предала своих внуков... Вот что стоит знать о нравах этого мира.

— Всё-таки, — нерешительно начал Артур, — это было несколько веков назад. Сейчас уже христианство смягчило нравы.

— Ну, да, — усмехнулся Шут, выражая сомнение, — Божий Мир объявили. Но это всё благие намерения. Просто то, что раньше делалось явно, теперь делается тайно. Расскажу тебе историю из более близкого к нам времени...

За дверью слышались чьи-то шаги, Шут замолчал и приподнялся, присев. Рука его потянулась к голенищу сапога за ножом. Все насторожились, глядя на дверь. Зазвенела связка ключей, щёлкнул замок, дверь открылась. И на пороге стоял... Адам!

Артур кинулся к нему, но Адам остановил его ладонью и прижал палец к губам.

— Бери своих спутников, и пойдём за мной. Только тихо!

Артур кинулся к Виконту.

— Пойдёмте! Это мой друг. Он выведет нас из тюрьмы.

Виконт с Шутом вскочили с пола, и все вместе вышли в коридор. Тихонько, на цыпочках, прошли вслед за Адамом мимо комнаты охраны. Дверь была приоткрыта и Артур увидел, что солдат спит за столом. Рядом с ним стояла пустая кружка.

— Подождите! — шёпотом произнёс Шут.

Шут остановил Виконта за руку, и бесшумно проскользнул в комнату охранника. Все остановились, оглядываясь друг на друга, но уже через полминуты Шут также тихо вышел из комнаты, держа в руках два меча. Виконт забрал свой меч, Шут закрепил на пояс свой, и все двинулись дальше.

Подойдя к входной двери, Адам знаком дал приказ остановиться, и, приоткрыв дверь, выглянул наружу. Убедившись, что там никого нет, открыл дверь и махнул своим спутникам рукой. Они вышли из тюрьмы на улицу и нырнули в кусты. Петля между кустов, выбрались на околицу и побежали к ближнему лесу. Забежав в лес, Адам остановился. К дереву были привязаны две лошади. Адам отвязал их и передал одни поводья Виконту.

— Садитесь на лошадь вместе с вашим спутником. Мы сядем на другую.

Виконт вскочил в седло, Шут уселся сзади него. Адам запрыгнул на другую лошадь и показал Артуру, что его место сзади. Когда Артур уселся в седле позади Адама, они тронулись. Дорога шла по лесу. Серпастый месяц освещал дорогу. Артур обнимал Адама за

пояс и положил голову ему на плечо.

Так они ехали около часа. Потом Адам поднял руку и свернул с дороги. Заехав в чашу, они пропетляли минут пять, и выехали на поляну. На поляне стояла покосившаяся хибара, крытая сеном. Адам сказал:

— Приехали! Слезайте.

Все слезли с лошадей. Адам подвёл их к яслям и привязал. После этого все зашли в хибару. Адам достал из кармана спички и зажёл масляный светильник, висящий посреди комнаты. Комната осветилась тусклым светом. Стали видны — стол, две скамьи и сено в углу. Адам обернулся.

— Все разговоры завтра. Ложимся спать, я чертовски устал.

Он улёгся на сено, Артур лёг рядом. Виконт расположился на скамьях, положив под голову вязанку соломы. Шут, недолго думая, улёгся на полу.

Утром, проснувшись, Артур вышел наружу и увидел Адама, который обтирался мокрым полотенцем.

— Как вы нас нашли? — спросил Артур.

— Я узнал от местных, что в округе есть только один городок, Кардерлин, и решил искать тебя там. Зашёл в харчевню, разговорился с каким-то толстяком, угостив его вином. Он сказал, что видел тебя в компании Виконта де Блуа. Я спросил — где сейчас Виконт? Он сказал, что Виконт уехал несколько дней назад, и с тех пор его никто не видел. Я поехал в Блуа, но и там из разговоров с окрестными крестьянами, выяснил, что Виконта в замке нет, и никто не знает — где он? Раздосадованный, я вернулся в Кардерлин, снял комнату и десять дней шатался по ярмарке, надеясь встретить тебя. Потом мне это надоело, и я поехал по дороге назад к нашему Замку. Где-то на полпути я встретил какую-то старуху, сидящую у обочины. Я уже проехал мимо неё, как она окликнула меня. «Постой! — сказала она, — Ты ищешь молодого человека с кожаной повязкой на голове?» Я подошёл к ней, и она рассказала мне — где тебя найти.

— Это Года! — обрадовался Артур. — Я её знаю. Она гадала мне по руке и сказала, что я не из этого мира. Но откуда она узнала — где мы?

— Без понятия... С большими странностями старуха, — задумчиво сказал Адам. — Мне она тоже сказала нечто, что меня озадачило.

— Адам, а вы же без банданы, — заметил Артур. — Как же вы общаетесь с ними?

— Когда знаешь сто языков, сто первый начинаешь понимать уже на третий день. Учите языки, молодой человек. Это всегда пригодится. Даже если не пригодится, это развивает память и расширяет кругозор... Кстати! Ты можешь её снять — сказал он, указывая на бандану. — Пару дней будет трудно, но потом всё наладится. Ты уже освоил этот язык.

— Попрощайся со своими спутниками, дальше мы поедem вдвоём, — сказал Адам.

Артур вернулся в хижину. Шут уже встал и будил Виконта.

— Нам пора расставаться, — расстроенно сказал Артур. — Я надеюсь, что вы доберётесь в Блуа без приключений.

Шут посмотрел на него с понимающей улыбкой.

— За нас не переживай, мы у себя дома. Я заметил, что мы ехали на восток. А куда вы теперь направитесь?

— Я не знаю, — смутился Артур. — Я полагаюсь на своего друга.

— Он вообще-то тебе в отцы годится, — заметил Виконт.

— Ну, в каком-то смысле он мне как приёмный отец.

— Нам бы лошадь, — сказал Виконт. — Спроси у своего друга, не продаст ли он нам одну лошадь. Денег у меня немного, но на одну лошадь хватит.

Артур вышел и передал Адаму просьбу Виконта. Адам на секунду задумался и потом сказал:

— Пусть берут одну. Скажи, что я им дарю. Нам с тобой ехать недалеко.

Прощание было недолгим. Шут с Артуром обнялись, Виконт хлопнул Артура по плечу и сел на лошадь. Шут уселся у него за спиной.

— Выезжайте на ту дорогу, по которой мы ехали, — сказал Адам. — Через пару часов будете в Кардерлине.

— До свиданья, Артур! — крикнул Шут. — Я надеюсь, мы ещё увидимся!

Виконт пришпорил лошадь, и они скрылись среди деревьев.

— Куда мы едем? — спросил Артур, сев на лошадь за спиной Адама.

— К друзьям... У меня есть для тебя сюрприз.

Адам легко пришпорил лошадь, и они поехали шагом. Вчерашнюю лесную дорогу пересекли поперёк и дальше долго петляли между деревьев. Адам ехал уверенно, как по знакомому маршруту. Через полчаса они выехали на небольшую поляну, и Адам остановился.

— Слезай! Оставим лошадь здесь. Дальше пойдём пешком.

Артур слез с лошади, Адам тоже спешился. Посреди поляны стоял шалаш, возле него лежало сено. Адам подвёл лошадь к сену и привязал поводья к небольшому деревцу. Потом вытащил из шалаша ведро с водой и поставил его перед лошадью.

— Пойдём! Уже недалеко.

Они снова вошли в лес и пошли по еле заметной тропинке. Через десять минут они вышли из леса на берег озера. Артур не поверил своим глазам. Посреди озера лежал остров. А на острове — Замок. Артур подошёл к кромке воды и, как замороженный, не мог оторвать глаз от увиденного.

Адам смотрел на него с улыбкой, наслаждаясь произведённым эффектом.

— Добро пожаловать в Замок, Артур!

Они сидели на траве перед озером, и Адам рассказывал свои приключения.

— Когда Хозяин понял, что я его обманул, он запер меня в комнате и три недели я провёл там, изнывая от скуки. Из окна я видел, как пришёл корабль. Демон с Андроном и Хозяин разгружали продовольствие, лекарства, питьевую воду и солянку для дизеля. На следующий день корабль уплыл, и ещё несколько дней я провёл в тягостных размышлениях. Но потом, видимо, Хозяин успокоился, задумался и однажды пришёл ко мне. У нас был тяжёлый разговор. Он бы просто сгноил меня в Замке, но ему было жалко отказаться от своих замыслов. Он решил дать мне ещё один шанс. Так он сказал.

Адам усмехнулся.

— Он поставил мне новое условие. Он сказал, что не может мне доверять и не отправится со мной в прошлое вдвоём. Он потребовал, чтобы я переместил в прошлое весь его Замок. Таково было его условие.

Адам задумался.

— У меня не было выбора. Я не верил сам, что это возможно, но согласился лишь для того, чтобы снова обрести надежду. Я объяснил ему, что нужен мощный источник энергии. Я просил его отпустить меня в моё время, чтобы я мог привезти переносной реактор достаточной мощности. Он не соглашался, он не верил, что я вернусь. Чем только я не клялся — он не верил и требовал, чтобы я нашёл другой способ.

— И я нашёл другой способ. Это была безумная идея, достойная безумного Замка. Я поставил на башне Замка громоотвод и через высоковольтный трансформатор подключил его к телепорту. Я сам не верил, что это сработает, но это сработало.

— Я уже вычислил время и место, в которое ты попал, настроил телепорт соответственно. И стал ждать грозу... Через несколько дней небо заволкло тучами, началась гроза. Я вышел во двор, под ливень и, как замороженный смотрел на башню, где стоял громоотвод. Я помню момент, когда молния ударила в него. После этого я потерял сознание. Когда пришёл в себя, поднялся с земли и посмотрел в небо — я понял, что у меня всё получилось. Сияло солнце, не было ни одного облачка.

— Я бросился в комнату Паскаля. Он лежал на кровати без сознания. Слишком сильный шок вызвало наше перемещение через портал. Я привёл его в чувство, и первым делом мы побежали в подвал, в комнату Демона. Он тоже лежал без сознания, но дышал. Мы связали его, забрали у него все ключи и заперли комнату. После этого поднялись к Хозяину и привели всех в чувство. Как ни странно, первой очнулась Ева, потом Офелия и лишь потом сам Хозяин. Я послал Паскаля приводить в чувство всех остальных обитателей Замка, а сам, сев перед Хозяином, потребовал у него все ключи. Он долго отказывался, порывался уйти, но, когда узнал, что Демон ему не поможет, сдался. Он выдал мне все ключи. Я прошёл в комнату управления, она рядом с его кабинетом, и отключил всю сигнализацию, открыл все двери, кроме комнаты Демона. После чего вышел и запер комнату управления. Так мы стали хозяевами Замка.

— Надо было выяснить, — куда мы попали? Я поднялся на башню и увидел, что остров уже не посреди океана, а посреди небольшого озера. Я понял, что озеро образовалось из воды Индийского океана. Мощность молнии оказалась даже избыточной.

— Дождавшись ночи, я снова поднялся на башню, и по звёздам определил место и

время нашего пребывания. В этот раз я не промахнулся.

— Спустившись, рассказал всем — где мы находимся. Все удивились, а расстроился Сократ. Он сказал, что предпочёл бы оказаться в древней Греции.

Артур засмеялся.

— Невероятная история, — сказал Артур. — Но Замок передо мной, и я вынужден поверить.

Он поднялся, подошёл к воде и, наклонившись, зачерпнул воду рукой. Попробовал на вкус — вода была солёная.

Адам улыбался.

— Мы назвали его Индийским озером. По-моему, это правильно.

Адам достал из вещевого мешка складную подзорную трубу, раздвинул её и протянул Артуру.

— Можешь полюбоваться.

Артур взял трубу и приложил к левому глазу, зажмурил правый. Замок приблизился, можно было рассмотреть даже каменную кладку его стен.

— А красивый у нас Замок, — сказал Артур. — Надо признать, в этом времени он смотрится более уместным, он совпадает с ним.

— О, да. Такому замку может позавидовать граф де Блуа. Его замок попроще.

— А почему флаг на башне чёрный?

— Какой флаг? Не было никакого флага. Ну-ка дай трубу!

Артур передал Адаму подзорную трубу. Тот посмотрел и убедился — на мачте северной башни, на том самом громоотводе, который он сделал, висел чёрный флаг.

Адам опустил трубу и помрачнел. Он явно был расстроен.

— Что случилось? — встревоженно спросил Артур.

— Чёрный флаг на башне может означать только одно: власть в Замке захватил Демон... Ах, я дурак! Я должен был это предвидеть.

Он снова поднял трубу к глазам.

— Подожди!.. — Адам напряжённо вглядывался в сторону Замка. — По-моему, кто-то плывёт.

Артур посмотрел в том же направлении. С острова к берегу плыла лодка с одним человеком. Артур взял у Адама трубу.

— Это Андрон. Он гребёт к нам.

Через пять минут лодка уткнулась носом в берег. С лодки спрыгнул улыбающийся Андрон.

— Рад видеть вас, друзья!

— А мы-то как рады! — сыронизировал Адам. — Что нового на острове? Чем порадуешь?

— Уж не знаю — радоваться вам или нет? На острове новый хозяин Замка — Демон. Он захватил власть на другой день, как вы уплыли.

— И ты конечно ему помог?

— Я ему не мешал, да и не мог помешать, если бы захотел. Этого человека остановит только смерть.

— Где все остальные? Демон запер их в комнатах?

— Нет, он всех отпустил, кто не захотел ему служить.

— Как отпустил? Куда отпустил?

— Он отпустил всех, кроме Хозяина с семьёй. Их он запер в подвале. «Пусть теперь Хозяин мне готовит обед», сказал он... Демон выстроил нас во дворе Замка и сказал: «кто хочет служить мне, новому графу Редмонду, хозяину Замка, станьте здесь». И указал место рядом с собой... Я вышел первым. Затем вышел Никто. Третьим вышел, виновато оглядываясь, Писака. Остальные остались стоять. Демон сказал: «это ваш выбор». Потом он повернулся ко мне и приказал переправить всех по одному на берег. Что я и сделал.

— Ну, ты и... — Адам еле сдержался, чтобы не выругаться.

— А что я мог? Я мог только выбрать — изгнание или Замок. Я выбрал Замок.

Адам тяжело вздохнул.

— Где они все теперь?

— Я слышал от местных крестьян, что они ушли в монастырь. Крестьяне сказали — их увёл местный священник.

— А ты разве понимаешь, что они говорят?

— Я в школе изучал французский язык и был прилежным учеником. Правда, они говорят на странном наречии, не совсем мне понятном, но смысл я уловить могу. Так что, я Демону нужен, как переводчик.

— Мерлина тоже выгнали? — спросил Адам.

— Нет, про него все забыли, — махнул рукой Андрон. — Но я не забыл, я ему приносил еду и чай. Так что он в Замке, в своей комнате. Даже не понял — что произошло?

Адам внимательно заглянул Андрону в глаза.

— Зачем ты служишь Демону?

— Он сильный человек, — смутился Андрон. — Он знает, чего хочет.

— А чего хочешь ты?

Андрон посмотрел на него с грустью.

— Я хочу жить в Замке. Я привык к нему. Мне не нужен остальной мир.

Адам отошёл и задумался.

— Да... Недолго радовался Паскаль... Это моя вина, я должен был это предвидеть.

Артур подошёл к нему.

— И что теперь будем делать? Искать их в монастыре?

Адам принял решение.

— Сначала я должен поговорить с Демоном.

— Он же не отпустит вас! Вы единственный представляете ему угрозу. Он запрёт вас в Замке.

— Я должен с ним поговорить.

Адам решительно направился к лодке.

— Андрон, отвези меня в Замок.

— Я с вами! — устремился Артур.

— Нет! Ты останешься на берегу. Я не хочу, чтобы он тебя взял в заложники. Не переживай за меня, я знаю, что ему сказать. Через пару часов я вернусь обратно. Андрон, поехали!

Андрон тоже шагнул в лодку, оттолкнулся от берега веслом и двое поплыли к Замку. Артур остался на берегу. Он бродил по траве, размышляя о переменах в своей жизни, наблюдая, как трава уходит под воду и колышется под водой.

— Зелёная трава на дне озера — где ещё увидишь такое?

Ожидание было невыносимым. Всмотриваясь в остров, он прикинул, что расстояние до

него не такое большое, он мог бы его переплыть. Вспомнив свой давний заплыв, он усмехнулся.

— Была — не была!

Разбежавшись, он прыгнул в воду и поплыл к острову.

Минут через пятнадцать, выбившись из сил, он сел отдышаться на белый камень. Вспомнил, что на этом камне когда-то, кажется в прошлой жизни, сидел Мессия.

Отдышавшись, он пошёл к воротам Замка. Ворота были открыты. Осторожно, по стеночке, он подобрался к ним и заглянул внутрь. Не увидев никого, зашёл, и сразу юркнул за статую Афины. Двое спускались по лестнице во двор. Это были Адам и Демон.

Артур затаился, прислушиваясь к разговору.

— Я знал, что нужно в прошлом нашему Хозяину, — говорил Демон. — Он делился со мной своими планами. Мне это было смешно. У меня был свой расчёт, и он оправдался. Могу только поблагодарить тебя — ты сделал то, чего я хотел. Я получил свободу, я получил Замок, я получил возможность строить свой мир — как я его себе представляю. У меня достаточно сил и воли, чтобы основать свою империю — уже не под землёй, а на земле. Я ощущаю себя Кортесом, ступившем на берег Америки. Эти дикари за стенами Замка, — он показал рукой, — не смогут меня остановить.

Демон продолжал.

— Я понял твой замысел. Ты пират времени... Это раньше захватывали чужие земли, чужие корабли, теперь захватывают чужое время. О, как я понимаю тебя! Вот он земной мир, лежит перед нами, как ароматный пирог на столе. Бери и владей. В этом мире не нужны атомные бомбы. Его весь можно завоевать с двумя пулемётами — хватило бы патронов.

Он остановился.

— Нам надо объединиться. Вдвоём мы положим этот мир на лопатки за один год.

— У меня нет никаких дел в этом времени, — спокойно отвечал Адам. — Я отправился сюда, чтобы забрать Артура. Это единственная причина моего пребывания здесь.

Демон был озадачен. Он явно не ожидал этого.

— Этот сопляк тебе так дорог?

— Дело не в этом. По моей вине он оказался здесь, и я должен был его выручить.

— Кому должен? — с мрачной иронией спросил Демон.

— Себе должен, — просто ответил Адам.

Демон задумался.

— Если это действительно так, как ты говоришь, — наконец сказал он, — ты не зря оказался в сумасшедшем доме.

— Ну да ладно! — продолжил он. — Что ты хочешь от меня?

— Мне нужно забрать свои вещи.

— Ты хочешь, чтобы я отдал тебе телепорт?

— В том числе.

Демон с усмешкой посмотрел на Адама.

— Назови хоть одну причину — почему я должен это сделать?

— Ты сам сказал, что добился того, чего хотел. Почему бы тебе не отдать мои вещи? Тебе они не нужны.

— Ошибаешься... Мне нужно оружие. Ты можешь отправиться назад и привезти сюда оружие. После этого я верну тебе телепорт. Ты заберёшь всех наших психов и проваливай,

куда хочешь. Таковы мои условия.

— Назови хоть одну причину, — серьёзно сказал Адам, — почему я должен это сделать?

— Иначе ты не получишь телепорт.

— Я смогу сделать новый. Да, это займёт какое-то время, может год, но я сделаю это.

Демон внимательно на него посмотрел, помедлил, задумавшись, и ответил:

— Тогда мне придётся задержать тебя. В скором времени я наберу отряд, захвачу монастырь, возьму всех в заложники, и у тебя появится причина выполнить мои условия.

Демон уже надменно смотрел на Адама.

— Дай мне время на раздумье, — ответил Адам. — Я хочу найти остальных обитателей Замка, убедиться, что у них всё в порядке.

— Зачем тебе этот мусор, эти отбросы? Я рад, что избавился от них.

— Дай мне время.

Демон снова задумался. Адам смотрел на него спокойно, и только сжатые губы выдавали его напряжение.

— Хорошо, — наконец решил Демон. — Я отпущу тебя, если ты мне дашь честное слово, что вернёшься в Замок через пять дней.

Адам поднял брови и посмотрел на него с удивлённой улыбкой.

— Ты не похож на человека, который верит в честное слово.

— Ты похож на человека, который держит честное слово.

Адам кивнул.

— Хорошо! Я даю тебе честное слово, что через пять дней я буду в Замке.

Он повернулся и пошёл к воротам. Демон смотрел ему вслед. Артур прижался к статуе Афины так, что будь это возможно, богиня дала бы ему пощёчину. Адам прошёл рядом, не заметив его. Когда Адам скрылся из виду, из комнаты Замка вышел человек в чёрном — это был Никто.

— Всё слышал? — спросил Демон.

— Он обманет тебя. Он не вернётся.

— Не думаю... Я хорошо его изучил. Этот глупец горд, он сдержит слово.

— Он предупредит монахов о наших планах.

— Вот уж чего я меньше всего боюсь — этих монахов. Они испугаются и разбегутся, так что и захватывать монастырь не придётся.

Артур уже хотел удалиться, но тут по лестнице спустился и вышел во двор ещё один человек. Артур с удивлением признал в нём... Мортара! Разбойник, как ни в чём не бывало, подошёл к Демону и сдержанно поклонился.

— Какие будут мне приказания, граф Редмонт?

— Андрон! — крикнул Демон. — Иди сюда!

Андрон вышел из своей комнаты и подошёл к Демону.

— Переведи ему! Сколько человек он может набрать в мою армию?

Андрон перевёл, как сумел, спотыкаясь и вспоминая синонимы, если Мортар не понимал его слов.

— Всё зависит от денег, — ответил Мортар, — так в этом мире заведено. Будут деньги — будут люди.

— Ну... это... — наморщил лоб Андрон, пытаясь понять смысл сказанного. — В общем... Утром деньги, вечером стулья, — радостно вспомнил он, и поправился, — то есть

люди.

Мортар показал золотую монету, вытащив её из потайного кармана и, усмехнувшись, положил её обратно. Демон снял с пальца кольцо и протянул Мортару.

— Деньги будут, когда возьмём монастырь. А это задаток. Мне нужно двадцать человек — отчаянных, безжалостных головорезов. Потом обсудим мой план подробно.

Андрон кое-как перевёл его слова, помогая себе руками, как будто говорил с глухонемым. В конце концов, Мортар его понял.

— Вот уж не ожидал от Андрона таких способностей, — подумал Артур. — А кольцо Демон наверняка у Хозяина украл.

— Андрон, надо сплавать в деревню за свежими продуктами, — приказал Демон. — Переправь на берег Писаку — толку от него всё равно нет, только бумагу переводит.

— От него и там толку не будет, — ответил Андрон. — Он не поймёт крестьян, и не сможет им ничего объяснить.

— Вот балласт! И вся его культура — такой же балласт. Когда придёт зима, я сэкономлю солярку на отопление — буду топить книгами, благо, книг в Замке навалом... Тогда сам займись этим, — бросил он Андрону. — Заодно отвезёшь Адама на берег.

Андрон покорно пошёл к воротам Замка. Артур опять прижался к статуе богини.

Демон махнул рукой Никто, и все трое, вместе с Мортаром, ушли наверх по лестнице. Двор опустел. Артур потихоньку, пятясь, вышел из Замка и пошёл к лодке, возле которой уже стояли Андрон и Адам.

Адам удивлённо смотрел на него.

— А ты непослушный мальчик. Я же сказал тебе — ждать на берегу.

— Я не мальчик. Я сам принимаю решения.

— Учту на будущее... Я вижу, уроки плавания, которые тебе преподавал Демон, пошли на пользу.

Адам повернулся к Андрону.

— Андрон! Не говори про него. Тебе же влетит — что не досмотрел.

Они сели в лодку, и Андрон оттолкнулся веслом.

На другом берегу, спрыгнув с лодки, Адам сказал Андрону:

— Подожди нас здесь. Заберём лошадей и доедем с тобой до деревни. Попросим крестьян, дать нам проводника до монастыря.

Через три часа Адам с Артуром подъехали к воротам монастыря. Артур был слегка разочарован. Он ожидал чего-то более величественного, что слышалось ему в слове «монастырь», но реальность оказалась гораздо проще. Посреди монастырской площади стояла церковь с невысокой колокольной, окружённая рядом хозяйственных и жилых построек. Окружал монастырь деревянный забор из заточенных брёвен.

Подъехав к церкви, всадники спешили, и сразу увидели, бегущего к ним навстречу, Паскаля.

— Аллилуйя-я! — кричал на бегу он. — Ну, наконец-то! Привет, дружище! — он обнял, чуть не уронив Артура, затем Адама.

— Спокойно! Спокойно! — утомил Паскаля Адам. — Веди нас к вашему начальству. Да потом неплохо было бы пообедать. Тогда и расскажешь — как дела?

— Да вот оно — наше начальство! — указал рукой Паскаль на вышедшего из церкви Мессию.

— Вот те раз! Приятно удивлён. Какой быстрый карьерный взлёт... И как теперь к вам

обращаться, господин Аббат? — с улыбкой спросил Адам, подойдя к Мессии.

— Зовите меня монсеньор. Так здесь принято. Рад вас видеть. Надеюсь, вы привезли хорошие новости.

— А разве я сам — не одна большая хорошая новость? — пошутил Адам.

Мессия слегка улыбнулся и махнул кому-то рукой. Подбежал молодой монах, и Мессия сказал ему на латыни:

— Дени, отведи этих людей на кухню, и, пока они будут обедать, подготовь для них гостевую комнату.

Он повернулся к Адаму.

— Пообедайте и отдохните с дороги. Вечером жду вас на службе в церкви.

В трапезной стоял длинный стол, с которого монахи убирали грязную посуду.

— Все уже отобедали и пошли по своим рабочим местам, — пояснил Паскаль.

Монашек принёс две тарелки с супом и хлеба.

— Дени, приносить компот, — обратился к нему Паскаль. — Три кружка.

— Ты говоришь на их языке? — удивился Артур.

— А вот Дени меня и учит каждый день. Меня в его келью подселили.

Паскаль хитро улыбнулся и сказал:

— Я ему подарил коробок спичек. Теперь он смотрит на нас, как на каких-то волшебников.

Артур отдал Паскалю свою бандану, объяснив, как она работает. Ему она больше была не нужна. Паскаль тут же захотел её проверить.

Когда Дени принёс компот, Паскаль сказал ему, показывая на Артура с Адамом:

— Это мои друзья. Приготовь, пожалуйста, для них комнату получше.

Дени посмотрел на него удивлённо, но кивнул и ушёл, недоумённо оглядываясь.

— Работает! — обрадовался Паскаль. — Вы заметили — как он на меня посмотрел?

Паскаль уселся за стол напротив Артура с Адамом и начал рассказывать.

— После того как нас выгнали из Замка, полдня мы сидели на берегу, думая — что делать? Ничего не придумали и пошли наугад, куда глаза глядят. Вскоре вышли на маленькую деревню, одну ночь провели в заброшенном амбаре. Никак не могли объясниться с крестьянами. Пока не пришёл местный священник, с которым Мессия поговорил на латыни. Священник посоветовал нам идти в монастырь и согласился показать нам дорогу. Так мы оказались здесь.

— Мессия быстро столкнулся с аббатом, — продолжил Паскаль. — Объяснил ему, что мы прибыли издалека, и не говорим на их языке, но можем работать в монастыре за кров и еду. Аббат спросил — исповедуем ли мы христианскую веру? Мессия заверил его, что все до одного, смиренные верующие. Мессия прочёл ему Pater noster, да с таким чувством и выражением, что даже аббат проникся, и вопрос был решён. Мессия принял имя Феофил («оно полностью характеризует меня» — сказал он) и присоединился к монашеской братии, остальным поручили посильную работу — на огороде, в кухне, в саду.

— Так мы прожили несколько дней, начали потихоньку осваиваться, но тут у Мессии начались раздоры с аббатом. Он стал читать свои проповеди, хотя был простым монахом и не имел на это право. Другие монахи слушали его, открыв рот. Ты же знаешь, как он умеет это делать. Аббат разозлился и пригрозил выгнать нас из монастыря.

Однажды он собрал всех в монастырском дворе и стал сыпать обвинениями в наш адрес. Сперва налетел на Мессию, потом перекинулся на остальных. Я не понимал — что он

говорит? Мессия нам потом рассказал.

— «Привёл с собой толпу таких же сумасшедших, как сам! Один ходит, размахивая руками, и разговаривает сам с собой», — кричал Аббат, указывая на Сократа.

— «И что тут удивительного?» — защитил Сократа Мессия. — «Приятно поговорить с умным человеком».

Некоторые монахи засмеялись. Аббат сурово глянул на них.

— «Воображает себя Сократом! А что твой Сократ? На весь мир признался, что ничего не знает».

Сократ слушал, не понимая, что ему говорят, но Мессия снова ответил за него.

— «Некоторые люди знают, что ничего не знают. Остальные не знают даже этого».

Монахи опять не выдержали и засмеялись. Аббат стукнул посохом о пол и продолжил.

— «Другой ходит по монастырю и тыкает всех пальцем», — он посмотрел на Маркуса, который, похоже, не замечал, что речь пошла о нём. — «Третий за монашками подглядывает», — тут он посмотрел на меня.

— Ну вот, ей-богу, клевета! — вскинулся Паскаль. — Ну, гулял я с одной девушкой, дочкой диакона, ну так она ещё не монашка, а только послушница.

— Ладно, ладно! — посмеялся Адам. — Можешь не оправдываться. Что дальше-то было?

— Мессия успел завоевать уважение простых монахов, и они встали на его сторону, тем более что аббата никто не любил. В результате произошла мини-революция, аббата изгнали с позором, и монахи избрали себе новым аббатом Мессию. Аббат Леруа грозил всеми небесными карами, и поскакал к юному графу за помощью. Но молодой Тибо был в Париже, где его мать, оказывается, стала королевой, женой короля Роберта. Монахи же отправили епископу просьбу поддержать их выбор, описали всё прегрешения аббата Леруа и всячески восхваляли своего избранника. Епископ ответил сдержанно и обещал отправить своего представителя для разбора монастырских дел. Вот ждём, когда он до нас доберётся.

Паскаль неожиданно засмеялся. Увидев недоумённые взгляды, пояснил.

— Судья было начал судебный процесс против аббата, но я его отговорил. Слишком мелкая для вас фигура этот аббат, — сказал я. — После господина Б. опускаться до простого аббата не стоит.

И как раз, к слову, в трапезную заглянул Судья и с порога стал возмущаться.

— Адам, куда вы нас привезли? Что за дикие времена! Я спрашивал мыло, на меня уставились, не понимая — чего я от них хочу. Я потирал руки, пытался им наглядно показать — смотрят на меня, как на сумасшедшего. Я не могу жить в такой антисанитарии! Верните меня в цивилизованное общество!

— Я уже научился мыть руки золой, — заявил Паскаль. — Это дело привычки. Но что меня раздражает — необходимость три раза в день ходить на молитву и прикидываться верующим. Сначала было забавно, я даже говорил себе — ну сыграй роль, ты же когда-то пытался быть актёром — но быстро надоело. Я хочу в Замок, я хочу к своему ноутбуку.

— Потерпи, потерпи, — посмеялся Адам, — всё будет в своё время.

После обеда Дени провёл их в маленькую комнату, которая Артуру уже была знакома. Здесь они ночевали вместе с Шутом.

— Как вам наш Феофил? — спросил у Дени Артур.

— Станный он какой-то, — охотно поделился Дени. — Но проповеди читает — заслушаешься!

— Лучше аббата Леруа? — улыбнулся Артур.

Дени махнул рукой.

— Старого аббата монахи не любили... Аббат, вообще-то, циник. Я слышал своими ушами, как он говорил Феофилу: «Зачем ты придумываешь нового Бога? Ведь есть же готовый — бери и пользуйся!»

Артур, не удержавшись, засмеялся, а Дени, смутившись, поклонился и закрыл за собой дверь.

Адам прилёг на кровать Шута, Артур присел на свою кровать, осматривая нехитрое убранство. Небольшой столик, два стула, печурка и ниша в стене, где лежала Библия и стоял подсвечник — больше ничего в комнате не было. Сквозь маленькое слюдяное оконце пробивался дневной свет.

— Мрачновато, однако, — заметил Артур. — Соседние комнаты и побольше, и посветлее.

— Да пойдёт! — устало сказал Адам и закрыл глаза. — Я надеюсь, мы здесь не задержимся... Я что-нибудь придумаю.

Он потянулся на кровати, вытянув руки, выдохнул, а потом энергично поднялся и обратился к Артуру:

— Ты сходи на огороды, поздоровайся со всеми, а я пойду, поговорю с Мессией.

Монастырские огороды начинались сразу за монастырской стеной. После радостной встречи и объятий Артур присоединился к работающим на прополке Маркусу и Ньютону, и невольно подслушивал их разговор.

— Ничего не понимаю, — вздыхал Маркус. — Как я могу здесь находиться, если я ещё не родился?

— Да всё относительно, — успокаивал его Ньютон. — Мы, учёные, к этому давно привыкли. Вон на Венере сутки длиннее года.

— Как это? — насторожился Маркус.

— А так — за один венерианский день сменяются все времена года. Утром весна, днём лето, ночью осень с зимой.

— Так не бывает, — не поверил Маркус.

— Бывает, бывает! — заверил Ньютон. — Это научно доказанный факт.

— Это что же... Позавтракал весной, пообедал летом, а поужинал осенью?

— Ну нет!.. — задумался Ньютон. — Так вы, пожалуй, с голоду помрёте. Год у Венеры почти равен нашему. А день длиннее года.

— Я окончательно запутался, — сокрушённо сказал Маркус. — Значит, время — тоже обман?

— Я бы не сказал, что обман. Просто мы его неправильно понимаем.

— А как его следует понимать?

— Как течение реки. Мы плыли на лодке по реке, а потом Адам взял и перекинул нашу лодку назад к истокам реки. И теперь мы плывём в другом времени. Через тысячу лет мы вернёмся в свои воды — в XXI век.

— Я не доживу, — грустно сказал Маркус и вздохнул.

— Не переживайте, Маркус! — сказал Ньютон. — Мне, например, даже стало интересно. Я сомневался, что путешествие по времени возможно, и очень рад, что мне довелось участвовать в этом научном эксперименте. Я спрошу Адама, как работает его машина. Наверняка она использует неизвестные мне законы физики.

— Что же, и в будущее можно попасть?

— Наверно, — немного нерешительно сказал Ньютон. — Во всяком случае, Адам это обещает.

— Как-то это странно, — задумался Маркус. — Жить, когда ты ещё не родился, и жить, когда ты уже умер.

— Так это же хорошо! — пошутил Ньютон. — Съездить в будущее, чтобы положить цветы на свою могилу.

Через пару часов работы на грядке Артур почувствовал, что с него хватит. С непривычки заболела спина, и он обрадовался, увидев идущего к ним Адама.

Адам поздоровался со всеми и присел на траву. Артур сел рядом.

— О чём говорили с Мессией?

— Расспросил его, что из себя представляет монастырь, можно ли тут защищаться от нападения? Он провёл для меня маленькую экскурсию по монастырю... Три десятка монахов, в основном крестьяне. Из оружия только топоры, вилы, лопаты... Стена монастырская, конечно, внушает, но её легко поджечь. Так что серьёзной осады монастырь не выдержит... Мессия предложил не ждать нападения, а напасть самим. Он мечтает захватить Замок и перенести монастырь туда. «Замок посреди озера практически неприступен, и мы сможем его защитить», — говорит он. — Но... — Адам призадумался. — Как-то не хочется мне пускать в наш дом всю эту братию.

Артур посмотрел на Адама.

— Что будем делать?

— Не знаю... Пока не знаю.

Адам помолчал, а потом улыбнулся.

— Мессия благодарил меня за то, что я перенёс его в Средневековье. «Это моё время», — сказал он. — «Здесь я чувствую себя, как рыба в воде. В ту эпоху, откуда мы прибыли, я был изгоем, меня объявили сумасшедшим. Видимо я родился слишком поздно, и благодарен тебе, что ты исправил эту ошибку». «Не стоит благодарности», — ответил я. — «Ora pro nobis».

Вечером собрались на службу в монастырском храме. Так возвышенно монахи называли свою церковь, где с трудом размещались пятьдесят человек — монахи и миряне из окрестных деревень и Кардерлина. Впрочем, был ещё второй ярус, где стояли скамьи для певчих и заезжих благородных господ.

Мессия вышел в торжественном аббатском одеянии. Но подойдя к амвону, оглядел собравшихся, снял с себя двумя руками головной убор, положил его на амвон и, попросив прислужника — «помоги мне» — вытянул руки вверх. Мальчишка-прислужник помог ему снять мантию. Мессия бросил её перед собой. Сбросив обувь, он босиком наступил на аббатскую мантию, и предстал перед монахами в обыкновенной монашеской рясе.

— Сегодня, братья, я прочитаю вам проповедь о нашем призвании... Внимайте моему слову, ибо через меня говорит дух высокий, дух небесный. Чувствую его силу и не могу сдержать слов, переполняющих меня. Слова мои пусть летят в небо, в уши Отцу нашему. Ибо как тёплый воздух, струясь, поднимается вверх, так и добрый дух устремляется в небеса.

Он ещё раз оглядел собравшихся в храме. Тишина стояла такая, как бывает перед грозой, перед первым раскатом грома. Всё внимание было приковано к нему, все ожидали его слов.

Мессия начал проповедь спокойно, негромким, но твёрдым голосом.

— Слышали вы, что Господь сотворил мир за шесть дней... Я расскажу вам про день

седьмой.

— Неверующие говорят — почему этот мир столь несовершенен, почему в нём существует страдание? Не знают заблудшие Истину. Вам её открываю я. Бог ещё не закончил создание мира. Как хозяин строящегося дома, Бог создал место и время, Бог привёз строительный материал и привёл работников. Мы эти Божьи работники, нам доверено построить мир, в котором не будет места страданию. Вся человеческая история есть седьмой день творения. Впереди у нас много работы. Нам доверено важное дело. Мы должны осознать это и приняться за работу радостно, с верой в сердце.

— Не ждите второго пришествия! — возвысил голос Мессия. — Не ждите Страшного Суда! Заблуждение должно быть отвергнуто. Этот мир дан нам Богом в вечное пользование. Это наш дом и не будет другого! В нём наши упования, на него наши надежды. Прошли уже тысячи лет и ещё пройдут тысячи. Это неважно для Бога. Ибо века наши для Него секунды.

— Забудьте про Ад и Рай! Не просите подарков, не бойтесь наказаний. Без страха и корысти служите Господу, и Он не оставит вас вовеки! Он доверился нам, доверьтесь Ему.

Голос Мессии поднимался, он говорил всё громче, уверенней. Он выпрямился во весь рост, он разгорался внутренним пламенем, и оно плескалось из него, обжигая собравшихся в церкви.

— Исказили слова Сына Божьего! Не поняли Его апостолы. Все мы — дети Божии. Не рабы, а работники. Он доверил нам мир, Он отдал его в наши руки. Чтобы мы в этот день седьмой работали неустанно, и построили мир без страданий и несправедливости. Он поверил в нас, как же нам оправдать Его доверие? Только верой и благодарностью. Только радостным трудом завершения мира. Не мечтать о спасении, а мечтать о служении — вот к чему призываю я вас!

Он впадал в какой-то транс, и уже не думал — что говорить? — что-то говорило его ртом. Все слушали в оцепенении, глядя ему в лицо, не в силах оторваться и стряхнуть наваждение.

— Говорю вам! Не гасите свет, и не придётся бродить в потёмках. Не возжигайте тьму, и не придётся искать огня. Но слепые ходят под солнцем, а ищут света. Безумцы! — не свет вам нужен, но чистые глаза. Истинно говорю вам: блуждая во тьме, не просите света, промойте свои глаза.

— Сеанс массового гипноза, — подумал Артур, чувствуя на своей спине холодные мурашки. Он осторожно огляделся вокруг — все глаза были устремлены на Мессию. А Мессия заканчивал свою проповедь, внезапно успокоившись.

— Как же мы должны обустроить мир? Ответ дан в самом начале. «И создал Господь свет и увидел, что это хорошо». Светите миру, освещайте все его самые потаённые уголки и, если недостаточно света, зажгите себя, как свечу. Светом наполним наш мир — тёплым, ласковым светом.

— Ступайте за мной — я приведу вас в мир, из которого не надо бежать. Я приведу вас в мир долгой и радостной работы. «Ora et labora» — будет наш девиз. Я приведу вас в мир, подаренный нам Отцом в вечное пользование. Я приведу вас в мир, полный света. Ибо свеча моя на ветру не гаснет, и горит — не сгорает. Аминь!

Поднявшись со скамьи, Артур с облегчением вышел из храма в толпе монахов. Оглядевшись, увидел Адама и подошёл к нему.

— Наш Мессия добрался наконец до благодарной аудитории, — поделился Артур впечатлением от проповеди. — Монахи слушают его, открыв рот.

— Это долго не продлится, — хмуро кинул взгляд на Артура Адам. — Слишком еретические для них его речи. Посмотри — некоторые монахи собираются кучкой и шушукаются между собой, бросая на Мессию совсем не дружественные взгляды. Чувствую, что всё закончится для него отнюдь не благостно.

Поздним вечером, гуляя за монастырскими воротами, Артур встретил Мессию и подошёл к нему.

— Мне понравилась ваша проповедь о седьмом дне творения. Но хотелось бы уточнить — чем должны мы заняться в этот день? Если у вас продуманный план на тысячелетия?

— Седьмой день творения — выходной для Бога и рабочий день для нас, — пояснил Мессия. — За шесть дней творения Бог создал пространство, время и рабочую силу. На седьмой день творения Бог мог отдохнуть, потому что созданный им план мира начал осуществляться уже сам, заложенными в него силами и законами. Седьмой день творения продолжается и впереди ещё много работы. Тысячелетий не хватит, чтобы освоить и заселить весь мир. Живите не торопясь, главное зла не делайте, удаляйте зло из своей души.

— «Не делать зла», — зацепился за мысль Артур. — А как же — «добро и зло — две стороны одной монеты»?

— Для Бога — да. А для человека — поверните монету к себе доброй стороной. Она прекрасна... Для Бога, — продолжил он, — и времени нет, но человеку дано время. Приходится в нём жить.

Они медленно шли по тропинке, бегущей вдоль монастырской стены.

— Если вывести человека за скобки, — сказал Артур, — в остальном мире наверно нет никакого добра и зла. Проблема в том, что человек не может вывести себя за скобки.

— В человеческом мире зло неизбежно, — кивнул Мессия. — Человек может только уменьшить его... Знаете поговорку — свет во тьме светит? Вот и добро во зле светит. Не могут они друг без друга.

Они повернули и пошли обратно, также не торопясь. Мессия говорил спокойно и умиротворённо.

— Бог создал Вселенную, как часовщик создаёт часы. Бог вдохнул жизнь во Вселенную, часовщик завёл часы. Дальше Бог уже не нужен, также как не нужен часовщик. Берите этот мир, берите эти часы, и пользуйтесь. Не забывайте только добавлять своей энергии в этот мир, заводите свои часы, и живите в мире под мирное тиканье времени.

Пересказав вечером этот разговор Адаму, Артур заявил:

— Я понял, что Мессия деист. Он признаёт Бога — Создателя мира, но мир после создания доверен Им человеку. Бог создал этот мир с его законами, как физическими, так и нравственными, и занялся другими делами. У него много планов, много миров в задумке. Проще говоря, Он расчистил строительную площадку, завёз материалы и привёл строителей. Дальше уже их работа. Пусть сами решают, что строить — храм или кабак? Он не сидит на облаке и не подсчитывает наши грехи на своём калькуляторе, у него много более важных дел.

Адам посмеивался, растянувшись на постели, закинув руки за голову.

— А зачем тогда нужен — такой Бог? Если Он больше никак не влияет на этот мир. Сказать ему «спасибо» и помахать ручкой?

Он взял из ниши Библию, пролистал её и положил на место. Посмотрел на Артура и сказал:

— Прикасаясь к любой религии, говори: нет дыма без огня. Но помни — это только

ДЫМ.

— Вы считаете себя атеистом? — прямо спросил Артур.

Адам посмотрел на него уже серьёзно, и через короткую паузу ответил:

— Нет, — он слегка призадумался. — Слишком широкое и потому пустое это понятие.

Определение должно что-то утверждать, а атеизм всего лишь отрицание. Два разных атеиста могут быть непохожи друг на друга больше, чем верующие разных конфессий... Если тебе надобно слово, которое ты мог бы повесить на меня, как ярлык, — он пожал плечами, — напиши на этом ярлыке — «этерналист». А что это значит, поймёшь не скоро.

— Давай лучше подумаем, что нам делать дальше? — предложил он. — Как будем бороться с Демоном?

— Я не знаю — на что он надеется? — развёл руками Артур. — Что он может сделать в этом мире со своим сбродом? В его «армии» всего двадцать разбойников с дубинами.

— Писистрату, чтобы стать тираном, хватило пятидесяти человек, вооружённых дубинами.

— Так это когда было — в Античности! Сейчас такой фокус уже не пройдёт. Граф де Блуа разобьёт его в пух и в прах.

— Может быть, может быть. Но до этого нам ещё надо дожить. У нас мало времени. Если мы ничего не придумаем, через четыре дня я должен буду вернуться в Замок.

— Неужели вы собираетесь вернуться? — спросил Артур.

— У меня нет выбора. Я дал слово.

— Вы дали слово плохому человеку. Никто не осудит вас, если вы его не сдержите.

— Это не имеет значения. Я должен сдержать слово, даже если дал бы его каменной стене Замка.

Адам заснул быстро. Артур ворочался в постели и слышал, как в соседней комнате кто-то стучит по полу и по стенам.

— Что это они там делают?

Наконец любопытство одержало верх, и он встал с кровати. Вышел из комнаты и заглянул к соседям. Ньютон с тапком в руке стоял посреди комнаты и оглядывал стены.

— Подбил уже трёх тараканов, — сообщил он Артуру. — Мне не спится, а им не везёт.

На кровати, укутанный одеялом, заворочался Поэт.

— Оставьте вы их в покое, безжалостный вы наш!

— Я не святой Франциск, — сурово сказал Ньютон, — и чёрный таракан мне не брат.

— Интересно, — обратился он к Артуру, — а тараканы здесь верующие? Должны быть верующие, раз живут в монастыре.

— Вы же неверующий, но живёте в монастыре, — резонно заметил Артур.

— Действительно! — согласился Ньютон. — Но я к чему говорю? Если они верующие, то я для них благодетель — отправляю их прямо в тараканий Рай.

— А вдруг они грешники? — улыбнулся Артур. — Тогда вы отправляете их в тараканий Ад.

— Ада нет — вам же Мессия сказал, — заметил Поэт.

— Вы были на мессе? — спросил его Артур.

— Был, но я ничего не понял. Я не знаю латыни.

Артур вкратце пересказал Поэту проповедь о седьмом дне творения. Поэт очень заинтересовался и даже присел на постели, слушая Артура.

— Это я понимаю, — кивнул он. — Нам дали мир, как чистую тетрадь. И от нас зависит

— что мы напишем на её страницах? — красивую поэму или пошлый рассказ?

— Хватит болтать! Давайте спать, — поставил точку Ньютон, и Артур оставил соседей, вернувшись к себе.

Он залез в постель, закрыл глаза, глубоко вдохнул, и через пару минут уже крепко спал. Так закончился этот долгий, насыщенный день.

Утром Артур, смеясь, рассказал ночной разговор Адаму.

— Ньютон — человек суровый, — кивнул Адам. — Вот Поэт — его полная противоположность. У него в комнате, в нашем Замке, на столе стоит пол-литровая баночка. Когда в комнату залетит надоедливая муха, или пчела, или какой-нибудь жук, он ловит их этой банкой и выпускает на волю за дверь. Это его компромисс. «Я не могу жить с вами, но не хочу вас убивать. Давайте жить отдельно».

— Не поверишь! — продолжил он с улыбкой. — Однажды я застал его за тем, что этой банкой он ловил комара. Поймал и выпустил во дворе. Я ему тогда попенял: «вот ты выпустил комара, а потом он Ньютону не даст спать ночью — ты будешь виноват».

Адам провёл основательную ревизию монастыря, пытаясь понять — может ли он выдержать долгую осаду? Выводы его были неутешительные.

— Здесь мы долго не продержимся. На монахов рассчитывать не приходится. Они все из крестьян, настоящего оружия никто в руках не держал. Да и оружия, как такового, нет.

Адам придирчиво осмотрел единственный найденный меч, и провёл пальцем по лезвию.

— Да... Это явно не Экскалибур. Вы хотя бы наточили его, как следует.

Он протянул меч Паскалю и посмотрел на Артура.

— Может, стоит съездить в Кардерлин, да прикупить что-нибудь из оружия?

— Я могу съездить, — с готовностью предложил Артур. — Сегодня же и съезжу.

— Возьми мою лошадь, и можете съездить вдвоём с Паскалем. Вдвоём всё же безопаснее. Ты умеешь ездить на лошади? — обратился он к Паскалю.

— Обижаете Адам! — ответил Паскаль. — Я за то время, что мы здесь, уже двух коней объездил.

Через полчаса Артур с Паскалем скакали галопом по дороге в Кардерлин. У Артура ещё оставались деньги, вырученные за кольцо. Но Адам сунул ему в карман ещё мешочек с монетами.

Доехав до ярмарочной площади, они спешили с лошадей. Привязали их в конюшне за корчмой, где пожилой усатый солдат выдал им две деревянные бирки в обмен на пару медных монет. Оглядев открытую конюшню под навесом, где ожидали своих хозяев два десятка лошадей, Паскаль заметил:

— Это у них платная парковка, значит, такая? Понятно.

Они прошлись до оружейных рядов, и Паскаль стал дотошно и придирчиво осматривать всё, что там продавалось. Он пощупал и потрогал всё и, обернувшись к Артуру, спросил:

— Сколько у нас денег?

— Тридцать солидов, — ответил Артур, похлопывая мешочек с монетами на поясе. — Триста шестьдесят денье.

Паскаль задумался.

— Эх! Кольчуга нам не по карману. Половина денег на неё уйдёт... Вон тот лук мне понравился. Видно, что не игрушка — боевое оружие. Но он стоит восемь солидов. И колчан со стрелами — ещё два солида. Как думаешь, взять?

— Мне он тоже понравился. Но один колчан со стрелами — это несерьёзно. Нужно брать хотя бы два.

— Соображаешь! — согласился Паскаль. — Ну, я тогда поторгуюсь ещё. Нам бы пару мечей купить. Это ещё двенадцать солидов.

— Держи деньги! — Артур протянул мешочек Паскалю. — Ты давай торгуйся, а я в корчму найду. Встретимся на «парковке».

Артур зашёл в корчму, надеясь повстречать там Шута, но его надежда не оправдалась. Среди двух десятков крестьян и солдат, ни Шута, ни толстяка Петра Артур не увидел. Хозяин, признав его, подошёл к нему.

— Что прикажете, господин? Яичница, мясо, вино?

— Нет, спасибо. Я надеялся здесь увидеть шевалье Буффона.

— С тех пор, как вы уехали с Виконтом в монастырь, он здесь не появлялся. Кружку вина, молодому господину! — крикнул он слуге. — Это вам от меня лично.

Артур поблагодарил и, найдя свободное место, сел за стол. Слуга принёс ему кружку красного вина. Артур пригубил и продолжил осматривать посетителей. За соседним столом в окружении солдат сидели две девицы, очевидно зарабатывающие себе на хлеб самым древним способом. Вся компания была в изрядном подпитии, громко разговаривала и смеялась. Одна из девиц, разбитная пышечка с рыжими распущенными волосами, остановила взгляд на Артуре и, недолго думая, встала и, слегка пошатываясь, пошла к нему. Она села напротив него и сразу заговорила:

— Почему молодой господин скучает? Не желаете весело провести время в компании очаровательной девушки?

— А где девушка? — от смущения невольно схамил Артур и тут же покраснел.

— Да вот же она! — удивилась девица, указав на себя. — Фуй, какой непонятливый мальчик.

Подошёл хозяин корчмы и осадил девицу.

— Грида, оставь молодого господина в покое! Ему нравятся другие девушки. Твоя публика — солдаты и вилланы. Иди, работай!

Девица, чуть-чуть погримасничав, поднялась и вернулась в свою компанию. Артур хотел уже уходить, но неожиданно для себя, за дальним столом, он увидел знакомое лицо и вздрогнул — Мортар! Разбойник сидел вполоборота к нему, разговаривая о чём-то с молодым парнем, по виду крестьянином. Артур отвёл взгляд и задумался — уйти сейчас или понаблюдать за Мортаром? Он ещё раз бросил взгляд в ту сторону и внутренне похолодел. Мортар смотрел прямо на него. Затем он встал и направился к нему. Артур напрягся, но заставил себя сделать глоток из кружки. Когда он поставил кружку на стол, Мортар уже сидел напротив него и смотрел в упор.

— Хочешь заработать? — спросил он. — Есть хорошая работа для такого бравого парня, как ты.

Артур сделал вдох и выдохнул, ему полегчало. Мортар очевидно не признал его.

— Что за работа? — как можно спокойней спросил он.

— Я служу знатному господину, графу Редмонду. Слышал о таком? Он владелец большого замка недалеко отсюда. Ему нужны верные слуги, способные держать меч в руке. Он хорошо заплатит.

— Он набирает себе армию? — прямо спросил Артур.

— Можно и так сказать, — усмехнулся Мортар. — Соглашайся, не пожалеешь.

— Я состою на службе графа де Блуа, — придумал Артур и встал. — Извините, я должен идти.

Он вышел из корчмы, повернул за угол и перевёл дух. Неожиданная встреча взволновала его. Он дошёл до «парковки» и увидел Паскаля.

— Где ты ходишь?! Я уже хотел тебя искать! — сказал Паскаль. — Посмотри — какой красавец!

Он протянул ему большой лук. Артур взял его в руку и потрогал тугую тетиву.

— Один лук, два колчана со стрелами и два небольших меча, — отчитался Паскаль. — Держи восемьдесят денье — всё, что осталось. Хотел ещё два щита взять, но медные — слишком дорогие, а деревянные мне показались несерьёзными.

— Ну и хорошо! — сказал Артур, забирая мешочек. — Деньги нам пригодятся.

Они вывели своих лошадей, привязали покупки к сёдлам и отправились обратно в монастырь. По дороге Артур рассказал другу о встрече с Мортаром.

— Надо было согласиться и потребовать задаток, — смеясь, сказал Паскаль.

Услышав о встрече с Мортаром, Адам встревожился.

— Демон не тратит время зря. Пока мы тут сидим, он набирает людей. Деньги у него быстро закончатся, и тогда он двинет на монастырь.

Адам осмотрел покупки и остался недоволен.

— Этого мало, это почти что ничего. И денег больше нет. Я просил Мессию — раскошеться на общее дело, выдай денег из монастырской казны. Но он мне отказал. Говорит, до прибытия епископского посланника, он не имеет права распоряжаться казной. Я, говорит, ещё не аббат, я временно исполняющий обязанности аббата.

Вздыхнув, Адам мотнул головой и улыбнулся.

— Ладно! Вешать нос не будем. Идите, опробуйте свои покупки. Только друг друга не поубивайте.

Первым делом опробовали лук. В небольшой роще у монастыря выбрали сухое дерево и стали стрелять в него с десяти шагов. Много мазали, и тогда приходилось бродить по роще, искать улетевшие стрелы. Намаившись, Паскаль сказал:

— Нет, так не пойдёт! Пойдём к монастырской стене!

На брёвнах стены углём он нарисовал мишень и, отойдя, полюбовался на свою работу.

— Ну вот, это другое дело!

Через полчаса интенсивной тренировки стало что-то получаться. После этого они устроили «рыцарский турнир». Вооружившись мечами, разыграли поединок и так увлеклись, что даже не заметили, как подошёл Адам.

— Полегче, полегче! — сказал он. — Вы мне нужны живые и здоровые. Ну-ка, дай мне меч, — попросил он Паскаля.

Взяв в руку меч, он покрутил его, как опытный джедай.

— Возьми вон ту ветку, — попросил он Артура, указав мечом на землю.

Артур поднял с земли ветку.

— Держи её в вытянутой руке.

Артур выполнил приказание. Адам сделал короткий замах и перерубил ветку пополам.

— Bravo, мастер! — сказал удивлённый Паскаль. — Когда это вы научились так ловко орудовать мечом?

Адам отдал ему меч и улыбнулся.

— Давно живу.

Работая на огороде, пропалывая грядки овощами, Артур с Паскалем разговорились с Дени.

— Я ведь в монастырь не по своей воле попал, — рассказывал монах. — Мне семь лет было, когда случился неурожайный год. Голод был в деревне, много народу померло. А нас у матери четверо — я с братом, да две сестрёнки малые. Ну, мать и отправила сыновей в монастырь. Кланялась аббату, ручки целовала. Взяли нас в послушники. Брат мой старший здесь перезимовал и сбежал обратно домой. Не понравились ему порядки монастырские. А я вот притерпелся, да обвыкся тут. Уже десять лет служу. Звонарём меня сделали.

— А отец твой жив?

— Какой там! Я и не помню его. Знаю, что плотником был, помер по пьяному делу. Заснул на дороге ночью. Телега его и переехала. Три дня хрипел, кровью харкал, а потом помер.

На соседней грядке увлечённо работал Сократ. Оторвавшись от работы, он выпрямил спину и посмотрел на беседующих. Дени приветливо ему кивнул, а, когда Сократ отвернулся, настороженно спросил Артура.

— А что это он такой?

— Какой? — Артур бросил взгляд на Сократа.

— Станный... Ходит по двору кругами, сам с собой разговаривает.

— Это он с ангелами разговаривает, — пошутил Паскаль.

— А-а! — Дени был впечатлён. — И что говорят ему ангелы?

— Всё хорошо, говорят, брат Сократ. Ждёт тебя райская жизнь, и твоих друзей тоже, — продолжил шутку Паскаль, но Дени принял его слова буквально.

— А я ему друг, — встрепенулся он. — Я ему дрова колоть помогал.

— Ну, значит, и тебя ждёт райская жизнь, — обнадёжил его Паскаль.

— А разве Мессия... то есть Аббат, уже проповедует Рай? — удивился Артур.

— Он проповедует, что Бог исполняет желания тех, кто хорошо поработал для Него на Земле, — пояснил Дени. — И если такой человек захочет в Рай, он попадёт в Рай.

— Это что-то новое для меня, — сказал Артур и посмотрел на Паскаля, как бы требуя подтверждения. Паскаль согласно кивнул и поделился мыслями.

— Мне кажется, я понимаю, что с ним происходит. Он понял, что компромисс неизбежен, если он хочет найти себе последователей. Он пытается трансформировать свою веру так, чтобы она была понятна и приемлема этим людям.

— А хорошо наверно в райском саду? — мечтательно сказал Дени. — Деревья красивые вокруг, птички райские щебечут, ангелы поют весёлые песни.

— Хорошо... — якобы согласился Паскаль и сжал губы. — День хорошо, сто дней хорошо, на тысячный день станет тошно. Захочется сбежать от этой красоты — куда угодно, только сбежать.

— Как может надоест красота? — удивился Дени.

— А вот так. Даже если ты большой сластёна и любишь конфеты, заставь тебя питаться только ими тысячу дней, ты возненавидишь сладкое, тебе захочется солёного и горького... Человек так устроен, ему всегда чего-то не хватает.

— Ад у Данте описан детально, — сказал Артур Паскалю, — а Рай как будто размыт, не хватает конкретики, зримости. Видимо Ад описывать проще, чем Рай. Рай вообще нечто эфемерное. Только представлю себе вечное блаженство райского сада, и сразу вспоминается андроновский бычок на лугу.

— Рай невозможен в присутствии Ада, — хмуро сказал Паскаль. — Плохо представляю себе праведников, с умилением слушающих вопли грешников.

Из ворот монастыря вышел Мессия и направился к ним. Дени вскочил и поклонился Аббату.

— Дени, — обратился к нему Мессия, — ты не выполнил моё поручение. Я вчера просил тебя вымыть пол в церкви, а ты вместо этого гонял мяч с Паскалем.

Дени потупил взор, уши его покраснели.

— В наказание прочитаешь вслух десять раз Аве Мария и десять Отче наш.

— Это лучше, чем десять дней Ада, — негромко прокомментировал услышанное Паскаль, и Артур невольно улыбнулся.

— А сейчас, — продолжил Мессия, — поезжайте с Гунтаром в Кардерлин. Отвезёте вино на продажу.

Дени ещё раз поклонился и побежал к воротам. Мессия оглядел грядки хозяйственным взглядом.

— Разрешите мне тоже поработать, — сказал он.

— Как мы вам можем запретить, монсеньор? — шутливо сказал Артур. — Это для нас большая честь.

Мессия присоединился к работающим и завёл разговор.

— Вы вчера не были на вечерней службе, — обратился он к Паскалю. — И на обедне я вас не видел.

Паскаль нахмурился.

— Вы же знаете, что я человек неверующий. Зачем мне ходить на службы? Неужели вы надеетесь меня обратить в свою веру?

— Неверующих людей нет, — просто сказал Мессия. — Во что-то вы верите — куда без этого?

— Я верю в разум, верю в любовь.

— Но Бог и есть наивысший Разум и наибольшая Любовь.

— Что-то вроде раньше вы говорили иначе, — ворчливо пробурчал Паскаль. — И давайте не будем об этом. У вас есть три десятка монахов. Вот им и проповедуйте.

— Вы не знаете, от чего вы отказываетесь. Если верите в Бога, Бог вам помогает.

— Вам помогает не Бог. Вам помогает вера, — рассудил Паскаль.

Мессия бросил на него удивлённый взгляд, но потом улыбнулся.

— Пусть так... Но помощь и силу, поддерживающую меня, я чувствую.

— Вы же не Бога ищете. Вы себе оправдания ищете, — вдруг заявил Паскаль.

Мессия не удивился и не обиделся, но возразил.

— Не себе — человеку... А хоть бы и себе. Что в том дурного?.. Если Бога нет, то человек — эфемерная вещь. Сам себя придумывает, своими фантазиями живёт.

— Вы верите, что Бог есть. Я верю, что Бога нет. У нас разные веры.

— Моя вера мне крылья даёт, а ваша — голое и бессильное отрицание. Не верите в христианского Бога, найдите своего.

— Главное, страх Божий иметь? — продолжал своё Паскаль.

— Ну, если глуп, имей страх, — вздохнул Мессия, — а, если умён, имей любовь.

Паскаль насупился и замолчал.

— И вы, уважаемый, — повернулся Мессия к Ньютону, работавшему на соседней грядке, — перестали ходить на службу.

— Стар я уже, — хмуро сказал Ньютон, — чтобы свои убеждения менять. К тому же латынь я не понимаю, а просто для галочки отсидеть — смысла не вижу... Давайте, я лучше монахам физику начну преподавать. Не сложно, в рамках средней школы.

Мессия опять улыбнулся. Артур отметил для себя, что Мессия изменился, стал спокойнее, уверенней и улыбчивей, как человек, который наконец нашёл себя и своё место.

— Ничего не имею против науки... Многие учёные пришли к выводу, что в основе Вселенной лежит антропный принцип, что указывает на разумный замысел Творца... Но монастырь не место для мирских наук. Где-нибудь в городе, хотя бы в Кардерлине, вы могли бы набрать смышлённых малышей на свои уроки. Для этого вам надо изучить их язык. Я вот его каждый день изучаю, чтобы в будущем для мирян проповедовать на понятном для них языке.

Подошёл Адам и обратился к Мессии.

— Там какой-то крестьянин вас спрашивает. Жена у него помирает, вас просят приехать, исповедовать и соборовать.

Мессия поднялся, отряхнул сутану от земли и пошёл в монастырь.

— А разве это его дело? — удивился Артур. — Для этого любой священник сгодится.

— Может быть, но Мессия не отказывает, если его просят, — сказал Сократ. — За это я его уважаю.

— О чём беседовали? — присел возле работающих Адам.

— Да он меня всё в церковь затащить пытается, — хмуро бросил Паскаль, кивнув головой в сторону Мессии. — А мне надоело притворяться.

— Сходил бы, поддержал Мессию, — выпрямился, потирая натруженную спину Сократ, — небось, не развалишься. А то пойдут пересуды, что Аббат с безбожниками дружит. У него ведь и так недоброжелателей хватает.

— Я с монахами легко общаюсь, — продолжил он. — С верующими проще дело иметь. В наше время у людей такая каша в головах! Смесь христианства с язычеством, с пантеизмом, с неверием — сам чёрт ногу сломит! С верующими всё понятно. Знаешь — чего от них ждать, каковы их мечты и намерения. Если что-то пошло не так, всегда можешь взять их священную книгу и ткнуть носом — «что ты, дружок, свою веру нарушаешь!» Верующих не бойся, бойся неверующих. Вот от них можно ждать чего угодно. Даже, если они считают себя высоко моральными людьми. Мораль без веры, что песок без цемента. На ней ничего не построишь, всё развалится от дуновения ветра.

— И какая ваша вера? — с плохо скрытой иронией спросил Паскаль.

— Моя вера в человека! — не смутился Сократ. — Такая религия тоже есть.

Вечером Артур, заскучав от безделья, решил подняться на колокольню. По ветхой деревянной лестнице он забрался наверх, и там неожиданно увидел Поэта. Он сидел на полу, прислонившись к стене. Услышав шаги, он поднял голову.

— Что вы здесь делаете? — удивился Артур.

— Я слушаю музыку.

Артур прислушался к вечерней тишине.

— Где? Я ничего не слышу.

— Я слушаю музыку в себе. Она звучит у меня в голове.

Он смущённо улыбнулся.

— Наверно я бог бы стать композитором, если бы мог её записать. Но я не знаю нотной грамоты, да и лень мне её записывать. Она просто звучит во мне. Этого достаточно.

— И на что она похожа?

— По-разному. Зависит от настроения. Иногда это грустный сонет на расстроенном пианино... Иногда — это бравурный марш с целым оркестром... Иногда — это голос скрипки под аккомпанемент фортепиано... По-разному.

— А что сейчас звучит в вашей голове? — заинтересовался Артур.

— Что-то трагическое, — смутился Поэт. — Напоминает «Сарабанду» Генделя.

Он помолчал, задумавшись, и потом сказал:

— «Que me vent cette musique?» — удивлённо спрашивал себя Толстой. Его пугала эта явная власть над ним непонятной ему стихии.

— И, хотя я поэт, — продолжил он, — я признаю первородство музыки. Сама поэзия — тоже музыка, музыка слов. Все виды искусств содержат в себе музыку. Она течёт по мраморной коже античных статуй, она растекается красками по полотну картины... Иногда я думаю, что музыка — это ангельский язык. Мы его не понимаем, но можем чувствовать. Наверно так и должен работать ангельский язык. Он не несёт смыслы, он несёт чувства. Все человеческие смыслы иллюзорны, они ветшают и рассыпаются от времени, иногда даже в пределах одной жизни. А чувства вечны, они неподдельны. Они меняют своих обладателей, но сами остаются неизменны.

— Вам надо было стать композитором, а не поэтом, — улыбнулся Артур.

— Но поэт тоже композитор. Его музыкальный инструмент — язык, состоящий из слов, как из нот. Музыка стиха даёт больше, чем буквальный смысл, поставленных в ряд, слов. Хорошее стихотворение нельзя пересказать прозой. Что-то самое важное неизбежно пропадёт.

— Вы — композитор слов, — предположил Артур.

— Поэзию не зря называют музыкой слов. Поэзия родственна музыке. У них много общего. И дело не только в рифмах, подобных музыкальным созвучиям. Поэтическая строка — это аккорд, где ни одна буква не должна быть лишней, не должна вызывать диссонанс. В каком-то смысле работа поэта сложнее работы композитора. Ноты можно смешивать в любом порядке, а слова привязаны к смыслу, и это ограничивает их степень свободы.

— Слушайте! — сообразил Артур. — Так вам надо песни сочинять! Это же очень удобно, если и стихи, и музыка одного автора.

— Тогда уже надо исполнять их самому, хотя бы под гитару, — улыбнулся Поэт. — Я признаться пробовал это, но понял, что — нет! Каждый должен заниматься своим делом.

Он поднялся и они, спустившись с колокольни, отправились спать.

Сократ сблизился с диаконом, когда выяснилось, что тот читает по-древнегречески. Они стали засиживаться в монастырском книгохранилище за чтением древних свитков.

— Дьякон, оказывается, знает древнегреческий язык, — поделился Сократ радостью с Артуром. — Мы слегка пообщались, поскольку я тоже изучал его, чтобы читать Платона и Аристотеля в оригинале. Он во мне заподозрил грека и спросил — «где ты живёшь»? Я сказал — «вот где ты меня видишь, там я и живу». Он посмеялся и уточнил — «где ты родился»? Я пошутил — «налево от Китая». Кажется, он не понял юмора.

— А Паскаль гуляет с его дочкой, — сообщил он Артуру. — Катает её на лошади вокруг монастыря. Я ему говорю, вы хотя бы подальше отъехали, узнает дьякон — башку тебе оторвёт.

— Дьякон не принимает нашего Мессию, — расстроенно сказал Сократ. — Хочет уйти в монастырь Святого Мартина. Когда я спросил — почему? — дьякон ответил:

— «Он проповедует, что мы должны отбросить мечты о Рае. Но христианство есть вера в воскресение из мёртвых и упование на него. Если выкинуть это, от христианства ничего не останется. «Если Христос не воскрес, то вера наша тщетна» — говорил апостол Павел».

Деревенский староста, Бедрайон, привёз в монастырь сено на трёх телегах. Пока монахи разгружали сено, крестьянин завёл с Мессией разговор.

— Вот скажите мне, монсеньор, что необходимо для того, чтобы после смерти попасть в Рай?

— Не о том думаете, уважаемый! Не о райском счастье надо мечтать, а о том, чтобы послужить Господу на Земле. Хорошо потрудитесь здесь, и Господь не оставит вас без награды.

— Думающие о спасении души и райском счастье, — пояснял он, — разве не похожи они на наёмных работников? Разве не требуют они платы, ещё не сделав работы? Может ли Бог любить их, может ли положиться на них? Наёмный работник перейдёт к другому, кто пообещает больше.

— Любите Господа, служите Ему без надежды на воздаяние! И тогда Бог каждому даст то, чего он заслуживает. Бог, как добросердечный Господин, отблагодарит своих преданных слуг. Если желаете Рая — будет вам Рай. Если желаете новой жизни — будет вам новая жизнь. Нет ничего невозможного для Бога. Всё в Его руках!

Адам удивлённо спросил Мессию:

— Что я слышал? Вы поменяли своё вероисповедание? Вы теперь обещаете людям Рай?

Мессия строго посмотрел ему в глаза.

— Любое религиозное учение имеет догму и керигму. Мирянам не доступна догма, они не смогут её понять. Им я проповедую керигму.

— Но вы обманываете их! Сами-то вы не верите в Рай.

— Я даю им то, что они могут взять. Бесполезно давать то, что взять не могут.

Когда Мессия ушёл, Адам проводил его удивлённым взглядом.

— Наш Мессия быстро растёт. Так он скоро, глядишь, римским папой станет.

Днём два друга гуляли по полю, недалеко от стен монастыря.

— Я первое время подозревал, что мы попали в альтернативную историю, — рассказывал Паскаль. — Всё ходил, озираясь — нет ли чего подозрительного? Даже крест на груди у Дени осмотрел со всех сторон.

— Зачем? — удивился Артур.

— Вот представь себе, что Спасителя казнили не на кресте, а на виселице. Тогда наверно попы с позолоченной буквой «Г» на брюхе ходили бы, вместо креста. Преступников бы не вешали, а распинали. В музее Прадо не висели бы картины «Христос, несущий крест» и «Распятие», а ценители живописи толпились бы перед картиной Эль Греко «Христос на виселице».

— А с чего ты решил, что мы попали в альтернативную историю? — посмеялся Артур.

— Я вообще не верил в возможность путешествия по времени. Мне всегда это казалось всего лишь удобным литературным приёмом. Если же путешествия по времени возможны, то неизбежен «эффект бабочки», неизбежна альтернативная история.

Артур задумался, вспомнив рассказ Адама и свои размышления об этом.

— Мне кажется, — наконец сказал он, — мир имеет гораздо больше измерений, чем мы это себе представляем. В этих, скрытых от нас измерениях, могут находиться альтернативные миры. Но это только догадки, подтверждения которым нет.

— Смотри! — указал рукой Паскаль. — Сократ нас зовёт.

Действительно, Сократ у ворот монастыря махал им рукой. Друзья побежали к нему.

— Что случилось? — спросил Паскаль.

— Ньютона бьют! — испуганно сообщил Сократ.

— Кто бьёт? За что бьют? — в два голоса возмутились друзья.

— Идёмте, идёмте! Надо его выручать.

На монастырском подворье столпилась кучка монахов, что-то кричащих и грозящих кулаками. Посредине стоял Мессия и пытался их утихомирить. Наконец терпение его лопнуло, он стукнул посохом и закричал:

— Tace! Silentium!

Монахи замолчали, и он уже спокойнее стал им что-то говорить. Через пять минут хмурые монахи разошлись по монастырю, а Паскаль с Артуром подошли к Мессии.

— Что стряслось, монсеньор? — спросил Паскаль.

— Скажите нашему уважаемому Ньютону, что в следующий раз, когда он захочет проводить свои опыты, пусть делает это в другом месте. Церковь — место молитвы, а не кабинет физики.

Сказал и, повернувшись, ушёл через паперть в притвор.

Друзья, посмотрев друг на друга и пожав плечами, отправились на поиски Ньютона.

Ньютона они нашли в его комнате, сидящим на постели с тряпичной повязкой на голове. Поэт стоял перед ним с растерянным выражением на лице.

— Как вы себя чувствуете? Что с головой? — спросил у Ньютона Артур.

— Эти дикие варвары закидали меня камнями! — пожаловался Ньютон дрожащим от обиды голосом. — А я ведь для них старался. Хотел, как лучше.

— Да объясните толком — что вы делали в храме? — не вытерпел Паскаль.

В комнату зашёл Адам и, наклонив голову, скептически посмотрел на Ньютона. Тот виновато опустил глаза.

— Зачем вы полезли на купол? — строго спросил Адам. — Зачем вы прицепили туда верёвку? Зачем привязали к верёвке мешок с мукой? Вы можете это разумно объяснить? Или я жду от вас невозможного?

— Я хотел сделать маятник Фуко, — тихо сказал Ньютон. — Хотел показать монахам вращение Земли.

— Они вас об этом просили? Вы у них разрешения спрашивали?

Ньютон молчал, и Адам вздохнул, покачав головой.

— Сумасшедший дом на выезде! Вам сколько лет, уважаемый?! В вашем ли возрасте лазить под куполом? И правильно вас монахи побили. Они плюнуть в церкви не посмеют, а тут какой-то мужик лезет на купол и мешки с мукой развешивает!

Паскаль стал тихонько вздрагивать от смеха, зажав себе рот рукой. Артур тоже невольно улыбнулся, а, глядя на них, улыбнулся уже и Адам.

На следующий день после обеда занялись укреплением стен монастыря. Кое-где они покосились и могли обвалиться. Пока Адам с Сократом и с Ньютоном тянули верёвку, выравнивая брёвна, Артур заколачивал в землю подпорки. Поработав часок, решили передохнуть, и присели на ступеньке у входа в церковь.

— Я уважаю религию за её устремление к духу, — говорил Ньютон. — Но не приемлю глубочайшее заблуждение религии — отвержение земного мира. Сколько зла человечеству принесло оно. Простой пример: поддавшись проповедям Савонаролы, Боттичелли забросил

живопись и стал «плаксой». Возможно, он сжёг и некоторые свои картины. Прошли сотни лет, и человечеству нужен великий художник Боттичелли, и совсем не нужен, неинтересен Боттичелли-плакса. Религиозный догматизм убивает всё живое. Религия, призванная возвышать человеческий дух, угнетает его.

— А как же великолепная религиозная живопись, иконы, архитектура? — усомнился Артур.

— Вот именно что — «религиозная», а всё остальное считалось ненужным и даже вредным.

— Савонаролу признали еретиком, — упорствовал Артур.

— Савонарола не был еретиком, как его заклеил папа, он-то как раз был последовательным христианином. Ему претило лицемерие католического духовенства. Сожжение картин, предметов роскоши — в духе «чистого» христианства.

— Другая отрицательная сторона религии, — продолжил Ньютон, — религия есть всегда остановка в познании. Слова Тертуллиана, — он поднял вверх палец, — «*Nobis curiositate opus non est post Christum Iesum nec inquisitione post euangelium*». То есть, высшая истина уже дана, и нечего мудрствовать лукаво.

— Вы же не знаете латыни, — удивился Артур.

— Это я у Мессии выпросил и записал, — с довольной улыбкой пояснил Ньютон. — Он кстати тоже не согласен с этим утверждением.

Ньютон хотел ещё что-то сказать, но неожиданное событие прервало их отдых и разговор.

В ворота монастыря вбежал запыхавшийся Паскаль.

— Демон идёт на монастырь! С ним два десятка разбойников.

— Ты уверен? — встрепенулся Адам.

— Прибежали крестьяне, сказали, что разбойники грабят деревню, но уже через час они будут здесь.

Адам повернулся к Артуру.

— Быстро зови Мессию и всех, кого встретишь. Общий сбор во дворе монастыря.

— Мы будем сражаться? — спросил Артур.

— Да. Но не здесь. Бегом! — не теряй времени.

Артур помчался сломя голову.

Через пять минут все стояли, встревоженные, во дворе монастыря. Адам вывел из конюшни трёх лошадей. Одну подвёл к Паскалю и отдал ему поводья.

— Запрягай телегу и подъезжай к воротам.

Выйдя в центр двора, Адам оглядел своё «воинство» и сказал:

— Мы не сможем удержать монастырь. Но мы сможем вернуть себе Замок. У Демона сдали нервы и это наш шанс. Сейчас мы все отправимся по окружной дороге к озеру. Быстро забирайте свои вещи и выходите к воротам. Бегом!

Все разбежались, но Мессия остался стоять.

— Я не оставлю монастырь. Я буду защищать его.

Адам с сожалением посмотрел на Мессию.

— С кем ты его будешь защищать? Монахи — плохие солдаты, а лопаты и вилы — плохое оружие.

— Я надеялся на вас... — Мессия не смотрел на Адама.

— Ты же сам уговаривал меня захватить Замок! — рассердился Адам. — Пойми! Без

Замка Демон — никто! Всего лишь один из разбойников. Мы должны захватить Замок, пока Демона нет в нём. И мы будем защищать Замок, когда Демон вернётся.

— Это мой монастырь. Я останусь здесь! — упрямо сказал Мессия.

Адам смотрел на него, стиснув кулаки.

— У нас мало времени. Не заставляй меня применять силу.

Мессия посмотрел Адаму в глаза и понял, что он не шутит. Тяжело вздохнув, он взглянул на колокольню и, понуриив голову, пошёл в свою келью.

Адам взял за руку Дени.

— Собери монахов. Вам надо уйти в Кардерлин. Пересидите там несколько дней, пока разбойники не покинут монастырь.

Через десять минут все опять собрались во дворе. Мессия стоял понуро, глядя в землю. В одной руке он держал мешок с церковной утварью, в другой — стопку книг, перевязанную наскоро верёвкой. Подошедший Сократ спросил Адама:

— Вы уверены, что поступаете правильно?

Адам посмотрел на него серьёзно.

— Да. Мой даймоний подсказывает мне не оставаться здесь.

Сократ удовлетворённо кивнул и отошёл. Подбежал Паскаль.

— Всё готово, Адам. Можем ехать.

— Ну, тогда в путь! Паскаль! — управляй телегой. Мы с Артуром поедem верхом.

— Я тоже хочу верхом! — заупрямился Паскаль.

— Давай без капризов! — сказал Адам. — Я назначил тебя рыцарем телеги.

Артур с Адамом вскочили на лошадей. Паскаль щёлкнул хлыстом, телега тронулась, и процессия выехала из монастыря.

Они проехали по окружной дороге, потом свернули в лес и остановились на поляне у шалаша, где Адам приказал всем ждать. После этого они с Артуром поехали дальше. Доехав до озера, сразу увидели на берегу Андрона. Артур с Адамом спешили, привязали лошадей к деревьям и пошли к Андрону. Он стоял возле лодки к ним спиной, и, казалось, о чём-то думал. Он не заметил, как к нему подошли. Адам тронул его за руку, и Андрон повернулся.

— Что вы здесь делаете? — удивлённо спросил он.

— Я же не спрашиваю тебя — что ты здесь делаешь? — ответил Адам.

— Я думал — плыть ли мне в Замок или... Неважно!

— Тогда слушай сюда — что важно! Ты сейчас перевезёшь нас на остров, а потом откроешь нам ворота. Всё понятно?

— Даже если я вас впущу, вы не сможете захватить Замок, — насупился Андрон. — Демон оставил троих, охранять Замок. Отъявленные разбойники, они хорошо вооружены.

— Когда у них будет обед? — на секунду задумавшись, спросил Адам.

— Обед? — удивился Андрон и посмотрел на Солнце. — Думаю, где-то через час.

— Слушай сюда, Андрон, — сказал Адам. — Ты накроешь обед в саду на поляне. Убеди их, что там будет удобней. Когда они начнут есть, вернись в Замок, сказав, что принесёшь ещё вина, и запри ворота, ведущие из Замка в сад. После этого открой главные ворота, и мы войдём в Замок. Разбойники ничего не смогут нам сделать. Им останется либо сдаться, либо бежать через стену на берег. Но лодку мы отгоним от острова. Они окажутся в безвыходном положении, и будут вынуждены сдаться.

Андрон долго молчал.

— Давай, решайся! — нетерпеливо поторопил его Адам. — Неужели ты хочешь быть

службой этих мерзавцев?

Андрон наконец вздохнул.

— Ладно... Садитесь!

На другом берегу он сказал:

— Ждите возле ворот и не мотайтесь по острову. Вас могут заметить.

Он зашёл в ворота и закрыл их за собой. Потянулись томительные минуты ожидания.

— Надо было захватить оружие, — запоздало спохватился Артур.

— Мой меч на месте, — похлопал себя по бедру Адам. — А почему ты не носишь меч, который купил?

— Непривычно мне, — смутился Артур. — Болтается, по ноге бьёт.

— По ноге бьёт, — насмешливо повторил Адам. — Не получится из тебя средневековый рыцарь. Не то воспитание.

Артур расстроился и вздохнул.

— У Хозяина, по-моему, был пистолет, — вспомнил он.

— Знаю, — ответил Адам. — Я просил его открыть сейф, но он упёрся и не назвал мне кодовое число от замка. Что мне с ним было делать? Не пытаться же его в самом деле!

— Жаль, — посетовал Артур. — Пистолет нам сейчас бы пригодился.

— Надеюсь, оружие нам не понадобится, — успокоил его Адам. — Они не ожидают нападения, и мы этим воспользуемся.

Наконец Андрон выглянул из ворот и сказал:

— Заходите!

Они осторожно прошли в ворота и оглядели двор. Он был пуст. Они прошли двор, то и дело оглядываясь. Внезапно Адам остановился. Ворота в сад были открыты.

— Где разбойники? — спросил Адам Андрона. — Почему ты не запер ворота в сад?

— Пойдите, сами посмотрите, — безмятежно сказал Андрон.

Все прошли по тропинке в сад. На поляне перед накрытой скатертью, привалившись друг к другу, лежали и храпели трое разбойников. Рядом, как мрачное изваяние, сидел Никто.

— Ничего не понимаю? — озадачился Адам. — Когда они успели так напиться?

— Я подсыпал снотворное в кувшин с вином, — сказал Никто. — Они ещё долго будут спать.

Адам вопросительно посмотрел на него.

— И зачем ты это сделал? Ты же сам вызвался в помощники Демону.

Никто встал и отряхнул свой плащ.

— Я передумал. Он плохо относился ко мне, обзывал меня одноруким идиотом и хотел прогнать.

— Ну ладно! Андрон, возьми тачку и по одному перевези их на берег. Оружие заberi. Оно нам самим пригодится. Потом погрузишь их в лодку и перевезёшь на другой берег. Никто, помоги ему с этим. А мы, — он повернулся к Артуру с Паскалем, — обойдём весь Замок, соберём всё оружие и обдумаем план обороны Замка. Думаю, Демон уже всё понял. Но ему трудно будет удержать своих головорезов от грабежа монастыря. Он вернётся не раньше завтрашнего утра.

— Андрон, а где Ева? — спросил Паскаль.

— Она была в подвале, с Хозяином и Офелией. Я не видел их с того самого дня, когда Демон захватил власть в Замке. Он запер всю семью Хозяина в подвале, и только сам

посещал их.

Адам повернулся к Паскалю.

— Проверь подвал. Посмотри — как они там?

Паскаль кивнул и ушёл.

Через полчаса, запыхавшись, Паскаль во дворе докладывал Адаму.

— Я проверил весь подвал, обежал все уровни — нет нигде Хозяина, Офелии и Евы.

— Проклятье! — нахмурился Адам. — Неужели он их выгнал из Замка? Где теперь их искать?

Озираясь по сторонам, к ним подошёл Писатель с приклеенной улыбкой.

— Как я рад вас снова видеть!

— Не могу сказать того же, — огорошил Писателя Адам. — Вы предали нас, вы стали сообщником Демона.

— Но я сам пострадал от него! — возмутился Писатель. — Он смеялся надо мной, он заставил меня готовить на всех, когда увезли семью Хозяина.

— Куда увезли? — насторожился Адама. — Говори всё, что знаешь.

— Я не знаю — куда увезли? Вчера, рано утром, когда все ещё спали, Демон поднял меня с кровати, затащил в подвал, и приказал готовить еду на всю эту ораву... Да зачем нам Хозяин с его семьёй? Мы сами теперь хозяева. Нам без них даже лучше!

— Тебе сейчас в морду дать или потом? — грозно подступил к Писателю Паскаль.

— Потом, — испугавшись, выбрал Писатель.

— Тогда уходи. Иначе «потом» наступит очень скоро.

Писатель понимающе кивнул и исчез, словно испарился.

— Надо будет поспрашивать в деревне, может, кто-нибудь видел, — обратился Адам к Андруну. — Кстати... А почему Демон не взял тебя с собой? Как он общается со своими головорезами?

— Они с Мортаром как-то ловко научились разговаривать жестами, — пояснил Андрон. — К тому же Демон человек способный, многие слова он уже запомнил.

Перевезли троих разбойников на берег озера. Затем вернулись к шалашу и забрали всех, оставив на берегу телегу и лошадей. Когда все обитатели Замка собрались во дворе, Адам осмотрел своё «войско» и вздохнул.

— Отряд инвалидов.

— Почему это инвалидов? — возмутился Судья. — Дайте мне оружие, и я покажу вам, что рано вы нас в инвалиды записали.

— Инвалидами во Франции называют ветеранов, — успокоил его Артур.

— Слушайте меня! — приказал Адам. — Мы с Артуром и Паскалем сейчас принесём на берег доски. Надо сделать плот, чтобы переправить лошадей.

— Уже сделали, — невозмутимо сказал Андрон. — Демон приказал, разбойники сделали.

— Что ж ты мне не сказал? — смутился Адам.

— А вы не спрашивали.

— И где он?

— Пойдёмте на берег, покажу.

Через час три лошади и телега уже были на острове. Адам вздохнул с облегчением.

— Первый акт Мерлезонского балета завершён. Но впереди ещё самое сложное. Надо организовать круглосуточное наблюдение за тем берегом, чтобы разбойники не захватили

нас врасплох. Сегодня они вряд ли вернуться. Но завтра мы снова встретимся лицом к лицу, и надо быть готовым ко всему. Поэтому утром я встану на вахту на башне. В полдень меня сменит Артур, вечером его сменит Паскаль. Всё понятно? А сейчас, Андрон, отведи лошадей в сад и отправляйся на кухню, приготовь нам что-нибудь на обед. Потом проведёшь там ревизию, вечером доложишь мне — что там у нас с продуктами?

Он повернулся к Артуру и с улыбкой сказал:

— Я обещал Демону, что вернусь в Замок? Я своё обещание выполнил.

Артур с Адамом поднялись на северную башню. Адам спустил чёрный флаг и выбросил его вниз. Вытащил из-за пазухи полотнище, прикрепил его и поднял на мачту. Флаг затрепетал на ветру. Он был двуцветный — зелёно-голубой. В центре флага белой лентой Мебиуса была нарисована восьмёрка.

— Вот теперь — порядок.

— Что это за странный флаг? — поинтересовался Артур.

— Это флаг трумэнов. Зелёный — это Земля, голубой — небо. Флаг должен был напоминать трумэнам об их исторической родине.

— Давно хотел спросить — что означает для вас цифра восемь? Я заметил, что вы к ней равнодушны.

— Это не восьмёрка. Наш сакральный символ — перевёрнутый знак бесконечности. Восьмёрка — просто удобный знак, намекающий для тех, кто понимает, и скрывающий свой смысл от других.

— А зачем переворачивать знак бесконечности?

— Это другая бесконечность... Пошли вниз!

Обедали все вместе во дворе. Андрон наварил гречневой каши с маслом. После обеда Адам попросил всех собирать с берега камни и выкладывать их у стен сада.

— Наше преимущество — высота. Камни будут хорошим оружием.

Сам он занялся плотницкой работой. Для защиты стен в саду нужны были лестницы. Артур с Паскалем помогали ему, таская доски из сарая возле мастерской. Адам пилил доски, Сократ забивал гвозди.

Писатель сидел во дворе за столом и слушал зелёную мыльницу. Паскаль иронично кивнул в его сторону и сказал Артуру:

— Опять он своё «радио» слушает. Скажи ему, что здесь нет ни одной радиостанции, которую он мог бы поймать.

— Ему не нужны радиостанции, — улыбнулся Артур. — Он их в своей голове ловит.

Однако он подошёл к Писателю и спросил:

— Что передают по радио?

Писатель оторвался от своего занятия и ответил:

— Я слушаю музыку.

— И вы тоже?

— Что значит — тоже? — нахмурился Писатель.

Артур не стал объяснять. Просто махнул рукой и пошёл работать.

Мессия подошёл к Адаму и заявил:

— Надо привести в Замок монахов. Это тридцать человек — большая подмога.

Адам хмуро взглянул на него и отложил пилу.

— Я не собираюсь превращать наш Замок в монастырь... Вас только пусти, потом не выгонишь.

Мессия продолжал стоять перед ним, и Адам вздохнул.

— Демон не будет вечно сидеть в монастыре. Когда он уйдёт, вы вернётесь туда и продолжите свою привычную жизнь.

Мессия повернулся и ушёл. Адам, проводив его взглядом, снова взялся за пилу.

Вечером Артур сидел во дворе, наблюдая Ньютона, который привычно расхаживал, заложив руки за спину и разглядывая небо.

— Вот Ньютон пялится в небо и ищет инопланетян, — сказал Никто, сидевший рядом в своём чёрном плаще. — А я уверен, что их нету. Человечество — это недоразумение. Оно закончится, и снова будет царство мёртвой материи, мёртвый дом без хозяина и жильцов.

— Не может быть, — посмотрел на Никто Артур. — Астрономы считают, что только в нашей Галактике существуют сотни планет, подобных Земле, и, значит, там вполне возможна жизнь.

— Ну, живут там микробы, амёбы и всякие бактерии. Нашей планете просто выпал шанс один из триллиона, и появился разумный человек. На других подобных «Землях» этот шанс не выпал.

— Я не согласен. Человечество не может быть «недоразумением». Оно появилось не случайно, а в процессе эволюции.

— И также не случайно, в процессе, как вы говорите, «эволюции» оно исчезнет... Наблюдали, как кипит вода в чайнике? На дне образуется пузырьёк воздуха, отрывается, летит вверх и лопаётся на поверхности. Короткая жизнь, путешествие из ниоткуда в никуда, из пустоты в пустоту. Вот что ждёт человечество.

— Вы большой пессимист, — сладко зевнул Артур, время было позднее. — Я не сомневаюсь, что мы найдём «братьев по разуму». Пузырьков в кипящем чайнике много.

— Мы найдём во Вселенной могильные холмики, оставшиеся от предыдущих нам «человечеств», — угрюмо сказал Никто. — Жизнь разумных цивилизаций очень коротка. И пытаюсь «дозвониться» до инопланетян, вы звоните на кладбище. Некому трубку поднять.

Он встал со скамьи и пошёл в свою комнату.

— А вы что думаете, Маркус? — спросил Артур у сидящего рядом. — Есть на небе инопланетяне?

— Не знаю... — равнодушно ответил тот. — Я не смотрю на небо. Там нет правды.

— В каком смысле?

— В прямом... — пожал плечами Маркус. — На небе неправда нарисована. Нет такого мира, соответствующего этой картине. Мало того, что мы видим одновременно звёзды, которые даже не пересекались во времени. Так мы ещё видим их искажёнными космической гравитацией. Они — не сейчас, и не там, и не такие. Мы наблюдаем иллюзию. Реального мира мы не видим.

— Вы, Маркус, в своём репертуаре, — ещё раз зевнул Артур и пошёл спать.

Приятно было снова оказаться в своей комнате, лечь в свою постель. Как будто он после долгого путешествия вернулся домой. Тревожили мысли о завтрашнем дне, но усталость взяла своё и он быстро уснул.

Ночью Артура разбудила чья-то рука, тронувшая его за плечо. Он поднялся в постели и увидел Маркуса.

— Что такое? Нападение? — протирая глаза, встревожился Артур.

— Волки... — шёпотом сказал Маркус. — Я слышал с того берега вой волков.

— Ну и что? — не понял Артур. — До нас же они не доберутся.

— А если они поплывут на остров?

— Ой, Маркус, не морочьте мне голову. Они должны не только переплыть озеро, но ещё вскарабкаться по стенам. Идите спать, у нас впереди трудный день, надо выспаться.

Маркус неуверенно пошёл к двери, но остановился и обернулся.

— Можно, я с вами останусь? Я один боюсь.

Артур вздохнул.

— Ну, оставайтесь. Правда, я не знаю — как мы поместимся на узкой кровати?

— А я не сплю на кровати! — обрадовался Маркус. — Не волнуйтесь, я вас не потревожу!

Он встал на четвереньки и ловко залез под кровать. Немного пошебуршился там и затих. Артур не удержался от улыбки, покачал головой и закрыл глаза.

Утром Артур искупался на озере. Вода была по-летнему тёплая, и он заплыл далеко. Увидел на северной башне Адама и помахал ему рукой. Адам погрозил ему кулаком, и Артур поплыл к берегу.

Вытираясь полотенцем, увидел подходящего Паскаля.

— Вода хорошая, искупайся, — крикнул ему.

— Нет настроения, — Паскаль подошёл и сел на камень. — Может быть, днём... Я вот думаю, из лука стрелять с лестницы неудобно, а с башни слишком далеко. Несколько мечей нас не выручат. Кроме нас с Адамом ими никто пользоваться не умеет. Остаются только камни. Адам взял в подвале топор — вот и всё оружие. Он хотел раздать всем кухонные ножи, но потом передумал. «Ещё друг друга поранят» — сказал. В общем, войско у нас потешное. Как думаешь, справимся?

— Даже не сомневаюсь, — подбодрил друга Артур. — Наши стены нас выручат. Им придётся или лестницы тащить, или по верёвкам карабкаться. Главное, нам их внутрь не пустить. А насчёт оружия... Давиду хватило одного камня, чтобы победить Голиафа, а царя Пирра убила простая старуха, бросившая в него с крыши кухонный горшок.

Ровно в полдень Артур поднялся на северную башню, чтобы сменить Адама.

— Пока всё тихо, — сказал Адам. — За всё утро ни одного человека не видел. Возьми трубу и не зевай, делай круговой обзор каждые пять минут. Через шесть часов Паскаль тебя сменит. Вот ведро с питьевой водой, а если приспичит в туалет, пулей слетаешь вниз и обратно.

Он ушёл по лестнице, и Артур остался на башне один. Как назло, распогодилось по-летнему, солнце жарило и Артур пожалел, что не взял с собой кепку. Но он снял и намочил майку, набросил её себе на голову, и опять стал похож на пирата без бороды.

Два часа прошли в напряжённом ожидании, но всё было спокойно. Артур расслабился и стал реже поднимать трубу и осматривать лес вокруг озера. Сидя на полу башни, он думал о том, что их ждёт, о том, где сейчас Шут с Виконтом и как бы они пригодились им здесь.

Встряхнув головой свои мысли, он поднялся, чтобы снова сделать обзор и вздрогнул. Даже без подзорной трубы он увидел, как из леса выезжают всадники. Подняв трубу, он стал их считать. Досчитав до десяти, он опомнился — что же я делаю! — и стрелой бросился по лестнице вниз.

— Где Адам? — схватил он за руку, гуляющего Сократа.

Сократ замотал головой.

— Не знаю. Он наверно ушёл в мастерскую.

Но Адам уже летел к ним.

— Быстро обойди все комнаты, — приказал он Сократу. — Пусть все выходят на поляну в саду.

— Сколько их человек? — обратился он к Артуру.

— Больше десяти, — сказал Артур. — Я не стал мешкать, побежал вниз, чтобы вас предупредить.

— Идём на башню, рассмотрим подробней.

Они вновь поднялись на башню. Адам долго рассматривал противоположный берег.

— Пятнадцать человек, — наконец сказал он. — Они привязали лошадей и рубят деревья. Будут делать плот.

Он опустил трубу.

— Пошли вниз. У нас есть примерно час, пока они доберутся до Замка. Нужно все расставить по периметру стены в саду.

Атака была стремительной. Видно, план был разработан заранее. Демон правильно рассудил, что слабое место обороны Замка — невысокие стены монастырского сада. Едва плот причалил к берегу, разбойники выскочили на остров и рассыпались по прибрежной линии, начиная приступ сразу с четырёх сторон. Взобравшись на холм, они стали забрасывать верёвки с крюками на стены.

Адам метался по саду, от стены к стене, туда, где требовалась подмога. Птицей взлетая по лестницам, он рубил топором верёвки, по которым карабкались разбойники. Одуревший от криков и беготни он носился по саду, стучаясь о деревья, и чертыхаясь. Напуганные шумом и беготнёй привязанные к деревьям лошади ржали и вставали на дыбы, натягивая верёвки.

Артур сидел на стене, держась за ветку дерева, чтобы видеть нападавших и кричал Адаму — куда бежать. Своим мечом он перерубил одну из верёвок, по которой уже лезли двое разбойников. Они покатались по склону. То же самое делал Паскаль на противоположной стороне сада. Остальные, стоя на лестницах, метали вниз камни. Эффект от этого был больше психологический. Только Андрону удалось два раза метко поразить цель, выведя из строя двоих нападавших. Один остался лежать, а второй, скатившись вниз, поднял лук и начал обстреливать стены стрелами. Одна из стрел просвистела над головой Артура, и он пригнулся. Демон ходил по берегу и наблюдал за баталией, как полководец, командовал же разбойниками Мортар.

Через двадцать минут стало ясно, что первая атака захлебнулась, и разбойники стали отходить к берегу. Адам вытирал пот со лба и тяжело дышал.

Поэт подбежал к Адаму.

— Андрон ранен!

— Где он?

— Артур с Паскалем понесли его в комнату.

— Сейчас пойду. Не уходите со стен, наблюдайте за противником. Только не высовывайтесь. Если будет атака, зовите меня!

В комнате Адам осмотрел рану. В правой стороне груди торчал обломок стрелы.

— Я хотел вытащить, но только сломал, — Андрон дышал тяжело, с виноватой улыбкой глядя на Адама.

— Лежи спокойно, я принесу бинты и спирт.

Через пять минут Адам вернулся.

— Держите его крепко за руки и за ноги!

Артур с Паскалем выполнили приказание.

Острыми ножницами Адам срезал часть одежды, оголив рану. Затем вставил между зубами Андрона толстую ветку.

— Прикуси ветку и потерпи, это недолго, — сказал Адам.

Аккуратно промыв спиртом рану, наклонился к Андрону, зубами зацепил древко стрелы и медленно, но сильно, потянул. Андрон захрипел и засучил ногами.

— Ноги держите, ноги! — крикнул Адам.

Он уже выбросил наконечник стрелы и теперь зажимал рану тряпкой, пропитанной левомеколем.

— Давайте бинты. Я его приподниму, а вы бинтуйте.

Наконец, дело было сделано. Адам вытащил ветку изо рта Андрона. Андрон потерял сознание, но хрипло дышал, на покрасневшем лице выступил пот.

— Всё! Теперь пусть отдохнёт. Артур побудь с ним. Дашь ему напиток, если попросит. Паскаль! Возвращайся на стену! Разбойники заменят верёвки и пойдут на второй приступ.

— Я пойду с вами! — рванулся Артур.

— Научись подчиняться приказам! — сказал, как отрезал, Адам. — Ночью ты будешь дежурить на башне. Постарайся немного отдохнуть.

Адам с Паскалем вышли. Артур сел на стул у кровати Андрона. Долго слушал, как он хрипло дышит. Шум сражения не проникал в комнату. Постепенно усталость взяла своё, и Артур прямо на стуле заснул.

Проснулся он вечером, когда за окном стемнело. В Замке не горел свет. В полумраке комнаты он услышал какое-то бормотание. Встал, зажёл свечу, поставил её на стол и подошёл к Андрону. Тот всё ещё был в забытьи, но губы его что-то шептали. Артур встал на колени у постели и услышал:

— Господи, если ты есть, и, если ты добрый, сделай меня в следующей жизни муравьём. Я научу их ходить, как ходят люди, у них появятся руки, и они построят этими руками новый мир. Может быть, он будет лучше этого.

Артур поднялся и вышел из комнаты.

— Было ещё два приступа, — рассказывал Паскаль, — но мы уже набрались опыта и оба приступа отбили.

— Одному разбойнику я попал камнем прямо по голове, — похвастался Ньютон. — Так что у них трое раненных.

— Потом они попытались выбить дверь на лестницу — продолжил Паскаль, — не получилось, мы подпёрли её изнутри бревном, попытались взломать ворота, но и это им не удалось — главные ворота у нас надёжные, тут большой таран нужен... Когда стало темнеть, они уплыли на тот берег, развели костёр, стали есть, пить и горланить песни.

— Так, Артур, — подошёл Адам, — ты уже отдохнул, становись на дежурство. Поднимайся на башню и следи за тем берегом. Ночью вряд ли они пойдут, но... кто знает — что в голове у Демона? Расслабляться рано. Завтра Демон наверняка придумает что-то новое.

Опасения Адама не оправдались. Не сумев с набега захватить Замок, Демон с разбойниками вернулся в монастырь, чтобы набрать в свою шайку ещё людей и закупить оружие.

Артур добросовестно проторчал на башне всю ночь, не смыкая глаз. Он ушёл с рассветом, когда разбойники сели на коней и скрылись в лесу.

В Замке все ещё спали. Вчерашняя битва измотала всех. Артур зашёл в комнату Андрона. Он тоже спал. Дыхание его было ровное. Артур вышел во двор и сел за стол. Вскоре к нему подошёл Адам и сел напротив.

— Ушли? — спросил он.

— Ушли! — кивнул Артур. — На рассвете ушли. Я ещё часик понаблюдал и решил спуститься... Что будем делать?

— Сплавай на тот берег, привяжи к лодке плот и отбуксируй к нам, — сказал Адам. — Я пойду на кухню, приготовлю завтрак.

Во двор вышел Маркус. Своей осторожной, неуверенной походкой он подошёл к Артуру.

— Я всё больше убеждаюсь, что моя жизнь — чей-то сон, — грустно сказал он. — И сон этот становится всё абсурднее и абсурднее. Мог ли я представить, что я буду кидать камнями в каких-то средневековых дикарей, вооружённых мечами и луками? То ли кто-то бредит во сне, то ли кто-то пишет очередной роман про попаданцев в прошлое. Но я тут причём?

Он посмотрел на Артура с недоумённым вопросом на лице. Артур только слегка улыбнулся.

— Я же говорил вам, что нет ничего реального, — продолжил Маркус. — Вот был двадцать первый век, самолёты, ракеты и всё такое прочее, а теперь — десятый век. И почему я должен верить, что он более реален, чем то, что мы видели раньше? Мы путешествуем по чьим-то снам и сами — чьи-то сновидения.

Он помолчал и потом добавил:

— Сегодня меня зовут Константин.

— Да? — бросил на него взгляд Артур. — Хорошее имя.

— Я хотел придумать какое-то дурацкое имя, — наклонившись к Артуру, шёпотом поведал ему Маркус. — Назло этому писаке или сновидцу. Хотел назвать себя — Ёрмидор. Но потом передумал. Даже в кошмарном сне или в дурацком романе хочется себя уважать.

Артур сплавал на тот берег и перевёз разбойничий плот на остров. Теперь у них было два плота и лодка — маленький флот.

Увидев, что Адам зашёл в комнату Мерлина, Артур зашёл следом.

— Вот ваши таблетки, — сказал Адам. — Не забывайте их принимать каждый день. Вы слышите меня?

Мерлин лежал на циновке и с отсутствующим выражением смотрел в потолок. Адам положил таблетки возле него, подошёл к буфету, вытащил стакан чая и поставил рядом с таблетками. Потом присел рядом с Мерлином и поправил ему подушку. Мерлин медленно закрыл глаза и также медленно вновь открыл их. Адам встал и предупредил:

— Не забудьте про таблетки. Я зайду вечером, проверю.

Адам с Артуром вышли из комнаты.

— Вы не рассказали ему, что там, — Артур махнул рукой в сторону, — уже другое время?

— Ему не важно. Время для него не существует.

Затем они зашли в комнату Андрона. Он уже лежал на кровати с открытыми глазами.

— Ну, как ты, вояка? — спросил его Адам. — Поздравляю с боевым ранением. Медали ты уже заслужил — «За оборону Замка».

Андрон поднял голову и хотел привстать.

— Лежи, лежи! — остановил его Адам. — Дня три придётся поваляться в постели. Пити хочешь?

Андрон кивнул. Адам налил в кружку воды из-под крана и напоил Андрона.

— Вечером я сменю повязку, — сказал он и пошёл из комнаты.

Артур присел на краешек кровати. Они помолчали, а потом Андрон, повернув голову, как-то внимательно посмотрел на стол. Артур проследил его взгляд и спросил:

— Что не так?

— Кто зажёт ночью свечу? — тихо спросил Андрон.

— Я зажёл... — припомнил Артур. — Вечером, когда стемнело.

— А кто потушил?

Артур растерялся и посмотрел ещё раз на свечу. Она сгорела только на треть.

— Не знаю... — пожал плечами Артур.

— А я знаю, — также тихо сказал Андрон. — Это старый граф... Он был здесь сегодня ночью. Я его видел.

— Тебе приснилось, — не поверил Артур. — Наверно Адам зашёл ночью и потушил свечу.

— Я его видел, — упрямо повторил Андрон. — Он сидел за столом и что-то писал. Потом сложил бумажку, положил себе в карман, поднялся и посмотрел на меня... У меня аж душа захолонула, и мороз по коже пошёл. А он усмехнулся криво, потушил свечу и вышел.

Артур не поверил рассказу Андрона, но разубедить его не стал.

Паскаль сидел в саду, в гамаке, закинув руки за голову. Артур присел рядом с ним.

— О чём задумался? — спросил он друга.

Тот вздохнул и ничего не ответил. Они посидели молча, слушая гомон встревоженных птиц, как отголосок вчерашнего сражения.

— Переживаешь за Дени? — предположил Артур.

— Что? А-а — нет! Дени побежал в деревню, у него там семья... Я переживаю за Христину. Успел ли диакон увести свою дочь?

— Это та девушка, с которой ты катался на лошади?

— Да... Хорошая девчонка. Необразованная только... Я ей рассказывал, что Земля круглая. Она слушала и не верила. «Почему ж мы этого не видим?» — спрашивала она, — «И почему мы тогда не скатываемся с неё?» Я пытался ей объяснить, что Земля очень большая, а мы — маленькие муравьи на ней. Муравей будет ползти по футбольному мячу, не понимая, что он круглый.

— А про Бога ты с ней говорил?

Паскаль искоса посмотрел на Артура.

— Нет. Не говорил... Она искренне верует, и мне не хотелось причинять ей боль... Я видел, как она молится в церкви... Сколько веры в её глазах... Я ей позавидовал.

Пришёл Адам. Прислонился к дереву, глядя на друзей.

— Что будем делать дальше? — спросил его Артур.

— Надо продержаться до середины осени... Осенью будут грозы, и мы отправимся в путешествие дальше.

— Про захват монастыря наверняка уже знают в Кардерлине, а, значит, это скоро дойдёт до графа, — предположил Артур. — Он отправит сюда своих солдат. С одной стороны, это хорошо. Демону будет не до нас, он оставит нас в покое. Но что, если солдаты потом пойдут на Замок? Сможем ли мы устоять?

— Давай, не будем гадать на кофейной гуще... Хотя... Надо бы съездить в Кардерлин, разузнать новости.

— Я могу съездить! — сразу вызвался Артур.

— Нет... Это слишком опасно... Дорога в Кардерлин идёт мимо монастыря, а там сейчас хозяйничают разбойники.

— Волков бояться — в лес не ходить, — заупрямился Артур.

— Я сказал — нет!.. Сам поеду, когда сочту нужным.

Артур ранним утром покинул Замок, тайком от всех. Отвязал коня, завёл его в воду и поплыл к другому берегу, оглядываясь на коня, плывущего рядом. Конь его не подвёл, видно плавание было ему знакомо. Выбравшись на берег, Артур оседлал коня и поскакал в Кардерлин, объезжая стороной монастырь. Он надеялся встретить там Шута и попросить его о помощи. Артур доехал до ярмарочной площади, спешился, поставил коня на «платную стоянку» и направился в корчму. В корчме он Шута не нашёл, заказал кружку с вином и сел за стол, оглядывая немногих посетителей. За дальним столом, где раньше сидел Мортар, теперь сидели двое солдат. Артур прислушался. Они говорили о Замке.

— Точно тебе говорю — дьявольский замок! — горячо убеждал один солдат. — Появился ниоткуда вместе с озером. А вода в озере, говорят, солёная и серой пахнет.

Второй солдат мотал головой, внимательно слушая.

— Монастырь захватили, — продолжал солдат. — Разбойничают в округе. Бертран в Блуа поскакал за помощью. Вчера вечером вернулся. Говорит, Граф Тибо приказал Виконту собирать отряд в двести человек. Уже завтра должны прибыть сюда. Бертран своих людей добавит, и поедут к монастырю, а потом к озеру. Большая битва предстоит! Ты думаешь, легко с чертями воевать? Главное, крест нагрудный не забудь! Без этого черти тебя живым съедят.

Допив вино, Артур встал и пошёл на выход. Забрав своего коня, он поскакал назад, к Замку. Надо было предупредить Адама.

На полпути к озеру, он увидел среди деревьев двух всадников. Это были разбойники. Они тоже заметили Артура и, стеганув плетями лошадей, поскакали навстречу ему.

Артур сильно ударил ладонью по крупу коня. Конь вздрогнул и рванул с места в карьер. Преследователи с криками помчались следом. Выбираясь из ложбины на пригорок, и затем, спускаясь вниз по тропе, Артур уже надеялся, что удастся оторваться. Но, как назло, конь зацепился ногой за какую-то корягу, и Артур кубарем полетел через голову коня в кусты. Как он не убили? — просто повезло. Вскочил и, прихрамывая, бросился вдогонку за своим конём, но преследователи догнали его раньше. Толчок в спину бросил его на землю, а сверху навалились двое и стали вязать руки и ноги.

Затем разбойники поймали коня Артура, который не убежал далеко. Связанного Артура взвалили на круп коня, головой вниз, и пленника повезли в монастырь.

Два дюжих разбойника схватили его под руки, проволокли по полу и швырнули к ногам Демона.

Артур встал на колени, но, когда хотел встать на ноги, один из разбойников положил ему руку на плечо.

— Стоять на коленях! — последовал приказ.

Артур, стоя на коленях, выпрямился и посмотрел в лицо Демону. Тот смотрел на него с нескрываемым удивлением и молчал. Все затихли, в комнате повисла тишина.

— Не могу сказать, что рад тебя видеть, — наконец произнёс Демон, — думаю, и ты тоже. Но обстоятельства сложились так, что теперь ты мой пленник, и вот что тебя ждёт. Если ты расскажешь мне то, о чём я спрошу, я могу отпустить тебя с миром. Ты мне не

нужен. Если ты будешь молчать, — он недобро улыбнулся, — я найду способ развязать твой язык. Советую быть разумным и не злить меня. Что скажешь на это?

— Всё зависит от того, что тебя интересует? — Артур смотрел ему прямо в лицо. — Если спросишь — какая погода на дворе? — я с удовольствием тебе расскажу.

Артур был в отчаянии, но оно почему-то придало ему храбрости. Он даже не заметил, что перешёл с Демоном на «ты», чего раньше не было.

Демон приподнял брови. Он не ожидал такого ответа. Но удивление быстро сменилось знакомой презрительной усмешкой.

— Да ты, вижу, набрался наглости с тех пор, как мы встречались в прошлой жизни. Придётся тебя проучить.

Он вытащил из-за пояса плеть и кинул её одному из разбойников.

— Каждый раз, когда я кивну, ударь его плёткой.

Он снова посмотрел на Артура.

— Будь осторожен в своих словах. Каждое неверное слово отразится на твоей спине.

— Напиши мне список неверных слов, чтобы я, не дай бог, не перепутал.

Демон сжал губы и, посмотрев на разбойника, кивнул. Плеть обожгла спину даже через рубаху. Артур сжал зубы и не произнёс ни звука.

— На этом шутки кончились, — заявил Демон. — Слушай мой вопрос. Что собирается делать Адам, где он сейчас и сколько людей в Замке?

— Это три вопроса, но ответ будет один — не знаю.

Демон снова кивнул, и плеть ударила по спине.

— Ответ неверный, жду другого.

— Другого не будет, хоть порви об меня десять плетей.

Демон внимательно посмотрел Артура в лицо.

— Ты играешь героя? Игры скоро закончатся.

К Демону подошёл Мортар и что-то сказал на ухо. Демон кивнул ему. Разбойник, восприняв это как приказ, хлестнул Артура ещё раз. Демон улыбнулся.

— Мы продолжим наш разговор завтра. Бросьте его в подвал!

Он повернулся и пошёл с Мортаром на выход. Разбойники подхватили Артура под руки и поволокли куда-то. Протащили его вниз по лестнице, потом по грязному подвальному коридору и бросили в кладовку, закрыв за собой дверь на засов.

Артур опустился на смешанную с землёй солому, но, ойкнув, сразу привстал. Лежать на спине было больно. Он прислонился к углу, подложил руки под голову и задумался. Судьба опять поставила его на какую-то развилку. Что его ждёт завтра, он мог только предполагать.

— Если я ничего не скажу, то, видимо, здесь, — он оглядел небольшую клетушку, — буду ждать своей участи, пока Виконт не освободит монастырь.

Маленькое слюдяное оконце под самым потолком пропускало тусклый свет внутрь, но осматривать здесь было нечего. По тонкому кислому запаху Артур догадался, что в кладовой раньше хранилось монастырское вино. Сейчас кладовая была пуста, а бочки с вином перекочевали наверх, где монастырская трапезная превратилась в разбойничий вертеп.

— Ну что ж, тюрьма, так тюрьма. По крайней мере, здесь просторнее, чем в нашем «Аду». Тут хоть ноги вытянуть можно... Да... и протянуть тоже.

Он невольно улыбнулся.

— Ладно, рассматривай это как новый опыт. Если бы Сервантес не попал в тюрьму, может, и не был бы написан «Дон Кихот». Если бы Достоевский не угодил на каторгу, не

было бы ни Раскольниковова, ни князя Мышкина, ни Карамазовых... Во всём надо искать плюсы. Минусы нас найдут сами.

Уже ночью, когда Артур, ворочаясь с боку на бок, тщетно пытался заснуть, послышались шаги, стукнул засов, дверь открылась, и в кладовую зашёл Демон. В руке его был небольшой масляный фонарь.

Артур приподнялся и, поджав ноги, прижался к стене.

— Расслабься, — небрежно бросил Демон, — я пришёл просто поговорить.

Он прикрыл дверь, подошёл к стене и повесил фонарь на гвоздь. Потом оглядел тесную комнатку, подгрёб ногой солому и сел на неё рядом с Артуром.

— С этими необразованными дикарями даже поговорить не о чём. Только и знают, что пить вино, да щупать девок.

Он бросил внимательный, цепкий взгляд на Артура, усмехнулся и сказал:

— Ты так и не вспомнил — кто ты такой и откуда? — он отвёл взгляд и посмотрел в пол. — Забавная история. Понимаю, почему Хозяин тобой заинтересовался... Хочешь знать — какие далеко идущие планы он имел на тебя? Чем-то ты ему приглянулся. Он говорил, что ему нужен продолжатель его дела. Ева не годится для этого, а сыновей он потерял.

Демон снова бросил взгляд на Артура, и снова усмехнулся.

— Он задумался, а почему бы не сделать тебя своим помощником, а потом, может быть, и зятем? Ну, разумеется, когда Ева подрастёт... Вот такая бредовая мысль пришла ему в голову.

— А где сейчас Хозяин с семьёй? — спросил Артур.

— Они в укромном месте... Это мой козырь в игре с Адамом, который я пока приберегу.

Слушая Демона, Артур наблюдал, как по его рукаву ползёт муравей. Когда муравей дополз до кисти руки, Демон поднял руку и посмотрел на него.

— Надо же! Андрон ещё не всех средневековых муравьёв собрал. Как там поживает наш муравьиный король? — посмотрел он на Артура.

— Он был ранен стрелой и ещё не здоров.

— Ранен стрелой? — поднял брови Демон. — Ну, это за дело. Он меня предал. Если встречу его, с ним разговор будет короткий.

Демон ещё раз посмотрел на руку и щелчком отправил муравья в полёт.

Артур, слегка повернув голову, осторожно посмотрел на него. Демон, казалось, о чём-то задумался.

— Вы понимаете, — сказал Артур, — что скоро здесь будет армия графа и вам не удержать монастырь?

— Что с того? — исподлобья глянул на Артура Демон. — Дался мне этот монастырь... Мне и Замок наш уже не больно-то нужен. У меня большие планы на этот мир. Мне от Адама нужно только оружие, дальше я сам.

— Адам не согласится на это. Он хочет вернуться в своё время.

— Да пусть проваливает — куда хочет, но прежде достанет мне оружие. Как ты думаешь, — повернулся он к Артуру, — если я начну отрубать тебе пальцы и посылать ему по одному — на каком пальчике он сломается и пойдёт мне навстречу?

Они смотрели друг другу в глаза и Артур понимал, что Демон не шутит.

— Расслабься, расслабься, — наконец улыбнулся Демон. — Я ещё не решил — что с тобой делать?

Он посмотрел на дрожащий огонёк фонаря.

— Этот мир будет моим, — твёрдым голосом сказал Демон. — Я завоюю его весь. Я уничтожу все границы и создам единую человеческую нацию. Да я буду тираном, я буду жесток. Но я буду благодетелем человечества. В единой империи прекратятся войны. Все будут подчиняться единым законам, и говорить на одном языке. Начнётся новая история человечества. Пусть сегодня погибнут тысячи, завтра миллионы будут славить меня и наслаждаться вечным миром.

— Вы решили, что у вас есть на это право?

— «Тварь ли я дрожащая или право имею» — ты об этом? Ты меня с Раскольниковым не путай. Кто таким вопросом задаётся, тот уже «тварь дрожащая». Право не имеют, право берут. И всё, что создано в этом мире, создано теми, кто взял себе право. Вильгельм Завоеватель не спрашивал — есть ли у него право на британский престол? Он пошёл и взял его.

— У Вильгельма была преданная ему армия. Вы в этом мире один.

— Пока один... У меня есть продуманный план. Я брошу этот разбойничий сброд. Пусть с ними разбирается граф де Блуа. Я подамся в Рим и завоюю доверие Папы Сильвестра.

— Каким образом? — поразился Артур.

— У меня есть козыри в рукаве, — на лице Демона появилась лёгкая улыбка. — Я нашёл в библиотеке Хозяина историю Средневековья. Я удивлю Папу своими предсказаниями. Он поверит, что я пророк, поцелованный Богом. Опираясь на его поддержку, я соберу свою армию и займусь основанием своей империи.

— Поистине демонический план, — растерянно произнёс Артур. — Но вам придётся нелегко. Вам нужно будет изучить латынь и гору священных писаний, чтобы у Папы не возникло никаких подозрений.

— «Париж стоит мессы», — ухмыльнулся Демон, — а весь мир — тем более. Верно сказано: тот, у кого есть «зачем», выдержит любое «как». У меня есть — «зачем».

— Война — хорошее занятие для мужчин, — продолжил он. — Как там этот философ писал? «То, что нас не убивает, делает нас сильнее».

— Но война убивает, — возразил Артур.

— Ну, не всех... Кому-то и повезёт... Вот они и будут сильнее... Без войны мужчины быстро мельчают... Человеческий мир окрашен всего в два цвета — красный и серый — цвет крови и цвет пыли. Мне ближе цвет крови... Первый закон Вселенной — власть силы. Нам говорят, существуют добро и зло. Нет, существуют лишь сила и слабость. Только слабые говорят о добре и зле, о добродетели и грехе. Только слабые ищут справедливости. Сильный смеётся над этим, ему не нужно это, чтобы оправдать своё существование, он не нуждается в оправдании — это забота слабых.

— Вы любили когда-нибудь? — неожиданно для себя спросил Артур. — Была ли в вашей жизни любимая женщина? Может быть, вы были женаты? Я же ничего про вас не знаю.

— А тебе и незачем знать, — нахмурился Демон. — Была ли у меня любимая женщина? Ну была, и не одна. Хотя женат я не был — ума хватило. А к чему ты спрашиваешь?

— Любовь — это счастье, — пояснил Артур. — Может быть, самое лучшее счастье, доступное человеку.

— Экий ты романтик! — даже улыбнулся Демон. — Любовь — это привязанность, это

несвобода. А для меня главное счастье — свобода. Я волен в своих желаниях, в своих поступках. Захочу — завтра тебя повесят на монастырских воротах, захочу — отпущу восвояси. Всё в моей воле, всё в моей власти — вот моё счастье.

— Ну, слава богу, не всё в твоей воли и власти, — подумал Артур, но злить Демона не стал.

— Любофь! — с презрительной издёвкой произнёс Демон. — Сколько игрушек придумали себе люди. А за всеми напыщенными словами стоит самый голый, животный эгоизм... «Мне хорошо с тобой, и поэтому я тебя люблю» — эта простая мысль открывает обман любви. Нарядный обман, упакованный в красивую обёртку стихов и романов, картин и романсов. А в основе простой эгоизм. «Я люблю тебя, потому что мне с тобой хорошо». Это ведь, если перевести на простейший язык, если сократить все ненужные члены уравнения, означает только одно: «я люблю себя». Даже банальный секс честней, чем эта ваша придуманная «Любовь». Там хоть всё по-честному: ты мне, я тебе. Там без обмана.

— Я не согласен, — не выдержал Артур.

— Конечно, не согласен, — не удивился Демон. — Ребёнок не согласен, когда отбирают его любимые игрушки.

— Вы слышали такое понятие — жертвенная любовь?

— Слышал, слышал, — надменно скучая, сказал Демон. — Разные есть извращения, в том числе и то, о котором ты говоришь... А у меня, кстати, была такая... была такая дурочка. Ага! Любила меня, как кошка, из кожи готова была выпрыгнуть ради меня... Сначала приятно, а потом начинает раздражать.

— Человеку свойственно искать простых земных радостей, — с усмешкой говорил Демон. — И в этом он ещё так похож на обезьяну. Что бы он о себе не думал, он, как все животные и растения, имеет своё предназначение. Дарованные ему радости и минуты счастья — это кусочки сахара, которые опытный дрессировщик скармливает приручённому зверю, когда он правильно исполняет, что от него требуется... Разве не очевидно, что любовные утехы и самый оргазм придуманы для того, чтобы поощрить человека к размножению и продолжению рода? Иначе стал бы он, озабоченный собственной персоной, заниматься этим?... А утоление голода? Что может быть проще исполнения этой потребности? Но из неё человек создал целую науку, целую культуру, целую поэзию кипящих кастрюлек и текущих «слюн».

Он усмехнулся.

— Беда в том, что человек не хочет исполнять то, что от него требуется, а хочет сахара. Обычно люди выращивают одного, двух, трёх детей, больше им просто не прокормить, но с упоением занимаются сексом день за днём, ночь за ночью — они называют это любовью. Смешные... Им же надо как-то оправдать своё необузданное влечение к плотскому счастью. Надо эту забавную глупость обозвать как-то «покрасивше»... Любовь — это красивое покрывало, наброшенное на грязные простыни.

Он угрюмо замолчал, но потом продолжил.

— Есть нехитрая формула человеческого смысла: построить дом, посадить сад, вырастить детей. Кто всё это сделал, считается счастливым, состоявшимся человеком... Никогда не верил в эту банальность. Впрочем, это лучший вариант для человеческого животного. С этой ложью легко жить, легко умирать.

— Но вот человек уходит в землю, — продолжил он, взглянув на Артура. — Проходит время и рушится обветшалый дом, вырубается постаревший, бесплодный сад. Правнуки не

знают своих прадедов. С недоумением рассматривают они пожелтевшую фотографию, случайно сохранившуюся среди пыльных книг — им ничего не говорят эти чужие лица. Пройдут ещё годы и от человека не останется ни костей, ни надписи на могильной плите. И то, что он был — уже надо доказывать.

Огонёк фонаря заморгал, видимо, масло кончалось. Демон задумчиво посмотрел на него.

— Люди так боятся смерти, как будто собираются жить вечно. А я смотрю на них и думаю — зачем вам бессмертие? Неужто «это» может быть вечным? — он посмотрел на Артура, словно его подставляя под слово «это». — Всем молящим о спасении своей души, стоило бы задуматься и сказать: не то, чтоб незачем, а нечего спасать.

Демон поднялся на ноги.

— Однако я заболтался, а уже за полночь.

Он снял догорающий светильник, подошёл к двери, открыл её, бросил внимательный взгляд на Артура и... вышел, оставив дверь приоткрытой. Артур слышал его шаги по лестнице, потом они затихли. Артур долго прислушивался к наступившей тишине. Наконец поднялся и, продолжая прислушиваться, выглянул за дверь. Падающий с лестничного проёма свет едва освещал тёмный подвал. Артур осторожно прошёл по нему, поднялся по лестнице и, озираясь вокруг, направился к выходу.

Два разбойника сидели во дворе, переговариваясь вполголоса. Стараясь держаться в тени, Артур проскользнул мимо них к навесу конюшни. Он сразу увидел своего коня, отвязал и тихонько вывел его. Медленно, шагом, повёл к открытым воротам монастыря, каждую секунду ожидая услышать из-за спины окрик «стой»! Уже оказавшись за воротами, он вскочил на коня и, легко стукнув сапогами по его бокам, поскакал по дороге в лес.

В ночном лесу ехать пришлось шагом. Конь пугливо косился по сторонам. Лунный свет едва пробивался сквозь густые кроны деревьев. Хруст валежника под копытами заставлял вздрагивать Артура.

Один раз ему почудилось какое-то движение слева в кустах. Он насторожился, зная от крестьян, что встречи с волками здесь нередки. Конь, похоже, почувствовал опасность и прибавил шаг. Ветки деревьев хлестали Артура по голове и плечам. Он едва успевал уворачиваться от них. С огромным облегчением он наконец выехал из леса на берег озера.

Спрыгнув с коня, Артур привязал поводья к деревцу, огляделся и задумался. Можно было переплыть на остров, но Артур решил дождаться утра. Тем более восток уже начал светлеть, и утро было не за горами. Сев на землю, прислонившись головой к стволу дерева, он закрыл глаза и уснул.

— Спит, как праведник в раю! — весёлый голос Адама разбудил его утром.

Открыв глаза, он увидел своего «приёмного отца» в метре перед собой. Адам смотрел на него с улыбкой, слегка наклонив голову. Артур встал и, протирая глаза, улыбнувшись, сказал:

— Я поздно лёг этой ночью. Сначала разговаривал с Демоном, потом пробирался сквозь ночной лес.

— Разговаривал с Демоном? Это уже интересно. И каков был предмет разговора?

— Я съездил в Кардерлин, кое-что разузнал. На обратном пути мне не повезло, меня схватили и привезли в монастырь. Вот там я ночью и беседовал с Демоном. Он сперва угрожал, но потом, как ни странно, отпустил меня.

— Чего он хотел?

— Спрашивал — сколько людей в Замке и что вы собираетесь делать?

— Ты, конечно, мужественно промолчал, — хитро заглянул Артуру в глаза Адам.

— Я ничего не сказал, — обиделся Артур. — Меня даже плёткой хлестали.

— Молодец! — продолжал шутить Адам. — Когда доберёмся до моих времён, не забудь напомнить мне, выдать тебе медаль «За отвагу»... Но шутки в сторону. Что говорят в Кардерлине?

— Виконт уже знает о появлении в этих краях странного Замка на озере, и о захвате монастыря. Он собирает две сотни солдат, чтобы выступить в поход. Возможно, он будет здесь уже сегодня.

Артур отвязал коня и они, усевшись на него вдвоём, поехали в деревню за продуктами. По дороге вели разговор. Артур рассказывал, что он думает о Демоне:

— Один французский моралист говорил: «зло, как и добро, имеет своих героев».

— Ты как будто его защищаешь, пытаешься его понять, — оглянулся на Артура, сидящий спереди, Адам.

— Я пытаюсь его понять, — согласился Артур. — Я подумал, что он не картонный злодей. У него своё мировоззрение, своя аксиология и... Демон хочет изменить мир.

— Изменять надо себя, а не мир, — убеждённо произнёс Адам. — Точнее, изменение мира начинать надо с себя.

Они ехали по неширокой, пыльной дороге, вдоль опушки леса и полей, где колосилась пшеница и стрекотали кузнечики.

— Согласно одной индейской притче, — говорил Адам, — в человеке борются два волка. Один представляет собой тёмные силы — гнев, зависть, злобу, жадность, похоть и самолюбие. Другой волк представляет светлые силы — радость, любовь, надежду, доброту, великодушие и сострадание. Побеждает тот волк, которого ты кормишь.

Артур кивнул — он знал эту притчу.

— Я вот думаю, — поделился мыслями Артур, — почему Демон меня отпустил?

Адам неопределённо пожал плечами.

— Человек — сложное существо. В нём масса противоречивых качеств. Никогда не знаешь — какой стороной он к тебе повернётся... Но я думаю, он понял, что пользы от тебя никакой, а отпустив тебя, он может рассчитывать и на твою помощь, если она ему понадобится. Ты ведь уже чувствуешь себя ему обязанным? — он с иронией посмотрел на Артура. — Демон — хитрый человек, и ничего просто так не делает.

Купив молока и мяса в деревне, они на лодке вернулись в Замок. Затем Артур на плоту переправил в Замок коня и отвёл его в сад.

Во дворе Замка Писатель подошёл к Артуру и спросил:

— Вы встретились с Демоном? Расскажите мне о нём, он меня очень интересует.

— Чем же он вам так интересен?

— У меня в книге есть один преступный персонаж. Признаться, я его копировал с Демона. Мне хотелось бы понять его психологию.

— Да психология у него простая. «Я» лежит в её фундаменте. «Я» определяю мораль, если таковая вообще понадобится. «Я» определяю человеческие законы. «Я» решаю — как жить всей остальной «человеческой траве».

— Вот-вот! — обрадовался Писатель. — Я примерно так себе это и представлял.

Он подошёл к Артуру поближе и взял его за локоть.

— Достоевский ведь не разрешил вопрос: «если Бога нет, значит, всё позволено?» Он

же отмёл этот вопрос, заявив: Бог есть! И вопрос как бы отпадает... Но «если», — он наклонился к самому уху Артура, — «если-то» проклятое остаётся!

— Вот Демон это «если» и выкинул, — вздохнул Артур. — «Всё позволено» — без всяких «если». Точнее даже не так — для сильного всё возможно, а позволяют или не позволяют только слабым, только рабам.

После завтрака Адам был задумчив.

— Надо идти на переговоры. Замок мог сопротивляться пятнадцати разбойникам. Но выдержать атаку двухсот солдат мы не сможем. Замок будет захвачен. Лучше начать переговоры сейчас, чем после поражения.

— Паскаль, — повернулся он к Паскалю, — залезай на башню, наблюдай за тем берегом. Как только увидишь кого-то, сообщи мне.

— Хорошо, что командует солдатами Виконт, — повернулся он к Артуру. — С ним можно попробовать договориться.

В середине дня на берегу озера показались всадники. Они выезжали из леса один за другим. Потом потянулись пешие солдаты с пиками и алебардами. Через полчаса весь восточный берег стал похож на табор. Ржание лошадей и крики солдат доносились до Замка.

Адам стоял на берегу острова, сложив руки на груди, наблюдая нашествие. Наконец он повернулся к Артуру.

— Ну, что? Идём сдаваться?

— Я вижу Виконта и Шута! — радостно крикнул Артур, глядя в подзорную трубу. — Надо плыть! Я уговорю Шута, а Шут уговорит Виконта, чтобы они не захватывали Замок.

— Блажен, кто верует... — негромко сказал Адам.

К ним подошёл Андрон и тоже стал вглядываться в противоположный берег.

— Ты зачем встал? — нахмурился Адам. — Рана ещё не зажила.

— Надоело в кровати валяться, — ответил Андрон. — Не привык я бездельничать.

Он держался бодро, но бледность лица выдавала его слабость.

— Ну, тогда у меня к тебе будет поручение, — сказал Адам. — Зажарь три курицы, хорошенько зажарь — на вертеле. У нас будут гости.

— Три курицы?! — расстроился Андрон. — Может быть, одной хватит?

— Давай не жадничай! — скомандовал Адам. — Гости знатные, нам их задобрить надо.

Адам с Артуром сели в лодку, и Артур взялся за вёсла.

Когда лодка уткнулась носом в прибрежный песок, Адам вышел на берег и сразу направился к Виконту. Оставив вёсла, Артур последовал за ним. Двое солдат преградили им путь алебардами, но Виконт махнул рукой — пропустите!

— Так-так-так! — сказал он. — Вот это новость. Значит, вы слуги разбойника, именующего себя — граф Редмонд?

— Это не так, Виконт, — прямо глядя ему в лицо сказал Адам. — Никакого графа Редмонда здесь нет. Тот, кто присвоил себе это имя, известен как Демон. Это он возглавил шайку разбойников. Он захватил наш Замок, но нам удалось его вернуть. Тогда он захватил монастырь.

— Интересные вещи вы рассказываете, Адам. Так, кажется, ваше имя? Почему я должен вам верить?

— Потому что мне незачем врать. Спросите Артура, он подтвердит.

Виконт обратил свой взгляд на Артура и тому ничего не оставалось делать, как кивнуть.

— Подтверждаю Виконт, что мы не принадлежим к шайке Демона. Более того, мы сами

сражались с ним в меру наших сил.

— Монастырь окружён, — сказал Виконт. — Вся эта шайка будет вынуждена сдаться. Вы должны объяснить мне — что это за замок и как он оказался здесь?

— Я приглашаю вас стать нашим гостем и посетить наш Замок, — ответил Адам. — Вам ничего не угрожает, клянусь честью.

— Вам есть чем клясться? — слегка надменно сказал стоящий рядом шевалье Дирон.

— А вы посмотрите внимательней на меня, и сомнения отпадут, — невозмутимо ответил Адам.

Виконт отправился на остров на плоту, вместе с Шутом, Дироном и Винтером. Адам с Артуром плыли впереди на лодке.

Разговор продолжился уже в Замке.

— Как я объясню графу — откуда в его владениях появился этот замок? Вы знаете, что ему уже все уши прожужжали, что это дело нечистое, что вы посланцы дьявола.

— Виконт, ну посмотрите на меня, посмотрите на Артура. Похожи мы на посланцев дьявола? Может быть, у нас рога торчат, или хвост развеивается? Я уже объяснил вам, что мы здесь оказались по ошибке, не по своей воле, и долго здесь не задержимся.

Виконт смотрел недоверчиво, но Адам выдержал его взгляд и добавил:

— Виконт, я даю вам честное слово, что мы покинем вашу землю до начала следующего лета.

— Вы покинете ваш Замок?

Адам развёл руками.

— Я бы сказал, что мы унесём Замок с собой, но вы же мне не поверите?

Виконт засмеялся.

— Я оценил вашу шутку, Адам... Вы однажды мне помогли. Я был бы неблагодарным, если б не ответил вам тем же... Хорошо, я даю вам время до следующего лета, но не более.

Виконт с Шутом осмотрели Замок. Артур был их проводником.

— Какие прекрасные скульптуры! — восхитился Виконт, разглядывая Геракла. — Помнишь, — он повернулся к Шуту, — мы видели подобные в гостях у короля Роберта?

— Помню, как же, — кивнул Шут. — Те даже были покрупнее.

— А это кто? — направился Виконт к статуе «Мыслителя».

— Это, наверное, Зевс, — неуверенно сказал Шут и посмотрел вопросительно на Артура.

— Что-то не похож, — усомнился Виконт. — Зевс постарше, и волосы у него кудрявые, а этот стриженный.

— Это... греческий философ Платон, — выкрутился Артур, — Он же в молодости борьбой занимался.

Осмотрев двор, пошли по комнатам. Артур повёл их сначала в комнату Мессии. Виконт, зайдя туда, сразу обрадовался.

— Ну вот! И церковь своя у них есть! Образ Спасителя, крест, статуя Богоматери — всё, как положено. А этот дрянной аббат вас посланцами дьявола называет. Старый прохвост — так и не отдал мне долг.

Затем Артур показал им свою комнату. Шут заинтересовался книжными полками. Вытаскивал книги по одной, разглядывал, цокал языком в удивлении.

— Какая тонкая бумага, какие мелкие, аккуратные буквы, а какие картинки! Это же — сколько трудов надо, нарисовать одну такую книгу! Ваши монахи — молодцы, работают на

совесть.

Артур стал объяснять про печатный станок и типографию. Виконт между тем крутил настольную лампу, пытаясь понять её предназначение. Когда Артур щёлкнул выключателем и лампа загорелась, он даже вздрогнул и открыл рот от изумления.

— Чудеса-а! Горит, как несколько фонарей. А куда тут масло заливается?

Артур открыл рот и закрыл. Объяснять про электричество он не стал.

— Пойдёмте наверх, — предложил он. — Посмотрите нашу картинную галерею.

После осмотра Замка, гостей во дворе накормили обедом. Андрон постарался и зажарил трёх кур, переживая за непредвиденные расходы. Адам принёс две бутылки виски из запасов Хозяина. Понюхав виски, Виконт поморщился.

— Это что — деревенская брага?

— Что вы, Виконт! Это королевский напиток из нашей страны.

Виконт недоверчиво посмотрел на Адама, но решился продегустировать «королевский напиток». Он сделал маленький глоток и тут же выплюнул.

— Какая гадость! Не могу поверить, что ваш король пьёт эту дрянь.

Он повернулся к Шуту.

— Сплавай на тот берег, привези два бочонка вина.

Шут с Артуром сплавали на лодке и привезли вино. Один из бочонков был тут же открыт, а второй Виконт пододвинул к Адаму.

— Отвезите это в подарок вашему королю. Пусть попробует и почувствует разницу.

— Как поживаете, Артур? — спросил Виконт, протягивая ему кружку с вином.

— Хорошо, Виконт. Я очень вам благодарен за помощь. Без вас я, наверно, потерялся бы в незнакомом мне мире.

— Не стоит благодарности. Кстати, я не люблю быть должником. Вы мне отдали свою лошадь, можете взять любую из моих.

— Ой! — обрадовался Артур. — А можно мне мою Звёздочку? Ту лошадь, на которой я ездил.

Виконт посмотрел на Шута. Тот кивнул.

— По-моему, я её видел в обозе, — сказал Шут.

— Мы вам её оставим, — сказал Виконт.

Пока гости отдыхали после обеда на берегу озера, Артур помогал Андрону прибраться во дворе.

Маркус подошёл к Артуру с таинственной улыбкой, и, подняв вверх палец, произнёс:

— Я всё понял!

— Боже мой, как вам повезло! — с лёгкой иронией сказал Артур. — И что же вы поняли?

— Я окончательно убедился, что мы играем в кино. Только почему-то всё перепуталось и теперь снимается старая серия. Кажется, это называется «приквел».

— Ага! — не стал спорить Артур. — А ещё это называется «пеплум».

Во двор заглянул Винтер и, увидев Артура, подошёл к нему. Маркус осторожно тыкнул пальцем ему в грудь. Винтер недоуменно посмотрел на Маркуса.

— А какую роль играет он? — спросил на ухо Маркус Артура.

— Он играет шевалье Винтера, слугу Виконта де Блуа, — также на ухо ответил Артур, и обратился к Винтеру. — Вы что-то хотели спросить?

— Виконт мне пытался объяснить, но, по-моему, он сам в растерянности. Кому

принадлежит этот Замок?

— Этот замок принадлежит графу Редмонду.

— Кто такой, этот граф Редмонд? Откуда он взялся?

— Видите ли, уважаемый Винтер, это действительно трудно объяснить и ещё труднее понять. Мы здесь оказались случайно, можно сказать проездом. Через небольшое время мы покинем вас, и ни в коей мере не претендуем на права графа де Блуа, и тем более короля Роберта.

— И всё же — как здесь оказался этот Замок и это озеро? Я бывал в этих краях неоднократно и знаю, что на этом месте были поля, где местные крестьяне пасли коров.

— Вы верите в злых волшебников?

— Вы хотите мне рассказать сказку?

— Я хочу вам рассказать быль, просто не зная — как это сделать? — рассказываю её сказкой. Граф Редмонд очень рассердил одного злого волшебника, который произнёс сильное проклятие, и замок графа Редмонда, вместе со всеми его обитателями, переместился в ваши края. Но мой друг Адам знает — как разрушить проклятие. И он вернёт нас обратно. Так что вам стоит потерпеть некоторое время, а потом здесь опять будут поля, и крестьяне будут пасти на них скот.

Винтер смотрел недоверчиво, потом вздохнул и сказал:

— Как-то это всё неубедительно и по-детски.

Артур развёл руками.

— А Замок хороший, — оглядываясь, сказал Винтер. — У Виконта загорелись глаза. Он уже мечтает, что Замок будет принадлежать ему.

Выходя из Замка, Виконт о чём-то поговорил с Шутом, и, когда лодка отплыла, Шут остался на берегу. Он подошёл к Адаму, который внимательно на него смотрел.

— Вам придётся кормить ещё одного нахлебника, — извиняющимся тоном сказал Шут. — Виконт оставил меня присматривать за вами. Мне совсем не нравится эта роль шпиона, но я человек подневольный.

— Ну вам мы всегда рады! — поторопился ответить Артур, поглядывая на Адама.

Адам слегка усмехнулся и, прищурившись, посмотрел в небо.

— Никогда ещё так не мечтал о грозе.

В ожидании грозы

К берегу причалил плот, Андрон закрепил верёвку, и Писатель сошёл на остров. За собой он вёл тощего быка, спотыкающегося на камнях. Все высыпали на берег поглазеть на покупку.

— Первый раз вижу корову живьём, — трогая впалые бока, говорил Маркус.

— Корова — это автономная фабрика по производству молока из соломы, — пошутил Ньютон.

— Это не корова, а бык, — уточнил Паскаль, заглянув снизу.

— Бык — это корова мужского пола, — поставил точку Судья.

— А зачем нам бык? — спросил Артур. — От него молока не дождёшься.

— Можно назвать коровой быка, если не ждать от него молока, — с ходу сымпровизировал Поэт.

— Корова была, но совсем худая, — сказал Писатель. — А быка мы откормим и продадим в два раза дороже.

— Нашли — кого на рынок послать! — расстроился Адам. — Лучше бы козу купил... Андрон! А ты куда смотрел?

— Я ему говорил, — нахмурился Андрон. — Да разве его переспоришь! Хороший бык, говорит, лучше плохой коровы.

— Вот бери своего быка и веди в сад, — скомандовал Писателю Паскаль. — Пусть пасётся среди деревьев и ест палые яблоки.

— Я назвал его Маркиз, — гордо сказал Писатель.

В самый полдень, когда солнце стирает с земли тени, Артур с Паскалем загорали на берегу.

— Лето здесь конечно прохладнее, — говорил Паскаль, — а уж зимой, представляю, как здесь неуютно. Не то, что на нашем «индийском» острове... Знаешь, что забавно? Ведь вот прямо сейчас точно такой же остров лежит в Индийском океане.

— Ага! — согласился Артур. — Только нет там ни Замка, ни сада, ни людей, одни буревестники заселяют его берега и редкие пальмы роняют кокосы на землю. Лишь через много веков из-за линии горизонта появится британский корабль и на берег сойдёт молодой граф Редмонд, окинет остров хозяйским взглядом и решит построить на нём Замок для своего отца.

— Может быть, опередим его, переедем туда, откроем бизнес? — улыбнулся Паскаль. — Поставим палатки-бунгало на берегу острова. Распечатаем рекламу — отель на острове в Индийском океане.

— Ты серьёзно? Ты забыл — где мы находимся? Здесь это никому не нужно. У этих людей свои проблемы. Одни выживают, другие грызутся за власть. Ни тем, ни другим — не до курортов в Индийском океане.

— А то можем уплыть в Америку, — продолжал фантазировать Паскаль. — Пока Магеллан доберётся до неё, мы уже там построим свою империю. Ты будешь верховным ацтеком, а я верховным инком. Как тебе такое предложение?

— По-моему, ацтеки появились позже, — засомневался Артур. — Так что я, пожалуй, откажусь.

Адам с Артуром поехали в деревню, чтобы узнать новости. В деревушке всего-то было

полтора десятка домов. Они заехали в самый большой дом в деревне, к деревенскому старосте Бедрайону. Он встретил их настороженно, хотя уже видел их раньше в монастыре. Адаму пришлось применить всё своё красноречие, чтобы развеять деревенские предубеждения о «дьявольском замке».

— Сам Виконт де Блуа был гостем в нашем Замке, — убеждал Адам. — Неужели ты думаешь, что Виконт дружит с чёртом?

Бедрайон так не думал. Для него Виконт был всё равно, что король — где-то рядом. Немного успокоившись, он рассказал всё, что ему известно о недавних событиях.

— Монастырь освободили, разбойников повязали, а вот главарь их, называвший себя графом Редмондом — сбежал! Всех разбойников повезли в Блуа — там их будут судить и казнить.

— Демон, значит, сбежал, — нахмурился Адам. — Вот ловкая бестия!

Они купили у крестьянина кувшин с маслом и пообещали приходить за продуктами в дальнейшем.

Мессия покинул Замок, услышав последние новости от Адама. Он вернулся в монастырь, где у него было много работы. Разбойники превратили храм в вертеп, теперь предстояло сделать обратное. Он уехал на телеге и забрал двух лошадей, заявив, что это собственность монастыря. Адам не стал с ним спорить.

Артур с Адамом освободили от ненужного хлама сарай возле мастерской и устроили там конюшню. Конь Адама и кобыла Артура теперь жевали сено, переминаясь с ноги на ногу и фыркая друг на друга.

Адам научил Андрона, Паскаля и Шута пользоваться банданой.

— Нам предстоит несколько месяцев прожить здесь, и вам надо научиться понимать местных жителей, — заявил он. — Я составлю график, и раз в неделю один из вас будет ходить в ближайшую деревню за продуктами — молоком, мясом, овощами.

Шут очень заинтересовался волшебным ремешком и вызвался первым.

— А вам-то зачем? — удивился Артур. — Вы же прекрасно знаете местный язык.

— Но я хочу понимать вашу речь, — разумно ответил Шут, — когда вы говорите между собой.

— Ах, да! — засмеялся Артур. — Я и забыл, что вас оставили шпионить за нами.

— Ну вот... Вовсе не за этим! — обиделся Шут.

Во дворе за столом Шут играл в шахматы с Адамом. Проиграв одну партию, Адам искренне изумился и сказал:

— Наконец у меня появился достойный соперник!

— Но до этого я вам три раза проиграл, — поскромничал Шут. — Мне понадобилось время, чтобы привыкнуть к вашим правилам. Та игра, в которую играл я, называется шатрандж. Её завезли к нам мавры из Кордовы. Впрочем, ваши шахматы мне понравились. Обязательно покажу их Виконту.

Шут, улыбнувшись, поведал Артуру, сидящему рядом:

— Старый граф был большой любитель этой игры, и меня с малолетства обучил ей. Сначала я, конечно, проигрывал, а потом постепенно стал брать верх, чем очень злил и раздражал графа. Но он стал убирать с доски одну мою башню перед началом игры, и выигрывать стало сложнее.

— Башню? — не понял Артур. — А! В смысле — ладью. Это называется — дать фору... А он не наказывал вас за свой проигрыш?

— Нет! Человек был достаточно умный, чтобы не делать этого. Однажды только, когда я обыграл его в присутствии Анжуйского графа, он скинул доску с фигурами на пол, и посмотрел на меня так, что я приготовился проститься с жизнью. Но потом расхохотался и стукнул кулаком по столу.

— Вот какие у меня слуги! А твои, — обратился он к соседу, — могут только в носу ковырять.

Все рассмеялись.

— Весело вам жилось при старом графе! — сказал Артур.

— А мне всегда весело жилось. Это от человека зависит, от его отношения к миру и к себе.

— И какое же у вас отношение? — спросил Адам.

— С иронией, — ответил Шут. — И к миру, и к себе надо относиться с иронией. И с улыбкой, — добавил он. — Если ты улыбаешься миру, он обязательно улыбнётся тебе в ответ.

— А какие ещё, кроме шахмат, были у вас обязанности при дворе?

— Рассказывать графу байки, новости, сплетни — веселить его, одним словом. Это было мне не трудно, характер у меня смешливый, а глаз наблюдательный. Мне позволялось сказать такое, за что другие могли и головой поплатиться.

Шут улыбнулся, вспомнив свою юность.

— В мои обязанности также входило пробовать еду с графского стола. У старого графа было много влиятельных врагов, и он опасался, что его могут отравить.

— Вот это уже менее весело, — удивился Артур.

— Ну, это опять же — смотря, как к этому относиться? — развёл руками Шут. — Лучше умереть за обильным столом в графском замке, чем от голода в крестьянской избе.

На спину «Мыслителю» Паскаль укрепил квадратный кусок фанеры с нарисованной на ней мишенью, и они, вместе с Шутом и с Артуром, начали соревноваться в стрельбе из лука. Заинтересовавшись, к ним присоединился Андрон. Адам с беспокойством наблюдал за действием, сидя за столом.

— Вы смотрите, Сократа не подстрелите ненароком! — беспокоился он.

Подошёл Судья и тоже захотел попробовать. Первая попытка была неудачной, стрела попала за круг мишени. Терпеливо выслушав советы Шута, как надо прицеливаться и как отпускать тетиву, Судья попробовал снова. Вторая попытка, на удивление, получилась гораздо лучше. Стрела угодила в «яблочко», и Судья, гордо посмотрев на «молодёжь», сказал — «To bull's eye!» — и отдал лук Артуру. Величие британской империи было восстановлено.

Подошёл Поэт и Артур протянул ему лук.

— Вы думаете — у меня получится? — засомневался Поэт. — Я даже не знаю, как его взять.

— А я вам помогу, — подбодрил его Артур.

— Подождите, тогда мне понадобятся очки.

Поэт вытащил из нагрудного кармана очки в лёгкой оправе и нацепил их на переносицу. Левое стекло очков было треснутым.

Артур помог ему занять правильную стойку и, после недолгого обучения, Поэт выпустил стрелу по мишени, точнее мимо мишени.

— Надо плавно отпускать тетиву, — сказал Шут, — а вы руку дёрнули. Вот стрела и ушла в молоко.

Поэт снял очки и положил их обратно в карман.

— Лучше без них.

Он, близоруко щурясь, сделал вторую попытку и попал-таки в мишень, хоть и далеко от центра.

— Нет, стрелок из меня аховый! — он протянул лук Шуту. — Заберите, пока я, в самом деле, кого-нибудь не подстрелил.

Он сел за стол напротив Адама. Артур присел рядом.

— Я не знал, что вы носите очки, — сказал Артур.

— А я и не ношу, — ответил Поэт, — без особой надобности... У меня близорукость. Но я к ней привык. Мне в ней уютно. Мир вокруг теряет свою резкость и свою важность... У меня это наследственное по материнской линии. У матери «минус два» было всю жизнь, и у меня тоже.

Он легко улыбнулся и рассказал:

— Моя бабушка в старости часто теряла свои очки. Положит где-то и забудет — куда положила? Потом ходит по комнатам и ищет. В конце концов, лезет в комод, достаёт из него запасные очки, вздыхает и говорит: «чтобы найти одни очки, надо надеть другие».

— Считается, что близорукость обедняет человеческую жизнь, — разговорился он. — На самом деле, всё наоборот. У близорукого человека два мира. Один, когда он наденет очки, практически ничем не отличается от мира людей с хорошим зрением. Другой, когда он снимает очки, неизвестен людям с хорошим зрением, но этот мир обладает своими преимуществами. Он позволяет отрешиться от суетного мельтешения вокруг человека, позволяет ему сосредоточиться на действительно важных для него вещах.

— Как интересно! — заинтересовался Артур.

— Я вам больше скажу! — оживился Поэт. — На самом деле мир близоруких ещё разнообразней, ведь он зависит от их очков. Уверяю вас, если вы имеете несколько очков, пусть даже их выписал один и тот же врач, мир через них будет отличаться один от другого. Так что пусть люди с хорошим зрением нам близоруким ещё позавидуют!

Адам составил график дежурства по кухне, и первым вызвался Ньютон. Он пообещал сообществу макароны по-флотски и отправился в подвал — готовить обед. Адам пошёл следом, чтобы проверить работу дизеля.

— Пока ждём обеда, расскажите нам какую-нибудь историю, — попросил Шута Артур.

Шут устроился поудобней и обвёл весёлым взглядом всех собравшихся.

— Расскажу я вам историю об умном крокодиле, — начал Шут. — Крокодил — это в Индии есть такая огромная рыба с большими зубами, — пояснил он.

— Вы крокодила с акулой не путаете? — усомнился Артур.

— Ничего я не путаю! — возмутился Шут и добавил. — Что я акул не знаю? Я на северном море на рыбацкой шхуне целых три дня плавал. На четвёртый день она затонула... Акула — морская рыба, а крокодил — речная. Он конечно похож на ящерицу, но ящерицы не плавают... Так вот — не сбивай меня — расскажу вам историю про умного крокодила. Рыба эта, крокодил, не только плавает, но и по земле ходит. Живёт, так сказать, на два дома. И вот лежит крокодил на берегу реки, сытый, довольный. Видит — к реке человек подходит с удочкой. Заметил рыбак крокодила, испугался, хотел убежать. А крокодил ему говорит.

— Не бойся меня, мил человек, я сегодня сытый. Тебе ничего не угрожает.

Человек немного осмелел, подошёл поближе.

— Рыбки решил половить? — спросил крокодил. — Зря только время потратишь. У

берега рыбы нет, а в середину реки без лодки не суйся. Тебя мои сородичи без «спасибо» сожрут... И вообще — что за еда рыба? Мясом надо питаться.

— Так я же не против, — осмелел человек, — но на мясо деньги нужны.

— Глупые вы люди! — зевнул крокодил. — Мне не нужны деньги, чтобы каждый день мясом питаться.

— Впрочем, — вспомнил он, — деньги у меня есть. Плыл как-то по реке на лодке один купец. Возвращался домой с удачной торговли. Лодку я его перевернул, купца съел, а золотишко его на дно реки легло. Мне-то оно без надобности, а тебе, если нужно, так я принесу.

— Нужно, нужно! — обрадовался человек. — Принеси мне деньги, я на них мяса куплю и с тобой поделюсь.

— Хорошо, — согласился крокодил, — только давай не сегодня. Разморило меня после еды, лень на дно нырять. Давай завтра приходи в это же время. Я тебе мешочек с монетами в зубах принесу.

Обрадовался человек, домой побежал.

Цапля по берегу ходит и удивлённо на крокодила поглядывает.

— С чего это ты такой добренький стал?

— Я не добрый, я умный, — ответил крокодил. — Сегодня я сыт, а на завтра я себе обед приготовил.

Сказал и задремал на берегу, греясь на солнышке.

Шут закончил рассказ и снова обвёл всех весёлым взглядом. Артур засмеялся, а Андрон недоверчиво спросил:

— Какой же он умный? Деньги он отдаст, а человек унесёт их и оставит крокодила с носом.

— Вот видать простака сразу! — воскликнул Шут. — Человек-то и есть его завтрашний обед.

Через полчаса вернулся Адам.

— Что там — на кухне? — поинтересовался Паскаль. — Скоро будут макароны по-флотски?

— О, да! Вас ждёт сюрприз... — загадочно улыбаясь, сообщил Адам. — Напрасно мы доверили кухню закоренелому холостяку.

— А что такое? — забеспокоился Паскаль. — Я думал холостяки — хорошие повара. Ведь они сами себе готовят.

— Всё так, но, как говорится, есть нюансы... Знаете, что использует закоренелый холостяк как кухонную тряпочку? Ну, тряпочку, чтобы протереть посуду или взять горячую сковородку?

— И что? — непонимающе уставился на Адама Паскаль.

— Дырявый носок... — невозмутимо сказал Адам и пояснил. — Носок прохудился, а выбросить жалко — чем не кухонная тряпочка?

— Вы серьёзно? — не поверил Артур. — У меня уже пропал аппетит.

— Так я тебе его верну, — пообещал Адам. — У Ньютона своеобразное понимание — что такое макароны по-флотски.

— А что тут понимать? — удивился Артур. — Сварил макароны, бухнул туда тушёнку и размешал.

— Из тебя повар тоже не получится, — ткнул в сторону Артура пальцем Адам. — Но у

Ньютона рецепт покруче... Он сварил макароны и сварил рыбу. А потом всё перемешал... У меня глаза на лоб полезли, когда я «это» увидел. — Адам подчеркнул слово «это». — Я сказал Ньютону, что вообще-то макароны по-флотски делают с мясом. Он неподдельно удивился и возразил: «Какое же мясо на корабле? На корабле может быть только рыба».

— Никогда не ел макароны с рыбой, — задумчиво произнёс Сократ. — Надо попробовать — вдруг понравится?

— Через пять минут у вас будет такая возможность, — заверил Адам. — Готовьте столы, а мы с Артуром поможем Ньютону принести кастрюлю и тарелки.

— Ну как вам мои макароны по-флотски? — спросил Ньютон, когда все поели.

— Весьма оригинально, — ответил за всех Адам. — Но в следующий раз сварите, пожалуйста, что-нибудь другое.

— У меня много оригинальных рецептов, — гордо сказал Ньютон. — Я бы сварил свой фирменный суп — овощной «бурден». Но в этой дикой стране никто не знает — что такое картофель?

— Овощной «бурден»?

— Да. Это моё изобретение, — также гордо сказал Ньютон. — Основные составляющие — мясо, картофель, лук и зелёный перец. Всё остальное — любые овощи, какие завалялись в холодильнике — морковь, капуста, баклажаны — что угодно.

— Представляю, — слегка кивнув, сказал Адам. — Должно быть, это блюдо соответствует своему названию.

— Я уже соскучился по картошке, — сказал Паскаль. — Раньше нам её привозили на корабле вместе с другими продуктами, а теперь нужно плыть за ней аж в Америку.

— А я соскучился по колбасе, — вздохнул Писатель. — Мне вчера приснилась копчёная колбаска... Я на ярмарке хотел купить колбасы, подошёл, понюхал — нет, совсем не то, у неё даже запах неприятный.

— Я одно время был вегетарианцем, — оживился Писатель. — Ну, знаете, — это было модно в интеллектуальной среде. Но потом один умный человек объяснил мне — в чём я ошибаюсь. Вегетарианцы-то, оказывается, не друзья, а враги животных! Если люди не будут есть мясо, никто не будет выращивать коров, и они быстро попадут в Красную Книгу. То есть, покупая колбасу, ты помогаешь коровам.

Разглядывая горящий светильник на потолке, Шут указал на него пальцем и посмотрел на Артура.

— Горючий воздух?

— Нет, это электричество, — рассмеялся Артур.

— А это что такое?

— Ну... Это такая домашняя, приручённая человеком молния. Только двигается она не по воздуху, а по медным проводам.

— По медным — чего?

— По медным... верёвкам, — подобрал слово Артур.

— А по воздуху не проще?

— По воздуху только Зевс-громовержец может, — пошутил Артур.

Ещё Шуту очень понравились спички. Он зажигал их одну за другой, наблюдая, как они горят. Когда Артур показал ему, что их можно зажечь, чиркнув о камень или о мрамор, он перепробовал всё, что возможно, всё, что было под рукой, с детской радостью восторгаясь после каждой удачной попытки.

— Отберите у него спички, — сердился Адам, — пока он их все не истратил. Ещё Замок подожжёт. Как ребёнок, право слово!

Шут оказался знаком с поэзией Овидия и Вергилия. На этой почве они с Поэтом сблизились и почти подружились. Как-то раз Артур был свидетелем их разговора. Обсуждали Маркуса, и Шут поддержал его убеждение об отсутствии истин.

— Ничего сумасшедшего в этом не вижу, — говорил Шут. — Это старинное убеждение скептиков. Пиррон полагал вещи непознаваемыми и предпочитал воздерживаться от суждений о них... А я так рассуждаю. Вот послушай! Существует истина и существует правда. Если это разные понятия, то они не совпадают. Значит, истина — это не правда?

— Ты занимаешься софистикой, — укорял его Поэт. — «Правда» — это понятие житейское, а «Истина» — понятие философское.

— Вовсе нет. И я тебе докажу. Существуют прописные истины — при чём тут философия? Возьмём любую прописную истину, например — лошади едят овёс. Прекрасно. Разве можно сомневаться в такой неоспоримой истине? Можно. Я привожу тебе лошадь, ты подносишь ей овёс — она не ест. Она просто сыта — но истина опровергнута. Делать нечего — ты сочиняешь другую истину: лошади едят овёс, когда они голодны. Превосходно. Ждём, когда лошадь проголодается, затем я вывожу её на зелёное поле, ты подносишь ей овёс — она отворачивается и ест клевер. Снова истина опровергнута. Ты, конечно, возмущаешься, но потом сочиняешь новую истину: лошади едят овёс, когда они голодны и нет ничего лучшего... Если хочешь, я могу продолжить, но, надеюсь, ты уже понял: всякое абсолютное утверждение — ложно. В каждой «истине» на порцию правды приходится порция лжи. Впрочем, меня удивляет, что ты этого не знаешь. Ведь это ты мне читал стихи: «мысль изречённая есть ложь».

— Что ты хочешь мне доказать — что истин не существует?

— Как-то с возрастом я стал относиться к ним с подозрением. Вот я был уверен, что Солнце вращается вокруг Земли, а Ньютон мне буквально на пальцах объяснил, что это не так. А ведь я это считал очевидной истиной. Теперь я уже ко всем «истинам» подхожу настороженно — в чём тут подвох?

— Не будем спорить о научных истинах, об этом действительно лучше говорить с Ньютоном, но существуют моральные истины, существует истина чувств. Когда я чувствую сострадание, я знаю, что это истина человеческого единства, человеческого родства.

— Извини, это для меня слишком возвышенно. Я знаю немало неприятных людей, с которыми я не хотел бы иметь никакого родства. Так что ты меня не убедил.

Артур, слушавший их беседу за соседним столом, подошёл к ним и спросил Шута.

— Не хотите съездить в Кардерлин на ярмарку?

— Я недавно был там, опять поругался с Петром. Вон Поэту предложи прокатиться.

Артур повернулся к Поэту.

— Хотите составить мне компанию?

— На ярмарку? — нахмурился Поэт. — Там наверно много народу?

— Много! — согласился Артур. — Со всех окрестностей люди съезжаются.

Поэт покачал головой.

— Это я не люблю. Я боюсь всякой толпы, пусть даже собравшейся с самыми благими намерениями... Печально не когда люди разные, а когда они похожие. Толпа всех делает одинаковыми. Это закон толпы... Вот знаете, есть такие бардовские съезды. Я видел по телевизору. Сидит тысяча человек, поют песни. Я вижу одухотворённые лица, я чувствую

острую зависть, желание слиться с этой толпой единомышленников, растворённых в музыке и стихах. Но знаю, что этому не бывать. Мне там будет просто плохо, как плохо мне в любой толпе. И мне уже будет не до песен и стихов, я буду задыхаться. Я буду мечтать — скорее, скорее сбежать отсюда, от этой толпы замечательных людей... Так рыбы не понимают — как это люди дышат без воды? Так я не понимаю — как это люди дышат в толпе? Я задыхаюсь... Пусть люди будут разные, но пусть пореже собираются в толпу — по любым, даже самым замечательным поводам.

Писатель, издали наблюдая за беседами Поэта с Шутом, ревновал к их дружбе, и пытался склонить Шута в свою сторону.

— Что вы нашли в этом рифмоплёте? — выговаривал он Шуту.

— Он умный человек.

— Но он сумасшедший!

— Одно другому не мешает, — высказал Шут и добавил, лукаво посмотрев на Писателя. — Некоторые сходят с ума, не имея оного.

Однажды Артур увидел Поэта о чём-то беседующим с Писателем. Для Артура это было удивительно, потому что он знал — два служителя Муз недолюбливали друг друга. Особенно у Писателя всегда было настороженно ревнивое отношение к Поэту.

— У вас появились общие интересы? — спросил он Писателя, когда тот подошёл.

— У нас всегда были общие интересы — наша жизнь в искусстве. Хотя я не могу себя назвать любителем поэзии, но... признаю за ней право на существование.

— Она вам очень благодарна! — не смог удержаться Артур. — О чём вы беседовали?

— Я посоветовал ему использовать начальные рифмы, и даже подарил ему одну такую.

Писатель гордо посмотрел на Артура, ожидая, что он поинтересуется. Артур не стал разочаровывать его ожидание и спросил:

— И что же это за рифма?

— Украл укроп, — продекламировал Писатель.

— Надо же! Какая забавная рифма. Вы открываете новое направление в поэзии. Может быть, вам самому попробовать что-то написать в этом роде?

— Я не опускаюсь до поэзии, — гордо сказал Писатель. — Связывать свою мысль рифмой, значит насиловать её.

— Поэзия — это не только мысль, — не согласился Артур, — и даже не столько мысль, сколько чувство. Некоторые вещи можно понять, только прочувствовав их. Осмыслить их невозможно.

— Поэзия, поэзия... — пробурчал Писатель. — Я отношусь к рифмованию, как к интеллектуальной игре. Я однажды подарил Поэту рифму: красивый — как мерин сивый. Так он на меня рассердился. Смешной чудака.

Артур чуть позже подошёл к Поэту и поинтересовался:

— Как вам свежая рифма от Писателя?

— Да ну его! С умным видом изобретает велосипед. У талантливых авторов звуки переливаются и перекликаются по всему телу стиха. Это музыка слов. Я вообще делю поэтов на рассказчиков и музыкантов. Первые составляют большинство. Они сочиняют маленькие рассказы, приукрашивая их конечными рифмами. Великие поэты — всегда музыканты. Именно музыка стиха является очарованием поэзии.

Постепенно все расслабились и вернулись к привычным для себя занятиям. Сократ продолжал свои прогулки с невидимым собеседником. Судья листал книги о средневековой

Франции, размышляя — кого бы привлечь к суду? Паскаль засел за свой ноутбук.

— Что он такой озабоченный? — спросил у Артура Шут, наблюдая Паскаля, который вечером во дворе, положив голову на ладонь, задумчиво разглядывал щербатую лунную поверхность стола.

— Он смысл жизни ищет.

Шут посмотрел на Артура удивлённо и вопросительно.

— Да?.. И что он будет с ним делать?

— Радоваться... — Артур неуверенно пожал плечами.

— А просто так радоваться нельзя?

— У него не получается, — вздохнул Артур.

Шут задумался.

— Это же не нормально.

Теперь задумался Артур.

— Что такое норма? Нормальны вот эти камни, — он указал на стену, — вот эти мраморные истуканы, — досталось Аполлону, — нормально мёртвое. Живое — это уже отклонение, уже ненормально.

— Один ищет Бога, другой ищет смысла, — рассуждал Шут. — Все чего-то потеряли! А я вот ничего не ищу, потому что ничего не терял.

Мимо прошёл Писатель с лопатой на плече.

— Он у вас садовник, что ли? Ты же говорил, что он Писатель. Чего он всё копает?

— Он пытается найти на острове клад. Недавно он откопал серебряную монету, страшно обрадовался и перерыл в том месте всё на два метра вглубь, но больше ничего не нашёл. Теперь ходит и жалуется, что натёр мозоли и не может писать.

Поднявшись на третий уровень Замка, Артур прошёлся по пустым комнатам, зашёл в комнату Евы и с грустью оглядел её. Смятая постель, брошенные на пол куклы, дохлые рыбки в аквариуме. Вздохнув, он вышел и прикрыл дверь. Он прошёлся по коридору и увидел Маркуса. Маркус стоял в картинной галерее и рассматривал «Мону Лизу». Артур подошёл к нему.

— Как безжалостно время! — глядя на картину, слегка наклонив голову, сказал Маркус. — Ничто не может избежать старения... Вы знаете, изначально эта картина была совсем иной. Ни один из оттенков её уже не соответствует тому, что было раньше. Если бы Леонардо увидел её теперь, он бы её не признал. Подумал бы, что это чья-то бездарная подделка.

— Хозяин уверял меня, что это подлинник, — вспомнил Артур.

Маркус недоверчиво посмотрел на него и пожал плечами.

— В это трудно поверить. Хотя... после всего, что произошло с нами, я уже ничему не удивлюсь.

— Предположим, у нас есть копир, — стал размышлять Маркус, — устройство, позволяющее делать точную копию предметов. Предположим, мы сделали точную копию этой картины. Будет ли она обладать в наших глазах той же ценностью, что и оригинал?

— Тут важные слова — «в наших глазах», — заметил Артур. — Ценность произведения искусства всегда субъективна. Поэтому в моих глазах копия не будет обладать той же ценностью.

— Но ваши глаза не смогут отличить копию от оригинала. Более того, через некоторое время вы неизбежно начнёте сомневаться — а не перепутали ли вы копию с оригиналом? А

не смотрите ли вы с любовью и восхищением на подделку?

— Что вы этим хотите сказать? — уставился на Маркуса недоумённым взглядом Артур.

— Ничего, — смутился Маркус. — Кроме того, что все наши ценности субъективны и не имеют вне нас никакой цены.

Поздним вечером собрались у костра на берегу, пекли картошку, пили горячий чай, и Артур предложил:

— Давайте, каждый расскажет — как он попал в этот Замок. Андрон, начните вы.

Андрон пожал плечами и, слегка смущаясь, сказал:

— Я стукнул по голове свою подругу, как стучат по телевизору, когда он плохо показывает.

Он невинно посмотрел на слушателей.

— Я её починить хотел. А она в больницу попала, чуть не померла.

— Как это ты её починить хотел?

— Самый простой способ ремонта неисправного механизма, который применяют даже опытные мастера... У меня как-то не работал телевизор. Позвал приятеля, он обошёл вокруг телевизора, стукнул куда-то сбоку, тот заработал. Ну, ушёл приятель, через час — телевизор опять не работает. Я уж его и стучал, и тряс — ничего не помогает. Позвал опять приятеля, тот подошёл, один раз стукнул — телевизор работает. Чудеса, да и только. А он мне говорит: «стукнуть каждый может, но только мастер знает — куда и как!»

Адам засмеялся.

— Значит, ты плохой мастер. Стукнул свою подругу не туда и не так... А с чего ты решил, что твоя подруга сломалась?

— Да достала совсем — и пилит, и пилит. То ей не так, это ей не так. Я говорю: «что-то ты, подруга, скрипеть стала много, надо твои шестерёнки смазать». Она ещё хуже взбеленилась. Ну, я её и стукнул. Чтобы починить...

— Домашнее насилие, от одного года до пяти лет лишения свободы, — рассудительно сказал Судья.

— Да я тоже надеялся, дадут мне годик — ну и ладно! Так она меня в сумасшествии обвинила. «Посмотрите», — говорит, — «что он из нашей квартиры сделал! Посреди комнаты землю навалил, и муравейник развёл. Я», — говорит, — «даже спать не могу — муравьи по мне ползают».

— Это безобразие, — нахмурился Судья. — Это уже издевательство над человеком, другая статья.

Он покачал головой.

— Я лично попал сюда исключительно по злой воле моих врагов. Это судья Рочестер, мой давний недруг, упрятал меня в сумасшедший дом. Я всего лишь хотел навести элементарный юридический порядок в мире. Это здоровое, нормальное желание человека моей профессии.

— В мире надо навести человеческий порядок, а не юридический, — выразил своё мнение Поэт. — Будет нравственный закон — юридический и не понадобится.

— Ой, только не начинайте этот спор заново, — запротестовал Артур. — Лучше расскажите — как вы сюда попали? — обратился он к Поэту. — Вы такой мирный, нормальный человек. Как вас угораздило?

— Мирный, нормальный? Спасибо, конечно. Но, видимо, у тех, кто меня отправил в сумасшедший дом, было другое мнение. Я сюда попал за злостное хулиганство, — заявил

Поэт с видимой гордостью.

— Вот это да! — изумился Артур. — Вы, такой интеллигентный человек, и злостное хулиганство? Это не совмещается в моей голове.

— Меня дважды сажали на пятнадцать суток, а на третий раз у них лопнуло терпение, и они закатали меня в Кащенко.

— Что же вы такое натворили — даже представить себе не могу?

— Меня отказывались печатать, и я нашёл другой путь к широким читательским массам. Я стал писать свои стихи краской на стенах домов вдоль дороги, где ходят люди. Это же для них было очень удобно! — воскликнул Поэт. — Пока идёшь на работу, можно прочитать целый сборник стихов. Кому это могло помешать? Тем более стихи лирические, меня никогда не интересовала политика.

— Это безобразие! — поддержал Поэта Паскаль. — Тогда надо упрятать в психушку всех любителей граффити.

— Были, конечно, и другие обстоятельства, — замялся Поэт. — Я на стене камеры, где отсиживал пятнадцать суток, написал эпиграмму про начальника полиции, чем очень сильно его разозлил.

— Вот это уже было опрометчиво с вашей стороны, — с иронией заметил Адам. — Власть требует к себе уважения.

— Начальника полиции, его же подчинённые называли Янус. Начальник полиции был двулик. Когда он стоял к вам левым профилем — это было банальное лицо. Как говорил Зощенко: таких в каждом трамвае по десять штук ездят. А с правой стороны его лицо уродовал безобразный шрам от ожога. Сам он говорил, что получил его на пожаре, спасая людей, но подчинённые за спиной злословили, что это жена приложила его горячим утюгом. Впрочем, бравый майор не комплексовал и даже где-то гордился своей двуликостью. Он говорил, что без чужой помощи может разыграть известную сценку с добрым и злым следователем — достаточно только повернуть голову.

— Помните эпиграмму, из-за которой пострадали? — улыбаясь, спросил Артур.

Поэт покраснел.

— Помню... Но читать не буду. Там есть нецензурные слова.

— Bravo! — восхитился Паскаль. — А говорите — лирический поэт. Да вы — декабрист, Рылеев!

— Ну, вы преувеличиваете! — заскромничал Поэт.

Оглядев собравшихся, Артур обратился к Сократу:

— А вы как оказались здесь?

Сократ смутился и махнул рукой.

— Ну, расскажите, расскажите, — поддержал Артура Судья.

— Да нечего рассказывать. Живи я в Древней Греции, никто бы меня пальцем не тронул, только что посмеялись бы.

Он вздохнул.

— Решил я тогда жизнью Диогена пожить. Купил большую бочку, в какой огурцы засаливают, вытащил её на улицу, ну и залез в неё.

Андрон захихикал. Сократ сердито посмотрел на него.

— Я никому не мешал. Я не загораживал проход, я тихо, смиренно сидел в своей бочке. Нет, нашлись какие-то злыдни, позвонили — куда не надо, и через полчаса меня увезли в сумасшедший дом.

— А зачем вы залезли в бочку? — удивился Артур. — Вы же Сократ, а не Диоген.

— Не знаю, — пожал плечами Сократ. — Я тогда был в поиске, пробовал на зуб все учения античности. Вот Диоген меня и подвёл под монастырь.

— Диоген был циником и довольно неприятным человеком, — выразил своё мнение Паскаль. — Платон называл Диогена сумасшедшим Сократом.

— Почему вам так дорога античность? — спросил Артур. — Потому что вы — грек? Извините за прямоту.

— Античность — это колыбель человечества.

— Но нельзя же всю жизнь прожить в колыбели!

Сократ вздохнул.

— Детство лучшая пора любой жизни. Тогда небо выше, звёзды ярче, мир прекрасней... Современная нам цивилизация зашла в тупик. Убегая от неё, я и полез в бочку.

— Ну да... — согласился Паскаль. — Общество не любит и не прощает идущих наперекор. Оно называет безумными тех, кто хочет идти своей дорогой. Только строим, только глядя в рот говорящим головам в телевизоре.

Паскаль поднялся и собрался идти в Замок.

— Нет, нет — так не честно! — заявил Артур. — Давай и ты делись, как дошёл до жизни такой?

— У меня слишком грустная история, не хочется портить вечер такими воспоминаниями.

— А ты отнесись к этому, как к психотерапии. Сам же знаешь, выговоришься, и становится легче.

— Вряд ли... Но если хотите...

Он снова присел у костра и задумался, глядя на огонь.

— Я помню, как в тумане, последний день прошлой жизни... На душе было тяжело. Родители развелись, разругавшись и разбив посуду. Девушка, в которую я был влюблён, меня бросила без объяснений. Шёл я один по улице и думал о бессмысленности своего существования. Встретился мне приятель и, видя моё настроение, затащил меня в бар... В баре было шумно и весело. И это так контрастировало с моим внутренним состоянием, что мне стало ещё хуже. Приятель увидел свою знакомую и оставил меня. Я тупо напился, чтобы забыться, глядя на чужой мне праздник жизни. Я пил и думал:

— Вот в моей душе «дыра в форме Бога», и я не хочу жить в мире, который является безупречным часовым механизмом. Я, как рыба, выброшенная на прибрежный песок — судорожно открывает она рот — ей тут нечем дышать!.. А они пьют пиво, танцуют и смотрят футбол по телеку. Так кто из нас безумен?..

— Волна злобы и отчаяния накатила на меня. Я схватил бутылку, стоящую на столе, и швырнул в телевизор. Экран треснул и погас, что-то задымилось. Люди закричали, хотели меня схватить, но я вырвался и убежал. Потом долго бродил по улицам, страшно замёрз, купил бутылку водки и первый раз в жизни пил с горла. Шёл по улице и пил водку. Прохожие шарахались от меня, а мне было всё равно... Потом меня задержала полиция, я бил кого-то по морде, били меня... В общем, ничего хорошего. Хотели сначала меня засадить, а потом решили, что место моё в гнезде кукушки. Так я оказался здесь.

Молчание затянулось.

Шут покачал головой и улыбнулся.

— Послушал я вас, люди, и понял — какой я счастливый человек!.. А всё потому, что у

меня нет таких тараканов в голове, как у вас.

— Адам, а вы чего отмалчиваетесь? — шутливо спросил Артур. — Давайте, расскажите — как вы сюда попали?

— Моя история проста и неинтересна. Я вам лучше расскажу про Мерлина. Его историю я слышал от него самого... Потеряв своих родных, он всерьёз задумался о вечных вопросах. Одно время был последователем идей Фёдорова. Потом увлёкся индуизмом, буддизмом. Ездил в Индию, в Лаос, на Шри-Ланку. От всего этого у него поехала крыша, он пришёл к убеждению, что главный враг человека — время. Он стал мечтать о вечности. И начал останавливать все часы, какие только оказывались в поле его зрения. Сначала к этому относились как к забавной причуде, но затем его мания перешла все границы и кончилось тем, что он оказался в Бедламе... Он ведь англичанин, как и Судья... Там его подлечили и через пару лет выпустили. Но лечение помогло ненадолго. Он решил остановить главные часы на Земле. Как англичанин и патриот, он имел в виду, разумеется, Биг-Бен... Ну и недолго думая, взял альпинистское снаряжение и ночью направился к цели. Тогда он был помоложе, но силы свои не рассчитал. Не добравшись до часов, он сорвался вниз, а на земле его, с переломанной ногой, подобрала полицейские. Так он опять оказался в Бедламе, и уже надолго. Потом наш Хозяин, заинтересовавшись его историей, пользуясь своими связями, перевёл его сюда. Первое время он ещё немного общался со всеми, рассказывал Еве историю короля Артура, особенно упирая на то, что без волшебника Мерлина, Артур ничего бы не добился. Вот к нему и прицепилось прозвище — Мерлин.

— Это я его так назвал! — гордо сказал Маркус. — А всем понравилось.

— А вас что сюда привело? — обратился к Маркусу Артур.

— Меня сюда привели, — нахмурился Маркус. — Жил себе спокойно, читал книжки, смотрел телевизор. Так нет же — вломились, скрутили и вот я тут.

— Так не бывает! — усомнился Артур. — Что-то вы скрываете, Маркус.

— Ничего я не скрываю! Поставили меня перед комиссией. Сидят трое в белых халатах — смотрят на меня. Я подул на них, а они спрашивают: «Что это вы делаете?» Я говорю: «Проверяю — привидения вы или сон? Вы же мне руки связали, я не могу вас потрогать». Они заулыбались и один, самый старший из них ехидно так спрашивает: «А если потрогаете? — какое будет ваше решение?» «Если потрогаю», — говорю, — «тогда точно — сон. Привидения они бесплотны». Они ещё больше заулыбались и этот старший головой кивает и своим соседям говорит: «*perturbatio mentis*, коллеги, думаю, тут всё ясно».

Маркус вздохнул и закрутил.

— Им всё ясно... Мне ничего не ясно, а им всё ясно.

— А где Писатель? — покрутил головой Артур. — Хотелось бы его историю послушать.

— Заходил я к нему, — сказал Андрон. — Свет выключил, сидит в темноте при свечке — и пишет, и пишет! Вдохновение, значит, нахлынуло.

— Я знаю его историю, — сказал Паскаль. — Мне медсестра рассказывала.

— Ну-ка, ну-ка — поделись! — заинтересовался Артур.

— Он написал в газету, что нашёл неизданный роман Достоевского. Журналистам предъявил рукопись очень хорошо подделанную — на старинной бумаге, с ятями, с ерами, и почерк, похожий на почерк Фёдор Михалыча. Но тут он-таки прокололся — экспертизу почерка рукопись не прошла. Его обвинили в подлоге. Тогда он начал нести какой-то бред — дескать, ему во сне явился Достоевский и продиктовал свой роман, а он его только записал. Тут уже направили на экспертизу его самого. В психушке он провёл год, потом его

выпустили. Но он на этом не успокоился. Взял в библиотеке один из томов полного собрания сочинений Достоевского и добавил туда свой роман.

— Как это возможно? — не поверил Поэт.

— А вот так — аккуратно разобрал книгу на листы, что-то выкинул, а свой роман вставил. Потом вернул книгу в библиотеку. Когда история обнаружилась, подозрение пало на него. Он опять начал рассказывать, что этот роман написан Достоевским и продиктован ему во сне. В общем, после этого рецидива он уже поселился в психушке надолго.

— Может, ему действительно приснилось, что Достоевский надиктовал ему роман? — попробовал защитит Писателя Поэт. — Сны бывают такие убедительные.

— Я могу представить — что это был за роман! — съязвил Паскаль. — Там наверно от хохота чуть все врачи не померли.

Возвращаясь в Замок, Шут осторожно спросил у Артура:

— У вас там, в будущем, все такие?

— Какие?

— С прибабахом.

Артур засмеялся.

— Нет, не все. Большинство как раз-таки вполне нормальные. Присутствие или отсутствие на небе Бога не портит им аппетит.

Паскаль, услышав, пояснил:

— Нормальные люди ищут счастья, ненормальные ищут смысла.

— А разве смысл не в счастье? — удивился Шут.

— Поздравляю вас, — с лёгкой иронией диагностировал Паскаль, — вы — нормальный человек.

— Ну, слава богу! А то я уже начал сомневаться.

Перед завтраком Артур завёл обычай купаться в озере. К ежедневной зарядке он себя приучить не смог, и решил, что плавание по утрам будет хорошей альтернативой — и зарядка, и закалка.

Вернувшись после купания, подошёл к Писателю, гулявшему во дворе.

— Как идёт работа над вашим романом?

— Я переделал всю первую главу! — охотно поделился Писатель. — У меня возник гениальный, мистический замысел.

Он наклонился к уху Артура, чтобы никто не подслушал, и произнёс.

— Не было ни писателя Толстого, ни писателя Достоевского. Был писатель Толстоевский, и вся сцена дуэли — это его мысленная попытка самоубийства.

Он выпрямился и гордо посмотрел на Артура.

— Ну как? Сильный ход?

— Да-а... — озадаченно протянул Артур и, сдержав улыбку, добавил. — Великий русский писатель Толстоевский, автор романа «Анна Карамазова».

— Я сейчас начал вторую главу, — продолжил Писатель, — и она имеет оригинальный детективный сюжет.

— Ну-ка, ну-ка! Это интересно — какой оригинальный сюжет вы смогли придумать после Агаты Кристи и Конан Дойла?

— Вот скажите, как вы думаете, возможно ли преступление без мотива?

Артур задумался.

— Ну-у... Преступник может убить не для того, чтобы ограбить, а мимоходом, по злобе.

— Не-е-т! Злоба — это сильный мотив. Вот Демон не любит людей, и это один из мотивов его поступков.

— Случайное преступление? — предложил Артур. — Убийство по неосторожности.

— Не то, не то! Имеется в виду, может ли преступник осознанно спланировать и совершить преступление, не имея никакого мотива?

— Тогда это сумасшедший преступник.

— Возможно... Но он живёт в обществе, занимает хорошее положение, и никто не сомневается в его порядочности и здравом уме. Он совершает убийство и обеспечивает себе железное, я бы даже сказал — железобетонное алиби. В момент преступления он находился далеко от места преступления в компании судьи, которому потом поручают это дело.

— Как ему это удалось?

— Я не буду спойлерить свой сюжет. Когда мой роман будет закончен, у вас будет нелишний стимул его купить.

— А дорого будет стоить ваша книга?

— О, да! Мне нужно накопить деньги на собственный остров. Поэтому цена будет не маленькая.

Артур понимающе закивал.

— Впрочем, вам, так и быть, я обещаю авторский экземпляр, — расщедрился Писатель. — Вы единственный в Замке, кто интересуется моим творчеством.

Он оглянулся вокруг, развёл руками и с доверительной грустью сказал:

— Тёмные люди!

— Надо сходить в деревню, — обратился к Артуру Адам. — У нас закончилась мука. Сходите с Паскалем в деревню, купите полмешка муки.

— Паскаль с утра уехал в монастырь.

— Что он там забыл? — удивился Адам.

— Наверно с Дени пообщаться хочет.

Артур не стал говорить об истинной причине, потому что Паскаль просил его не распространяться об этом.

— Тогда возьми Ньютона за компанию и будьте осторожны. Демон всё ещё на свободе.

Артур кивнул и пошёл в комнату Ньютона. Там с удивлением увидел Писателя, которому Ньютон объяснял принцип работы своих «вечных» часов. Писатель поджимал губы, делал серьёзное выражение лица и многозначительно кивал. Артур предложил Ньютону прогуляться до деревни.

— Пойдёте за продуктами? Купите мне круассаны, — попросил Писатель.

— Не-е! — помотал головой Артур. — До Парижа мы не дойдём. Да и туда круассаны наверно, ещё не завезли.

Через полчаса Артур с Ньютоном шагали по тропинке в деревню. Солнце клонилось к закату, в кронах деревьев щебетали птицы, обсуждая дневные дела. Пахло скошенной травой с ближайших полей. Деревенские куры бродили по дороге, выискивая что-то в пыли.

— Как вы решаете проблему, что было первым: курица или яйцо? — озадачил Ньютона Артур.

— Очень просто, — улыбнулся Ньютон. — Давай, я поясню аналогией. Задам другой вопрос. Каким молотом был выкован первый молот?

— Возможно, он был сделан иным способом. Металл могли вылить в глиняную форму.

— Хороший ответ. Так может быть и курицу первую сделали «иным способом»? —

хитро прищурился Ньютон.

Артур рассмеялся.

— Затрудняюсь представить — как это выглядело?

— Да по-разному это могло быть, — продолжил Ньютон. — И про молот у меня был другой ответ. Первый молот был выкован камнем.

Деревенский староста Бедрайон встретил их приветливо, они уже покупали у него продукты. Поторговавшись, купили полмешка муки и бурдюк с кислым молоком. Из соседней комнаты выглядывали любопытные мордашки двух малолетних дочерей старосты.

— Какие красивые у вас девчонки, — заметил Ньютон.

— У меня и два сына есть! — с гордостью сказал Бедрайон. — Взрослые уже — на поле работают.

Уходя, Артур угостил девчонок конфетами, так, чтобы Бедрайон не заметил.

Когда возвращались, уже вечерело. Закатный свет пробивался сквозь кусты, и Ньютон указал на них рукой.

— Смотри — неопалимая купина.

Присмотревшись, Артур воскликнул:

— Действительно, при некотором воображении можно представить, что куст горит... Может быть, так и было у Моисея? — задумался он. — А что такое неопалимая купина?

— Да, это она и есть, — кивнул на кусты Ньютон, — это терновник, дикорастущая кустарниковая слива.

— Ты знаешь — что общего между этим кустом и яблоней? — он указал на маленькую яблоню, стоящую у тропы.

— А есть что-то общее? То кустарник, а это дерево. И плоды совсем разные.

— Они «родственники», принадлежат к семейству «розовые». Да, да. Розы тоже в этом семействе.

— Какие познания у вас в биологии, — удивился Артур. — А я думал, вы только физикой увлекаетесь.

— Жена у меня биологом была... «Биологиня», — улыбнулся он. — Так я её называл... Ей нравилось. Говорила: «это похоже на богиню».

Он улыбнулся с грустной радостью воспоминанья.

Выйдя к озеру, заметили сидящего на берегу человека. Артур насторожился, но, когда подошли ближе, обрадовался.

— Да это же наш Мессия!

Это действительно был он. Худощавый и поникший, он сидел на камне и задумчиво смотрел на Замок.

— Что случилось, монсеньор? — шутливо спросил Артур. — Что заставило вас покинуть монастырь?

Мессия обернулся и встал.

— Меня выгнали из монастыря. Точнее, хотели меня связать, но я вырвался и убежал.

— Пойдёмте в лодку, потом расскажете всё подробно, — пригласил Артур.

— Да нечего особо рассказывать. Приехал епископский посланник, молча прослушал мою проповедь, а потом вышел на амвон, и битый час меня клеймил разными словами и ворохом цитат из Библии, слова не давая мне вставить. Так запугал монахов карами небесными, что они тоже все притихли, ни один за меня не вступился... Грозил мне поднятой Библией. Ехидно спрашивал — читал ли я эту книгу? Я ему сказал: «Положи

книгу... Я слова знаю... Я не слова, я Бога ищу».

Мессия вздохнул.

— Он приказал меня схватить, чтобы отправить к епископу на суд, но мне удалось вырваться.

— *Sic transit gloria mundi*, — сказал Ньютон.

— Кто к нам вернулся! — воскликнул Адам, увидев заходящего в ворота Мессию. — С щитом или на щите?.. Впрочем, можете не отвечать. Читаю по вашему лицу. Выгнали?!

Мессия устало махнул рукой, не стал ничего объяснять, и прошёл в свою комнату.

Вечером Мессия вышел во двор, подошёл к столу, где пили чай, и сел на скамью. Артур налил ему чая и пододвинул тарелку с кашей. Кашу Мессия есть не стал, а чай выпил.

— Я знал, что у вас ничего не получится, — заявил Паскаль Мессии. — И кому вы читали свои проповеди?! Они ждут второго пришествия, они считают дни, заглядывают в мир иной, а вы проповедуете им мир этот. Не нужен им этот мир, где жизнь коротка и мучительна!.. Сказать им, что второе пришествие отменяется, что у них ещё, по крайней мере, тысяча лет, так они расстроятся. Они не знают — что им делать с этой жизнью? Это потерянные для земной жизни люди. Всё их упование — загробное. «Как же долго приходится ждать!» — тосковала одна монашка, томясь по Царству Небесному.

Мессия молчал, никак не реагируя на слова Паскаля.

— Что теперь будете делать? — спросил Артур.

— Не знаю... — не сразу и неохотно ответил Мессия.

— Вам надо плыть в Америку, — то ли в шутку, то ли всерьёз посоветовал Паскаль. — Там для вашей проповеди поле непаханое. И конкурентов в виде католической церкви нет.

Мессия не отвечал. Он, казалось, был погружён в свои мысли и не слушал то, что ему говорил Паскаль. А тот заводился всё больше и больше.

— Знаете, чего вам не хватает? Вам обязательно надо стать фокусником. Люди ждут чуда. Кто помнил бы Христа, если бы он не творил чудес? Если бы он не оживил Лазаря, не накормил пятью хлебами пять тысяч человек, не превратил воду в вино, не ходил по воде... Скажите, только честно, разве восторжествовало бы христианство без веры в чудо? Они ждут чудес.

— Мне Дени рассказывал, — обратился он к Артуру, — как он свою веру испытывал. «Два дня без сна и еды я молился, стоя перед горой, желая, чтоб вера моя сдвинула гору. Но не свершилось, гора не сдвинулась ни на пядь. Тогда я утратил веру в свою веру». И так горестно это рассказывал, видно было, что для него это — трагедия.

Мессия поднялся, постоял минуту, словно собираясь что-то ответить, но ничего не сказал и вернулся в свою комнату.

— Что ты его троллишь? — укорил друга Артур. — Ему сейчас и так не сладко. Никто не хочет его Бога принять.

— Значит, Бог у него дефектный, неудобный. Вон христиане придумали себе удобного Бога, и тысячу лет уже довольны им. И ещё тысячу лет будут довольны.

Ранним утром Артур вышел во двор, когда все ещё спали. Он направился к озеру, чтобы поплавать по уже устоявшейся привычке. Подходя к озеру, он почувствовал дежавю. На белом камне у воды сидел Мессия. У его ног лежал холщовый мешок.

— Вы уходите?

— Отвезите меня на тот берег. В Замке мне нечего делать. Пойду куда-нибудь в глухие края, проповедовать простым людям, чьё сердце ещё открыто вере.

— Пропадёте вы в этом суровом мире.

Мессия заглянул Артуру в глаза, а потом опустил голову и спокойно сказал:

— Ну, значит, так тому и быть.

— Оставайтесь! — искренне захотел Артур. — Мы вместе увидим будущее!

Мессия медленно покачал головой.

— Мне нечего делать в будущем. Здесь ещё горит огонь веры, а в будущем он потух. Моё место здесь... Вот решил я на следующий год идти в Рим, поживу там немного, послушаю папу Сильвестра — говорят, умный человек. А потом поплыву на Святую Землю, в Иерусалим.

— Не лучшая мысль, — покачал головой Артур. — Там сейчас сарацины. До первых крестовых походов ещё сотня лет.

— Я знаю... Хочу посмотреть всё своими глазами. Увидеть Голгофу.

Артур внимательно посмотрел ему в лицо.

— Увидеть Голгофу и умереть? — неудачно пошутил он. — Голгофа свободна.

Мессия поднялся, закинул мешок на плечо и пошёл к лодке. Артур последовал за ним. Мессия сел вперёд, Артур сел за вёсла. Налегая на них, он поглядывал на Мессию. Тот был спокоен и сосредоточен. Он не смотрел на Артура.

На другом берегу они попрощались, неловко обнявшись, и Мессия сказал:

— Я не желаю вам счастья. Ибо счастье — это маленький обман. Для тех, кто не знает — что ему делать с этой жизнью? Я желаю вам найти своё место в этом мире... Мир большой. Каждый может найти в нём своё место.

Он повернулся и пошёл вдоль берега озера. Нагнулся, подобрал с земли палку, и дальше пошёл уже с ней. Артур долго ещё стоял и смотрел вслед уходящему. Ему было грустно.

Собирая последние яблоки с деревьев в саду, Андрон спорил с Поэтом.

— Какой только ерундой не занимаются люди! — рассуждал Андрон. — Человек пришёл в мир, как в комнату, где на полу валяется много безделушек. Человек выбирает одну из них и начинает начищать, надраивать до блеска... Вот, например, балерина или, упаси Господи, балерун. Смешное ведь занятие — прыгать по сцене и задирать ноги. Но если заниматься этим со всей серьёзностью, с верой и упорством — родится красота, удивляющая людей... Всякая безделушка может стать красивой, если к ней душа приложена.

— Вот не читаю я поэзию, не нужна она мне, — продолжил он свои рассуждения. — Но я любую работу уважаю, если она сделана с толком и с любовью. Работа поэта, как я понимаю, состоит в том, чтобы расставить нужные слова в нужном порядке. В этом он близок к каменщику, который делает то же самое, только вместо слов у него кирпичи.

— Я не согласен с вами, — мотал головой Поэт. — Когда хвалят мастерство каменщика, это одобрение. Когда подчёркивают мастерство поэта, это оскорбление. Поэт не должен быть мастерским. Создавать рифмованное здание из слов — плохое занятие. «Когда б вы знали, из какого сора...» Не из добротных кирпичей, не по задуманному плану создаются строки, способные взволновать сердца. Вдохновение, а не упорный труд, — вот что рождает поэзию. Это непостижимая сила, а не точный расчёт. Рильке считал поэзию пятой стихией.

— Ну, не знаю, не знаю... Когда строитель строит мост, у него есть план этого моста, есть чертежи. Попробовал бы он построить мост из одного «вдохновения»!

— Так я вам и говорю, что работа поэта особого рода, и нельзя её сравнивать с ремеслом.

— Этого я не понимаю, — продолжал Андрон. — А если нет вдохновения? Всё —

работа встала?

— Да! — ответил Поэт. — Если чувствую, что нет вдохновения, я займусь чем-то другим, но стихи писать не буду.

— Хорошо устроились! — подсмеивался Андрон. — Хочу — работаю, хочу — не работаю. А как тогда на жизнь зарабатывать? Непонятно.

— А поэзией и нельзя заработать, как вы говорите, «на жизнь». Поэзия не про это.

— Значит, у поэта должна быть вторая работа, и уже «без дураков» — от звонка до звонка. Вот вы где работали, чем зарабатывали?

— Сторожем в детском саду, — буркнул Поэт.

— Вот! Хоть какая-то польза, значит, от вас была обществу... А то «поэзия», «поэзия»!

Толку от этой поэзии?

— Зачем вы рассуждаете о том, чего не понимаете! — завёлся Поэт. — «Илиада» Гомера важнее пирамиды Хеопса для человечества. Бог создал мир чёрно-белым, а поэты сделали его цветным. Если вы не чувствуете поэзию, я могу вас только пожалеть — вы не знаете, чего вы лишены!

— И чего я лишён? Рифмоплётства словесного? Так вы уже все рифмы по тысячу раз использовали, ничего нового уже придумать нельзя. А всё никак не успокойтесь, всё рифмуете, рифмуете. Да людям головы морочите.

— Я поражаюсь вашему невежеству! — оскорбился Поэт. — Прочитайте хотя бы Пушкина. Даже такая бесчувственная душа, как ваша, непременно будет задета и потревожена.

— Да читал я вашего Пушкина! «Мой дядя самых честных правил»... Я не против Пушкина. Пусть его дети читают. Но на мой вкус, это не съедобно.

— А поэзия не котлета! Что значит — не съедобно? Какой такой вкус вам нужен? Что за гастрономия в искусстве?

— Всё должно быть вкусным. А иначе, зачем оно — невкусное?

— Как вы собираетесь определять вкус поэзии? — вознегодовал Поэт.

Андрон спрыгнул с дерева, поднял ведра с яблоками и с улыбкой ответил:

— Мыши могут съесть томик стихов Пушкина, и рассказать — какова его поэзия на вкус?

— Нет, я его когда-нибудь прибью! — взмахнул руками Поэт.

Артур обшарил книжные полки в своей комнате в поисках недочитанной книги и не нашёл её.

— Странно! Куда она могла деться? Так и не узнаю больше — каким может быть мир? Придётся придумывать самому.

Он вышел во двор. Адам с Шутом играли в шахматы, Сократ прогуливался по коридору, покачивая пальцем, доказывая что-то своему невидимому собеседнику. Судья читал книгу. По лестнице спустился Паскаль и вышел во двор.

— А где вообще Никто? — спросил друга Артур. — Что-то я давно не видел его.

— Он в лесу, в шалаше живёт, — ответил Паскаль. — Я один раз наблюдал, как он силки на зайцев расставляет. Да и костёр его ночью с берега видно... Его окрестные крестьяне боятся, обходят стороной. Меж собой говорят: чёрный монах в лесу поселился, это к беде.

Артур заинтересовался и решил вечером навестить отшельника.

Небольшая поляна, где стоял шалаш, была обложена по периметру камнями. Камни

были вдавлены в землю, чтобы о них не спотыкаться. Артур оглядел это сооружение и спросил:

— Зачем вы принесли эти камни?

— Это оберег. Магический круг.

— Вы боитесь злых духов?

— Я ничего не боюсь. Я защищаюсь от внешнего мира.

— Ну, не знаю, как духов, а злых людей этот «магический круг» не остановит. Тут в лесах много лихих разбойников.

— Зачем им я? У меня ничего нет. И потом... Я мёртвое слово знаю.

— Мёртвое слово? — удивился Артур, и Никто кивнул.

— Кто его слышит, падает замертво.

— И что же это за слово?

Никто приблизился к нему вплотную и сказал на ухо:

— Вы действительно хотите его услышать? Вы готовы умереть?

— Почему же оно не убивает вас? — недоверчиво спросил Артур.

— Оно не убивает своего владельца. Оно убивает других. Тех, кто его слышит.

— Хорошее оружие, — Артур попытался скрыть иронию. — Почему бы вам не вернуться в Замок?

— Он мне надоел... Я хочу одиночества.

Никто сел на камень у кострища и стал разгребать палкой золу.

— Одиночество каждому дано от рождения, — сказал Артур. — Человеческое общение — это попытки забыть об одиночестве.

— Мне это не нужно. Я наслаждаюсь одиночеством.

— Вам не скучно здесь одному?

— Мне не скучно... Я работу делаю, как говорил Раскольников. Я много думаю.

— Здесь недалеко, — он повёл головой в сторону, — деревенское кладбище. Я вчера гулял по кладбищу и размышлял о счастливых мертвецах.

— О счастливых мертвецах? — удивился Артур.

— Люди боятся смерти, как боятся всего неизвестного. Надо понять смерть, полюбить её и тогда развеется страх и случится желание смерти... Тяжела человеку жизнь. Сколько тягот, забот, лишений! Наслаждения кратки, чего не скажешь о разочарованиях... Человек мечтает о счастье. Он ищет его повсюду. Шарит по пыльным углам страстей... Грызут его тело изнутри черви любви и голода. Бросает он им куски коровьего и женского мяса. Стонет от вожделения — вгрызаются черви в мясо. Наедаются и оставляют его ненадолго в покое. Но прожорливы черви, и снова требуют пищи. Такая смертная тоска в этом убогом счастье: кормить своих червей.

— В юности человек считает, что счастье — это жизнь, — продолжил он. — В зрелости он уже не чувствует радости жизни, а ищет наслаждений. Счастье его — это сладкая жизнь. И только в старости, разочарованный и опустошённый, он начинает понимать, что счастье — это не жизнь. Это состояние покоя и тишины. Когда ничего не болит, ничего не нужно, и никто не считает тебя своей вещью. Счастье — это смерть. И самые счастливые люди — покойники. Жаль только, что сами они об этом не знают. Поэтому надо жить и мечтать о смерти — единственном счастье, которое никого не обманывает.

Артур даже не стал спорить, настолько это было безумно.

— Вы же знаете, что мы оказались в прошлом? — Артур присел рядом с Никто.

— Я не знаю — где вы оказались. Мне всё равно, — он кивнул куда-то в сторону, — бегают там мамонты или ездят электромобили. Это выдумка человеческая — будущее и прошлое. Прошлое — это мысли о прошлом, будущее — это мысли о будущем. Существует только настоящее.

— Я могу это понять. Но... Всё так и не так, — Артур сел на камень. — Прошлое можно потрогать руками, как экспонат музея или древнюю рукопись. Будущее можно представить в своём воображении, вывести из непреложных законов логики развития и до определённой степени предсказать. И только настоящее всегда ускользает от нас, хотя только им мы и живём.

Он огляделся вокруг и спросил:

— Можно я останусь у вас ночевать? Утром я уйду.

— Не люблю я этого, — нахмурился Никто, но потом, помолчав, сказал: — Ладно. Оставайтесь.

Они разожгли костёр, сели вокруг него и молча смотрели в огонь. Языки пламени танцевали самый древний танец на Земле, причудливо извиваясь и разбрасывая искры. Потом Никто поставил на огонь закопчённый чайник, и он сразу же запел свою песню, согреваемый огненным танцем. Скоро они грелись горячим чаем и разговаривали.

— Всё придуманное, — говорил Никто. — Мы придуманные, весь мир придуманный. Бог не творил мира. Он его придумал. Этого достаточно. Всё придуманное обретает жизнь.

— Раньше вы говорили мне, что мир — это сон Бога.

— Это говорил не я. Тот человек уже умер.

— Ах, да! Мы рождаемся и умираем каждую минуту. Жизнь — это смерть. Да, я помню, что говорил он.

— Он уже умер.

— Я понял. Но вы его родственник? Или наследник?

Никто угрюмо молчал. Артур подбросил сухие ветки в костёр и присел рядом.

— Почему вы встали на сторону Демона? Чем он вас привлёк?

— Он сильный... Так много на свете слабых людей, что любая сила вызывает удивление и уважение... Он не лицемер. Всё, что он делает, делают все сильные мира сего. Просто все это делают тайно, а он не скрывается. Все хотят власти, но объясняют свои поступки другими, более благовидными мотивами.

Никто поправил палкой дрова в костре, и огонь вспыхнул с новой силой, рассыпав вокруг брызги искр.

— Воля к власти? — сказал Артур, на секунду задумавшись. — Не знаю... В себе я её не чувствую.

— Человек в этом мире похож на наглого завоевателя, у которого нет никаких прав, кроме права силы — силы разума. Но обычно люди прячутся от этой мысли, а Демон не прячется, он идёт напролом. Он верит в силу.

— Сила — это оружие, но не цель, — возразил Артур. — Понятно, что человек сильный и духом, и телом — вызывает уважение. Но... На что он её, свою силу, использует? Куда он идёт? Куда он ведёт за собой?

Он внимательно поглядел на Никто.

— Надеюсь, вы не обидитесь, но я вижу у вас, и у Демона что-то общее. Вы тоже не любите человечество, не верите в цивилизацию и в прогресс.

— Рай земной невозможен и не нужен. Цивилизация — это строительство земного рая.

В этом смысле она — тупик.

— Значит, что? Опять распадаться на племена и прятаться по пещерам?

— Как хотите. Это не важно. Какая разница — как живут придуманные люди в придуманном мире?

— Ну, не знаю... Может быть, они кем-то и придуманные. Но для себя они — центр и смысл мироздания. В них течёт горячая кровь и стучит сердце. Они знают радость и боль. Они могут задавать миру вопросы и искать ответы. Они могут, наконец, обживать и обустраивать этот мир. А для этого им надо быть вместе. Одиночка рождается и исчезает, как искра. Он один не имеет смысла. Только вместе мы можем разжечь костёр — осветить и обогреть мир.

— Сколько пафоса и красивых слов! А вы никогда не думали, — он посмотрел на Артура с какой-то странной проникновенностью, — может быть, мы — ошибка?

— Кто? — выдохнул Артур.

— Ну... люди. Может быть, нас не должно быть? И этот мир задуман не для нас? Мы, как сорняки на поле, где могла бы расти пшеница... Ведь какие основания нашей уверенности в собственной важности, нужности, смысле? Никаких... Кроме глупого самомнения и самолюбия.

Артур только пожал плечами.

— Единственное, чем утверждалось и утверждается человечество в этом мире, есть право силы, — продолжил Никто, глядя в огонь. — Всё мировоззрение человека основано на желании быть. И если завтра сам Господь Бог объявит нас своей ошибкой, человечество переименует Его в Дьявола и объявит Ему войну... Готовы ли вы пожертвовать собой ради Истины? Готовы ли вы допустить, что человечество может быть ошибкой?.. Я вовсе не хочу пошатнуть вашу веру в человечество, я хочу указать, что это всего лишь вера и не более.

— Все во что-то верят, — согласился Артур. — Человеку естественно верить в человечество, в разум.

— Разум?.. Да кто вам сказал, что разум — это хорошо? Не сам ли он об этом заявил? И можно ли ему в этом случае верить? — Никто посмотрел на Артура в упор, и он почувствовал лёгкий озноб от этого взгляда. — Разум — это болезнь материи. Это раковая опухоль, которая расползается по миру. Мир болен. Он болен разумом.

— Как вы можете так говорить! — Артур был поражён. — Мы нужны этому миру. Только наше присутствие делает этот мир видимым, осязаемым, осмысленным; делает этот мир существующим.

— Мы не нужны этому миру. Он прекрасно себя чувствовал без нас. И сейчас он мечтает избавиться от нас, как от ужасной болезни, поразившей его.

Лицо Никто окаменело и утратило свою обычную подвижность. Он стал похож на внезапно заговорившую каменную гарпию.

— Разум — это злокачественная опухоль на теле Вселенной. Она растёт и расползается вширь и вглубь, захватывая всё новые и новые области мира. Она уже ищет смысл в себе. Она уже хочет превратить весь мир в большую, зловонную опухоль. Разум — это болезнь.

Артур смотрел на него, открыв рот, не зная, что возразить. Да и смысла в этом, наверно, не было.

Костер догорел. Раскалённые угли покрылись пеплом. Лёжа в шалаше, пытаясь заснуть, Артур наблюдал, как Никто бродит по поляне, делая какие-то странные движения, словно заклиная духов.

Артур уже закрыл глаза и начал проваливаться в сон, как внезапно из леса, где-то совсем недалеко, послышался долгий, протяжный вой. Артур открыл глаза и резко сел. Сон, как рукой сняло.

— Это волк!

Он поднялся и подошёл к Никто.

— Надо разжечь костёр.

— Не надо! — глухо сказал Никто. — Это мой друг. Он пришёл ко мне.

Артур снова вернулся в шалаш и сел, укутавшись одеялом. О том, чтобы заснуть, уже не было речи. Он сидел, наблюдая за Никто, который обходил поляну по своему «магическому кругу» и пристально смотрел в лесной сумрак. И вдруг озноб пробежал по телу Артура. Из ближайших кустов медленно вышел крупный волк и подошёл к Никто. В лунном свете отчётливо горели его жёлтые глаза. Никто присел на корточки и положил что-то перед ним. Волк схватил это и также медленно ушёл в кусты.

— Скажи мне, кто твой друг, — подумал Артур.

Он долго ещё не мог заснуть, напряжённо глядя в кусты, куда ушёл волк. Но тот больше не появился. Никто сидел неподвижно у потухшего костра. Артур вышел из шалаша и подошёл к нему.

— Вы дружите с волками?

Никто медленно повернул голову и посмотрел на него отсутствующим взглядом.

— Они сильные... Они знают, чего хотят... У них свой мир.

— Это другой мир. Где человек — добыча... Не дружите с волками, это закончится плохо.

Никто не ответил и отвернулся. Он сидел, как вытесанная из чёрного мрамора статуя. Лунный свет стекал по нему и чернел, проливаясь на землю тенью.

Артур вернулся в шалаш. Постепенно тревога ушла, усталость взяла своё. Артур опустил голову на подушку из соломы и заснул.

Наутро, когда он проснулся и вылез из шалаша, Никто на поляне не было. Артур не стал его дожидаться и искать. Он отряхнул от соломы голову и пошёл к озеру. Выйдя к озеру, он сразу увидел плывущую к берегу лодку. Андрон отправился за продуктами. Артур подождал, пока он причалит, и, поздоровавшись, решил прогуляться с ним до деревни.

Андрон был в хорошем настроении. Рана уже зажила, Замок был в безопасности. Андрон строил планы на будущее.

— Я посоветовался с Адамом, — рассказывал он, — что мы можем продать на ярмарке? У нас много разного барахла на складе. Мы составили список, и завтра я поеду в Кардерлин — торговать. Писаку не возьму, от него толку нет.

Он наклонился к Артуру и хитро прищурился.

— Я там, в корчме, заметил одну рыженькую девицу. Я уже с ней столкнулся, но Писака, зараза, всё испортил. Деньги-то у него все были. Дай мне, говорю, пять денье и иди, погуляй по ярмарке. Так он ни в какую! Посмотрел на девицу и говорит: «Нет! Это деньги на другую корову».

Торгуясь с Бедрайоном, Андрон начинал говорить по-французски, но, убедившись, что его не понимают, переходил на коверканный язык, как это делают, наверно, все, пытаясь поговорить с иностранцем, — «шьорт побъери»! Артуру надоела эта галиматья, и он взял инициативу в свои руки. Купив то, что хотели, они вышли на деревенскую дорогу.

— Какие же это французы, — возмущался Андрон, — по-французски не понимают!

Какие-то недоделанные французы!

— Вам надо было надеть бандану!

— Не понравилась мне она, — поморщился Андрон. — Как будто кто-то залез в мою голову и вместо меня говорит.

— Ты где пропадал ночью? — спросил Артура Паскаль. — Я хотел попросить твою лошадь — съездить в монастырь. Захожу к тебе вечером — тебя нет, захожу утром — опять нет.

— Я ночевал в шалаше в лесу.

— А-а, у этого ненормального? — спросил Паскаль. — Нет, я люблю ненормальных, сам такой, но это уже коронованный псих. Как-нибудь расскажу тебе одну историю, после которой я его обходил стороной, также как Писака обходит стороной меня... Ну и как он там поживает?

Артур рассказал ему про ночного волка. После чего сказал:

— А насчёт Звёздочки — бери, конечно. Даже не спрашивай. Только учти, что в монастыре уже новый аббат, и тебе лучше не попадаться ему на глаза.

Паскаль уехал в монастырь. Артур, искупавшись, вернулся в Замок, сел за столом возле «Мыслителя» и разговорился с Судьёй.

— Я решил, раз мы во Франции, выдвинуть обвинение против Робеспьера, — сказал Судья.

— Понимаю, — не стал удивляться Артур, — только как-то неудобно — он ещё не родился.

— Это будет судебный прецедент, — заявил Судья. — Он же, в конце концов, родится, совершит революцию, а потом якобинский террор. Вот за эти будущие преступления буду его судить.

— Французскую революцию почитают в современной нам Франции, — усомнился Артур. — Вряд ли можно её назвать преступлением. А террор, увы, неизбежное следствие любой революции.

— Я не француз, — настаивал Судья. — Англичане считали французскую революцию преступлением и воевали с армией Конвента. Так что мои предки меня бы поддержали.

— Робеспьер — это голова! — подключился к дискуссии Ньютон. — Революции случаются, когда у бунта есть голова, а у власти головы нет. Когда придёт сильный человек с пушками за спиной, вроде Наполеона, революции кончаются.

— И какое наказание к ещё не родившемуся Робеспьеру вы намерены предложить? — спросил Артур.

— Отложенное наказание — есть такой термин. Когда родится и окончит школу, отправить малолетнего Робеспьера в колонию для несовершеннолетних на один год. Даже если это не исправит его, он не сможет получить юридическое образование и стать главой Конвента.

— Ну, — призадумался Ньютон, — вполне гуманный приговор.

— Надо поставить машину времени на службу юстиции! — возмечтал Судья. — Представляете, как это здорово — наказывать за ещё не совершённое преступление! И наказание будет гуманным, и преступления можно избежать.

Артур с Адамом вышли прогуляться в сад и уселись в гамаке. Они разговаривали о Паскале. Чуть позже к ним подошёл Сократ.

— Вы слишком строги к нему, — сказал Артур Адаму. — Паскаль не сумасшедший, он

ненормальный. Это совсем другая история. Он говорил мне: «Я знаю, что я неправильный. Но ведь могут быть исключения? Предположи, что я исключение. В этом нет ни обиды, ни заслуги — только факт».

— Дело не в том, что он неправильный, а в том, что больной, — возразил Адам. — У него в диагнозе стоит — маниакально-депрессивный психоз. Неправильных я люблю. Да и к сумасшедшим у меня нет отторжения. Сумасшедший, называющий себя Наполеоном, для меня осмысленней какого-нибудь Ивана Ивановича, называющего себя бухгалтером.

— Я не врач, — настаивал Артур, — но я общаюсь с ним достаточно долго — нет у него никакого психоза. Депрессия бывает, мания в поисках «Сокровенной книги» — допустим, а психоза никакого я за ним не замечал.

— Ну, значит, у него маниакально-депрессивный «непсихоз», — улыбнулся Адам. — Скажи Хозяину, когда он вернётся, чтобы исправил диагноз.

— Нет, он не сумасшедший, — упорно защищал друга Артур. — Он ненормальный. Я уже научился различать эти понятия. Ненормальность нарушает общепринятые правила, но не является болезнью.

— Правила — это такая лукавая штука, — заметил подошедший Сократ. — Правила обязуются иметь исключения. На правилах этот мир стоит, на исключениях он живёт. Правилom всё держится, исключением всё движется.

— Не считаю себя всеведущим мудрецом и не сужу людей, — добавил он. — Если кто-то не знает мне очевидных вещей, живёт не так, как я считаю должным для человека, — это не значит, что он прожигает жизнь зря. Возможно, он учится чему-то другому в этой жизни, чему-то, что не мешало бы знать и мне. Мы просто сидим на разных уроках в школе жизни.

— Чему он учится, сидя за своим ноутбуком часами? — сердито сказал Адам. — Ищет смысл в бессмысленной куче цифр.

— Он показал Шуту кино на ноутбуке, — попробовал успокоить Адама Артур. — Шут качал головой и цокал языком. «Ну надо же — что придумали! А поговорить с ними можно?» И показал рукой на актёра. Мы объяснили ему, что это только картинки. Он расстроился. «А я думал, они живые. Ещё удивился — как вы их в такой маленький ящик запихнули?»

— Мне нравится Шут, — усмехнулся Адам. — Я люблю людей с чувством юмора и тонкой иронией. Ирония — это здоровое отношение к миру.

Вечером вернулся Паскаль и успел к ужину. Ньютон сварил свой «бурден», хоть и без картошки, и он, на удивление, оказался вкусным.

На закате Сократ вытащил из комнаты свою постель вместе с матрасом и расстелил на траве.

— Такая теплынь, — пожаловался он, — в комнате спать душно!

Посмотрев на него, Судья сделал то же самое. Дальше сработал принцип домино. Через полчаса уже все разлеглись во дворе. Даже Маркус, не удержавшись, присоединился к флешмобу, и притащил поломанную картонную коробку, в которой укрылся, как в собачьей будке.

— Давайте поговорим о политике, — предложил Судья, — или о футболе.

— Вот сразу видать англичанина, — заметил Адам. — Только не о политике, это скучно. Впрочем, в футболе я тоже ничего не понимаю. Как говорил Хоттабыч: «Почему двадцать человек бегают за одним мячом? Надо каждому дать по мячу и пусть бегают, не мешая друг другу».

— У меня другое предложение, — робко внёс свою лепту Маркус, выглядывая из коробки. — Давайте рассказывать свои сны! Они иногда бывают такие странные.

— Ну, вы предложили, вам и начинать! — согласился Артур.

— Мне вчера приснилось, что я куда-то иду, а мне навстречу идут ноги. Не весь человек, а только его сапоги. Приснится же такое!

— Отрубленные ноги гуляли по дороге, — задумчиво произнёс Поэт. — Маркус, вы явный сюрреалист.

— Как это ноги могут гулять без человека? — возмутился Сократ.

— Мышечная память? — предположил Артур. — Человек пропал, а ноги-то помнят...

— Это был чеширский кот в сапогах, — в свою очередь предположил Паскаль. — Кот исчез, а сапоги остались... Или человек-невидимка. Он забыл наваксить обувь своей волшебной мазью.

Все посмеялись.

— Однажды я видел ещё один странный сон, — продолжил Маркус. — Во всём городе дома исчезли — стали невидимы. И люди ходили по воздуху, над головой друг у друга, под ногами. В воздухе парили их кровати, как гробы пророков. Висели телевизоры, шкафы. Люди шлёпали в тапочках по воздуху. Это было забавно и страшно.

— Не люблю города, — нахмурился Поэт, — они меня угнетают. Мне гораздо комфортней было на даче, на природе... У меня даже был цикл белых стихов «Проклятье городам».

— Прочитайте что-нибудь, — попросил Артур.

— Если вспомню, — засомневался Поэт, но сделал попытку.

«Проклятье городам! Они нас убивают. Они хоронят заживо в гробах — в своих бетонных, каменных коробках. Мы пойманы в их сети проводов, в объятых кольцевых дорог мы задыхаемся. Нам нет пощады.

Здесь нет орлов — лишь воробьи да галки. Орлы сюда не залетают. Ведь небо ниже здесь. И воздух душен. Им страшно здесь. Бесстрашным страшно здесь».

— Ну, как-то так, — стусевался Поэт. — Возможно, я что-то наврал — давно это было.

— А какие вам снились сны? — спросил Артур, возвращаясь к начальной теме.

— Мне в детстве часто снилось, что я летаю, — вспомнил Поэт и смутился. — Понимаю, что это банально. У всех в детстве, вероятно, были такие сны. Но... Иногда эти сны были настолько достоверными и убедительными, что, проснувшись, я не мог поверить, что это был сон. Я думал, что душа моя действительно летает во сне над Землёй, принимая разные очертания. Иногда это был я. Раскинув руки, я летел на потоке ветра, наблюдая убегающую подо мной землю. Не было страха — только спокойствие и радость... А однажды я был большой и гордой птицей. Горные орлы рядом со мной казались воробьями. И не было у меня рук, но были два могучих крыла. Как царь небес я парил в океане воздушном, и тень моих крыльев скользила по земле. Свирепые звери пригибали головы, когда задевала их тень моих крыльев. Трусливые лани бросались вскачь. Но я не спускался к ним, я парил между землёй и облаками... Проснувшись тогда, я пожалел, что проснулся. Мне захотелось остаться там — в удивительном сне, где я был птицей.

Поэт смущённо улыбнулся и продолжил.

— Увы! Я давно уже не вижу этих снов... И тоскую по ним... Они остались где-то в далёком детстве... Только однажды я вдруг подумал: а может, это действительно было со мной — ну тогда, в детстве, — а повзрослев, я забыл об этом и придумал, что это был сон.

Понятное желание взрослого человека объяснить необъяснимое.

— Конечно, вы это придумали себе, насочиняли, — сварливо отреагировал Писатель. — Я вам таких снов могу насочинять сколько угодно.

— Ну, тогда давайте, рассказывайте свой сон, — погасил назревающий конфликт Артур. — Только не сочиняйте на ходу, не надо. Что-нибудь интересное вам наверняка тоже снилось.

Писатель не стал кочевряжиться и начал свой рассказ.

— Мне приснился Фёдор Михайлович Достоевский, — мечтательно произнёс он.

— Кто бы сомневался, — усмехнулся Адам.

— Вы мне не верите? Вы думаете, я придумываю?

— Я верю, верю. Я бы очень удивился, если бы вам приснился кто-то другой.

— Рассказывайте, рассказывайте! — поддержал Писателя Артур.

— У меня в спальней комнате висел большой портрет Фёдора Михайловича. Копия известной картины Перова. Хорошая копия в красивой раме. Ещё когда гости приходили, удивлялись, глядя на портрет, — «ты что, Третьяковку ограбил»?.. И вот однажды ночью сплю я и вижу сон. Достоевский на портрете пошевелился, встал, перекинул одну ногу через раму и спрыгнул на пол. Подошёл ко мне и укоризненно так головой качает, но ничего не говорит. Смотрю я, а у него на голове, как у евреев кипа, — бублик лежит. Ну, думаю — чтобы это значило?

Писатель оглядел собравшихся, словно спрашивая у них. Паскаль тихо давился от смеха, отвернувшись, чтобы не выдать себя.

— Если бы у него на голове была кипа, — продолжил Писатель, — я бы подумал, что он еврей, но если на голове у него лежал бублик, что я должен был подумать?

Паскаль уже не выдержал и прыснул от смеха. Писатель нахмурился.

— Кипа — это знак причастности к еврейской религии и культуре, — рассудительно заметил Судья. — А бублик — знак причастности к русской религии и культуре.

— Вы как-то слишком упростили русскую культуру, — обиделся Писатель.

— А что тогда должно быть на голове англичанина? — с иронией спросил Адам. — Чашка чая или кружка пива?

Судья только неопределённо пожал плечами.

— Нет, даже на западе русского никто не представляет с бубликом, тем более на голове, — возразил Паскаль, — скорее, с балалайкой в одной руке и с бутылкой водки в другой.

— Да ну вас! — надулся Писатель. — Не буду я дальше рассказывать!

— Нет, рассказывайте, рассказывайте! — подстегнул Писателя Артур. — Нам интересно — что там с бубликом?

Но обиженный Писатель насупился и отвернулся от всех. Артур посмотрел на Ньютона.

— А что снится учёным?.. Ну, кроме периодических таблиц и доказательств теорем.

— Должен вас разочаровать. Никогда мне не снились никакие таблицы и теоремы... Мне часто снится моя жена... Я вижу её молодой, такой, какой она была в год нашего знакомства; такой, какой я её полюбил.

Он смущённо улыбнулся и продолжил.

— Во сне мы беседуем с ней о мироздании, о квантовой физике, о запутанных фотонах.

— Боже мой! Какая продвинутая у вас была жена! — удивился Адам.

— Да ничего подобного! В том то и дело, при жизни все разговоры были только про

шмотки, курорты и общих знакомых... Я её любил, прекрасно понимая — насколько мы разные люди, но ничего не мог с этим поделать — любил!

Паскаль задумался.

— Кому-то снится любимая женщина, кому-то Достоевский... Я не помню свои сны. Могу взамен рассказать притчу, которая привиделась мне в полусне.

— Ну, давай притчу, — согласился Артур.

Паскаль на секунду задумался и начал говорить.

— Мне приснился старик, сидящий у дороги рядом с огромным валуном у подножия горы. Он спросил меня:

— Куда идёшь ты, смертный человек, чего ты ищешь?

— Брожу по свету, старик, ищу мудрых людей, кто обладает высшим знанием, кому открыта Истина.

— Ты ищешь Истину? Зачем она тебе?

— Люди разное собирают на Земле. Кто копит золото, кто копит любовниц, кто копит злобу, кто копит радость, а я всю жизнь собирал вопросы. Много острых, холодных, тяжёлых вопросов накопилось в моей душе. Они сдавили мою грудь, они согнули мою спину, от них у меня темнеет в глазах. Нет возможности скинуть с души этот груз. Все ответы, которые я нашёл, лишь удваивали вопросы. И тогда я понял — должна быть одна великая Истина, которая разом ответит на всё. Под ярким, могучим её лучом растает холодный лёд сомнений. Вот чего я ищу, старик.

— Мне жаль, сынок, я должен тебя огорчить. Ты ищешь облегчения душе. А это не тот путь, который ведёт к Истине. Тебе непосильны сомнения. Знал бы ты — насколько тяжелее их Истина!

— Посмотри, — он указал рукой, — можешь ли ты поднять этот камень? Нет... Тогда зачем ты его ищешь?

Паскаль замолчал, и все помолчали, каждый по-своему понимая услышанное.

— Человек называет Истиной предмет своей веры, — убеждённо заметил Маркус. — Все человеческие «истины» надо писать с маленькой буквы и лучше всего в кавычках.

— «В mnogой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь», — процитировал Соломона Шут.

— Расскажите ваш сон! — попросил Шута Артур.

Шут наклонил голову с хитрой улыбкой.

— Я однажды увидел во сне королевский стол: форель под сметаной, копчёную буженину, икру красную и чёрную, аж слюнки потекли. Проснулся — на столе вчерашняя похлёбка стоит, прокисла уже.

— Ну и? — не понял Артур.

— Повернулся на другой бок и опять заснул. Может, ещё что-нибудь вкусенькое приснится.

Паскаль фыркнул, не удержавшись. Шут лукаво посмотрел на него.

— Что поделать?! У дурака и сны дурацкие.

Помолчали, улыбаясь.

— А я себе сны заказываю, — нарушил молчание Андрон.

— Заказываете? — удивился Артур. — Как это?

— Ложусь в кровать, закрываю глаза и думаю — что я хотел бы сегодня увидеть во сне?

Если крепко загадаешь, обязательно приснится.

— Так вы можете бизнес открыть — курс практических занятий по визуализации своих «мечт»! — оживился Писатель. — Это же доходное дело! Знаете, сколько у вас будет клиентов?! Я бы сам на такие курсы записался.

— Интересно, интересно — что бы вы хотели визуализировать? — поддел Писателя Паскаль. — Неужели опять Достоевского?

— Да ну вас! — отмахнулся Писатель. — Я бы придумал себе женщину своей мечты и провёл бы с ней ночь. Кто от этого может отказаться?

— Хотел бы я посмотреть — как выглядит женщина вашей мечты? — продолжал подзуживать Писателя Паскаль. — Она похожа на ту медсестру, что подсунула вам слабительное вместо лекарства?

— Да ну вас ещё раз! Что он ко мне пристаёт? — обиделся Писатель.

— Слушай, Писатель, — сказал Андрон, — а у тебя в романе эротические сцены есть?

— Ну, есть, — слегка нерешительно и смущённо ответил Писатель. — Я пишу многогранный, универсальный роман. И ничто человеческое мне не чуждо.

— Давай, прочитай что-нибудь... эротическое, — попросил Андрон. — Может, сны потом весёлые приснятся.

— Не буду, — буркнул Писатель. — Я вам не Мопассан какой-нибудь. У меня даже эротика с философским подтекстом.

— Это как? — удивился Андрон.

— Вам не понять, — ответил Писатель и отвернулся.

— Всё! Давайте спать! — приказал Адам. — Отбой!

Все замолчали и вскоре ночную тишину заполнило ровное дыхание засыпающих.

Маркус вздохнул и сказал:

— Я вот в детстве боялся засыпать. Думал, вдруг засну, и во сне забуду дышать.

— Это автоматический процесс, — успокоил Маркуса Ньютон. — Об этом можешь не беспокоиться.

Через пять минут все уже спали без задних ног. Только Ньютону не спалось, он разглядывал звёзды и от бессонницы в голову лез всякий вздор, вроде того, что же такое — эти загадочные «задние ноги»? И есть ли ещё «передние»?

Изучая латынь, Паскаль с Поэтом читали «Географию» Страбона. В монастырской библиотеке Поэт позаимствовал книгу на латыни, разумеется, с разрешения Мессии, а Паскаль нашёл в книжных шкафах Хозяина переводное издание. Теперь они читали по одному предложению из обеих книг, и такое обучение оказалось эффективным.

— Много нового узнаю. Вот послушай! — обратился Паскаль к вошедшему Артуру.

«Что обитаемая земля есть остров, можно заключить из свидетельства наших чувств, а также из опыта. Везде, где человеку возможно было проникнуть до самых пределов земли, находится море, которое мы и называем океаном. Там же, где этого нельзя воспринять чувством, убеждает разум».

Поэт гордо заявил:

— Страбон утверждал, что поэты были первыми философами, а тогда так называли вообще всех людей учёных.

— Где ты эту книгу откопал? — поинтересовался Артур у Паскаля, рассматривая здоровенный фолиант в обложке из овечьей кожи.

— В монастырской библиотеке. В монастыре неплохая библиотека. Между прочим, я в ней нашёл полный текст «Сатирикона» Петрония. До наших времён он не дошёл.

— «Сатирикон» в монастыре?!

— Да, да! — подтвердил Поэт. — Монахи — они такие. В каком-то смысле — средневековая интеллигенция.

— Тоже мне — интеллигенция, — усмехнулся Паскаль. — Монах, читающий «Сатирикон» — это всё равно, что евнух, листающий «Плейбой».

Лето подходило к концу, и друзья старались использовать его без остатка. Целыми днями они валялись на «пляже», как называли очищенный от камней кусочек берега, купались, загорали, ловили рыбу.

— Если Гомера почитать или Рабле, то на каждом острове свой король, — заявил Паскаль, оглядываясь вокруг. — А на нашем острове — кто король?

— Раньше был Хозяин, а теперь у нас демократия, — предположил Андрон, выходя из воды и обтираясь полотенцем. Он присел на песок рядом с друзьями.

— Демократия? — задумался Паскаль. — Тогда надо проводить собрания и голосовать по любым вопросам. А мы, по-моему, всё передоверили Адаму. Как он скажет, так и будет. Так что у нас скорей тирания или просвещённая монархия.

— Я не против просвещённой монархии, — улыбнулся Артур. — Но где взять просвещённых монархов?

— Надо вернуться к традициям римской республики, — сказал Андрон. — Ничего лучшего с тех пор не придумали. Рим стал великой империей именно во времена республики.

— Если бы это было так, не было бы гражданских войн Мария и Суллы, Цезаря и Помпея, — вспомнил историю Артур. — Республика была хороша для маленькой, однородной страны. А когда Рим разросся от Англии до Египта, республика начала разваливаться. Империей может управлять только тиран — монарх или император.

— Значит, ты монархист, а я республиканец, — рассудил Андрон. — А ты за кого? — обратился он к Паскалю.

— Я ни за белых, ни за красных, ни за коричневых, ни за чёрных, — сказал Паскаль. — Я за человека.

— Не понял, — недоумённо посмотрел на Паскаля Андрон, — ты аполитичный или прекраснодушный? Впрочем, и то, и другое — глупость. Рано или поздно всегда приходится выбирать один из цветов. Сам не покрасишься, так тебя покрасят.

— Я могу выбирать только между голубыми и зелёными, — сказал Паскаль. — Если ты понимаешь — о чём я?

— Не-е, — помотал головой Андрон, — не понимаю... Но голубых я точно выбирать не буду.

— Странные мы какие-то Попаданцы, не типичные, — размышлял Паскаль. — Сидим на попе ровно, не пытаемся прогнуть этот мир под себя. Мечтаем только сбежать отсюда.

— Почему же, Демон в этом смысле типичный Попаданец, — возразил Артур. — Он как раз хочет захомутать этот мир.

— Ничего у него не получится, — махнул рукой Андрон. — Он конечно человек сильный, волевой, но одиночка по натуре. Он не соберёт себе команду единомышленников, а одиночкам то, что он задумал, не под силу.

Артур рассказал им о замыслах Демона, чем только насмешил Паскаля.

— Это могло бы получиться, если б он был бессмертен. Все тираны смертны — и слава Богу! Вспомните Македонского — достиг небывалой власти, создал огромную империю ещё

до римлян, а потом банальная лихорадка и вся громадная империя после его смерти рассыпалась, как карточный домик.

Подошёл Ньютон, разделся, расстелил полотенце и улёгся загорать с книжкой в руках.

— Вы читаете Чехова? — удивился и в то же время обрадовался Артур. — Мой любимый писатель. Толстого и Достоевского я уважаю, а Чехова люблю.

— Такого пессимиста, как Чехов, надо ещё поискать! — категорично заявил Паскаль. — Я однажды прочитал томик Чехова и мне захотелось повеситься. Даже странно, что начинал он, как юморист. Правду говорят, что юмористы в жизни — самые мрачные люди.

— Я ровно отношусь к Чехову, — сказал Ньютон. — Но это классика... Человек ленив. Иногда приходится себя заставлять. Я заставляю себя раз в месяц прочесть одну классическую книгу. У меня уже длинный список составлен — хватит на три жизни.

— Нелюбовь к классической литературе я вынес из школы, — сказал Паскаль. — Классика — это то, что заставляют учить в школе. И само это «заставление» уже придаёт классике негативный бэкграунд.

— Классика — это то, что проверено временем, — не согласился с другом Артур. — Если книга переживает автора на сто лет, она по определению становится классикой.

— Мне вообще непонятно — чего вы спорите? — выразил своё мнение Андрон. — С книгой, как с женщиной — она тебе нравится или нет. Если я не хочу эту книгу, то будь она хоть сто раз классика, читать не буду.

Разговор о литературе неожиданно продолжился после обеда во дворе Замка. Писатель поймал Артура за руку.

— Послушайте один абзац. Мне нужен ваш совет.

Делать было нечего, пришлось слушать. За цветастыми фразами и потоками слов было трудно уловить смысл.

— «Что ты глядишь на меня огнедышащим драконом!» — надрывался Писатель в стиле дешёвой аудиокниги. — «Сказал он, пронзая взглядом её хмурое лицо, изборождённое грубыми морщинами, которые покрывали её лицо, как годовые кольца деревьев, свидетельствуя о её преклонном возрасте».

— Писатель! Пишите проще! — лопнуло терпение Артура. — Пишите, как Фолкнер: он сказал, она сказала.

— Но это же примитивно! — возмутился Писатель.

— Фолкнера признали классиком? Всё! Значит, это нормально.

— Это Фолкнер классик?! — опять возмутился Писатель. — Нашли классика!.. Не-е-т. Этот огород зарос сорняками! Литературные грядки надо прополоть.

— Так какой совет вы от меня ждёте? — поторопил Писателя Артур.

— Спасибо! Вы мне уже дали совет.

Обиженный Писатель удалился.

На следующий день Шут решил съездить в Кардерлин, и Артур присоединился к нему. Они выехали после завтрака и к обеду были на месте. Шут отправился в гости к своей «любезной» и просил Артура его не ждать. Артур поглазел на бродячих акробатов, погулял по ярмарке и вышел в самый конец площади, где среди шумной толпы старьёвщиков увидел гадалку. Старуха сидела на деревянном ящике. Глаза её были закрыты. Казалось, она, сидя, спала.

Артур обрадовался ей, как старой знакомой, подошёл и присел перед ней.

— Погадаете мне ещё раз? — протянул он ей свою ладонь.

Старуха приоткрыла глаза, посмотрела сквозь него и снова закрыла глаза.

Артур уже хотел уйти, но старуха вдруг снова открыла глаза и взяла его руку. Она не стала её рассматривать, она сжала её в своей руке. Она сжимала её всё сильнее и сильнее. Артур снова почувствовал, какой сильной может быть рука этой женщины. Это длилось несколько минут. Старуха тряслась и что-то невнятно бормотала.

— Эмпокасипабль! — вдруг расслышал Артур.

— Эмпокасипабль! — твердила безумная старуха, как заклинание. — Эмпокасипабль!

— Что? Что это значит? — Артур схватил её за руку, но старуха вырвала руку и сильно оттолкнула его.

Артур упал на спину, ударившись затылком об землю. Когда он поднялся, старухи уже не было. Отчаянно озираясь, Артур ужом вертелся на месте. Люди испуганно глядели на него. Старуха — как провалилась под землю.

Он несколько раз обошёл площадь. Зашёл в корчму, где было много народа. Прошёлся по улице, где на месте сгоревших отстраивали новые дома. Всё напрасно.

Артур возвращался в Замок раздосадованный. Он проехал уже полпути, когда вдруг заметил вдали у обочины человека. Подъехав ближе, он понял, что это старая гадалка, которую он битый час искал на площади. Она сидела спиной к дороге на трухлявом пеньке. Артур слез с лошади, подошёл и сел рядом. Несколько минут они молчали. Артур искоса наблюдал за старухой. Она сидела с открытыми глазами, но ничего не шевелилось на её лице, не чувствовалось даже её дыхание. Она как будто была здесь и не здесь. Артур прикоснулся к морщинистой кисти её руки. Она слегка вздрогнула, моргнула и медленно повернула голову.

— Что такое Эмпокасипабль? — спросил Артур.

Старуха молчала минуты две, Артур уже решил, что она заснула, но она заговорила.

— Не знаю, — сказала она. — Я нашла это слово в твоей голове.

Голос её звучал глухо, как из-под земли.

Артур вздохнул, но потом снова с любопытством поглядел на старуху.

— Как вы предсказываете будущее, можно ли этому научиться? — понимая, что это наивно, всё же спросил он.

— Я не предсказываю то, что будет, — старуха, кажется, начала оживать. — Я предсказываю то, что может быть... Чтобы знать будущее, надо знать прошлое. Люди не могут предвидеть будущее, потому что не помнят прошлого.

Она наклонила голову, как будто прислушиваясь к чему-то в небе, и подняла палец вверх.

— Слушай ветер! Ветер носит все слова, когда-либо сказанные на Земле. Тот, у кого хороший слух, может услышать их даже спустя сотни лет. Прислушайся к ветру. Ты слышишь, как шепчут миллионы влюблённых, как стонут миллионы умирающих, как плачут миллионы младенцев? Ты всё это можешь услышать в ветре. Ветер единственный свидетель всего, что когда-либо случилось на Земле. Даже сквозь закрытые двери и затворённые окна проникает его дыхание. Можно спрятаться от людей, некуда спрятаться от ветра — только в могилу.

Она нагнулась и покопалась в пыльном мешке у своих ног.

— Возьми вот это, — она протянула ему что-то в руке.

— Что это? — Артур взял и повертел в руке маленький деревянный пузырёк. Он вытащил пробку и увидел, что пузырёк заполнен тёмной, густой жидкостью.

— Настойка из корня мандрагоры, листьев белладонны и семян белены. Она замедляет время.

— Как она может замедлить время?

— Для тебя — может. Она ускоряет твоё сознание. Время становится медленным и тягучим, как густая сметана. Ты не можешь двигаться быстрее, но повышается твоя реакция, а это бывает очень важно в трудную минуту. Как в фильмах, которые ты любишь, где герои в замедленной съёмке уворачиваются от пуль.

— Вы знаете эти фильмы?! Этого не может быть! — Артур был поражён.

— Года всё знает, — старуха не смотрела на него, она говорила куда-то в пространство. — Года живёт в твоей голове, как в своём доме. Все запертые ящички твоей души для меня открыты... Моя голова пуста. Все, кто приходят ко мне, заполняют её своим мусором. Но когда они уходят, они уносят свой мусор с собой, и моя голова снова пуста.

— Расскажи мне — что ждёт меня? — спросил Артур.

— Хочешь знать, что будет? — Старуха повернула голову к нему и вновь отвернулась. — Никто тебе не скажет. А если скажет — соврёт... Это тебе решать. Будет то, что ты выберешь. Каждый твой шаг — это выбор. Каждое слово, каждый взгляд — это твой выбор. Определи сам, каким ты хочешь видеть своё будущее, и делай шаги ему навстречу.

— Но как определить — правильно ли я иду? Не сбился ли я в своём пути?

— Слушай ветер. Он подскажет. Он знает прошлое. А кто знает прошлое, предвидит будущее.

Старуха медленно, тяжело поднялась с пенька и, не прощаясь, пошла, ковыляя и опираясь на палку, в лес. Артур смотрел ей вслед, пока она не скрылась среди деревьев. Потом сел на лошадь и поехал по дороге к озеру.

Осень выдалась тёплая и сухая. Дождей почти не было. Адам ходил хмурый, бросая взгляды в небо.

— Проклятие! Руками что ли мне тучи собирать?! Как назло, Господь закрутил все краны небесные.

Однажды тучи таки собрались. Адам оживился, засуетился.

— Готовьтесь, ребята, готовьтесь. Сегодня будет знатная гроза.

Но всё закончилось проливным дождём на всю ночь, а молнии мерцали где-то вдалеке — до Замка они не добрались.

В конце сентября Артур посетил монастырь. Он сидел на хорах, слушая проповедь нового молодого аббата, наблюдая молящихся крестьян и монахов. В храме было тепло и уютно. Размеренное и торжественное богослужение погружало в сладостное томление и обещало неведомое счастье.

Он очнулся от грёз, когда рядом с ним сел человек. Бросив взгляд на него, Артур вздрогнул. Это был Демон.

— Давно не виделись. Как поживает безумная братия? Я, признаться, скучаю по старым временам.

— Что вы здесь делаете? Вас же схватят, как разбойника.

— Но ты ведь не выдашь меня? Тебе совесть не позволит стать стукачом. Хорошая это придумка — совесть! Ею только надо правильно пользоваться.

Он посмотрел вниз — на молящихся и монахов.

— Все хотят в рай, — усмехнулся Демон. — А я, как представил себе вечную жизнь в раю, так меня затошнило. Я бы вырвал какую-нибудь райскую яблоню с корнями и пошёл

молотить ею по головам всех святых и угодников.

Демон разглядывал нехитрое церковное убранство с лёгкой, насмешливой улыбкой.

— Да... Это не собор святого Петра. Это гораздо хуже... Вон тот седой старикан сидящий на облаке, свесив ножки, видимо, и есть Бог? — указал он кивком на фреску какого-то местного Леонардо, и снова стал разглядывать прихожан и монахов, сидящих на скамьях.

— Чего они молятся? — наклонился он к уху Артура. — Чего они вымаливают себе? Разве они не читали Библию? Разве они не знают, что всё в мире совершается по воле Божьей, нам неведомой и непостижимой? Ведь каждая молитва — это просьба к Богу — поменяй свои планы ради меня! Какая невинная наглость!

— Не сомневаюсь, — он поднял голову и выпрямился, — что Богу давно надоел этот бесконечный людской скулёж ему в уши. Он давно воткнул в уши затычки и слушает ангельское пение.

— Вот та женщина в чёрном платке, — он указал пальцем, — возможно, молится о здоровье своего больного ребёнка. Кто бы ей объяснил, что она зря теряет время? Что болезнь на её ребёнка наслал тот самый Бог, которому она молится. Это входит в Его планы, и он не станет их менять, потому что об этом его просит глупая женщина.

— И просят, и плачут, и просят, и плачут, — продолжил он. — Даже ангельское терпение лопнет — слушать это изо дня в день... Ну да бог с ними! Мне надо встретиться с Адамом. Я должен поговорить с ним.

— Но захочет ли он разговаривать с вами?

— Захочет... Скажи ему: Хозяин со своей семьёй в моих руках. Я могу отдать их в обмен на маленькую услугу. Какую? — я расскажу ему при личной встрече. Завтра утром я буду у озера. Пусть приплывёт на лодке один, и мы поговорим.

Демон встал и вышел, не прощаясь.

Вернувшись в Замок, Артур пересказал свой разговор с Демоном Адаму.

— Чего ему надо? — нахмурился Адам. — Если снова будет просить достать ему оружия, я не могу пойти на это. С другой стороны, я чувствую свою вину перед Хозяином и его семьёй. Мы не можем бросить их здесь.

Адам задумался.

— Где моя бандана?

— Все, кто хотел, уже выучили местный язык, и бандана лежит у меня. Принести?

— Принеси. В любом случае надо будет ему что-то предложить. Возможность общаться на всех языках дорогого стоит. Надеюсь, он согласится с этим.

На следующий день Адам отправился на лодке на тот берег и вернулся спустя час. Артуру не терпелось расспросить его, но Адам сказал:

— Пойдём завтракать. Потом расскажу.

Сядь за стол во дворе Замка, Адам сказал:

— Андрон! Поглядывай на тот берег. К вечеру Демон обещал отпустить Хозяина с его семьёй. Перевезёшь их в Замок.

— И Ева вернётся? — обрадовался Паскаль.

— Надеюсь... Раз он обещал.

— А он не обманет? — спросил Андрон.

Адам на мгновение задумался и ответил:

— Не думаю... Ты же его хорошо знаешь. Он, конечно, убьёт любого, оказавшегося у

него на пути, но из гордости не станет врать и обманывать без особой нужды... Он когда-то сказал мне: «сильный может позволить себе роскошь быть честным».

— А что вы ему дали взамен? — спросил Андрон.

— Я его сразу предупредил, если ты хочешь, чтобы я добыл тебе оружия — этого не будет. Он не стал спорить, на уме у него было другое. Он сказал мне:

— «Я знаю, что ты смертен, ты не вечен, но ты умеешь продлевать свою жизнь. Научи меня этому. Я тоже хочу жить полторы тысячи лет и больше. Дай мне это, и я верну вам свою добычу и навсегда оставлю вас».

Адам хлебнул чаю и хитро улыбнулся.

— Я отдал ему бандану. Объяснил, что вся сила в ней. Она не только помогает общаться, но и продлевает жизнь... Он недоверчиво спросил, почему я не носил её в Замке? Я сказал, что достаточно одевать её на ночь. Кажется, он поверил. Я продемонстрировал ему — что она ещё умеет, и это его впечатлило. Забрал бандану и сказал, что отпустит Хозяина с семьёй сегодня... Я спросил его: что ты намерен делать? Он сказал:

— «За меня не беспокойся, я не пропаду. В этом мире мне есть, где развернуться».

Артур пригладил рукой свои непослушные волосы, и поделился сомнением.

— Я вот думаю — какую опасность мы оставляем миру в лице Демона. Что если ему удастся его план, если он сможет приблизиться к Папе Сильвестру? Ох, и натворит он тогда дел!

— Папа Сильвестр не дурак. Он быстро сообразит, что «этот» пришёл с тёмной стороны силы... А потом — не переживай за мир. То, что ты видишь, это очень малая часть мира. Ты даже не подозреваешь — насколько малая.

Вечером Андрон вернулся на лодке с хозяйской семьёй.

Хозяина трудно было узнать. Плечи его поникли, взгляд был напуганный. Артуру даже стало его жалко.

Если Хозяин осунулся, то Ева наоборот, как будто стала выше на голову. Во взгляде появилось что-то серьёзное и вопрошающее, чего не было в беззаботной девочке, которую знал Артур.

Не изменилась только Офелия. По-прежнему задумчивая и рассеянная, она радостно улыбнулась Артуру и поцеловала его в макушку.

Ева первым делом расцеловала своего Филипа, который пихался и отталкивался всеми лапами, поскольку уже отвык от таких фамильярностей. Шут разговорился с Евой и развеселил её своими шутками. Она наконец заулыбалась и стала оттаивать. Взяв три ракетки, они вместе с Паскалем стали играть в бадминтон на троих, по кругу. Потом они все втроём побежали в сад, качаться на качелях.

— У вас получается ладить с детьми, — сказал Артур Шуту, когда он вернулся из сада.

— Я люблю детей. Пообщаешься с ними, и как будто душой искупался. Есть какая-то врождённая мудрость и чистота, данная детям, которую мы потом с годами утрачиваем.

— Чистота — согласен. Не зря на картинах рисуют ангелочков. А в чём вы видите мудрость?

— В чём ребёнок мудрее своих родителей? В том, что, не зная ничего, он не знает и их заблуждений.

Шут уселся за стол напротив Артура.

— Я ведь был воспитателем и нянькой при всех детях старого графа. А их у него, вместе с Виконтом, было девять человек! Правда, выжили не все... Ева мне напоминает Бертю.

младшую дочь графа. Виконт её очень любит и балует.

— Виконта зовут Рене, — вспомнил Артур.

— Мне ли не знать, — улыбнулся Шут. — Так я его и звал, пока был его воспитателем.

Но потом... Привык уже называть его по титулу.

— У нашей знати, — пояснил Шут, — имена существуют внутри семьи и в ближнем кругу. Для всех остальных существует титул.

— А своих детей у вас нет?

— Бог не дал. Жена моя умерла от холеры, когда я в Бретани воевал.

— Извините, — смутился Артур.

— Да ничего! Я человек по характеру лёгкий, долго грустить не умею и на жизнь не сетую... Мы договорились с Евой, что завтра я буду учить её ездить на лошади. Забавная девчонка! Она рассказала мне про какого-то короля Артура, у которого в замке есть круглый стол. Ты не собираешься стать королём? — он лукаво посмотрел на Артура.

— Нет, — засмеялся Артур, — это не я.

— Ну и слава Богу! Хватит с нас одного Бродячего Короля. Так вот — умная девчонка, по глазам видно. А вот папаша у неё какой-то мутный. Ходит, в глаза не смотрит, бурчит чего-то.

— Он расстроен, и его можно понять. Ведь это он — хозяин Замка. Мы его так и называем — Хозяин. А теперь он сам не понимает — кто он такой и что он здесь делает?

— Это его Замок? — удивился Шут. — Это он, значит, граф Редмонд?

— Вообще-то он врач. Он из графского рода, но Адам рассказал мне, что свой титул их род утратил давно.

— Значит, чем-то его предки разозлили короля, — кивнул Шут.

— Возможно, — засомневался Артур. — Я не знаю.

Ранним утром Артур, как обычно, вышел из Замка на «водную зарядку».

Хозяин сидел в лодке недалеко от берега с удочкой в руках. Артур по пояс в воде подошёл к лодке и заглянул внутрь. На дне валялись уже три небольшие рыбки.

— Крупную рыбу так близко от берега не поймать. Вы заплывите подальше.

— Мне не нужна крупная рыба. Для ухи и эта сойдёт.

Хозяин бросил хмурый взгляд на Артура и добавил:

— Я перехожу на рыбную диету. На завтрак рыбные котлеты, на обед уха, на ужин жареная рыба с гарниром... Это моя маленькая месть тем, кто уже скоро будет ужинать мной.

Он тяжело вздохнул и снова посмотрел на Артура.

— Не стойте в прохладной воде, залезайте в лодку.

Артур послушался и, перевалившись через бортик, уселся на скамье, напротив Хозяина.

— Он вывез нас на окраину деревни, — начал рассказ Хозяин, — и поселил в подвале домика кладбищенского сторожа.

— Сторож на деревенском кладбище? — удивился Артур. — Что там сторожить — деревянные кресты?

— Это я его так для Евы назвал. Вообще-то он бывший монах, которого за какую-то провинность выгнали из монастыря. Вот он и поселился на отшибе возле кладбища. Демон ему заплатил, чтобы он нас стерёг.

Хозяин задумался и вздохнул.

— Когда я спросил Демона — зачем ты нас сюда привёз? — он хитро улыбнулся и

сказал: «умные люди не кладут все яйца в одну корзину»... В этом жутком подвале мы просидели два месяца! Только по ночам сторож выпускал нас по одному прогуляться по кладбищу и следил, чтобы мы не сбежали. Но я и не думал бежать один. Разве мог я бросить своих?

— Тяжело вам пришлось, — посочувствовал Артур, — ну да теперь это в прошлом. Не падайте духом.

— Я духом не падаю. Нет худа без добра. Зато я бросил курить... Думал, никогда не брошу. А тут поневоле бросил.

Хозяин опять вздохнул и посмотрел на Артура.

— Вот какого чёрта мы здесь делаем? Этот Адам какой-то волшебник-недоучка из детской песенки. Собирался переместить Замок в начало нашей эры, а вместо этого мы попали в какое-то жуткое Средневековье, в какие-то «тёмные века» человеческой истории.

Артур не знал, что ему ответить, и кивнул на поплавок.

— Что-то не клюёт!

Хозяин вытащил удочку. Посмотрел на голый крючок, выругался в сердцах и полез в банку за новым червём.

— Демон больше не появлялся у вас? — спросил Артур.

— Ни разу, — ответил Хозяин. — Вот пригред же я змею на груди!.. Он ещё в Замке ударил меня, когда я отказался ему открыть сейф с оружием... Пригрозил, что заберёт Еву и заставит её прислуживать разбойникам... Но потом успокоился и сказал, что взломает сейф, — Хозяин усмехнулся. — Я проверил — он действительно пытался его взломать, но у него не получилось.

— Вы бы отдали оружие Адаму, — робко предложил Артур. — Оно нам может пригодиться для защиты Замка.

Хозяин ничего не ответил и замолчал, глядя на поплавок.

Прогуливаясь в саду, Артур присел на качели и, тихонько раскачиваясь, закрыл глаза. Из дремотного состояния его вывел голос Евы.

— Я тоже хочу покачаться!

Артур вскочил.

— Извини, я занял твои качели.

Ева залезла на них с ногами и выпрямилась. Артур осторожно стал её раскачивать.

— Сильнее, сильнее! — настаивала Ева. — Не бойся, я крепко держусь.

Артур прибавил усилий. Ева вцепилась руками в верёвки и сжала губы. Лицо её как-то повзрослело. Это уже не была девочка с куклами. Когда качели, пройдя верхнюю точку, пошли вниз, она вдруг разжала руки и, оттолкнувшись, прыгнула вперёд. Сделав полный оборот в воздухе, приземлилась на ноги и встала, раскинув руки, как вкопанная, лишь слегка покачнувшись.

— Але-оп!

Она повернулась к Артуру, который стоял ни живой, ни мёртвый от увиденного, и гордо сказала:

— Вот как я умею! А у тебя не получится.

Артур сел на качели, пытаясь прийти в себя.

— Ты же могла разбиться!

— Не-ет! Мне мама нагадала долгую жизнь. Она умеет читать по руке, и говорит, что линия жизни у меня очень длинная.

— А если покалечишься? И будешь жить долго, но в инвалидном кресле.

— Я верю в судьбу. Мы с мамой фаталисты.

— Какие слова ты знаешь! А что, по-твоему, фатализм?

— Жить и не бояться... Мама говорила, что одна её подруга боялась умереть от рака.

Долго лечилась, мучала себя. А умерла в автомобильной аварии.

Артур удивлённо наблюдал рождение на его глазах из ребёнка нового человека. Он глядел на Еву, как будто видел её в первый раз. Нежная кожа, слегка курносый носик и голубые глаза, казалось, принадлежали той девочке, которую он знал. Но упрямо сжатые губы и не детский, прямой, вопрошающий взгляд принадлежали женщине, которую он впервые увидел.

— Фатализм бывает полезен, — наконец отвёл взгляд Артур, — но он ущербен, он подрезает крылья. Если ты уверена, что твоя судьба уже где-то записана, легко опустить руки и смириться с окружающей действительностью.

Хозяин пригласил Артура на ужин, чтобы успокоить Офелию. Она накрыла стол, разлила по тарелкам уху, оставшуюся от обеда, и, усевшись за стол, спросила:

— А где мы вообще находимся?

— Мы во Франции, недалеко от города Тур, — просветил Офелию Хозяин.

Офелия радостно всплеснула руками.

— Как хорошо! У меня в Туре живёт тётушка!

— Не живёт она в Туре, — огорчил супругу Хозяин.

— Как? Она переехала?

— Она ещё не родилась, — буркнул Хозяин.

Офелия посмотрела на Хозяина, потом на Артура, и как-то виновато сказала:

— Я совсем ничего не понимаю.

— Матушка, налейте мне ещё ухи, — поспешил отвлечь её внимание Артур.

После ужина Хозяин, забрав с собой недопитую бутылку вина, отправился в свой кабинет, а Артур пошёл навестить Еву. Дверь в её комнату была приоткрыта, но в комнате было темно. Артур негромко постучал и заглянул внутрь.

— Ты спишь?

— Нет, я не сплю.

Ева сидела, поджав ноги, на кровати. Свет из коридора едва освещал её лицо.

— Ты чего сидишь в темноте?

— А я привыкла. Я два месяца провела в темноте... Потом, когда вышла, глаза даже болели от солнечного света.

Артур подошёл и присел на стул у кровати.

— Как ты там жила, о чём думала?

— Я нашла себе подругу.

— Подругу? — удивился Артур. — У сторожа была дочь?

— Нет, сторож жил один. Я нашла подругу на кладбище... Увидела небольшую могилу, где возле деревянного креста лежала соломенная кукла. Я подняла её и унесла с собой. А ночью положила её возле себя и стала думать про девочку, которой принадлежала эта кукла. Как она могла выглядеть, сколько ей было лет, как её звали, какие у неё были родители? Как она была одета, что любила, в какие игры играла? Я лежала и представляла себе её. А когда уже хорошо представила, стала с ней разговаривать.

— И о чём ты с ней разговаривала?

— Обо всём. Я рассказывала, какой у меня большой Замок, сколько там всего интересного, какие люди в нём живут. Про Филипа рассказывала, про свой аквариум и о своих любимых куклах. Я пообещала ей подарить одну из них, например, Элис. Она очень обрадовалась, ведь у неё никогда не было таких красивых кукол.

Ева наклонилась ближе к Артуру и доверительным шёпотом рассказала.

— Дядя Адам отправил нас в прошлое. Я хочу попросить его отправить нас ещё немного назад, чтобы я встретила с этой девочкой и подарила ей куклу. Ведь я ей её обещала... Как ты думаешь, дядя Адам сможет это сделать?

— Боюсь, что нет... Видишь ли, это не так просто. Тогда снова начнутся наши беды и войны вокруг Замка. Адам не захочет подвергать всех новым испытаниям.

— Что же делать? Ведь я ей обещала.

— А ты сходи со мной завтра в деревню за продуктами. Может быть, ты увидишь девочку, очень похожую на ту, которую ты представила себе, и подари ей куклу. Вполне возможно, что это будет сестра той девочки, и ты исполнишь своё обещание возможным способом.

Они помолчали, а потом Ева сказала:

— Мама считает тебя своим сыном, моим братом... Я только там, сидя в подвале, поняла это. Мы отмечали мой день рождения. Она всё спрашивала: «А где Артур? Почему он не пришёл?».

— Не надо её разуверять, — попросил Артур. — Это причинит ей боль. Иногда человека надо спасать от правды... А как вы отмечали день рождения?

— Отец нашёл возле кладбища яблоню и принёс три яблока. Протянул самое большое мне. Ели яблоки и запивали водой. Потом тихо, чтобы не разозлить сторожа, пели песни. Это был самый грустный день рождения в моей жизни.

Она посмотрела Артуру в глаза и опустила голову.

— Знаешь, там, на кладбище, я впервые задумалась о смерти... Как это я умру? Однажды я проснусь, а меня — нет?

— Тебе рано думать об этом, — успокоил девочку Артур. — У тебя долгая жизнь впереди.

— А умирать — это страшно?

— Не знаю, — Артур пожал плечами, — я ещё не пробовал.

Попрощавшись с Евой, Артур заглянул в комнату Хозяина. В комнате было темно. Хозяин сидел в своём кресле и спал, откинув голову и приоткрыв рот. По экрану монитора скользили пёстрые рыбки, из динамиков негромко, но задорно, пели "The Andrews Sisters". На полу возле стола валялась пустая бутылка из-под вина. Было душно, пахло табачным дымом.

— Да... Ненадолго хватило Хозяина, — подумал Артур. — Опять закурил.

Артур прошёл вперёд и распахнул окно. Высунулся в него и пару минут дышал, оглядывая вечернюю панораму острова. Потом отошёл от окна, бросил ещё один взгляд на спящего и вышел из комнаты, затворив дверь.

Во дворе Артур присел за столом возле Поэта. Вечерами уже стало прохладно. Поэт сидел в тёплой куртке и вязаной шапке, и что-то писал. На столе горела свеча. Над ней кружились мошки.

— «Свеча горела на столе, свеча горела», — продекламировал Артур, глядя на огонёк свечи. — Вы романтик — пишете стихи при свечах.

— Здесь это уместно, — оторвался от своего занятия Поэт. — Это в наше время слова романтик и дурак — синонимы.

— Поэт в любые времена должен быть романтиком, точнее, не может не быть, — предположил Артур.

— Тяжело быть романтиком в нашем мире, — грустно посмотрел на Артура Поэт. — Человеческий бог — польза. Паршивый божок, между нами говоря... Романтика умерла с появлением городов.

— «Проклятье городам»? — вспомнил Артур.

— В городах уже трудно дышать, — задумался, глядя на огонёк свечи, Поэт. — Зловонные машины людям дороже чистого воздуха. От машины — польза, а воздух, он что? — продукт пустой... Города обрастают мусорными свалками и кладбищами. Город выбрасывает ненужное — вещи туда, люди сюда... Когда человек окончательно загадит планету, он с облегчением вырвется в космос. Вот где простор для мусорных свалок!.. Со временем умные люди докумекают, что самая прекрасная свалка — это Солнце. Вот туда и направят контейнеры с отходами — гори оно все огнём!.. И под солнечным светом горящего мусора будут жить и мечтать о полезном и должном... Скучно на этом свете, господа! — закончил он цитатой из Гоголя и задул свечу, поднимаясь из-за стола.

Перед сном, Артур ещё раз перерыл книжные полки и остановил свой выбор на «Дон Кихоте». Завалившись с книжкой в постель, он с улыбкой читал про похождения незадачливого рыцаря и его слуги. Одолев сходу половину первой книги, почувствовал, что глаза слипаются и, отложив книгу, выключил лампу и лёг спать.

После завтрака, Ева с Артуром отправились в деревню.

Бедрайон встретил гостей приветливо. Он уже числил себя поставщиком графа Редмонда. Он слегка удивился, увидев с Артуром девочку, но Артур поспешил ему объяснить:

— Это дочка графа Редмонда, — пояснил он. — Не того, кого прозвали Демоном, а настоящего.

Ева сначала смушалась, но потом, увидев в соседней комнате дочерей Бедрайона, вышла к ним и стала общаться. Разумеется, две притихшие девчушки ничего не поняли из того, что Ева им говорила. Тогда она перешла на язык жестов.

— Ева! — ткнула она пальцем себе в грудь. — А ты? — ткнула она пальцем в девочку постарше.

Та моргала глазами и беспомощно смотрела то на сестру, то на отца. Артур подошёл, чтобы помочь общению.

— Привет! — обратился он к старшенькой. — Как тебя зовут?

— Доминика... — шёпотом ответила девочка.

— А сестру твою как зовут? — посмотрел Артур на младшую.

— Бертильда, — ответила за младшую старшая.

— А эту девочку, — он показал рукой, — зовут Ева. Она хочет вам что-то подарить.

Он вытащил из мешка Элис и Лару. Ева не захотела разлучать подруг, и решила отдать обе куклы.

Сказать, что девочки были поражены — это ничего не сказать. Поражён был даже Бедрайон. А уж он много повидал на своём веку.

— Даже не знаю — как вас благодарить, — развёл руками он. — Это королевский подарок. Впрочем, даже у королевских детей, я уверен, нет таких прекрасных кукол.

Высказанная благодарность не заставила его снизить цену за молоко и мясо, а Артур не стал торговаться. Он это не умел и не любил. Заплатив за продукты, он снова присоединился к девчонкам, потому что Ева никак не могла объяснить — кто такая Элис, и кто такая Лара?

Через полчаса они покинули деревенский дом и, возвращаясь назад, Артур спросил Еву: — Ну как? Не жалеешь, что отдала своих кукол?

Ева замотала головой.

— Я уже взрослая. А они маленькие. Пусть теперь им Элис и Лара рассказывают свои сны.

На следующий день Шут подошёл к Артуру.

— Был я утром в деревне, купил молока, поболтал с деревенскими... Знаешь, что сделал Бедрайон сразу, как вы уехали? Он забрал обеих кукол и повёз их в Кардерлин продавать. Вернулся довольный, наверно неплохо на них заработал. Так что недолго его детишки радовались подарку... Только Еве об этом не говори. Ей совсем необязательно это знать.

Артур расстроился, а Паскаль заметил:

— Что меня поражает, что они такие же люди, как мы. Не чувствуется тысячелетняя дистанция между нами. У них нет наших технологий, и наших заморочек, а в остальном абсолютно такие же, как мы.

— Уверяю тебя, — улыбнулся Адам, — вернись ты ещё на тысячу лет назад, во времена Сократа или Цезаря, у тебя было бы аналогичное ощущение. Человек мало изменился за всю свою историю. Природа нетороплива, ей некуда спешить. Вот когда человек начнёт изменять себя сам, он быстро изуродует то, что природа оттачивала веками.

Артур зашёл в комнату Паскаля и увидел его стоящим перед зеркалом.

— Что ты так серьёзно рассматриваешь там? — пошутил Артур. — Что-то изменилось со вчерашнего дня?

Паскаль бросил на него взгляд и снова посмотрел в своё отражение.

— Иногда, глядя на себя в зеркало, я думаю: «Господи, неужели вот это и есть я? Неужели таким меня видят и знают люди?» И дело не в том, что он мне не нравится. Я себя в нём не узнаю. Я знаю и чувствую себя другим.

Он отошёл от зеркала и сел за стол.

— Это я понимаю, — вздохнул Артур. — Я тоже удивился, впервые увидев себя в зеркале. Сейчас уже привык, но то удивление помню.

— Как продвигается твоя работа? — спросил он у друга.

— Никак... — вяло ответил Паскаль. — Кружусь на одном месте и уже думаю бросить всё это к чёрту.

Артур вышел во двор и сел за стол возле Писателя.

— Закончили вторую главу? — поинтересовался он.

— Я пока отставил роман в сторону, — охотно поделился Писатель. — Мне надо от него отдохнуть. Я сейчас пишу странный рассказ.

— И в чём его странность?

— Рассказ без героя.

— То есть без людей?

— Нет, люди там есть, а героя нет. Это книга о встречных людях.

— Поясните.

— Представьте себе — раннее утро. Идёт человек по улице. Торопится на работу. Допустим, это молодой человек, офисный служащий. Он вспоминает вчерашнюю гулянку,

планирует — что будет делать сегодня вечером, заглядывается на встречную девушку — хоп! Начинается повествование от лица этой девушки. Её мысли, её планы, её проблемы. У неё была ссора с родителями. Подруга увела из-под носа её парня, когда она собралась выйти замуж. Девушка переходит дорогу — её чуть не сбивает автомобиль. «Куда прёшь, дура!» — кричит из окна водитель. И дальше продолжается повествование уже от его лица. Ну, вы поняли — нет в книге героя. Повествование перескакивает с одного человека на другого, не задерживаясь надолго. В итоге мы приходим к тому же молодому человеку, с которого начался рассказ и круг замыкается — история закончена.

Писатель гордо посмотрел на Артура.

— Ну как вам моя задумка?

— Интересно, — не стал расстраивать Писателя Артур. — Но уж больно лежит на поверхности. Вполне возможно, что такая книга уже есть.

— Вы думаете? — нахмурился Писатель. — А как это проверить?

— Боюсь, что никак. Понаписано столько книг! Придумать что-то реально новое уже сложно.

Писатель задумался, а потом сказал:

— Если даже я, что называется, изобрёл велосипед — это не плагиат и совесть моя чиста.

— Но вы меня расстроили, — добавил он, почесал затылок и ушёл.

Вечером, гуляя по двору, Артур слышал какие-то странные звуки, доносившиеся сверху. Подняв голову, Артур определил, что звуки идут с третьего уровня, где был кабинет Хозяина. Удивлённый, он поднялся по винтовой лестнице и вышел в коридор. Из кабинета Хозяина раздавалось пьяное пение на два голоса.

— «Ye-e-sterda-a-y... All my trouble seemed so fa-a-r away...»

Прислушавшись, Артур определил вторым голосом Писателя. Удивлённый, он заглянул в комнату. Увлечённые пением даже не заметили его. Две пустые бутылки на столе ясно указывали причину двух певческих талантов. Артур шагнул внутрь и сказал:

— Писатель! И вы туда же! Как вам не стыдно? А вы зачем его спаиваете? — обратился он к Хозяину.

— Убери его! — отмахнулся Хозяин, сидя в своём кресле. — Он страшно фальшивит.

Хозяин ещё раз махнул рукой, как бы посылая Писателя вон, и откинулся в кресле. Артур решительно поднял Писателя, взяв его под мышки, и потащил к двери. Писатель что-то замычал и стал упираться ногами. Артур еле вытащил его за дверь.

— Пойдёмте спать! Держитесь за меня, я вам помогу.

— Арту-ур! — обрадовался пьяный Писатель, который только сейчас разглядел — кто его тащит. — Дайте мне карандаш!

— Какой карандаш? Идёмте, у вас в комнате есть карандаш.

— Нет, дайте мне карандаш! — настаивал Писатель, повиснув на руках Артура. — Я слышал афоризм. Это надо записать. У вас есть карандаш? Дайте мне карандаш!

— Нет у меня карандаша. Потом вы запишете ваш афоризм. Идёмте уже! — он тащил Писателя по лестнице.

— Нет, я должен его записать! Я использую его в своей книге.

Артур устал от пьяного Писателя и предложил ему:

— Скажите свой афоризм мне. Я его запомню, и завтра вам повторю!

Писатель остановился на выходе с лестницы. Покачиваясь и держась рукой за решётку

двери, он посмотрел на Артура.

— А вы не забудете?

— Не забуду! — Артур начинал злиться.

— Мы обсуждали наших жён, — начал Писатель и тут же икнул. — У меня было три жены! — заявил он Артуру, показывая три пальца. — Я говорил ему, — он снова икнул, — почему ваша жена так плохо одевается? А он мне сказал: «хорошо одетая женщина хуже хорошо раздетой». Это же гениально! — Писатель покачнулся и чуть не упал.

— Господи, — возмутился Артур, поддерживая его, чтобы он не завалился, — что из вас полезло! Вам вредно пить.

Он оторвал Писателя от решётки и кое-как дотащил его до комнаты. Бросил на кровать, и выдохнул, покачав головой.

— Дайте... мне... карандаш... — сказал Писатель и заснул.

Сократ простудился, и его ежеутренняя прогулка по коридору заполнилась чихами и сморканием. Завидев Адама, он подошёл к нему и пожаловался:

— Закройте хотя бы входные ворота. Ну что это — всё нараспашку, сквозняк по двору гуляет!

Адам попросил Андрона закрыть ворота, а Сократу строго заметил:

— А вы не гуляйте босиком, здесь вам не Греция и не Индийский океан. Взрослый человек — должны же понимать!

— Что там вчера Писака учудил? — спросил он у подошедшего Артура.

— Да напились они с Хозяином. Хозяину видно надоело в одиночку надираться, вот он и нашёл себе компанию. Я, когда пришёл, они распевали песни. Еле дотащил Писаку до комнаты. Рассказывал мне какие-то пошлые афоризмы. Требовал карандаш, чтобы их записать. Устал я с ним.

— Как говорил древний мудрец, — заметил Адам, — «пьянство не порождает пороки, оно их обнаруживает».

Протрезвевший, хотя и слегка помятый, Писатель подошёл к Адаму.

— Сколько ещё мы будем сидеть и ждать у моря погоды? — спросил он.

— Мы сидим у озера и ждём непогоды, — парировал Адам. — А ждать будем — сколько потребуется. Есть другие варианты?

Писатель замялся.

— Адам, я хочу съездить в Париж. Быть во Франции и не побывать в Париже! Кроме того, я задумал главу своего романа, действие которой будет происходить в средневековой Франции, и мне надо изучить обстановку.

— Никаких «Парижей»! Вы с ума сошли! Вы там будете как белая ворона. Вас сразу заберут и бросят в тюрьму.

— Хорошо! — стоически согласился Писатель. — Изучу Бастилию изнутри. Вы же меня потом вытащите оттуда.

— И не подумаю! И вообще нет никакой Бастилии. Её ещё не построили. Собор Парижской Богородицы начнут строить лет через двести. Так что не выдумывайте. Опишите в своём романе средневековую провинцию, — Адам обвёл рукой окрестности.

Писатель вздохнул.

— Дыра это, а не провинция. Тут не одного банка нет.

— А зачем вам банк? — удивился Адам.

— У меня есть десять солидов. Положу их в банк, а через тысячу лет заберу. Это будет

целое состояние! Вы подумайте, сколько процентов наберёт за тысячу лет! Я сразу смогу купить себе остров.

— А-а! Так вот в чём дело! Должен вас разочаровать. В Париже тоже нет ни одного банка. Их ещё просто не придумали.

Писатель расстроился и хотел уже уходить, но снова повернулся к Адаму.

— Если нельзя в Париж, я хочу съездить в замок графа де Блуа. Посмотреть рыцарский турнир. Мне это надо для книги.

— Рыцарский турнир? — Адам оценивающе смотрел на Писателя. — У вас какие отметки были в школе по истории?.. Впрочем, это вопрос риторический... Рыцарские турниры ещё впереди. Они появятся только после крестовых походов.

Писатель с досады мотнул головой и удалился крайне расстроенный.

— Откуда у него десять солидов, хотел бы я знать? — прищурился Адам.

— Он продал Винтеру шариковую ручку, — ответил Артур. — Сказал, что эту ручку изготовил и подарил ему лично папа римский Сильвестр. Меня он использовал, как переводчика, — поэтому я знаю.

— Надо же! — удивился Адам. — Какие коммерческие способности открываются в человеке! Чем же он теперь свой роман писать будет?

— А он перешёл на гусиное перо. Это, говорит, открыло ему новое вдохновение.

— Чем бы дитя ни тешилось, — сказал Адам. — Слушай! А ты чего не брешешься? Решил отрастить бороду?

Артур потрогал свой подбородок.

— Как-то я давно не смотрелся в зеркало. Пойду, возьму у Хозяина электрическую бритву.

— Возьми лучше у Андрона обычную, — посоветовал Адам.

Андрон дал ему безопасную бритву, но оглядев длинные волосы Артура, предложил:

— Давай, я тебя постригу.

Они с Андроном уже перешли на «ты». Общие испытания сделали всех ближе.

— А ты умеешь? — засомневался Артур.

— Я много чего умею, — убедительно ответил Андрон.

Он усадил Артура на стул перед зеркалом, набросил на него простыню, которую достал из шкафа, и взял в руки ножницы и расчёску.

— Тебе покороче, подлинней? — спросил он.

— А ещё варианты есть? — улыбнулся Артур.

— Нет. Это две причёски, которые я знаю.

— Тогда покороче. До весны отрастут.

Андрон ловко защёлкал ножницами. Пряди волос падали на пол и на простыню. Поглядывая то на голову Артура, то в зеркало, он успевал ещё разговаривать.

— Я всех стрижу, кроме Хозяина, — сообщил он. — Хозяина и Еву стрижёт Офелия. У меня Судья каждый месяц стрижётся. Я ему говорю: у вас волосы так быстро не растут. А он отвечает: джентльмен обязан следить за собой. Я, — говорит, — бреюсь каждый день. Ваша одежда, ваша причёска, аккуратно постриженные ногти, — говорит, — это не просто ваш образ для других, это часть вашего «Я». Это то, каким вы хотите видеть себя.

— Да, — согласился Артур. — Для своего возраста он хорошо выглядит.

Андрон снял с него простыню, и Артур оглядел себя в зеркале.

— Помолодел на пять лет, — сказал ему довольный Андрон. — А побреешься, ещё на

пять лет помолодеешь.

— Это уже перебор, — улыбнулся Артур. — Так я с Евой сравниюсь.

Он поднялся со стула и спросил:

— Сколько я тебе должен?

— Десять муравьёв, — ответил Андрон, но заметив замешательство Артура, успокоил его. — Да шучу, шучу. Другьям бесплатно.

Ньютон, чтобы развлечь Еву, из бумаги и алюминиевой проволоки сделал китайский фонарик. Закрепил в нём огарок свечи и, дождавшись вечера, поджёг его на берегу острова. Все столпились вокруг. Ева наблюдала, затаив дыхание. Через пару минут фонарик медленно воспарил над землёй и стал подниматься всё выше и выше. На темнеющем небе он светился, как яркая звезда. Ветра почти не было. Фонарик медленно скользил над озером. Минут через десять его свет стал слабеть и потух.

— Утонул фонарик, — констатировал Паскаль. — Надо было на той стороне запускать.

— Ну да, — сказал Адам. — Нам ещё не хватало лес поджечь.

— А что, если сделать воздушный шар? — задумался Паскаль. — Я, кажется, видел на складе рулон ткани.

— Прекращайте самодеятельность, — потребовал Адам. — На нас и так все смотрят, как на нечистую силу. Не давайте для этого лишнего повода.

— Представляешь, как мы могли бы здесь устроиться? — увлечённо сказал Паскаль Артуру. — Показали бы воздушный шар королю, получили заказы, организовали воздушный мост между Францией и Англией. Зажили бы припеваючи.

— Закатай губу, — посоветовал Паскалю Адам. — Скорее всего, ты закончил бы жизнь на костре — к гадалке не ходи.

— Предлагаю поговорить о философии, — сказал Артур, когда все разлеглись у костра на берегу. — Пусть каждый поделится, какая философия ему близка.

— Лучше поговорить о науке, — предложил Ньютон. — Философия — это болтология. Доверять можно только научным фактам и физическим законам.

— Но в античности, — попробовал переубедить Ньютона Артур, — философы были учёными. Аристотель, например.

— Что мне этот ваш Аристотель! — возмутился Ньютон. — Нашли учёного! Он не может даже сосчитать — сколько ног у мухи?.. Тысячи лет спорят, что первично — бытие или сознание? Хотя ответ на поверхности лежит. Обладать сознанием может то, что уже обладает бытием... Философия — это интеллектуальная болтовня. Наука тянется к знаниям, а философия к убеждениям.

— Я принимаю только прикладную науку, — заявил Писатель. — А всякие профессора, обсуждающие «большой взрыв» и чёрные дыры — такие же демагоги, как философы.

— Значит, философию вы тоже не одобряете? — уточнил Артур.

— Разве что, как игру ума. А ценного и достоверного там ничего не вижу. Вся философия пошла от софистов. Словесная казуистика, и ничего более. «Я мыслю, следовательно, я существую». Что вы тут видите ценного? Я вам таких «истин» могу наштамповать сколько угодно. «Я чихнул, следовательно, я существую», — ещё одна истина. Чем она хуже?

— Сколько мусора в наших головах, а главного нету! — разошёлся Писатель. — Вот учили меня в школе биному Ньютона, а он мне как-то в жизни не понадобился. Вам пригодился бином Ньютона?

— Ну, я как-то сразу не соображу, — растерялся Артур. — Наверно это нужно для общего развития.

— Это базовые знания, необходимые для работы мозгов! — рассердился Ньютон. — Вы ещё скажите — а зачем меня считать учили, если есть калькулятор?

— Мои мозги без ваших биномов работают хорошо, — парировал Писатель. — Человеку творческому вся ваша физика и математика не нужна.

— Человек, не знающий три начала термодинамики, не может называть себя «homo sapiens», — уверенно сказал Ньютон.

— Вернёмся к философии, — прервал учёный спор Артур.

— Философия — слишком обширное понятие, — сказал Поэт. — Сколько людей, столько и мнений. Так мы ни на чём не сойдёмся. Я предлагаю сузить тему. Давайте, поговорим о Сократе! Тем более у нас тут знаток есть, который направит беседу в нужное русло.

Идея понравилась, и Адам взял первое слово.

— Имя Сократа давно стало брэндом, — сказал он. — Это уже мифическая личность, а не реальный человек. И Платон, и Ксенофонт в своих воспоминаниях склонны были приукрашать своего учителя. Последующие поколения занимались тем же. Я не отрицаю его влияния на человечество, но представление о нём сильно мифологизировано. Его называют философом, а я не согласен. Я считаю его мудрецом. Он вообще не рассуждал о законах мироздания, он рассуждал о человеческой душе и нравственности.

Адам посмотрел на Сократа Младшего, как бы ожидая его мнения.

— Во многом согласен с вами, — кивнул Сократ Младший. — Я тоже не считаю его философом в нашем понимании, что ничуть не умаляет его в моих глазах. Философ — это человек, достаточно умный, чтобы желать высшего познания, но недостаточно мудрый, чтобы понять его невозможность. Философ — это Платон, ученик Сократа. Вот ему надо было придумать мир идей. А Сократа такие фантазии не интересовали. Абстрактные идеи ничего не дают человеку. Сократ это понимал, а вот Платон, похоже, нет.

— Платон вообще выдавал свои мысли за рассуждения Сократа, — сказал Артур. — Подкреплял свою философию авторитетом учителя.

— Ну, это по-человечески понятно, — махнул рукой Сократ Младший. — Я к Платону отношусь с уважением, хотя бы за то, что он пронёс любовь к учителю через всю свою жизнь.

— Что вы носитесь с этим Сократом? Какой из него мудрец? В наше время он не сдал бы даже выпускные экзамены в средней школе, — пробурчал Писатель, но его проигнорировали.

— Известная фраза Сократа «я знаю, что ничего не знаю», — заметил Ньютон, — превращена в банальность временем, но сказать это в первый раз требовало от человека смелости, на которую немногие способны.

— «Познай самого себя», — сказал Сократ Младший, — эта надпись над входом в дельфийский храм стала путеводной для Сократа. У человека есть два Космоса — Космос внешний и Космос внутренний. И Сократ считал, что второй для человека важнее.

— Я не понимаю его поведения на суде, — сказал Паскаль. — Он как будто провоцировал судей на этот роковой приговор... Сократ, несомненно, был умным человеком. Но был ли он мудрым?

— Умный умеет решать задачи, мудрый умеет жить, — определил Сократ Младший. —

Он уже был стар. Что у него забрали? Несколько лет старческой немощи. То ли это, что стоит беречь? Ксенофонт считал, что участь, выпавшая ему на долю, была милостью богов. Он покинул наиболее тяжёлую часть жизни, а смерть ему досталась самая лёгкая.

— Ну, не самая лёгкая, — не согласился Артур. — Он больше месяца ждал исполнения приговора. Это ведь пытка — жить, зная, что ты приговорён; жить, считая оставшиеся дни.

— Это не было для него пыткой. Он не боялся смерти, как это делаем мы, он говорил:

— «Ведь никто же не знает ни того, что такое смерть, ни того, не есть ли она для человека величайшее из благ, а все боятся её, как будто знают наверняка, что она есть величайшее из зол. Но не самое ли это позорное невежество — думать, что знаешь то, чего не знаешь?»

— Вот Адам не даст мне соврать, — продолжил Сократ Младший, — я просил его отправить меня в древнюю Грецию. Я хотел освободить Сократа из тюрьмы, где он ждал своей казни. Адам объяснил мне — почему этого не надо делать.

Адам кивнул на его слова и сказал:

— Правильная смерть не менее важна, чем правильная жизнь. Я бы даже не разделял их. Правильная жизнь заканчивается правильной смертью.

Артур спросил у Шута, с улыбкой наблюдавшего за беседой со стороны.

— А вы что думаете о Сократе?

— Я человек неучёный, постоянно путаю энтелехию с энделехией, — с улыбкой ответил Шут, но потом добавил уже серьёзно. — Мне нравится, с каким мужественным спокойствием он принял смерть. Хотелось бы и мне в свой смертный час быть похожим на него.

На следующий день, после завтрака, Паскаль снова отправился в монастырь. Артур проводил друга и решил искупаться. Он скинул верхнюю одежду и, разбежавшись, нырнул в воду. Прохладная вода взбодрила его, и он заплыл далеко от берега. Внезапно боковым зрением он заметил, как большая серая тень проплыла под водой недалеко от него. Испугавшись, он тут же повернул назад, и с удвоенной силой поплыл к берегу. Когда он вышел из воды, к нему подошёл Хозяин.

— Здесь холодная вода, — заметил Хозяин, — не то, что в Индийском океане. Вон вы как продрогли до мурашек.

— Мне показалось, что я видел акулу, — сказал Артур.

— Вполне может быть, — не удивился Хозяин. — Но я за все годы только дважды видел акул, и то были серые индийские. Они не нападают на людей... Тигровых и белых акул я у нас не видел... Самые опасные — большие белые акулы. Помните фильм «Челюсти»? Но их в океанах в наше время осталось уже мало — несколько тысяч. Я бы сказал: не так опасна акула для человека, как опасен человек для акулы.

Он уселся на берегу и Артур сел рядом.

— Некоторые акулы, например, гренландская полярная, живут больше пятисот лет. Но безусловный рекорд долголетия принадлежит маленькой медузе Турритопис. Она считается биологически бессмертной.

— Что это значит? — не понял Артур.

— Она умеет перерождаться. Это, как если бы вы, умерев, тут же родились вновь ребёнком.

— Регенерация? Как у ящериц и червей?

— Не-ет! Дождевые черви живут максимум десять лет и умирают — никакая

регенерация им не поможет. Турритописис же вообще не умирает в нормальных для неё условиях. А если условия среды обитания изменились, она опускается на дно, превращается в полип и возрождается вновь, когда условия обитания станут лучше. Даже если её повредить, произойдёт то же самое. Это единственное бессмертное животное на Земле.

— Животное? — удивился Артур. — Разве медуза животное?

— А как же? — в свою очередь удивился Хозяин. — Мозгов у неё, конечно, нет, но всё остальное присутствует, даже половая функция. Медузы, как и люди, двуполые.

Артур посмотрел на воду.

— И в нашем озере есть эти... как их?

— Турритописис? Они живут в океане, и поскольку наше озеро океанского происхождения, то конечно есть. Их просто трудно увидеть, их размер всего несколько миллиметров.

— И чем они питаются?

— Планктоном. Так же, как и огромные киты. Есть выражение «манна небесная». Так вот планктон — это «манна подводная»

Они ещё долго беседовали на берегу озера, а потом пришла Ева и позвала отца на обед.

Виконт пригласил Шута и Артура с Адамом на свою свадьбу в графский замок. Он добился-таки благосклонности дамы своего сердца, а король Роберт намекнул графу анжуйскому, что не против этого брака.

Выехали засветло, но до Блуа добрались только к вечеру. Шут всю дорогу рассказывал обычаи и правила графского двора.

— Молодой граф преклоняется перед королём Робертом. Он частенько бывал в Париже, и перенял оттуда все великосветские манеры. Я терпеть не могу все эти церемонии и условности. Есть одно правило, которое я выработал для себя — чем дальше от знати, тем проще жизнь.

— Но с Виконтом, однако, вы путешествовали бок о бок, — сказал Артур.

— Ну, Виконт — это отдельный для меня человек. Я связан с ним не только службой, но и многими годами своей жизни.

В замке они узнали, что Виконт внезапно, получив письмо от короля Роберта, уехал в Париж вместе с невестой. Туда же отправились графы Блуа и Анжу вместе со всеми слугами. Об этом им рассказал старый мажордом, который передал им извинения от Виконта.

— Что до меня, то это к лучшему, — сказал Адам. — Я без особого желания ехал сюда. А вы, шевалье Буффон, отправитесь в Париж?

— У меня как раз нет выбора, и есть желание. Так что прошу и меня простить! Немного перекусив, я немедленно отправлюсь в Париж, чтобы успеть на свадьбу.

Попрощавшись с Шутом, Артур с Адамом задумались — что им делать дальше? Ехать обратно или ночевать в замке? Решили всё-таки отдохнуть и отправиться в обратный путь утром.

— Лошади устали, да и мы тоже, — сказал Адам.

Мажордом отвёл их в небольшую комнату, где стояли две кровати и тяжёлый дубовый стол, на котором стояли подсвечники. Он зажёл свечи, отчего комната озарилась мерцающим полусветом, и сказал:

— Я распорядюсь, чтобы вам принесли ужин.

Через полчаса стол был накрыт столь изобильно, что у Артура глаза на лоб полезли. Тут были и варёный карп под соусом, и половина зажаренного поросёнка, и салат из овощей, и

фрукты, и вино.

— Мы готовились к свадьбе, — пояснил мажордом, — а теперь я ломаю голову — что делать со всеми приготовленными блюдами?

— Может быть, вы составите нам компанию?

— Помилуйте! Я сегодня уже два раза обедал и три раза ужинал. Не знаю, как доживу до утра.

Уже уходя, он повернулся и спросил:

— Не желаете музыкантов?

— А почему нет? — воскликнул Адам. — Под музыку мы, пожалуй, с большим аппетитом отужинаем.

Мажордом поклонился и вышел. Адам с Артуром оглядывали изобильный стол, не зная — с чего начать?

— Один мой знакомый эпикуреец, — улыбнулся Адам, — говорил мне так: «Настоящий гурман свою еду вкушает дважды. Сначала глазами и только потом ртом».

Через пять минут в комнату с поклонами протиснулись и вошли музыканты с инструментами. Три человека — молодой парень с флейтой, лысоватый мужчина с небольшим духовым инструментом, похожем на волынку, и женщина с лютней. Они расселись на стульях у стены. Заиграла лютня, мотив подхватила волынка, а следом вступила флейта.

Артур заслушался игрой музыкантов. Они играли какую-то весёлую и в то же время тягучую музыку, это были, как понял Артур, *chansons de geste* — песни о деяниях Карла Великого и не менее великого Карла Мартелла. Очевидно, под эту музыку гости должны были напевать хором всем известные песни. Особенно впечатлила Артура худенькая женщина неопределённого возраста, игравшая на лютне. Пальцы её так ловко бегали по струнам, что наблюдать за ней было ещё одним удовольствием. Адам, посмотрев на Артура, тоже прислушался к музыкантам.

— Да, это конечно не «Eine kleine Nachtmusik», но любопытно, — сказал он.

— Интересно, но уж больно медленный темп. Мы привыкли к музыке поживее. Как вы думаете, — спросил Артур, — если сыграть им на этой лютне что-нибудь из Битлов, они поймут?

— Хотел бы я посмотреть, как ты сыграешь на этой лютне что-нибудь из Битлов, — рассмеялся Адам. — Это надо очень постараться.

Он налил Артуру вина.

— Пей! Сегодня можно, — он поднял свой бокал. — За отсутствующих здесь новобрачных!

Поев совсем немного, так что еда казалась нетронутой, Адам поблагодарил музыкантов и пригласил их за стол.

— А мы пойдём, прогуляемся, — сказал он Артуру. — После плотного ужина прогулка нам будет на пользу.

Они вышли на небольшую лужайку перед входом в графский дом. Светила луна, в траве стрекотали сверчки, горели смоляные факелы. Прогуливаясь по дорожкам, Артур рассуждал:

— Я вообще-то слегка разочарован. Я совсем иным представлял себе замок графа де Блуа. И вообще — какой это замок? — он же деревянный. Каменный только графский дом.

— Вот теперь ты понимаешь, — смеялся Адам, — как Виконт облизывался, глядя на наш Замок. Каменные замки могут позволить себе немногие. Даже в Париже всег

несколько каменных построек, всё остальное деревянное.

— А большое оно — графство Блуа? — поинтересовался Артур.

— Графство Блуа небольшое и небогатое по сравнению с соседями, — продолжил он, — но сейчас оно в самом расцвете. Благодаря женитьбе графини и короля Роберта. Впрочем, это продлится недолго. Король Роберт вынужден будет развестись с графиней Бертой, несмотря на то, что он её любит. Дело в том, что они находятся, хоть и в дальнем, но в родстве, а церковь это не приветствует. Папа Сильвестр потребует от короля развода, угрожая отлучением от церкви. Король, хоть и неохотно, вынужден будет пойти на развод, а после смерти графини, дела графства Блуа медленно пойдут под уклон.

Они остановились перед входом в графский дом, разглядывая прибитый над дверью щит с гербом.

— Странный герб, — удивился Артур. — Синий фон и три полосы — две золотых, одна серебряная. Где гривастые львы и «клювастые» орлы? Где кресты и мечи? Что-то бедненький герб у графа Блуа.

— А мне нравится именно его простота, — возразил Адам. — В этом есть определённое достоинство. Украшения нужны тем, кто не уверен в себе... Хотя на самом деле всё объясняется проще. Это молодая династия. Первым графом Блуа стал Тибо Плут, дед нынешнего графа, всего сорок лет назад.

— Так они выскочки! — засмеялся Артур. — Дворянские нувориши.

— Хорошо, что тебя никто не слышит, — огляделся Адам. — Не вздумай сказать это Виконту и даже Шуту. Между прочим, полное название графского титула: граф Блуа, Шартра, Тура, Шатодена, Провена и Реймса.

— И прочая, и прочая... — продолжил Артур.

— Не сомневаюсь, что где-нибудь на полках графской библиотеки, — добавил Адам, — хранятся родословные, доказывающие происхождение их рода от ближайших соратников короля Хлодвига или Карла Великого.

Утром они завтракали, и мажордом рассказывал:

— Столько было суматохи и подготовки, и всё впустую. Король Роберт пригласил их в Париж в последнюю минуту — и как можно было отказаться? Такая честь для Виконта. Так все разом собрались и поскакали в Париж, бросив меня тут разгребать все свадебные приготовления. Одних музыкантов было приглашено двадцать человек, и всем уплачено наперёд! А прислуги сколько! А продуктов! Сплошное разорение!

— Зато положение Виконта будет упрочено, и никто уже не сможет упрекнуть его низким происхождением, — сказал Артур.

— Я вчера забыл вам передать записку от Виконта, — сказал мажордом, и протянул Адаму листок.

Адам прочитал записку и удивлённо сдвинул брови.

— Виконт пишет, что мы можем спать спокойно, преступник Демон, называющий себя граф Редмонд, пойман и сидит в тюрьме, ожидая суда, который будет сразу после свадьбы Виконта.

— Да, — подтвердил мажордом, — он сидит в подвале тюрьмы, она слева от входа в графский дом.

— Демон пойман и ждёт суда, — посмотрел на Артура Адам. — Хорошая новость! И как его поймали? — обратился он к мажордому.

— Демона выдал Мортар, — пояснил тот. — Когда его тащили на виселицу, он

закричал, что знает, где прячется Демон, и расскажет нам, если его не повесят. Виконт дал ему честное слово, и он выдал Демона.

— И что Мортар, — поинтересовался Артур, — его отпустили?

— Как можно отпускать разбойника? — возмутился мажордом. — Но Виконт, как честный человек, выполнил своё обещание. Мортара не повесили, ему отрубили голову.

Адам отказался встречаться с Демоном и пытался отговорить Артура.

— Зачем тебе это? Неужели из любопытства? Забудь его, как страшный сон, и поехали в Замок.

— Нет, я должен его увидеть! — настаивал Артур. — Я так и не понял его, он для меня по-прежнему загадка, и я хочу в этом разобраться.

— Да какая загадка?! Обыкновенный «наполеончик», самовлюблённый и безжалостный.

Но Артур был непреклонен, и Адам отступил.

— Проведите его к этому несостоявшемуся графу. Пусть недолго поговорят, а потом мы поедem. Надо торопиться, чтобы успеть к себе засветло.

Мажордом проводил Артура до тюрьмы и попросил начальника стражи о свидании с преступником.

— У вас полчаса, — хмуро сказал тот и приказал солдату провести Артура в подвал.

Спустившись по винтовой лестнице в подвал, солдат загремел ключами. Наконец нужный ключ был найден, замок щёлкнул и тяжёлая, обитая железом, дверь отворилась. Артур прошёл в неё и сразу увидел Демона. Он сидел на полу большого подвального помещения, прикованный к стене. На ногах и руках его были кандалы. В подвале было сыро, прохладно и пахло плесенью.

Солдат воткнул горящий факел в крепление на стене и предупредил Артура:

— Не подходите к нему близко. Он уже одного стражника покалечил.

Солдат вышел, закрыв дверь. Демон, прищурившись, смотрел на Артура.

— Что привело тебя сюда? — презрительная улыбка тронула его губы. — Захотел полюбоваться на торжество справедливости?

— Вовсе нет, — Артур подошёл ближе. — Как бы я не относился к вам, я вижу в вас человека. А в каждом человеке я ищу что-то хорошее.

— Благое намерение, — усмехнулся Демон. — Но давай я грубо перефразирую: в каждой навозной куче ты ищешь что-то вкусное. Так понятнее смысл сказанного тобой?.. И не называй меня мизантропом. Это не так.

Артур подошёл ещё ближе.

— Вы лишали людей свободы. Заставляли их жить под землёй. И теперь вы сами под землёй и лишены свободы. Это справедливо.

— Я всегда был свободен, — сказал Демон. — Я и сейчас свободен, в этом грязном подвале, с кандалами на ногах и руках... Подлинная свобода есть обретение свободы в себе. Нашедший свободу в себе презирает любую мораль. Мораль есть общественный закон, внешний императив, принуждающий несвободного человека следовать навязанным ему путём. Того, кто нашёл свободу в себе, не надо подталкивать копьём и кнутом в нужном направлении. Мораль — это собака-поводырь для слепца. Нужна ли она зрячему?

Он смотрел с насмешкой на Артура.

— Робкая душа проживает в мире, как в большом музее, где на всём висят таблички: не прикасаться! Я не робкого десятка. Я попробовал всё в этой жизни... Я не зря называю себя

волком. Волки мудрее людей. Они не ищут доброго Бога, они ищут сильного. Того, кто даст им острые клыки, железную хватку и чуткий нюх. Всё это нужно им, чтобы преследовать слабых. Когда горячая кровь течёт на холодный снег, исполняется первый закон Вселенной — власть силы... Волки слышали о человеческом Боге. Он обрекает людей на страдания, он призывает их к смирению. Это хороший Бог для слабых. Он поможет им легко умереть.

Демон усмехнулся, вспомнив что-то.

— Когда Мессия обозвал меня безбожником, я сказал ему: «Ты заблуждаешься, у меня тоже есть Бог. Но Он так не похож на твоего. Твой бог пахнет бумагой. Мой Бог пахнет дымом и кровью».

— И что ответил Мессия?

— А что он мог ответить? Он сказал, что мой Бог — Дьявол. Я только посмеялся над ним. Этот дурачок совсем запутался в своих фантазиях. А ещё собирается спасти мир!

Демон выпрямился, глаза его зло улыбались.

— Никто никому ничего не должен; не надо спасать мир. Ох уж эти мессии! Ох уж эти спасители! Полагая освободить человека, они надевают на него новое ярмо... И с чего они решили, что Бог — волшебник-недоучка? Что он создал несовершенный мир, и ваша задача, детей Его, исправить огрехи своего Отца? Какое нахальное самомнение!.. Мессия видит несовершенный мир и говорит себе: вот наше дело, вот наше поприще. Мы должны достичь совершенного мира, мы должны построить его. Вот работа, которую поручил нам Отец. Безумец! Разве называя себя детьми божьими, вы возвышаете себя к Богу? Нет, вы низводите Его к себе... Вот чего не понимают все пророки и мессии: в мире всё нормально. Вот что должны были бы понимать верующие во всемогущего Бога: Величайшему не нужны помощники. Всё идёт так, как задумал Создатель. И Пилат, и Христос задуманы Им. А возвышающие одного и унижающие другого, просто не понимают волю Всевышнего. Встречая зло или несправедливость, они говорят: неисповедимы пути Господни! О, если бы они это действительно понимали!

— Вы обрели веру, утратив свободу? — с удивлением спросил Артур.

— У меня нет другой веры, кроме веры в себя. Когда меня потащат на плаху, я обязательно плюну в лицо попу, который захочет меня исповедовать.

Артур на мгновение задумался и спросил, глядя ему в лицо:

— Вы не боитесь смерти?

Демон посмотрел на него, прищурившись.

— Что ты знаешь о смерти, если ты не вонзал нож в горло своей жертвы? Если ты не видел, как хлещет из сонной артерии кровь?.. Что ты знаешь о жизни, если ты никогда не припадал губами к открытой ране, и не пил горячую, солёную кровь?

Артур почувствовал мороз по коже, такая ненависть к нему — нет! — ко всему человечеству скользила в этих словах.

— О-о, ты просто ничтожный обыватель, пришибленный моралью, как палкой, которой погоняют рабочий скот! — поднял голос Демон, забивая слова, как гвозди в гроб. — Каждый занят своим делом. Монах постится, убийца убивает. И нет среди них правых и неправых. Зачем монах, если нет убийцы; зачем свет, если нет тьмы? Это, как звенья одной цепи, — ни одно нельзя вырвать. Это, как камни в глухой стене, — ни один не лишний. Каждый камень хорош на своём месте.

— Но зачем же быть тьмой, если можно быть светом? — невольно вырвалось у Артура.

Демон несколько секунд смотрел на него, как будто пытаясь понять, — о чём его

спрашивают? Потом усмехнулся и ответил спокойно, но твёрдо:

— Тьма древнее света. Она существовала до того, как Бог сказал: да будет Свет.

Он прислонился к стене и поджал под себя ноги. Глухо звякнули тяжёлые кандалы.

— Почему вы так не любите человека? — негромко спросил Артур.

— Какого человека?

— Ну... Человека вообще.

— Человек вообще — это абстракция, — Демон повернул голову и, слегка прищурившись, пристально посмотрел на Артура. — Глядя на любого человека, я вижу кто он таков на самом деле. Человекообразные обезьяны ещё не самый худший вариант. Есть человекообразные собаки, человекообразные ослы, человекообразные пауки и тараканы. Есть и человекообразные волки.

— Это вы! — догадался Артур.

— Сообразительный малый, — усмешливо согласился с ним Демон. — Меня вскормила та же волчица, что и Ромула. Он основал великое государство, мне тоже предстоит сделать это. Люди, вскормленные волками, способны на великие дела.

— Расскажите об этом Рему, — не удержавшись, уязвил Демона Артур. — Ведь его вскормила та же волчица.

— Ему не повезло, — не смутился Демон. — Двум волкам тесно в одной норе.

Артур, вздохнув, направился к выходу, но повернулся у самой двери.

— Есть что-нибудь, что я могу для вас сделать?

— Ты можешь оставить дверь открытой, — ухмыльнулся Демон.

— Вам это не поможет, — развёл руками Артур. — За дверью стражники, а на ногах у вас кандалы.

— Тогда просто проваливай!.. И не торопись меня хоронить... Я ещё не закончил свои дела.

Артур потрогал обитую железом дверь.

— Отсюда вам трудно будет выбраться.

— Трудности меня не пугают, — не глядя на Артура, сказал Демон. — Я всегда любил выходить через двери, на которых написано: выхода нет.

С трудом открыв тяжёлую дверь, Артур вышел из подвала. Стражник задвинул засов и загремел ключами. Артур поспешил скорее наверх, на свежий воздух.

Они вернулись в Замок к вечеру. Всю дорогу Артур был задумчив. Адам искоса поглядывал на него, но ничего не говорил. Переправившись в Замок, Адам отдал Андрону двух зажаренных кур, которые ему уже на выезде, не слушая возражений, всучил мажордом, избавлявшийся от приготовленной на свадьбу снеди.

— Хорошо погуляли? — улыбаясь, спросил Андрон.

— Только зря промотались туда-обратно. Свадьба уехала в Париж.

— Ну, не зря! — взвесил в руках две большие курицы хозяйственный Андрон. — Вон каких красавиц привезли. Наши куры поменьше будут.

Адам подошёл к Артуру, сидящему на берегу, и сел рядом. Помолчав с минуту, он сказал:

— Скажи всем, что я снова уехал на несколько дней к Виконту.

— А что случилось?

— Ничего... Я хочу отправиться в своё время, уладить кое-какие дела... Если всё будет нормально, я вскоре вернусь.

— А если не вернётесь? Что будет с нами?

— Что будет, что будет?.. Граф де Блуа выгонит вас, и присвоит Замок себе.

— Мне это совсем не нравится.

— Мне тоже многое в мире не нравится. Но не переживай раньше времени. Я скоро вернусь.

— Я хочу отправиться с вами!

— Нет! Это может мне только помешать.

Адам встал и пошёл в мастерскую. Артур тоже поднялся и пошёл за ним. В мастерской он увидел телепорт, свисающий, как и прежде, с потолка. Адам запустил второй дизель и проверил напряжение на нагрузке. Потом подошёл к стене, снял с крюка рюкзак, набросил на плечи и повернулся к Артуру.

— Прощаться не будем. Я постараюсь вернуться вскоре. Если не вернусь в ближайший месяц... Решай сам — оставаться здесь или отправляться в своё время. Я вот здесь написал все настройки и последовательность действий необходимых для этого.

Он вытащил из нагрудного кармана и протянул Артуру сложенный вчетверо листок. Затем он уселся на коврик под телепортом и сказал Артуру:

— Отойди подальше! Возьми пульт на тумбочке и нажми красную кнопку. Когда я исчезну, нажимай чёрную. Выполняй!

Артур выполнил приказание. Дизель стал набирать обороты и взревел, словно собираясь на взлёт. Деревянный пол мастерской завибрировал. Зазвенела ложечка в стакане на столе. Силуэт Адама окутала неясная дымка и вдруг исчезла вместе с ним. Раздался негромкий хлопок, и Артур рефлекторно нажал чёрную кнопку. Дизель выключился и через полминуты в комнате уже стояла звенящая тишина. Артур продолжал смотреть на то место, где только что сидел Адам. Потом он очнулся от оцепенения, отложил пульт и сел на лежак. Развернул листок, переданный ему Адамом. Долго перечитывал его. Потом свернул, положил в карман и снова посмотрел на круглый коврик на полу мастерской.

— Всё будет хорошо! — произнёс он вслух, понимая, что это самовнушение. — Всё будет хорошо... Насколько это возможно.

Он встал и направился к выходу. Что-то зажужжало у него за спиной и толкнуло его в спину. Артур испуганно повернулся и увидел Адама. Адам поднялся с пола и помотал головой.

— Ну что? Я не опоздал?

— Как, вы уже вернулись? — удивился Артур. — Я не успел даже дойти до двери.

— Да? А для меня прошло две недели. Ничего удивительного. Тот телепорт, в моём времени, гораздо надёжней и точней этой самоделки.

— Удачно съездили? — спросил Артур.

— Вполне. Решил пару вопросов. Теперь мы можем, дождавшись грозы, спокойно отправляться в моё время. Там нас уже ждут.

— Грозы наверно уже не будет в этом году. В воздухе пахнет снегом.

— Ничего, перезимуем. «A patient waiter is no loser». «Переосеним» и перезимуем.

— Адам! — вдруг вспомнил Артур. — А вы же собирались в «точку отсчёта»?

Адам нахмурился и неохотно ответил:

— Я передумал.

В конце октября выпал первый снег. Он падал медленно и задумчиво на ещё тёплую землю и таял.

Поэт стоял на дворе с непокрытой головой, протянув руку ладонью вверх. Артур подошёл к нему и тоже стал ловить на ладонь хрупкие снежинки. Они таяли на руке, едва он успевал их рассмотреть.

— Говорят, ни одна снежинка не похожа на другую, — сказал Поэт. — Совсем как люди.

Он поднёс руку к лицу, разглядывая снежинку, тающую у него на глазах, и негромко прочёл эпитафию её короткой жизни:

«Снег идёт. Идёт и тает. Первый снег.

Где-то в небесах рождаются снежинки. Пушистые, красивые.

Медленно порхают они с высоты, удивлённо разглядывая поседевшую землю.

Вот одна — упала на ладонь, удивила и растаяла.

Много было и будет снежинок, а такой уже не будет.

Короткая, странная жизнь.

Нашла ли она её смысл?

Молилась ли снежному Богу?

Просила о вечной зиме?

Боялась тёплой ладони?

Вся её жизнь — короткий, волшебный полёт.

И смерть — как последнее удивление.

Прощай».

Он опустил ладонь, и они долго ещё стояли, очарованные медленным танцем падающих снежинок.

Подметая двор от снега, Андрон объяснял Артуру свои убеждения.

— Свобода воли — это человеческая иллюзия, — поучал он. — «Человек может делать то, что хочет, но не может хотеть по своему желанию», — говорил Шопенгауэр. Да, да! Не смотри на меня так, я и умные книжки иногда читаю... Значит, первый шаг к обретению свободы воли — ты должен сделать то, чего не желаешь. Например, посреди зимы искупаться в озере. Готов к этому шагу?

— Пожалуй, нет, — поёжился от одного представления Артур.

— Тогда твоя воля не свободна. А точнее — её просто нет.

— Если я не хочу делать неразумный поступок, это не значит, что у меня нет воли к нему. Я просто понимаю, что это будет неразумно, и поэтому не делаю этого.

— Если ты делаешь только то, что считаешь разумным или приятным, ты уже не свободен. Ты уже механизм, выполняющий программу — «разумное и приятное», — поучительным тоном пояснял Андрон. — Свобода воли подразумевает, что у тебя есть неограниченный выбор. Ты же подтверждаешь, что у тебя выбора нет, или твой выбор жёстко ограничен приятным и разумным.

— Может быть, он ограничен, но он есть.

— Да?.. Как у ребёнка, который выбирает между двумя конфетами? — хитро улыбнулся Андрон.

— Нет, я с тобой не согласен, — упорствовал Артур.

— Хорошо, поясню на ещё одном примере. Ты стоишь перед дорожным переходом и ждёшь зелёный свет. Смотришь, — а машин-то на дороге нет! Что ты сделаешь — пойдёшь через дорогу или дождёшься зелёного света?

— Не знаю, — пожал плечами Артур.

— А я знаю. Ты сделаешь то, что велит тебе твоя программа. Если тебя приучили к тому, что порядок надо уважать, ты дождёшься зелёного. Если тебя к этому не приучили, ты пойдёшь на красный. Что записано в твоей программе, то ты и исполнишь. Где тут свобода воли?!

Андрон вопросительно посмотрел на Артура.

— Свобода воли отвергает принцип причинности, — неожиданно поддержал Андрона подошедший Ньютон. — Свобода воли — это в некотором роде «*deus ex machina*». Если всё в мире подчинено причинно-следственным связям, то свобода воли — это человеческая выдумка.

Андрон гордо задрал голову, обрадованный столь весомой поддержкой.

— Ты как будто рад тому, что ты — «биологический механизм», — досадливо тряхнул головой Артур.

Андрон не обиделся, и спокойно посмотрел на Артура.

— А, пожалуй, рад... Определённости рад. Так ведь всё понятней становится, и нет больше места сомнениям, исканиям, заблуждениям... Ну что такое человек, если он не от Бога? — спросил он Артура, а потом посмотрел на Ньютона. — А ведь он не от Бога, эта наука уже доподлинно установила, — он снова обернулся к Артуру. — Если он не от Бога, то он недоразумение какое-то, ходячий вопрос, вроде нашего Сократа. Ему обязательно надо насчёт себя что-то выдумать, а потом ещё уверить себя в придуманном, иначе-то он, глядишь, и умом тронется.

Оставив Андрона, Артур подошёл к Ньютону.

— Неужели и вы считаете себя «биологическим механизмом»?

— Нет, не считаю, — ответил Ньютон и вздохнул. — Но вы должны понимать — всё зависит от системы координат. В человеческой системе координат, человек, безусловно, для себя обладает свободой воли. Но стоит выбрать другую систему координат, посмотреть на человека со стороны — можно выявить последовательную цепочку причин и следствий, где некуда вставить пресловутую «свободу воли».

Расстроенная Ева бродила по двору, озираясь вокруг.

— Что случилось? — спросил Артур.

— Филип пропал, — плачущим голосом сказала Ева. — Снег выпал. По ночам уже холодно. Он же замёрзнет и заболит.

Артур позвал Паскаля, и друзья подключились к поискам пропавшего кота. Обошли весь сад, обошли весь Замок и, устав, уселись за столом во дворе.

— Пропал мой кот! — захныкала Ева. — Он никогда не видел снега. Он замёрзнет.

— А ты разве видела раньше снег? — попытался отвлечь девочку Артур.

— В холодильнике, — ответила Ева, — в морозилке. Мне отец мороженое делал.

Отдохнув, друзья отправились на поиски за пределы Замка. Обошли весь берег и только потом додумались заглянуть в мастерскую. Кот лежал на тахте, наблюдая, как Адам чистит ржавую «буржуйку», найденную в сарае. Обрадованная Ева схватила кота в охапку и, не смотря на его возмущение, побежала с ним в Замок.

Шут уехал в Кардерлин, к своей любезной, пожаловавшись Артуру:

— Холодно тут у вас! Замок на холме продувается насквозь.

— Да, — согласился Артур. — С отоплением у нас плохо. Замок строился не для этих широт.

Он попрощался с Шутом, взяв с него обещание не забывать о них.

После того, как выпал первый снег, Артур перестал плавать по утрам, но по привычке каждое утро выходил к озеру. Он сидел на белом камне и смотрел на противоположный берег.

— Как там живёт Никто? — думал он. — Деревья в лесу уже под снегом. Шалаш — не подходящее место для зимних ночёвок.

Он поделился этими мыслями с Адамом. Тот настроен был весьма скептически.

— Вот кого я совсем не хотел бы здесь видеть. Вместе с Демоном... Эти два персонажа нам не нужны.

— Но хотя бы до весны он мог бы пожить в Замке.

— Да кто ж ему мешает? Он же сам ушёл, никто его не гнал. Если сам вернётся, ну, потерпим его... до весны. Чай, не звери какие.

Артур всё-таки сплавал на тот берег и вышел на поляну, где стоял шалаш. Никаких признаков жизни там он не обнаружил. Припорошённая снегом поляна была пуста. На кострище стоял котелок, присыпанный снегом. В шалаше валялась одежда и шерстяное одеяло.

Вздохнув, Артур хотел уже идти обратно, когда взгляд его зацепил что-то странное в соседних кустах. Подойдя, он увидел сапог. Отодвинув кусты, он увидел Никто, лежащего ничком на земле. На шее его были рваные раны. Левая рука, вместе с рукавом, была оторвана напроочь. Обглоданные кости валялись рядом.

— «Это не Я» — вспомнил Артур и, отпустив кусты, вернулся на поляну и сел на камень у кострища.

Он просидел так пять минут, пытаясь унять дрожь и думая — что теперь делать? Наконец, встал и пошёл к лодке.

Вернувшись в Замок, он рассказал всё Адаму. Тот нахмурился и сказал:

— Что случилось, то случилось. Возьми лопату, попроси Андрона тебе помочь и похороните его на той же поляне. Можете Писателя взять. Он у нас опытный «копальщик» — пусть поработает.

Писатель отказался наотрез.

— Я боюсь мертвецов, — сказал он, глядя на Артура действительно испуганными глазами. — Не заставляйте меня это делать. Мне потом ночью кошмары будут сниться.

— Ну и чёрт с тобой, — сплюнул Андрон. — Пойдём, Артур, сами управимся.

Посреди поляны, на месте кострища, вырос могильный холмик. Артур воткнул лопату в землю и присел рядом на камень. Андрон осмотрел шалаш, перебрал вещи и вышел, отряхивая ладони.

— Рваньё старое, ничего хорошего нет.

Он сел рядом с Артуром, и они помолчали.

— Я помню, когда он пришёл, — сказал Андрон. — Был такой высокий, щупленький, в казённом халатике... Это он потом уже себе этот чёрный плащ сшил.

— А откуда он родом?

— Без понятия. Хотя... Говорил по-русски с каким-то лёгким прибалтийским акцентом.

— Да? — удивился Артур. — Я не заметил.

— Потом это сгладилось... Мы с ним мало общались. Он всегда сторонился всех, и выходил во двор по ночам... Однажды Мерлина напугал. Тот тоже по ночам гуляет. Прибежал утром Мерлин ко мне и сказал, что видел ночью во дворе чёрта. Я сразу понял —

кого он видел. Успокоил его. Но с тех пор Мерлин выглядывал из своей комнаты с опаской. Если видел во дворе «чёрта», закрывал дверь и выжидал, пока тот уйдёт.

Андрон улыбнулся, но, бросив взгляд на могильный холмик, погасил улыбку.

— Он поначалу пытался со мной сблизиться. Приносил мне найденных им в саду муравьёв. Однажды спросил меня:

— «Видят ли муравьи небо? Знают ли о его существовании?»

— Нет, — ответил я. — Муравьи не видят небо. У них очень близорукое зрение. Всё, что дальше десяти сантиметров, для них размыто.

— Но это не является их проблемой, — пояснил Андрон Артуру. — Напротив, это их преимущество перед нами. Они сосредоточены на своём, ближнем мире. Они не видят того, что далеко, а, значит, неважно... Если бы человек не пялился в небо, в пустых мечтах и поисках какого-то Бога, может быть, он лучше построил бы свой мир?

— Человеческий мир был бы тогда гораздо беднее, — не согласился Артур. — Стремление к высокому, и даже к недостижимому, возвышает человека.

Андрон покачал головой.

— Человек напрасно смотрит в небо. Ему это не помогает. Как не помогает то, что он смотрит в прошлое и пытается смотреть в будущее. Кто-то сказал: главный вывод, к которому приходишь, изучая историю — это то, что история никого и ничему не учит... Человек суетлив и близорук. Он строит песочные замки. Время разрушает их, но тут же строятся новые. С каким-то фатализмом и упорством, достойным лучшего применения, — Андрон говорил серьёзно и даже грустно. — Тот слухавил, кто сказал, что человек рождён для счастья. Человек рождён для труда. Земного, тяжкого, кропотливого труда. Существует только земля, из неё приходишь, в неё уходишь, на ней строишь песочные замки. Некогда, да и незачем смотреть в небо. В небо смотрят бездельники. Может быть, бездельники и придумали небо, чтобы отлынивать от работы.

Артур смотрел на него с удивлением, потому что такого Андрона он раньше не знал.

К вечеру распогодилось, предзакатное солнце выглянуло из-за туч и захотелось прогуляться. В саду Артур неожиданно наткнулся на Писателя, сидящего в гамаке с книжкой в руках. По-осеннему было прохладно, хотя первый снег уже растаял. На Писателе было лёгкое пальто и забавная вязаная шапочка с помпоном на голове. Артур подошёл к нему и взглянул на обложку книги. Ни название романа «Роковая страсть», ни имя писательницы ему ничего не говорили.

— Боже мой, — шутливо произнёс Артур, — вы опустились до бульварных романов?

— Я много читаю, — закрыл книгу Писатель. — Это профессиональная необходимость. Я читаю даже бульварные романы. Там тоже можно многое почерпнуть. Правда, они портят вкус... Я даже женскую прозу читаю.

— Почему «даже»? — удивился Артур.

— По той же причине, почему женский футбол никогда не сравняется с мужским, но останется эротическим шоу... Читая женские романы, я вырываю последние листы. Там всегда хеппи-энд, то есть — неправда.

— Да вы настоящий сексист, Писатель!

— Ну почему же... Я люблю женщин. Когда они занимаются своими делами и не лезут на мужскую территорию... Я рассматриваю женщину, как воплощённое предназначение. Это мужчине приходится придумывать себе смысл жизни, женщине он дан изначально.

— Я возможно банальность скажу, — оживился он. — Но первый взгляд мужчины на

женщину — это хочет он её или не хочет? И тут не имеет значения интеллектуальный уровень. Это заложено в подсознании, заложено тем, кто разделил людей на мужчин и женщин.

— А это вы к чему вообще?

— Ни к чему, — буркнул Писатель. — Не хватает женского тепла. Надоели одни сумасшедшие мужики вокруг.

По ночам стало холодно, и все ложились в постель сразу после ужина. Хозяин раздал всем тёплые одеяла.

— Я не знаю — чем кормить кур? — заявил Адаму Андрон. — Запасы корма закончились. А впереди зима, куры просто замёрзнут.

— Значит, переходим на куриный суп, — просто решил проблему Адам. — Завтра ты дежурный по кухне? Вот ты и начни.

— И с быком надо что-то решать, — продолжил Андрон. — Он ведь тоже в саду зиму не переживёт.

— Вы с Писателем его купили, вы его и продавайте, — решил Адам. — Мне Судья уже жаловался — весь сад, говорит, загадил, прямо даже гулять неприятно, обязательно в коровью лепёшку наступишь.

Андрон загнал быка на плот, привязал верёвкой и взял в руки весло. Писатель запрыгнул на плот, и Андрон оттолкнулся от берега.

— Прощай, Маркиз! — закричал Маркус и помахал рукой.

— Лучше бы на мясо его пустили, — заявил Ньютон. — Зимой мясо очень бы пригодилось.

Адам ничего не ответил ему. Он думал о чём-то другом.

Вернулись Андрон с Писателем к вечеру. Хмурый Писатель спрыгнул с плота и, не глядя ни на кого, пошёл в Замок. Адам спросил у Андрона:

— Как успехи? Я чувствую, коммерческие планы Писателя провалились.

— Он не захотел тащиться на ярмарку в Кардерлин. Это, говорит, слишком далеко, я устану. Мы пошли в деревню и отдали быка Бедрайону.

— Отдали?

— За пять мешков муки. Вон они лежат. На телеге довели до плота.

— Писатель требовал денег, — рассказал Андрон, — но Бедрайон — хитрый мужик. Выворачивал карманы, говорил, что год выдался неурожайный, и он гол, как сокол. Мне надоело их слушать, и я согласился на муку. Всю дорогу обратно Писатель на меня злился и бурчал чего-то себе под нос.

— Да! — глубокомысленно заметил Адам. — Коммерсанты из вас не вышли. Ну да ладно! Закрыли тему.

Артур прогулялся по осеннему саду, непривычно тихому и печальному. Шорох листьев заставил его обернуться, и он увидел Поэта. Тот не сразу заметил Артура, и Артур мог понаблюдать за ним. Поэт был в лёгкой курточке, без шапки, но с белым шарфом вокруг шеи. Он рассеянно брёл по шуршащим листьям, о чём-то задумавшись.

— Сочиняете стихи? — окликнул его Артур.

Поэт поднял голову и, близоруко прищурившись, посмотрел на Артура.

— Нет... Я думаю о судьбе этих листьев, — ответил он. — Я представляю себя одним из них и нахожу в этом смирение.

Артур посмотрел под ноги, на опавшие красно-жёлтые листья, покрывшие землю. Поэт

нагнулся, поднял один лист и задумчиво сказал:

— Листья умеют умирать красиво. Человеку это удаётся редко.

— Красивой смерти не бывает, — сказал Артур.

— Вы не правы, — не согласился Поэт и посмотрел на листок. — Разве он не прекрасен?

— При желании во всём можно найти красоту, — сказал Артур, — но я не хочу её искать в смерти. Я надеюсь на бессмертие.

— Правда? — удивился Поэт. — Вы верите в жизнь после смерти?

— А вы нет?

Поэт на секунду задумался и вздохнул.

— Нет.

— Почему?

Поэт подошёл ближе и протянул Артуру опавший лист.

— Вот ответ. Разве у нас не одна судьба?

— Человек — не растение, — нахмурился Артур. — У человека есть душа.

— У него тоже была душа, — ответил Поэт. — Всё живое имеет душу. Я в это верю.

Он выронил лист и тот, медленно кружась, упал на землю.

— Вы знаете, я много думал об этом, — продолжил он. — Человек — это листок на дереве человечества. Как он может быть бессмертен, если его смерть необходима, как и его жизнь, тому, кто больше него?.. Листок проживает свою жизнь и исчезает... Он никогда не поймёт смысла своей короткой жизни, если будет цепляться за себя, считая себя самоценным, а другие листья — отдельными от него, чужими. Он не познает бессмертия, пока не отречётся от себя, пока не почувствует себя частью дерева. Тогда он увидит себя в каждой листке и каждый листок в себе... Дерево породило тебя, дереву ты отдал свои соки, в дерево ушла бессмертная часть тебя, а смертную сдуло холодным осенним ветром, и лежит она в мокрой глине, готовая стать землёй... Посмотрите на мёртвые листья у вас под ногами. Почему вы не верите в свою смерть? Разве вы не видите себя среди них?

В ноябре Замок засыпало снегом. Пришла суровая зима и все приуныли. В Замке было холодно, никакого «центрального отопления» не было. Адам нашёл единственно верный выход.

— Переселяемся все в одну комнату, ставим «буржуйку» и спим в тепле.

Выбрали комнату Сократа, как самую большую. Грек поворчал, но потом вздохнул и смирился. Ему оставили кровать, решив, что Маркус будет спать под ней. Вынесли из комнаты остальную мебель, кроме буфета. Бросили на пол матрасы, и поняли, что всё равно для одного из них места не хватает.

— Нужно же ещё для печки место оставить, — задумался Адам.

— Я могу спать в подвале, на кухне, — вызвался Ньютон. — Там электрическая плита есть. Заодно еду буду готовить и чай разогревать.

На том и порешили. Адам принялся устанавливать «буржуйку». Притащил из сарая толстый резиновый шланг и вывел его в окно, аккуратно вырезав алмазным резакром круглое отверстие в стекле. Другой конец шланга вставил в трубу «буржуйки».

— Не загорится резина? — опасливо посмотрел на конструкцию Паскаль.

— Не должна, — успокоил его Адам. — Но мы наблюдаем.

Артур натаскал из подвала дров и свалил около «буржуйки». Через час пламя затрепетало внутри печки, и температура в комнате к вечеру стала комфортной. Все

повеселели.

— В тесноте, да не в обиде, — сказал Адам и, открыв буфет, единственный оставшийся предмет мебели, крикнул вниз, в проём кухонного лифта:

— Эй, на кухне! Чайник подымай!

Скоро пили горячий, сладкий чай и хрустели галетами.

— Слушайте, — вдруг вспомнил Артур, — а про Мерлина мы забыли?

— Я не забыл, — сказал Адам. — Он не хочет покидать свою комнату, поэтому я сделал ему электрическую плитку.

— Он как будто привидение, — сказал Андрон, — вроде есть, а вроде нет.

Артур с Паскалем пошли навестить «верхних жителей».

— Как вы тут? Не мёрзнете? — спросил Паскаль, зайдя в комнату Евы.

— Нет, — удивилась Ева. — У меня электрический обогреватель, и у папы, и у мамы тоже такие же.

— Ну, буржуи! — пошутил Паскаль. — А для нас обогревателей не хватило.

— Так это мы буржуи, — подхватил шутливый тон Артур. — Это у нас «буржуйка» стоит.

— Действительно, у тебя тепло, — Паскаль сел на стул. — А ты чего в шубе стоишь?

— Я ходила в сад, — сказала Ева, снимая шубку. — Там так тихо и грустно... Я испугалась, что птицы замёрзли, обошла весь сад и поняла, что птицы улетели. Они покинули наш остров.

— Ну... — качнул головой Паскаль. — Весной могут вернуться. Перезимуют где-нибудь в лесу или в деревне, и вернутся.

— Они не вернутся, — грустно сказала Ева. — Они замёрзнут. Они никогда не видели такой зимы.

— А где твой Филип? — попытался отвлечь Еву от грустных мыслей Артур.

— Я отнесла его на кухню, к Ньютону, там тепло и еда есть. Дядя Ньютон обещал его не выпускать во двор.

После заката собрались на очередную «вечерю». Уселись на матрацах, разложенных на полу вокруг печурки, в которой потрескивали дрова. Сполохи света мерцали на лицах. Прихлёбывая горячий чай с сахаром, все расслабились.

— Какая сегодня будет тема дискуссий? — поинтересовался Сократ.

— Давайте, каждый выскажет свои тайные желания, — предложил Артур.

— Опасная тема, — бросил взгляд на Артура Адам. — Тайные желания потому и тайные, что не подлежат огласке.

— Бойтесь своих тайных желаний! — заметил Сократ. — Луций хотел превратиться в птицу, а превратился в осла.

— Я думаю, каждый может высказать одно из своих желаний, какое захочет, — подключился Паскаль. — Моё желание неоригинально. Я хочу найти своё место в мире, свой смысл, а для этого надо понять две важные вещи: что есть мир и кто есть я?

— Ну, найдёшь ты свой «смысл», а точнее — придумаешь его, — иронично сказал Адам, — что дальше? Можно с чистой совестью помирать?

— Зачем помирать? Дальше надо жить на полную катушку, сознавая осмысленность своей жизни.

— А сейчас, значит, ты живёшь бессмысленно?

— Сейчас я живу по инерции. Как живут животные, как живут растения.

— Не соглашусь с тобой, — возразил Артур. — Животные и растения не озабочены смыслом своей жизни. А тебя это терзает, впрочем, так же, как и меня.

— Не воруй моё желание! — шутливо бросил Паскаль. — Расскажешь другое.

Он задумался, глядя на горящий огонь.

— Разве ж это я ищу своего смысла во Вселенной? Нет, это мир через меня ищет своего смысла. Это Вселенная смотрит в себя нашими глазами, трогает себя нашими пальцами, пытается понять себя нашими мыслями и вопросами.

— Дался тебе этот «смысл», — слегка раздражённо сказал Адам. — Придумал бы уже какой-нибудь и успокоился.

— Может быть, у него это призвание такое, — защитил Паскаля Поэт. — Кто-то строит мосты, кто-то пишет стихи, а кто-то ищет смысл жизни. Наверно тоже нужное дело.

— А ты знаешь, что «смысл» изначально имел значение «разум», «ум», — обратился к Поэту Паскаль. — У Пушкина можно прочесть: «Руслан томился молчаливо, и смысл и память потеряв».

— Ну и что?

— А то, что антонимом к нему было «бессмыслица» или «безумие». То есть безумны те, кто живёт бессмысленно, кто не знает и не ищет своего смысла.

— Как я понимаю, «смысл» происходит от слова «мысль», — подключился к филологической беседе Сократ. — А мысли могут быть верными и неверными. Мысль не обязана быть истиной. Ты же придаёшь идее «смысла» несвойственную ей истинность. Вот в чём твоя ошибка.

— Жизнь прекрасна сама по себе, — продолжил он, — сама себе смысл. Не требуй от жизни большего, чем она может дать. Радость жизни в таинственном, бескрайнем мире — наше счастье и смысл. Попытки найти иной смысл приведут лишь к утрате данного.

Несколько минут все молчали. Слышно было, как потрескивают дрова в печурке.

— Если не бояться банальности, я хочу быть счастливым, — прервал молчание Артур.

— Этого все хотят, — кивнул Паскаль. — Но счастье у всех разное. Поэтому уточни — что тебе нужно для счастья?

— Ты ищешь знания, а я, как не страшно в этом самому себе признаться, наверно ищу веру. Я ещё не нашёл её — свою веру, я ещё в пути.

— Ты вступил на скользкий путь Мессии? — поддел Артура Адам. — Кто нашёл свою веру, тут же начинает обращать в неё всех окружающих... Пойдём, прогуляемся до подвала. Надо проверить дизель и дрова принести.

Они вышли из комнаты в морозную ночь. Тишина была абсолютная. От мороза попрятались даже деревенские собаки, и их отдалённый лай не доносился с того берега. Только снег скрипел под ногами. Снег лежал на столах и скамейках. Снег наполовину засыпал «Мыслителя». Он выглядывал из сугроба со снежной шапкой на голове.

Они прошли в подвал, и Адам проверил дизель. Убедившись, что всё в порядке и топлива хватит до утра, он убавил обороты.

— Надо экономить горючее. Зима ещё долгая впереди.

— Почему его просто не выключить? Топим мы печкой, для освещения есть свечи.

— Ты забыл про Хозяина и его семью.

— Действительно! — смутился Артур.

— Хозяин не слушает мои доводы, что солярку надо экономить. Он вообще на меня смотрит, как на какого-то злодея, который виноват во всех наших бедах... К тому же, если

сейчас выключить дизель, мы его потом не запустим — замёрзнет. Придётся костёр вокруг него разводить. И готовим мы на электроплите, на печурке много не наготовишь.

Они прошли в комнату Демона, где никто не захотел жить, и поэтому там устроили дровяной склад. Набрали дрова для печки, связали их в две вязанки и присели отдохнуть на кухне.

Лампа горела слабо. В полутьме Артур наблюдал, как о чём-то задумался Адам.

— Значит, ищешь свою веру? — наконец спросил он.

— Вы мне можете что-то предложить? — попробовал пошутить Артур.

— Может быть, и могу, — думая о чём-то своём, сказал Адам. — Но пока рано об этом. Вот доберёмся до моих времён, я поделюсь с тобой своими планами. Сейчас главное выбраться отсюда. А для этого нам надо пережить зиму. Вся надежда на весну.

Выйдя во двор, они увидели Ньютона, который прогуливался по скрипящему под сапогами снегу, о чём-то думая и бросая взгляд на Луну — так же, как он это привык делать раньше.

— Вы не замёрзнете во дворе? — проходя мимо, остановился возле него Артур. — Пойдёмте внутрь, будем пить горячий чай.

Ньютон повернулся к Артуру.

— Зимой, глядя на пар изо рта, начинаешь думать, что человечество входит в систему всемирного парового отопления, — заметил Ньютон. — Вы знаете, что средняя температура по Вселенной три градуса. Всего три градуса выше абсолютного нуля. Вот где жутко холодно! По сравнению с этим, у нас тут просто адское пекло!

— Ну, значит, не всё так плохо на нашей планете... Мы ещё неплохо устроились — тепло живём.

— Средняя температура по Вселенной — это что-то вроде средней температуры по больнице, — пошутил Адам. — Вы не задерживайтесь на морозе. Не дай бог, простудитесь.

Адам сделал из тёсаных досок маленькие лыжи, из струганых веток лыжные палки и подарил Еве. Все пошли на склон холма смотреть, как Ева будет кататься. Хозяин с женой стояли внизу, на берегу озера. После нескольких неудачных попыток и падений дело пошло на лад, и скоро Ева уже катилась с холма с визгом и смехом, попадая в конце пути прямо в объятия Хозяина, который ловил её, раскинув руки.

Через полчаса Хозяин забастовал и, взяв дочку на руки, понёс в Замок — отогреться. Все разошлись, а Артур решил прогуляться по берегу. Неторопливо протаптывая дорожку в снегу, он обошёл остров за час и, замёрзнув, решил вернуться в Замок.

Во дворе сидел Маркус, задумчиво поглядывая вокруг. Он был одет в потрёпанную меховую куртку с капюшоном. Эту мальчишескую куртку подарила ему Офелия.

— Дышите свежим воздухом, Маркус? — подойдя к нему, спросил Артур.

— Смотрю на чёрный снег, — меланхолично ответил тот.

Артур удивлённо огляделся.

— Где вы его увидели? Я вижу только белый.

— Это несовершенство нашего мозга, — кивнул Маркус и оживился. — Вы знаете, что человеческий глаз видит перевёрнутое изображение? А головной мозг потом исправляет это, переворачивая картинку.

— А причём тут чёрный снег? — не понял Артур.

— Цветовую картинку наш мозг не корректирует, — пояснил Маркус. — Поэтому мы видим ложные цвета.

— Ну-ка, ну-ка, откройте мне глаза! — улыбнулся Артур.

— Снег отражает все цвета, — охотно продолжил Маркус. — Именно это мы воспринимаем как белый цвет. Но если он всё отражает, значит, у него нет никакого цвета, то есть он чёрный!.. Или, скажем, зелёные листья и трава. Почему они зелёные? Ведь этот цвет они отталкивают, не принимают его. На самом деле они пурпурные — и листья, и трава. Понимаете, что я хочу сказать? — мы живём в «ложноцветном» мире.

— Понимаю, — сказал Артур. — Хотя и не согласен. Да и вы, по-моему, раньше говорили, что цвет существует только в нашей голове — в мире его нет.

— Это верно, — согласился Маркус. — Но даже в нашей голове он неправильный. Артур покачал головой.

— Вы хотите рассказать человеку, что у него ничего нет, кроме иллюзий? Неполезная мысль и напрасная затея. Человек не возьмёт с собой то, что ему не нужно. А нужно ему то, что делает его жизнь приятной, удобной, понятной.

— Я с этим не спорю, — загрустил Маркус. — Человеку нужна правильная иллюзия, человеку не нужна правда. Он всегда может назвать правдой удобную ему ложь.

— Я бы не смог жить с вашими мыслями, Маркус, — вздохнул Артур. — Всё и так слишком запутано. Нужна хоть какая-то опора под ногами.

Дни протекали один за другим, похожие друг на друга. Писатель маялся со своим романом, то хватаясь за карандаш, то бросая его.

— Я не могу работать в такой обстановке! — пожаловался он Артуру. — Все шумят, храпят, кашляют. Тут с ума можно сойти!

Артур посочувствовал, но ничем помочь не мог. Он сам от скуки перечитал все книги в комнате Сократа и добрался уже до какой-то старинной книги «An Elementary Treatise on Determinants», которую читал, освежая память, подглядывая в англо-русский словарь.

— Сочиняйте кроссворды, — посоветовал он Писателю. — А мы будем разгадывать.

Писателю идея понравилась, и он погрузился в творческий процесс.

— Как обозначить слово презумпция? — через некоторое время спросил он. — Юридический термин? Это слишком расплывчато.

— *Praesumptio innocentiae*, — не упустил случая блеснуть небольшими познаниями в латыни Судья. — Презумпция означает предположение. Человек предполагается невиновным, пока его вина не будет доказана.

— Этот принцип провозглашён во времена французской революции, — дополнил Артур. — Тем самым Робеспьером, которого вы собрались судить.

Упрёк был адресован Судье, и он нахмурился.

— Намерения были благие, а что из этого вышло? — опротестовал упрёк он. — На словах одно, а на деле беззаконие и террор.

— Хотели, как лучше, а получилось, как всегда, — припомнил бессмертную фразу Паскаль.

Он заглянул через голову в книгу, которую читал Артур.

— Освежаешь в памяти школьные уроки математики?

— А заодно и уроки иностранного языка, — улыбнулся Артур. — Всё уже перечитал, не знаю — чем заняться?

Артур с Паскалем вышли на прогулку по занесённому снегом саду. С трудом протоптав тропку до поляны, они покачались на качелях, но быстро замёрзли и пошли обратно.

— Пойдём в гости к Еве сходим, — предложил Артур.

— Сходи... — неохотно ответил Паскаль. — Я лучше к Ньютону в гости загляну. Поболтаю со стариком.

Артур поднялся на третий уровень и прошёл до комнаты Евы. Она сидела за столом и перебирала свои рисунки.

— Привет! Как ты тут — не скучаешь?

— Скучаю... — грустно ответила Ева. — А где Паскаль?

— На кухне, с Ньютоном болтает.

— Ну да... С Ньютоном ему интересно, а со мной — нет.

Артур подошёл поближе.

— Что рисуешь? Можно посмотреть?

Ева собрала в стопку свои рисунки и протянула ему. Сама подошла к кровати, залезла на неё с ногами, обхватив руками колени, и положила на них голову.

Артур сел за стол и стал разглядывать рисунки. Были здесь птицы на ветках деревьев, любимый кот с изогнутым хвостом, портреты матери с отцом. На одном рисунке Артур узнал Паскаля. Он был в рыцарских доспехах, в шляпе с гусиным пером и в ботфортах со шпорами.

— У тебя неплохо получается, — похвалил Еву Артур. — Можешь, в художественную академию поступить со временем.

— Не хочу, — кратко ответила Ева.

— А кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

— Любимой, — так же кратко ответила Ева.

Артур не знал, что сказать на это. Такого ответа он не ожидал.

Наконец подошло Рождество. Маркус нарезал бумажных снежинок и развесил их на нитках, растянутых от стены к стене. После этого ходил и любовался, задрвав голову, своей работой.

Паскаль, оторвавшись от чтения книги, недовольно заметил:

— На дворе кучи снега, ты и тут его развесил.

— Это красиво, — заступился за Маркуса Сократ.

— Как будем встречать Новый Год? — озаботился Артур. — Нельзя пропустить такое событие. Ведь это ещё и новое тысячелетие.

— Для нас оно старое, — заметил Паскаль.

— Хорошо! — согласился Артур. — Встретим старый Новый Год. Но отметить надо — тысяча лет христианской эры, как-никак.

— В числе «тысяча» нет ничего сакрального, — сказал Паскаль. — Это просто привязка к системе счисления. Будь у нас на руках не десять, а восемь пальцев, мы бы пользовались восьмеричной системой счисления, и красивым, круглым числом 1000 было бы наше число 512.

— Я перестал отмечать Новый Год давно, — заметил Ньютон. — Это придуманный праздник. Дата первого января выбрана римлянами, в этот день менялись консулы. Логичнее было бы отмечать Новый год в день весеннего равноденствия — Навруз, как называется он в Азии.

— Новый Год с первого января во Франции начали праздновать по указу Карла IX в 1564 году, — заявил Судья, прочитавший от корки до корки «Историю Франции». — До этого праздновали либо на Рождество, либо на Пасху.

— Да неважно — какая дата! — не согласился Артур. — Новый Год — это традиция и

хороший семейный праздник.

— Вот именно поэтому я его и не отмечаю, — грустно заметил Ньютон. — Я давно уже одинокий холостяк и праздновать мне нечего и не с кем.

— А мы разве не семья?! — возмутился Сократ. — Мы давно уже породнились, если на то пошло.

— Безумная семейка Адамс! — засмеялся Паскаль.

— Я разговаривал с Бедрайоном, — сказал Андрон, — у крестьян никакие праздники не намечаются. Все ждут конца света. Новый аббат в монастыре только об этом и говорит.

— Ну, да! — кивнул Паскаль. — Они его уже тысячу лет ждут, и ещё тысячу лет ждать будут... Разговаривал я с деревенскими. Всерьёз обсуждали — надо ли сеять на следующий год пшеницу, если конец света приближается?.. В домах грязь, тараканы и паутина по углам. А зачем убираться? Всё равно — прискачет всадник на бледном коне и капуг. Примитивные люди!

— Примитивные люди? — нахмурился Поэт. — А я им завидую.

— Чему тут можно позавидовать? — не понял Паскаль.

— Они живут в таинственном, удивительном, волшебном мире. Где-то за морями летают драконы и бегают единороги, где-то совсем рядом ходят волшебники и колдуны. Сны предсказывают грядущее, а хвост кометы в небе грозит несчастьем. С неба на них смотрит Бог. Ангелы и черти столь же реальны для них, как домовые. Эти люди живут в таинственном мире, где всё возможно. В наше время этого ощущения у людей уже нет. Мир стал скучен и прозаичен.

— Я соглашусь с Поэтом, — поддержал его Ньютон. — Казалось бы, наука безгранично расширила горизонты Вселенной. Мир стал огромней, богаче, непредсказуемей. Но что мы видим?.. Почему в наше время так популярно фэнтези? Почему так популярны придуманные миры Толкиена, Мартина и других? Потому что мы утратили интерес к реальному миру. Мы не чувствуем уже его тайну. Мы уже недовольны им, нам его мало.

— Но это же хорошо? — предположил Артур. — Придуманные миры не конфликтуют с реальным, они расширяют его.

— Вы так считаете? — посмотрел на Артура Ньютон. — Я думаю иначе. Я вижу корни этого интереса к придуманным мирам в утрате интереса к миру реальному, окружающему нас. И даже предполагаю причину этого. Наша цивилизация превратилась в общество потребления. Это общество делает людей инфантильными, трусливыми и пресыщенными. Они бегут в придуманные миры от скуки. Они утратили ощущение тайны единственного мира. Не выдуманного — реального!

— Только не превращайтесь в старческого брюзгу, уважаемый Ньютон! — возмутился Паскаль. — Вам ещё рано... К тому же не надо красить всех одним цветом. Если бы я был таким, как вы описали, то наверно не сидел бы с вами здесь, в сумасшедшем Замке. Смотрел бы по телику «Властелин колец» и пил пиво с друзьями.

В комнату зашёл Адам, отряхивая снег с куртки и с обуви.

— Для человека «конец света» всегда означал «конец человечества», — горячился Паскаль. — Это обычное человеческое заблуждение — считать, что мир существует для нас и вокруг нас. А мир не закончится вместе с нами. Он существовал миллиарды лет до нашего появления, и будет существовать миллиарды лет после нашего «конца света». Пора бы уже поумнеть человеку и понять, что он временное недоразумение в этом мире.

— Что ж ты так кипятишься, если ты «недоразумение»? — засмеялся Адам. — Но я

могу тебя поддержать. Над этим миром никогда не будет написано: «game is over». Даже если схлопнется наша Вселенная, это будет всего лишь маленький эпизод в истории Большого Мира.

— Я предложил отметить Новый Год, — сказал Артур, — Вы не против?

— Я только «за». Надо скрасить нашу зимнюю скуку. Предлагаю поставить новогоднюю ёлку!

— Ура-а! — обрадовался Артур. — На том берегу, в лесу, я видел хорошие небольшие ели. Возьмём топор и сплаваем на лодке.

— Прекрасно! Вдвоём с Андроном сплавайте за ёлкой, а мы подумаем — где её поставить и чем нарядить?

В последний день декабря Артур с Андроном привезли ёлку.

— Ух, ты — красавица! — оценил Паскаль. — Метра три будет.

Ёлку поставили в столовой на третьем уровне. Непросто было затащить её по винтовой лестнице наверх, но совместными усилиями это удалось. Андрон закрепил её в крестовине, прибитой к полу. Ньютон смастерил из проволоки звезду, Артур закрепил её на верхушке ели. Маркус нарезал бумажные гирлянды и разложил под ёлкой вату. Ева притащила коробку с ёлочными игрушками. В завершение всего, Хозяин принёс и повесил на ёлку светодиодную гирлянду. Включили её в розетку, и ёлка вспыхнула, осветив все стены вокруг разноцветными огоньками.

Ева захлопала в ладоши и запрыгала по столовой.

— Новый Год! Новый Год! Счастье новое нас ждёт.

Поставили два стола в один ряд. Офелия накрыла столы скатертью, принесла салаты, закуски, вино. Хозяин притащил звуковую колонку. В половине двенадцатого сели за стол, в приподнятом настроении, с шутками и смехом. Всем налили вина из бочонка, который оставил Виконт, а для Евы нашёлся вишнёво-яблочный компот. Адам поднялся, взял в руки бокал и произнёс тост:

— По традиции, провожаем старый год, а заодно и старое тысячелетие. Что можно сказать о нём? Тысячелетие было бурным. Взметнулась ввысь и рухнула римская империя. Расцвела империя византийская. Появилось и укрепилось христианство, радикально изменившее Европу. Ещё не известны дальние Америка, Австралия, Антарктида. Ещё не родились Шекспир и Сервантес. Много чего ещё впереди. Наступающее тысячелетие тоже будет бурным. Мы, как ветхозаветные пророки, можем прочесть будущее, но кто нам здесь поверит?

— Я поверю, — заметил Шут. Он приехал проведать их и попал прямо на праздник.

Адам усмехнулся и продолжил:

— Давайте выпьем за тех, кто сделал историю человечества великой и вдохновляющей. Я говорю не о правителях, но о людях науки и искусства. Правители создали государства. Учёные и поэты создали человечество. Выпьем за них!

Все стали чокаться и выпивать. Звучала рождественская музыка. За окном медленно падал снег, но в столовой стоял обогреватель, и было тепло.

— Правильно сказали, Адам! — заметил Сократ. — Гомера ставлю выше Александра Македонского.

После лёгкой закуски разлили бокалы по новой. Адам продолжил речь.

— Теперь о прошедшем годе, — продолжил он. — Для нас он был нелёгким, но интересным. Мы справились со многими трудностями, и, надеюсь, что в следующем году мы

отправимся в новое путешествие с новыми надеждами.

— Это зависит от вас, — не преминул съязвить Хозяин. — Не промахнитесь, как в прошлый раз.

Адам слегка усмехнулся, но не стал отвечать.

— Забудем плохое. За всё хорошее, что было в этом году!

За разговорами и едой едва не упустили важный момент.

— Уже без одной минуты! — спохватился Артур, указывая на часы.

— Все встали! — скомандовал Адам. — Изображаем куранты!

Он стал махать руками, как дирижёр, и все хором стали изображать бой курантов.

— Бо-о-м, бо-о-м, бо-о-м!

Двенадцать раз отзвучали куранты, все стали чокаться и выпивать. Веселие продолжилось. Ева выбрала музыку и потащила Паскаля танцевать. Офелия смотрела на них с доброй улыбкой, Хозяин посматривал искоса и хмуро.

Где-то к часу ночи всё было съедено и выпито. Адам поднялся и скомандовал.

— А теперь всем спать! И без разговоров! Хозяева, — он показал рукой, — уже устали.

— Блин, — вздохнул Паскаль, — прежде чем залезть в тёплую постель, надо пробежать по сугробам во дворе.

— Прогулка перед сном рекомендуется врачами, — ответил Адам. — Вот Хозяин вам это подтвердит.

Хозяин не стал подтверждать, но он явно был рад тому, что нашествие в его дом закончилось.

В первый день нового тысячелетия все проснулись поздно — уже к полудню. Долго валялись в постелях, потягиваясь и зевая. Вставать не хотелось — на улице был трескучий мороз, а здесь, благодаря печурке, было тепло и уютно. В конце концов, по одному, начали подниматься и натягивать на себя одежды.

— Если бы не хотелось в туалет, — сказал Паскаль, — я бы и не вылез из-под одеяла.

Умывшись и позавтракав, задумались — чем занять себя? Судья с пришедшим к ним в гости Ньютоном раскинули картишки. Сократ наблюдал их игру, думая о чём-то своём. Поэт углубился в Овидия. Писатель черкал что-то карандашом в тетради. Адам с Шутом уселись играть в шахматы.

Андрон с Артуром и с Паскалем рискнули выйти во двор, но прогулявшись по сугробам десять минут, замёрзли и вернулись в комнату.

За шахматной доской Адам что-то объяснял Шуту.

— За что в Древнем Риме преследовали и казнили христиан? — за мятежи, за неповиновение властям? Нет — их преследовали за безбожие. За то самое, за что ещё раньше осудили Сократа, а позднее те же христиане сожгут Джордано Бруно — за безбожие... Какой-то бродяга, казнённый на кресте во времена Тиберия, не мог в глазах римлян быть Богом и даже сыном Божьим. Это был нонсенс. Нужны были столетия, чтобы эта мысль улеглась в голове.

— Что это вы так горячо обсуждаете? — поинтересовался Артур.

— Я пытался выяснить у Адама — во что он верует? — сказал Шут. — Но он как-то ловко ушёл от ответа, рассказывая мне — во что он не верует. Мы заговорили про историю религии, и, в частности, христианства.

— У нас был единственный специалист по религии, правда, весьма оригинальный, но он уже нас покинул, — сказал Паскаль.

— Жаль, что с нами нет Мессии, — согласился Артур. — Я могу сказать своё мнение. Религия есть мост между земным и небесным, между смертным и вечным. Религия есть поиск опоры в этом мире, где не на что опереться — всё рассыпается в прах. В этом её огромное значение, которое в большинстве случаев покрывает все её минусы: догматизм, противоречие здравому смыслу, нетерпимость... Сколько бы ни научился жить человек, этот мир всегда для него останется временным домом. Вот где главная наша трагедия. Мы в этом мире временные. Я бы даже сказал — кратковременные.

— Человек вспоминает о Боге, когда ему плохо, — покачал головой Шут. — Тогда он приходит в церковь и ставит свечу... А когда ему совсем плохо, — добавил он. — Он ставит одну свечу архангелу Михаилу, а другую — его дракону.

— Так красиво рассуждаешь о религии, — обратился Шут к Артуру. — Я бы так не сумел. Почему же ты не веришь в Бога?

Артур смутился и растерянно стал подбирать слова, но Паскаль его опередил.

— Я не верю в Бога по той же причине, по которой не верю в Санта Клауса, — сказал он. — Это детские сказки человечества. Всем пора повзрослеть.

— Кто такой — святой Клаус? — Шут вопросительно посмотрел на Артура. Но ответил опять Паскаль.

— Это чудик такой — лазил по крышам и подкидывал в печную трубу детям подарки на Рождество.

— И почему ты в него не веришь?

— Потому что в моём доме трубы не было, а подарки под ёлку подкладывали мои родители.

Артур ушёл с Ньютоном в подвал, чтобы помочь ему на кухне с обедом. Разговор о религии у них продолжился там.

— Все религии можно рассматривать, как ветви одного дерева, — говорил Ньютон. — Есть среди них большие, цветущие ветви, есть и засохшие веточки, но все они происходят от одного корня, все они тянутся к небу... Чем меня не устраивает христианство? Это бегство из этого мира. Бегство в придуманный мир иной... А потом меня всегда раздражала религиозная нетерпимость. Кто-то едко заметил: «невозможно надеяться на рай одной религии, не рискуя попасть в ад всех других».

— Мне не нравится Рай, мне по душе нирвана, — продолжал Ньютон, помешивая кашу в котле. — Кажется, я понял — что такое нирвана. Это лёгкая смерть, это смерть без страха.

— Вы стали буддистом? — улыбнулся Артур.

— Почему нет? — улыбнувшись в ответ, спросил Ньютон. — Быть буддистом — это не значит верить в белого слона с шестью бивнями и тридцать три неба. Основную суть буддизма можно выразить одной формулой: преодоление страданий путём отказа от желаний.

— Буддизм — религия разочарованных принцев, — шутливо сказал Артур.

— Ну, до принца мне далеко, — заметил Ньютон, — поэтому я выбираю атеизм.

— Атеизм возвращает человеку свободу, но отнимает силу, которой наделяла его вера, — сказал Артур.

— Учёный или философ — должен быть нерелигиозным человеком, — убеждённо сказал Ньютон. — Религиозный человек несвободен в своём мышлении.

— Жизнь такая сложная, — возразил Артур. — Она не приемлет категорических утверждений.

— Жизнь... — проговорил Ньютон, задумавшись на мгновение. — Жизнь — это зал ожидания... Здесь все чего-то ждут... Ждут смерти — и называют это жизнью. Ждут любви — стоя друг к другу спиной и глядя в разные стороны. Ждут чуда — не понимая, что самое чудесное уже всем дано... Поэт ждёт вдохновения, рыбак ждёт клёва, замёрзшая дамочка ждёт трамвая... Ждут второго пришествия — а что они будут делать потом? — ждать третьего? Если не хватило одного, не хватит и двух... Жизнь — это зал ожидания.

Пообедав со всеми, Шут засобирился обратно в Кардерлин. Артур взялся его проводить.

— Хочется проехаться по снегу. Моя Звёздочка застоялась и замёрзла.

— Только оденься потеплей, — предупредил Шут. — Морозец кусачий.

— Я заходил сейчас на конюшню, — сказал Артур, — и не увидел там вашей лошади.

— Я оставил её у Бедрайона. Он за ней присматривает. На твоей лошади мы доедем вдвоём до деревни. А потом поскачем в Кардерлин.

Они доехали до деревни наугад, ориентируясь по памяти. Все знакомые тропы замело снегом. Шут забрал свою лошадь, Артур угостил девчонок конфетами, и они отправились в путь по заснеженной деревенской дороге. Мороз пощипывал уши. Артур натянул вязаную шапку пониже. Шут нахлобучил на голову шляпу, а лицо укутал снизу платком, и стал похож на разбойника с большой дороги. Не хватало только двух пистолетов за поясом.

Они мчались галопом, снег летел из-под копыт вместе с замёрзшей грязью. Проскочив поворот в монастырь, что лежал на полпути до Кардерлина, поскакали дальше. Уже через полчаса увидели первые дома на окраине, и скоро доехали до центральной площади. Спешились с коней и зашли в корчму.

— Глоток хорошего вина — это то, что нам сейчас надо! — сказал Шут.

— Мы доехали до Кардерлина за полтора часа, — сказал Артур. — Летом я на это тратил в два раза больше времени.

— Летом ты ехал шагом, а в такой мороз согревает только галоп.

Они уселись за стол, и хозяин корчмы принёс им вина, поклонившись Шуту. Кроме них в корчме сидели всего два местных жителя, обсуждавших за кружкой вина мировую политику.

— Мавры больше не сунутся! — утверждал тот, что постарше. — Они помнят, как Мартелл их разбил в битве при Пуатье, а Шарлемань основал испанскую марку. Пусть сидят за своими горами и нос не высовывают!

— А забыл, что Барселону мавры захватили, что собор Святого Иакова сожгли? — горячился второй. — Вот теперь и на нас попрут. Альмансур — грозный воин.

— Был, да весь вышел, — не соглашался первый. — Ему уже за шестьдесят — одной ногой в могиле стоит. Какой из него вояка?

Послушав разговор, Артур с улыбкой кивнул на спорщиков.

— Я вижу, что жизнь у вас бурлит не хуже, чем в наши времена.

— Бурлит, бурлит... — усмехнулся Шут. — Я не помню мирных времён. У нас нет храма Януса, но, если б он был, его двери всегда были бы нараспашку.

— Да и в римской империи его двери запирались не часто, — заметил Артур. — Не живётся людям мирно.

— У вас тоже воюют?

— Воюют, — грустно подтвердил Артур. — Не так часто, но войны жестокие... У вас более честные войны — один на один. Побеждает тот, кто сильнее и умней. А у нас один человек, нажав пальчиком кнопку, может убить миллионы людей.

— Это как это? — поразился Шут, но Артур только махнул рукой.

— Научный прогресс... Наука — слепая сила. Может спасти человечество, может его уничтожить.

Посидев полчаса и согревшись, Артур с Шутом вышли на непривычно пустую площадь. Торговые ряды были разобраны, остались только какие-то кучки мусора, занесённые снегом.

— Пойдём в дом Петра, я сейчас там проживаю. В графский замок вернуться не могу. Виконт думает, что я вас сторожу.

Петра они дома не застали, открыла им его сестра Мартина. Быстро накрыла на стол и угостила их горячей овсяной кашей.

— Что вы лошади что ли? — овёс едите, — проявил недовольство Шут.

— Пшеница кончилась, — ответила Мартина. — Десять раз говорила Петру летом — купи побольше! Этот вахлак ничего не слышит. А зимой пшеница дорогая.

— Я вам куплю, — пообещал Шут. — У меня есть знакомый торговец, он мой должник. Я его однажды от графского гнева спас. Он с тех пор мне руки целует и на все товары скидку даёт.

После ужина Шут о чём-то пошушукался с Мартиной, и она постелила Артуру на лежанке в маленькой угловой комнате.

— Извини, я тебя оставлю, — сказал Шут. — Ты человек молодой, горячий, а я уже староват. В такой холод мне нужна тёплая грелка в постели, — подмигнул он Артуру и вышел в соседнюю комнату.

Артур, укутался одеялом, и попытался заснуть, слыша через тонкие стены в соседней комнате какой-то шум и женский смех. В конце концов, он заснул, натянув одеяло на голову и поджав под себя ноги.

Он не часто видел сны. Но в этот раз сон был долгий, подробный и отчётливый. Он увидел себя в лесу, в ночном лесу. Он продирался сквозь заросли, на мерцающий огонёк света вдали. Он вышел на небольшую поляну, где горел костёр. Он увидел троих, сидящих у костра. Это были Демон, Никто и волк. Он хотел убежать, но во сне убежать нельзя. Сон ведёт тебя через все пропасти и стены, через все препятствия, непреодолимые наяву. Сон ведёт тебя туда, где живут твои страхи.

Он сел у костра между Демоном и Никто. Видно сесть рядом с волком он не мог даже во сне. Все молчали, глядя в огонь. Языки пламени трепетали в костре, отражаясь на лицах. Наконец Демон поднял голову и посмотрел на него. Его губы дрогнули, на губах появилась так знакомая Артуру усмешка.

— Ты решился стать волком? — спросил он.

— Я просто сплю, — ответил Артур. — Я не знаю — зачем я здесь?

— Значит, я слишком хорошо подумал о тебе... Я скажу тебе — зачем ты здесь? Ты здесь для того, чтобы сделать выбор — стать волком или добычей волков. Другого вам, человекам, не дано.

— Я не хочу быть волком. Я не хочу причинять никому боль.

— Боль? Что ты знаешь о боли? Это то, что вращает мир. Это то, что приводит в движение и планеты, и народы. Это сила созидающая и бессмертная. Кто ты такой, чтобы презирать боль?

— Боль несёт разрушение душе и телу. Боль лишает человека воли, превращает его в растение.

— Человек и есть растение! — поднял голос Демон. — Человек — это трава! Да —

разумная, но в этом её проклятие.

— Я не верю тебе — ты врёшь!

Артур хотел встать и не мог. Ноги не повиновались ему. Он смотрел в глаза волка, волк смотрел в его глаза. словно тонкий невидимый канат между ними, этот взгляд звенел и вибрировал, и не отпускал Артура.

— Смотри на него, — глухо сказал Никто, наклонившись к Артуру. — Смотри на него, как в зеркало. Скажи себе: наконец-то нашёл своё «Я».

Артур усилием воли оторвал взгляд от волчьих глаз и стал смотреть на огонь.

— Тебе нравится костёр? — спросил Демон. — Огонь не только умеет сжигать, но может и согреть тех, кто дружит с ним. Ты знаешь, что такое огонь? Огонь — это война, самое прекрасное занятие для мужчин.

— Люби войну, — говорил Демон, вкрадчиво и убеждённо. — Война — это процесс «волканизации» человека. Каждый, прошедший войну, становится немножко волком... Вступай в мою армию, ты будешь моей правой рукой. Армия — это институт благородных убийц, — его улыбка становилась невыносимо злобной. — Ты не будешь солдатом. Для этого достаточно глупцов и рабов. Солдат — это не человек. Солдат — это приспособление для прицеливания и нажатия на курок. Ты будешь командовать солдатами. Ты испытаешь упоение властью. Мы построим с тобой новый мир, мы сравняемся ростом с богами. Выбери путь волка или стань добычей.

Сделав невероятное усилие, Артур встал. Встали трое. Артур попятился, переводя взгляд то на Демона, то на Никто, то на волка.

— Ты не любишь войну, потому что ты трус, — сказал Демон, добавив в улыбку презрение.

Они приближались к нему всё ближе. Они окружали его с трёх сторон.

— Господи, пусть этот кошмар закончится! — промелькнула мысль, и он проснулся.

Он проснулся в холодном поту от какого-то шума. Высунув голову из-под одеяла, он услышал сердитый голос Петра, ругавшегося с Шутом.

— Или женись на моей сестре, или проваливай! Нечего её позорить. Надо мной уже все соседи смеются!

Шут ему что-то отвечал, но было не разобрать. Через некоторое время шум затих и в комнату Артура проскользнул Шут.

— Ты проснулся? Вставай! Сейчас быстренько перекусим и пойдём отсюда.

Артур быстро поднялся, оделся и вышел за Шутом на кухню. Ни Мартину, ни Петра он не увидел. Вдвоём с Шутом они доели вчерашнюю кашу с хлебом, запили водой и пошли на выход.

В сарае возле дома Шут отвязал лошадей, и они пошли пешком, держа коней за поводья. Шут молчал и выглядел непривычно хмурым. У корчмы они привязали лошадей и зашли внутрь. В это раннее время в корчме было пусто. Шуту пришлось подняться наверх и разбудить дочь хозяина, чтобы она вынесла им вина.

— Выгнали из дома? — спросил Шута напрямик Артур.

— Не то, чтобы выгнали, но... Какое-то время поживу здесь, — он кивнул наверх. — Зимой здесь всегда есть свободные комнаты.

Он повернулся к Артуру и стал горячо говорить:

— Ну как я могу на ней жениться? Это мне надо или поселиться в этом дрянном городишке, забыть всю свою прежнюю жизнь и стать каким-то торговцем, или везти её в

графский замок, где меня засмеют — шевалье женился на «вилланке»! Виконт, может быть, меня и поймёт, но остальные...

Он отвернулся и задумался, глядя в стол. Артуру нечего было ему посоветовать. В таких делах каждый решает сам.

— Возвращайтесь к нам! — попросил Артур. — Поживёте в Замке, — всё веселее, чем здесь одному.

Шут посмотрел на Артура, на секунду задумался и кивнул. Они вышли из корчмы, сели на лошадей и поскакали обратно в Замок. Всю дорогу из головы Артура не выходил недавний сон. Он прокручивал его вновь и вновь, но никак не мог понять — что это было и зачем?

— У меня ощущение, уважаемый Ньютон, что вы разочаровались в науке, — сказал Паскаль. — Я прав?

Ньютон замешкался, задумавшись, но ответил.

— И прав, и не прав... Наука прекрасна. Это лучшее занятие для человека — познавать мир... Но результаты, признаюсь, меня разочаровывают. Это не то, о чём мне мечталось, как говорится, на заре туманной юности.

— Давайте я поясню, как физики изучают мир на примере старой притчи, — он присел на постели, прислонившись к стене. — Физики изучают мир, как слепые изучают слона. Пришёл один слепой, потрогал слона за ногу и говорит: «Слон — это большой кожаный столб». Пришёл другой, потрогал и говорит: «Ошибаешься! Слон — это четыре кожаных столба». Пришёл следующий, потрогал слона за туловище, усмехнулся и сказал: «Ну, всё понятно! Слон — это кожаный мешок на четырёх столбах». Следующий потрогал слона за хобот: «Слушайте, а тут ещё толстый шланг болтается». Озадачились слепые. Мешок на столбах — это понятно, а шланг тут причём? Подошёл ещё один, потрогал слона за хвост и подкорректировал знание о слоне: «Слон — это мешок на четырёх кожаных столбах, слева шланг и верёвочка справа». Уселись слепые, довольные собой. Знание о слоне получено, больше добавить нечего. Но один засомневался: «А как говорит связать всё это воедино? Четыре столба, мешок, шланг и верёвочка. Ерунда какая-то получается». А тут ещё слон невольно подшутил над ними — повернулся другим боком. Пощупали его снова — чудеса! Где был шланг — теперь верёвочка, где была верёвочка — теперь шланг. Сели думать. Самый умный говорит: «Всё в мире относительно. Сегодня верёвочка, завтра шланг». А другой, не менее умный говорит: «Мы не можем утверждать, что мы обнаружим у слона слева. Но мы можем рассчитать вероятность того, что у слона слева — шланг или верёвочка?»

Паскаль не удержался и засмеялся. Ньютон поглядел на него довольный.

— Дальше продолжать или уже понятно?

— Смысл понятен, — сказал Артур. — Любое знание о мире относительно. Сначала говорят о частицах, затем говорят о волнах, потом говорят, что частицы могут быть волнами. Наконец заявляют — забудьте о частицах и волнах, мы вам струны придумали. А в итоге — кожаный мешок на столбах, шланг и верёвочка где-то сбоку.

— И что самое скверное — так будет всегда, — подытожил Ньютон. — В этом моё разочарование... Вот мы позавчера обсуждали религию. В чём её сила? Она даёт окончательный ответ на все вопросы. Наука такого ответа никогда не даст.

— Вот поэтому я уважаю только утилитарную науку, — заявил Писатель. — Нечего рассуждать о высоких материях. Пусть наука работает на человеческий комфорт. Таковую

науку я приветствую.

— То есть тебя устроит комфортное путешествие из роддома на кладбище? — съязвил Паскаль.

— Если меня, не спросив, посадили в самолёт, который летит по маршруту, как вы говорите, из роддома на кладбище, то я хочу сидеть в мягком кресле, смотреть кино, и чтобы меня обслуживали красивые стюардессы. Что в этом плохого?

— Я не знаю, о каких струнах и волнах вы рассуждаете, — сказал Шут, — но история про слона мне понравилась. Обязательно расскажу её Виконту.

В комнату заглянул Хозяин. Оглядев всех, он обратился с просьбой:

— Паскаль, нужна ваша помощь. У меня сломался компьютер. Если вам не трудно, поднимитесь в мой кабинет.

Хозяин закрыл дверь. Артур с Паскалем переглянулись.

— Сходим вместе? — предложил Паскаль, и Артур согласно кивнул в ответ.

Одевшись, они вышли во двор и по протоптанной в снегу тропинке прошли к лестнице. Поднявшись на третий уровень, зашли в кабинет Хозяина. Он сидел в кресле и задумчиво смотрел на монитор.

— Пишет — нет загрузочной записи, — сообщил он. — Как-то это у меня уже было. Вы тогда исправили быстро, но я забыл — что надо делать? Объясните мне ещё раз.

— «Лучший способ объяснить — это самому сделать», — сказал Паскаль.

Он подошёл к Хозяину, и тот уступил ему место в кресле. Паскаль занялся работой, а Хозяин подошёл к Артуру.

— Как дела, молодой человек? — спросил он.

— Нормально, только скучно торчать в комнате. Скорей бы эта зима закончилась... А вам не скучно тут одному?

— Скука — это свидетельство внутренней пустоты, — ответил Хозяин. — Человеку с богатым душевным миром не будет скучно даже в одиночной камере. Если вам стало скучно, значит, с вами что-то не так... Мне с собой не скучно. Я решил написать давно задуманную книгу по психиатрии.

— Но вы всё-таки заходите к нам, что ж вы тут в одиночестве.

— «В мире можно выбирать только между одиночеством и пошлостью», — процитировал Шопенгауэра Хозяин.

Паскаль бросил на него насмешливый взгляд, но промолчал.

Через десять минут компьютер загрузился, а ещё через пять минут Паскаль поднялся и сказал:

— Всё! Можете продолжать писать свою книгу.

На обратном пути Паскаль хмыкнул и поделился с Артуром:

— Знаешь, что я у него на компьютере увидел? Карточную игру — покер на раздевание.

Артур улыбнулся.

— Ну, это не криминально.

— Давайте рассказывать анекдоты! — заявил Паскаль.

Он огляделся вокруг.

— Кто у нас самый весёлый?

— Шевалье Буффон, это по вашу душу, — с некой иронией обратился к Шуту Адам.

— Анекдот, это я так понимаю — забавная история? — не смутился Шут. Он уже не носил бандану и разговаривал свободно, почти без акцента. — Ради бога, у меня их, если всё

вспомнить, на две телеги наберётся... Вот я любил подшучивать над нашим аббатом, когда он был помоложе, и ещё не обладал вторым подбородком. Однажды я его спросил:

— Монсеньор, если я украду у монастыря бочку вина, я наверно попаду в Ад?

— Несомненно, сын мой, — отвечал он мне. — Это прямая дорога в Ад.

— А если я подарю монастырю тысячу солидов, то наверно попаду в Рай?

— Не могу гарантировать, — отвечал он мне, — но шансы на райское блаженство резко возрастут.

— А если я сначала подарю вам тысячу солидов, а потом украду у вас бочку вина? — не отставал я.

Он посмотрел на меня хитро и сказал:

— Сын мой, если ты подаришь мне тысячу солидов, бочку вина я подарю тебе сам.

Все рассмеялись, а Паскаль заявил:

— Анекдот должен быть коротким. Чем короче, тем лучше. Например: «Колобок повесился».

— Кто такой Колобок? — нахмурился Шут.

— Это... — затруднился Паскаль. — Голова такая, из муки. Она по земле катится, а все хотят её съесть.

— Боже мой! Какие вы ужасы рассказываете. Это, по-вашему, смешно?

— Хорошо, расскажу другой анекдот, — сказал Паскаль.

«Джентльмен подъезжает на машине к тротуару и спрашивает полицейского:

— Могу я здесь припарковаться?

— Нет, — отвечает полицейский.

— А вот же машины стоят, — указывает рукой джентльмен.

— Они не спрашивали».

Все засмеялись, а Судья нахмурился.

— В Англии уважают закон. Я всегда оставлял машину только на парковке. Замените джентльмена на мистера, и для Америки это сойдёт.

— Что такое «машина»? — наклонившись к Артуру, спросил Шут.

— Это... телега с мотором.

— Что такое мотор?

— Механическая лошадь, которую кормят бензином, — как сумел, объяснил Артур.

— Бензином? — наморщил лоб Шут и вздохнул. — Видимо дальше спрашивать бесполезно. Каждый ответ вызывает новый вопрос.

— Расскажите анекдот из жизни учёных, — попросил Ньютона Артур.

Ньютон благосклонно склонил голову.

— Учёные обладают своеобразным чувством юмора. Я у своего коллеги как-то спросил: «ты почему не брешься»? А он мне в ответ: «Паули запретил».

Ньютон оглядел слушателей и, заметив недоумение в их глазах, вздохнул.

— Да... Тут явно, кроме меня, больше учёных нет.

— Ну, поясните — в чём юмор-то? — спросил Андрон.

— Если юмор надо пояснять, это уже не юмор, — махнул рукой Ньютон. — Я знаю анекдоты из серии «физики шутят».

— Давайте!

— «Учёный не мусорит на улице, чтобы не увеличивать энтропию мира».

Заметив, что все вопросительно смотрят на него, очевидно не понимая юмора, он

повторил попытку.

— «Однажды Ньютон сидел под деревом и на голову ему упало яблоко. «Какое безобразие!» — подумал Ньютон, и открыл закон всемирного тяготения. С тех пор все яблоки падают закономерно».

— Да! — вздохнул Паскаль. — Анекдоты не ваша стихия. Лучше я расскажу анекдот из серии «физики шутят».

— «К огромной радости общества защиты животных, был выпущен на свободу живой, но голодный, несчастный кот Шрёдингера. После тщательного обследования выяснилась неожиданная деталь. Кот Шрёдингера оказался кошкой. Теперь учёные всего мира ломают голову — это исходная ошибка или результат эксперимента?»

Этот анекдот вызвал более живую реакцию. Улыбнулся даже Ньютон.

— А я вспомнил любимую шутку нашего Хозяина, — сказал Андрон. — «Если у вас паранойя, это ещё не значит, что за вами никто не следит».

— Это афоризм, — сказал Паскаль. — Меткая, ироничная мысль. Афоризмы я люблю, когда-то носил в кармане маленький томик Станислава Ежи Леца «Непричёсанные мысли». Откроешь на любой странице и обязательно что-то примечательное найдёшь. Сейчас попробую что-нибудь вспомнить... «Из гениальной мысли можно убрать все слова».

— Что за вздор! — нахмурился Ньютон. — Мыслей без слов не бывает.

— Или вот ещё! — вспомнил Паскаль. — «Оптимизм и пессимизм расходятся только в дате конца света».

— Ну, это другое дело, — благосклонно согласился Ньютон. — Мой любимый афоризм: «Пессимист — это хорошо информированный оптимист».

— Нет, нет! — запротестовал Адам. — Это шутка, мало что бородатая, она просто неверна. «Пессимизм — это настроение, оптимизм — это воля». Надо жить — смеяться над неудачами, надеясь на лучшее. Оптимист, даже падая в пропасть, кричит: «лечу-у-у»!

Адам раскинул руки, демонстрируя сказанное, и посмотрел на Ньютона с улыбкой.

— Оптимизм бывает токсичным, — нахмурился Ньютон. — Сколько не говори «халва», во рту слаще не станет.

Дни тянулись в утомительном однообразии. Паскаль стал раздражительным и пожаловался Адаму, как ему надоело это «безумное общежитие». Адам посмотрел на него строго и отчитал:

— Думаешь, мне это нравится? Я же не жалеюсь... Поговори с Ньютоном, если он не против, поменяйтесь с ним местами. Он займёт твоё место, а ты отправляйся на кухню — поработаешь кашеваром.

Так и сделали. Паскаль отправился на кухню, и в первый же день так пересолил еду, что даже добродушный Поэт возмутился.

— Это невозможно есть! — воскликнул он, проглотив первую ложку.

— По-моему, он сварил соль, а посолил крупой, — согласился Шут.

— Я сейчас пойду на кухню, — рассердился Ньютон, — и заставлю его съесть всю кашу без хлеба. А не съест — тресну по лбу половником, чтобы ума прибавилось.

— Я сам схожу, — остановил Ньютона Адам. — Если вы стукнете его по голове, у него остатки ума вылетят. Лучше я сам прочитаю ему кулинарную лекцию для «чайников».

Он сходил в подвал, провёл свою лекцию и на следующий день результат был налицо — еда была недосолённая.

— Ну, это всё-таки лучше, — рассудительно сказал Судья. — Он ещё прицеливается.

Это, как в артиллерии, — сначала перелёт, затем недолёт, а потом уже в самую точку.

— Ты можешь меня подменить? — спросил Артура Паскаль через пару дней.

Они разговаривали на кухне, куда Артур зашёл навестить друга.

— Тебе уже тут надоело? — удивился Артур.

— Да не в этом дело! Я хочу съездить в монастырь.

— А-а! — припомнил Артур. — К этой дочке диакона? Что, она тебе так понравилась?

— Я сам от себя не ожидал... Как-то всё поначалу было легко, мы гуляли, катались на лошадях, болтали на разные несерьёзные темы. А потом, будто что-то у меня щёлкнуло внутри, и я понял, что влюблён. Мне даже смешно стало — как я, человек двадцать первого века, могу влюбиться в какую-то полуграмотную полумонашку средневековья. Я совсем этого не ожидал... Но случилось.

— Хорошо, я тебя подменю, — согласился Артур. — Только будь осторожен. Диакону точно не понравится твоё появление.

Паскаль задумался, помешивая кашу в большом котле.

— Я вспоминаю, как это было у меня раньше, — наконец заговорил он. — Я влюбился первый раз точно так же неожиданно для себя. Мы дружили с Миленой со школы, но даже ни разу не целовались — меня тогда интересовали другие девчонки, постарше. А потом я встретил её случайно на улице, когда учился в университете. Мы обрадовались, обнялись, она стала меня расспрашивать, стала рассказывать про свою жизнь. Мы пошли прогуляться в парк, и вот там меня вдруг что-то торкнуло. Я остановился, а она удивилась: «ты чего»? Взяла меня за руку, и мы пошли дальше, а я уже не слышал, что она говорит, я смотрел на её каштановые волосы и хотел потрогать их рукой, хотел наклониться, вдохнуть их запах, но не решался. «Да ты меня не слушаешь!» — сказала она и рассмеялась. — «Ты наверно влюбился». И я понял, что — да, так и есть.

Он снова замолчал, задумавшись с улыбкой на лице.

— И что же случилось, почему вы расстались?

Паскаль посмотрел на Артура, и улыбка исчезла с его лица.

— Всё банально. Мы жили с ней на одной улице, но в разных мирах... Она жила, как и все подруги вокруг неё. Увлекалась музыкой, модой и сериалами. Её очень интересовало — кто убил Лору, кто убил Нолу? Её совсем не интересовало — кто мы такие и где мы находимся?

— Может быть, она уже знала ответ на эти вопросы?

— Никто не знает ответы на эти вопросы. Люди теряют к ним интерес, понимая, что ответов не будет. Люди прячутся в веру, в работу, в личную жизнь. Они задвигают безответные вопросы в глубину своего сознания, на самое дно, откуда они уже не смогут выплыть. Люди прячутся от безответных вопросов.

— А ты не спрятался, — улыбнулся Артур.

— Я не смог.

Паскаль уехал на лошади в монастырь. Шут отправился вместе с ним, решив вернуться в Кардерлин — разобраться со своими проблемами. Артур занялся приготовлением обеда. Он захотел сварить уху. Андрон вызвался ему помочь. «Надоело валяться в постели у тёплой печки», — сказал он. Вдвоём они вышли на берег озера, разбили веслом тонкий лёд, отплыли недалеко и закинули с лодки сеть. Наловили рыбы и принесли её на кухню. Артур боялся пересолить или недосолить, поэтому, когда уха была готова, они сначала поели сами, и только когда Андрон одобрительно кивнул и поднял палец вверх, уха в тарелках

отправилась по лифту вверх, а повара решили отдохнуть.

— Поработали неплохо, поели хорошо, теперь надо достойно отдохнуть, — сказал Андрон, укладываясь поудобней на лежанку, которую в кухне смастерил Ньютон. — Что ещё надо для счастья?

— Много чего, — улыбнулся Артур. — Паскаль, вон, за счастьем по морозу, по сугробам поскакал.

— Это дело молодое, — сказал Андрон. — Я уже подожду до весны.

— А сколько тебе лет, Андрон?

— Тридцать пять. А насколько выгляжу?

— Я думал, тебе нет тридцати, — удивился Артур.

Андрон довольный улыбнулся и пояснил:

— Это всё оттого, что правильный образ жизни веду и мысли имею правильные.

Артур не удержался и возразил:

— Если б мысли были правильные, вряд ли бы ты оказался в больнице.

— А у меня на этот счёт своя теория есть, — не смутился Андрон. — Я, когда её Хозяину рассказал, он сначала посмеялся, а потом задумался.

— И что ты ему сказал?

— Нормальных людей вообще-то нет. Все люди в какой-то степени ненормальны. В этом нет ничего удивительного. Нормальностью люди называют определённое окно допустимой ненормальности. Но загвоздка-то в чём? Окно это не находится, как можно подумать, наверху. Оно находится посередине. То есть люди избыточно нормальные имеют реальный шанс очутиться там же, где очутился я.

— Кто же это такие — избыточно нормальные люди? — засмеялся Артур.

— Одного из них ты видишь перед собой, — даже несколько гордо сказал Андрон. — Я имел смелость признаться себе в том, что другие подозревают, но признаться себе в этом не смеют. Вот за эту смелость меня, нормального человека, засадили в клинику.

— Это ты про биологический механизм? — догадался Артур.

— Именно так... Я утверждаю, что каждый человек — биологический механизм, не обладающий свободой воли, но выполняющий заложенную в него программу.

Артур не стал спорить, но не преминул заметить:

— А муравьи?

— Что муравьи? — не понял Андрон.

— Это же не нормально у себя в квартире, как ты рассказывал, заводить муравейник.

— Почему? — искренно удивился Андрон. — Почему заводить кошек и собак можно, а муравьёв нельзя? Где это написано?

— Значит, абсолютно нормальных людей нет?

Артур задумался. Куда же он должен поставить себя?

— Разве могут в реальном мире быть идеальные вещи? — рассудил Андрон. — Вот Земля, например — шар, так и тот сплюснутый. Это считается нормальным. Найдите идеально круглую планету, её сразу запишут в ненормальные и посадят в межпланетный сумасшедший дом.

Наутро Паскаль вернулся и сменил Артура на кухне. Артур вернулся в комнату Сократа, улёгся на свою постель и стал думать — чем бы ему заняться? Андрон от скуки взялся читать Библию. Артур с интересом украдкой наблюдал за его лицом, которое откровенно отражало его эмоции от прочитанного. Он то недоверчиво сжимал губы, то наклонял голову

набок, как бы удивляясь чему-то, то насмешливо улыбался. Задумавшись, он спросил Артура:

— Иезекииль — это фамилия или имя?

— Что, прости? — не понял Артур.

— Это имя, — отвлёкся от своих мыслей Ньютон. — Фамилий тогда ещё не было.

Андрон продолжил чтение, но вскоре захлопнул книгу и встал.

— Пойду, проверю своих муравьёв, — сказал он и, накинув тёплую куртку, вышел.

— Заботливый! — усмехнулся Ньютон. — Переживает за будущую цивилизацию. Он их старыми тряпками укрыл от холода... Надо посоветовать ему написать скрижали для них. Будет у них ветхозаветным пророком.

— Они читать не умеют, — улыбнулся Артур.

— Пусть научит, — сказал Ньютон. — Как только встанут на ноги, пусть сажает их за парту. Я, так и быть, им начальную физику буду преподавать.

— Писатель с Поэтом могут преподавать литературу, — стал размышлять Артур. — Сократ — основы философии. Паскаль проведёт уроки информатики. Судья прочитает основы права. Маркус будет учителем рисования. А я... А я ничего не умею.

— Так не бывает, — посмотрел на него искоса Ньютон. — Что-нибудь все умеют.

Артур задумался.

— Может быть, — нерешительно сказал он, — учитель истории?

— Хорошее дело, — согласился Ньютон. — Только истории у них пока нет... Вот интересно — а с чего начинается человеческая история?

— С Адама и Евы, — улыбнувшись, сказал Артур.

— Ну нет! Это выдуманные персонажи. А настоящая история, я думаю, началась с наскальных рисунков. Это самые древние страницы истории.

В комнату вернулся Андрон.

— Как поживают твои подопечные? — спросил его Ньютон. — Не замёрзли?

— Всё нормально. У них пауза — зимовка, значит. Я поставил в комнате небольшую плитку. Так что не замёрзнут.

— Ты о них заботишься как о детях малых, — пробурчал Ньютон. — Хоть одного научил ходить на двух ногах?

— Это не так быстро, — заявил, укладываясь в постель, Андрон. — Но я человек настойчивый — своего добьюсь.

— Будешь их в цирке показывать, — съязвил Ньютон. — «А сейчас на арене дрессированные муравьи!»

— Ага! — не обиделся Андрон. — Только зрителям надо будет театральные бинокли раздать.

К концу зимы Поэт простудился и заболел. Температура подскочила за сорок. Он метался в своей постели, тяжело дыша. Артур ухаживал за ним, вытирая капли пота с горячего лба, заваривая крепкий чай с дикой малиной, поправляя одеяло.

Иногда, в горячке, Поэт читал обрывки несвязных стихов, которые сливались в какую-то бредовую молитву.

Это написано мелом на белом,

Слова невидимы, но ясны.

Каждая тварь — Господне дело,

Имеет права на цветные сны.

Мысли его перескакивали и рвались, как нитки в руках неумелой швеи. Иногда

сознание его совсем омрачалось, и он переходил на явный бред — *inarticulata et illiterata*.

Адам подходил, смотрел на градусник, поджимал губы и рылся в аптечке в груди таблеток. Следом приходил Хозяин, выхватывал у Адама аптечку, отгонял всех от больного — «каждый бродяга мнит себя врачом!» — и назначал своё лечение.

Жарко топилась печка, Артур подбрасывал в неё дрова, обжигая пальцы горячей заслонкой. Маркус сидел в ногах у Поэта и гладил его по руке с виноватым взглядом подброшенного котёнка.

Через три дня температуру удалось сбить и больной медленно пошёл на поправку. Проснувшись утром, Артур застал его за чтением Овидия.

— Изучаете латынь или хотите посоревноваться с поэтом?

— Я пробовал писать стихи на латыни, но понял, что получается чушь. Писать стихи надо на родном языке. Но читать их надо только на языке оригинала. Я, на примере Овидия, ещё раз в этом убедился... Переводная поэзия может быть хорошей, но это уже другая поэзия... Например, я читал, как Чуковский переводил Уитмена. «*Bat-eyed priests*» он перевёл как «священники с глазами летучих мышей». И сокрушался о том, что это в четыре раза удлиняет строку и убивает весь её ударный эффект, а буквальный перевод на русский язык невозможен. Тогда получится — «летучемышеглазые священники». Это и звучит дико, и всё равно не попадает в размер.

Поэт отложил книгу, закинул руки за голову, улыбнулся и поделился воспоминанием.

— В юности я придумал токайский язык, чтобы писать стихи на своём языке.

— Токайский язык?

— Я его так назвал.

— И зачем он вам понадобился?

— Все слова в известных языках использованы и затёрты. Я даже не говорю про рифмы, небанальных рифм не осталось, даже смыслы слов затёрты до невозможности их дальнейшего применения. Все слова разобраны, пронумерованы и привязаны. За каждым словом стоят тома, каждое слово вызывает рой ассоциаций.

— Ну и чем это плохо? Может, это придаёт дополнительную глубину?

— Дополнительную «глупину» — я бы так сказал... «Для поэта словарь — это список мёртвых слов», — думал я. — «Слово — предмет одноразового использования, как медицинский шприц. Если это не так, вы рискуете заразиться, бог знает чем».

— Хорошо, написали вы стихи на токайском языке. А как их поймут другие люди?

— Пусть изучат язык! Это их проблема.

— Ну... На свете столько поэтов. Если у каждого будет свой язык!

Артур махнул рукой, но попросил:

— Почитайте что-нибудь на токайском.

— Не стоит, — смутился Поэт. — Это будет звучать, как шаманское заклинание на непонятном вам языке. Да и я подзабыл его с тех пор.

На следующий день Поэт уже встал и вышел во двор — бледный, но весёлый. Обнялся с вернувшимся из Кардерлина Шутом. Шут выглядел довольным и счастливым, сыпал шутками направо и налево — видимо помирился с любезной Мартиной и её братцем. Поэт, размахивая руками, начал декламировать ему «Метаморфозы». Унять его удалось только Андрону, который стуча поварёшкой по кастрюле, позвал всех на обед.

Вечером Артур был свидетелем следующей сцены. Поэт в своих разбитых очках держал в руке листок и читал Шуту своё эссе о поэзии:

— Как сказал один великий немец: «Мир раскололся пополам, и трещина прошла по сердцу поэта».

— А я думал, она прошла по твоим очкам, — с иронией сказал Шут и уточнил: — Немец — это кто?

— Германец! — пришёл на помощь Артур.

— Надо же! — удивился Шут. — Они тоже стихи писать научились?

Календарная весна на удивление совпала с реальной. Первого марта ещё шёл снег, а второго уже выглянуло тёплое солнце и через пару дней зажурчали первые ручьи подтаявшего снега.

— Когда же уже придёт эта чёртова гроза! — Адам нетерпеливо расхаживал по двору и смотрел вверх, на рваные облака. — Хочется слегка перефразировать классика: люблю грозу в начале марта.

— Ничего пережили зиму, ещё пару месяцев как-нибудь переживём! — улыбнулся Артур.

Потеплело и все разошлись по своим комнатам. Артур помогал перетаскивать вещи. Он зашёл в комнату Маркуса и увидел его сидящим в меланхолии на полу.

— Что вы делаете? — спросил Артур, положив принесённую им постель на кровать.

— Я размышляю о природе вещей, — сказал Маркус, перебирая валяющиеся на полу безделушки — кубик Рубика, юла, игральные кости.

Артур удивлённо поднял брови, но ничего не ответил.

— Всякая вещь — кусочек мира. Вещи бывают круглые, твёрдые и ненужные, — как-то задумчиво, словно в прострации, говорил Маркус. — Они делятся на свои и сделанные человеком. Свои рождаются сами... Человек «полюбляет» вещи, потому что у них много общего. Они такие же странные и тоже часто ломаются... Когда мир ещё был маленьким, вещи могли отсутствовать. Но после он рос и вырос, и стало ему в себе пусто. Тогда появились вещи, и были они ненужные, а это было обидно. Время вертелось медленно, вещи молчали и думали: как же им стать нужными, как же им стать красивыми? Мысли вещей множились, толкались и беспокоились. Мир умножался количеством, что было ужасно скучно. И вот из тепла и движения, от скуки мёртвого мира, родился человек. Сначала появились глаза, и сразу — удивление. А всё остальное ужеросло потом.

Он поднял голову и посмотрел на Артура.

— Человек — это вещь удивлённая. И родился он от сомнения скучного мира вещей. Он вырос, встал на ноги, шагнул и пошёл прокладывать утопанные дороги, раздвигая руками молчаливые вещи.

— Маркус, это вы философствуете или бредите? — поинтересовался Артур.

Маркус не обиделся, возможно, даже не понял вопроса. Он поднялся с пола и ногой осторожно придвинул все безделушки к стене. Затем подошёл к кровати и стал запихивать матрас под кровать. Артур ему помог. Он уже успел полюбить этого маленького несуразного человечка с оттопыренными ушами.

Загорелся свет — это Адам включил рубильник в подвале, — дело шло к вечеру. Маркус задрал голову и посмотрел на горящий светильник. Потом опустил голову и снова стал вслух размышлять:

— Человек приручил электричество, — как бы разговаривая с самим собой, сказал он. — Это дикий зверёк, живущий в проводах. Иногда он больно кусается. Человек заставляет его работать на себя. Он умеет делать свет и тепло, а человек не умеет. Но

человек хитёр. Он сумел подчинить себе ближний мир. Он сделал рабами зверей и птиц. Он ловит рыбу в океане, как выкапывает картошку в своём огороде. И жарит их на одной сковороде. Покорные твари уже молчат. Человек обманул их. Он придумал своего Бога. И Бог за это ему обещал вечную жизнь и райские яблоки.

Он вздохнул и, присев, полез под кровать. Артур, не сдержав улыбку, вышел из комнаты.

Утром, когда все после завтрака сидели, греясь под весенним солнышком, во дворе, Паскаль сказал, что хочет съездить в монастырь.

Адам пристально посмотрел вслед уходящему Паскалю.

— Что-то он зачастил в монастырь... Уж не хочет ли он стать монахом?

Шут, таинственно улыбаясь, пояснил:

— Его не интересуют монахи, его интересуют монашки. Точнее одна монашка.

— Вот оно как! Ну, это всё объясняет. Дело молодое...

Ева, до этого молча рисовавшая что-то за столом, поднялась и ушла. Адам проводил её долгим взглядом.

— А девочка-то наша становится девушкой... Ревнует Паскаля.

— Да, она как-то быстро повзрослела за последнее время, — согласился Артур. — Уже не дашь ей одиннадцать лет.

Сократ задумчиво произнёс:

— Является ли ревность свидетельством любви?

— Я не вижу в этом вопросе ответа, — улыбнулся Артур.

— Вы правы... А если так: является ли ревность свидетельством чистой любви?

— Вот здесь уже есть ответ, — кивнул Артур. — Безусловно, ревность пачкает любовь.

— По-моему, «чистая любовь» — это абстракция, — сказал Ньютон. — На Земле нет ничего чистого. Самый чистый снег смешан с земною пылью, если приглядеться.

— Всё равно, — не согласился Артур, — ревность грязнит любовь. Ревность порождается чувством собственника. Когда к любимому человеку относятся как к завоеванию, как к собственному имуществу, на которое никто не смеет покушаться. Истинная же любовь озабочена тем, чтобы любимому или любимой было хорошо. И если ей хорошо с другим человеком, надо уйти в сторону, как бы больно тебе не было.

— Всё это красиво на словах, — возразил Ньютон. — В реальной жизни всё грубей и проще.

— Видимо за вашими словами стоит какой-то личный опыт, — вопросительно посмотрел на Ньютона Артур.

— Я чуть не убил свою жену из ревности, застав её с любовником, — угрюмо сказал Ньютон. — Не поднялась у меня на неё рука. Слишком сильно я её любил... Зато любовнику досталось по полной! Отправил его на досрочную пенсию по инвалидности.

— Отомстили! — понимающе кивнул Писатель.

— Да, нет... — нехотя сказал Ньютон. — Это было в состоянии аффекта... Я вообще-то не мстительный человек. Никогда не понимал всякого рода вендетту, кровную месть... Если целью жизни становится месть, значит, у жизни не было никакой цели.

Немного помолчали.

— Ревность не связана только с взаимоотношением полов, — прервал паузу Адам, — это более широкое чувство. Паскаль, например, ревнует меня к тебе, — Адам с улыбкой посмотрел на Артура. — Он до сих пор обижается, что я предложил побег тебе, а не ему.

— У меня было три жены! — гордо сказал Писатель. — И мне казалось, что каждая

лучше предыдущей. В итоге они все меня бросили, а я разочаровался в женщинах... Мне нужна подвижница! Мне нужна преданная жена, всю свою жизнь положившая к моим ногам. А они все чего-то хотели от меня, пилили день и ночь.

Он обиженно посмотрел на всех.

— Никто из них не ценил моего таланта. Я мог бы обессмертить их имя, посвятить им свои произведения... А теперь пусть прозябают в неизвестности. Так им и надо!

— Ну конечно, — с лукавой улыбкой сказал Адам, — Мастеру нужна Маргарита. Вам просто не повезло её встретить. Возможно, она шла навстречу вам с жёлтыми цветами в руках, но вы были увлечены своими мыслями, и прошли мимо.

Писатель горестно вздохнул и покивал согласно.

— Мне тоже всегда не везёт, — пожаловался Маркус. — Если я выходил из дома без зонта, обязательно попадал под дождь. Если же я его брал, таскал его в руке весь день под палящим солнцем.

— А любимая девушка у вас была? — поинтересовался Артур.

— У меня был любимый кот, — буркнул Маркус. — Красивый сиамский котяра.

— Вы практиковали зоофилию? — с профессиональным интересом обратился к нему Писатель.

— Чего? — не понял Маркус.

— Не обращайтесь внимания! — направил беседу Артур в сторону от опасного направления. — Была ли у вас девушка, с которой вам хотелось бы прожить всю жизнь?

— Девушки меня никогда не замечали. Смотрели как будто сквозь меня.

— Но вы сами-то их замечали?

Маркус покраснел.

— В школе я сидел с одной девушкой за одной партой.

— И это весь ваш сексуальный опыт? — удивился Писатель. — Впрочем, всё зависит от воображения. Иногда посидеть рядом значит больше, чем провести вместе всю ночь.

— Я кота своего любил, — нахмурившись, сказал Маркус. — Когда он умер, я плакал три дня, а потом перестал, потому что слёзы кончились... Я помню из детства один печальный случай... Однажды я варил суп на плите и, о чём-то задумавшись, схватил котелок голой рукой, обжёг пальцы, и котелок с кипятком полетел вниз. А под ногами у меня крутился мой любимый котяра. И я, не знаю — как, в последний момент, уже на лету, подтолкнул котелок в свою сторону... Потом две недели валялся в больнице с обожжёнными ногами, но кот мой не пострадал, только перепугался... Вот эта непонятная сила, которая толкнула меня вылить кипяток себе на ноги, наверно и была любовь.

Хозяин позвал Артура порыбачить на лодке. Артуру надоело валяться в кровати и читать книги. Он с удовольствием согласился. Они сели в лодку, Артур взялся за вёсла и, отплыв подальше от берега, они закинули удочки.

Время для рыбалки было выбрано неудачно. Клёва долго не было. Но Артур понял, что не это беспокоило Хозяина. Он даже не смотрел на поплавок, он думал о чём-то другом. Артур понял, что он хочет поговорить, но не может начать.

— У вас клюёт! — указал пальцем Артур.

Хозяин встрепенулся и дёрнул удочку. Небольшой длиннохвостый тунец сорвался с крючка и упал в воду. Хозяин чертыхнулся и, смотав леску, бросил удочку на дно лодки.

— Бог с ней, с рыбой! — с досадой сказал он. — Я хотел поговорить о моей дочери.

— О Еве? — удивился Артур. — А что с ней?

— Она сильно изменилась... в худшую сторону.

Артур неопределённо пожал плечами.

— Она взрослеет. Это нормально. Переходный возраст.

— Только не надо мне рассказывать про переходный возраст! — внезапно вспыхнул Хозяин, но тут же успокоился. — Это совсем другое... На неё плохо влияет Паскаль.

— Да они почти не общаются в последнее время!

— Вот в том-то и дело! — опять повысил голос Хозяин. — Девчонка — дура. Она начиталась романов, придумала себе любовь и теперь сходит с ума по этому дурню... Рыдает в кровати, жалуется матери — он меня бросил! Тьфу!

Хозяин был явно зол и расстроен.

— Ну а я что могу сделать? — растерянно спросил Артур.

— Вы можете поговорить с вашим другом, чтобы он объяснился с моей дочерью. Чтобы он объяснил ей, что она всё придумала, что между ними ничего не было и быть не могло. Его она услышит, а меня она слушать не хочет.

— Почему вы сами с ним не поговорите?

— Я говорил... — хмуро ответил Хозяин. — Этот негодяй посоветовал мне обратиться к психиатру.

Артур успокоил Хозяина, пообещав, что поговорит с Паскалем. Он соврал. Он не хотел вторгаться своими советами в чужую жизнь.

Проходя по двору, Артур увидел знакомое блюдо с красивым узором, лежащее на столе. Оглянувшись вокруг, он приподнял перевёрнутое блюдо и вытащил записку. На ней было написано несколько слов, старательно зачёркнутых, чтобы нельзя было прочитать. Артур положил записку обратно.

— Тайное желание, — подумал он. — Ева надеется на понятливость доброй феи... Всё-таки она ещё ребёнок.

Вечером, выйдя перед сном погулять, Артур услышал тихие, странные звуки. Он пошёл на звук и увидел Еву. Ева всхлипывала, отвернувшись к стене. Плечи вздрагивали, хлюпала носом. Артур прикоснулся к её руке, и она повернулась.

— Он совсем про меня забыл, — пожаловалась она. — Я ему не нужна.

Тёрла глаза и нос кулачком, размазывая слезы и сопли.

Артур потерялся — не зная, чем её утешить?

— Пожалуйста, не плачь, — попросил он. — Ты всё преувеличиваешь. Паскаль не забыл про тебя. Он просто влюблён.

Ева зарыдала ещё громче, отвернувшись к стене. Артур разволновался и предложил:

— Ну, хочешь, я с ним поговорю?

— О чём? — сквозь рыдания спросила Ева. — Если ему наплевать на меня, если он ничего не видит...

Она вытерла слёзы платком и пошла к лестнице. Артур проводил её взглядом и вздохнул.

— Поезжай в монастырь и вытаскивай Паскаля! — приказал на следующий день Артуру Адам. — Хватит шастать ему по девочкам, а то останется здесь и придётся ему стать монахом. Возьми моего коня.

Артур вывел из сарая коня, и вместе с ним на плоту переправился на тот берег. Через час он уже был у ворот монастыря. Привязал коня к деревцу и зашёл в ворота.

Артур вошёл в церковь, когда месса уже началась, и присел на задней скамье. За

амвоном стоял новый аббат, назначенный графом. Ему было не более тридцати лет. Голос его был ещё по-мальчишески звонкий. Слова отражались от купола и мозаичных окон, создавая эффект эха. Видно было, что аббат старается донести своё слово до слушателей. Но своё ли это было слово?

Молодой аббат бережно взял в руки Библию и открыл нужную для проповеди страницу.

— Этот Бога не ищет, — подумал Артур, — он Его уже нашёл. Его Бог целиком помещается в этой книге.

Он вспомнил горячие проповеди Мессии и вздохнул. Потихоньку встал и вышел из церкви.

Дождавшись окончания мессы, Артур среди выходящих из церкви монахов, увидел Дени и подошёл к нему. Дени обрадовался ему, но как-то испуганно.

— Пойдёмте за ворота! — предложил он.

Выйдя за ворота, он смущённо объяснил:

— Тут вас знают и могут быть проблемы. Новый аббат называет ваш Замок бесовским домом, а всех его обитателей слугами дьявола.

— Вы не знаете — где Паскаль? — спросил Артур.

Дени огляделся вокруг и шёпотом на ухо ответил:

— Он живёт в сторожке на огородах. Там он встречается с дочкой диакона. Если их кто-нибудь увидит, даже не представляю — что будет?

Ещё раз оглянувшись, он опять зашептал на ухо.

— Он втюрился в Христину. Она поначалу ответила ему взаимностью. Но отец, узнав об этом, сделал её строгое внушение и хочет теперь отправить её в Тур, в другой монастырь, где её постригут в монашки.

Артур поблагодарил Дени и пошёл на огороды.

Ещё подходя, он увидел свою Звёздочку, привязанную у сторожки. Артур подошёл к ней и с улыбкой прислонился к её голове, обняв её за шею. Лошадь фыркнула, признав Артура. Потом он сделал несколько осторожных шагов и, заглянув в приоткрытую дверь, увидел Паскаля и молоденькую девушку в монашеском одеянии. Они сидели на лавке. Паскаль держал её за руку, а она говорила ему:

— Сейчас я послушница в монастыре. А приняв обет, стану Христовой невестой и посвящу себя монастырскому служению до конца жизни.

Паскаль отпустил её руку и взял со стола Евангелие. Задумчиво посмотрел на него, а затем на девушку.

— А если всё это выдумка? И он был простым человеком, обманувшим всех, потому что обманул себя?

Она повернула к нему голову с недоумением, пытаясь понять его слова. Но потом отвела взгляд, и лёгкая улыбка тронула её губы.

— Тогда весь мир — чья-то выдумка. Потому что он для меня — весь мир. На Солнце смотрю — его вижу. На звёзды смотрю — ищу его глаза, как он смотрит на меня. Ветер дунул — его дыхание ощущаю. Птицы запели — голос его слышу. Если он — выдумка, значит, и я — выдумка.

— Почему в твоей жизни есть он, и нет меня? — с обречённым отчаянием спросил Паскаль.

— Смешной... — прикоснулась к его руке девушка. — Ты тоже есть в моей жизни. Но это другое.

Артур потихоньку отошёл от двери. Ему стало стыдно, что он подслушал то, что было глубоко личным для двоих.

Паскаль вернулся в Замок мрачный, как грозовая туча. Повесил на дверь, найденную в подвале, табличку: «Не влезай — убьёт!» Заперся в своей комнате и не выходил до утра.

Артур рассказал Адаму и Шуту то, что он видел и слышал.

— Я не понял, Паскаль, что? — хочет на ней жениться, а она ему отказала? — спросил Адам.

— Она решила стать монахиней, и поэтому отказала ему.

— А я думаю, тут не её воля, — сказал Шут, — тут воля её отца. Её отправляют в аббатство Святого Мартина, потому что так решил её отец — диакон. Она ещё молодая девушка и всё, что она говорит, это ей внушено. Она не может противиться воле отца.

Утром, на следующий день, Паскаль вышел из комнаты, когда все обитатели Замка завтракали во дворе. Хмурый подошёл к столу и сел с краю скамейки.

— А вот и наш Рыцарь Печального Образа! — пристально глядя на него, пошутил Адам. — Сохнет по своей Дульсинее.

Паскаль ничего не ответил, молча взял хлеб и стал намазывать его маслом. Артур пододвинул к нему кружку с горячим чаем.

— Что ещё за Рыцарь Печального Образа? — спросил Шут.

— А это такой шевалье, который не служит никому, — пояснил Артур. — Штатается по свету со своим слугой, ищет приключений на свою голову.

— И почему он печальный? У него несварение желудка или больные зубы?

— Что-то вроде этого, — засмеялся Артур, бросая осторожно, искоса, взгляд на Паскаля. Тот по-прежнему сидел хмурый, глядя в стол.

— Я так понимаю, твоя «Дульсинья» тебе отказала? — пошёл напролом Адам. — Что теперь думаешь делать?.. Ну, когда надоест хныкать и плакать.

Паскаль бросил взгляд исподлобья и неохотно сказал:

— Она сегодня уезжает в Тур. Простилась со мной и просила её не провожать, а то отец сердится.

— Так поезжай вслед за ней. Вырви её из цепких рук монахов, посади на коня и скачи обратно. Мы вас тут сразу и повенчаем, и женим.

Даже не понятно было — Адам подшучивает над Паскалем или говорит серьёзно?

— Примерно это я ей и предлагал, — ответил Паскаль. — Но она сказала, что не выйдет замуж ни за кого. Она хочет быть христовой невестой.

Шут развёл руками.

— Ну, поздравляю тебя! У тебя небанальный любовный треугольник: он любил её, а она любила Бога.

— Теперь я ненавижу Бога. Он отнимает у меня всё.

— Ещё раз поздравляю. Ты в шаге от того, чтобы стать святошей. От ненависти до любви — один шаг. Ненависть гораздо ближе к любви, чем равнодушие.

— Вы всё шутите, а у меня весь мир рушится, — нахмурился Паскаль.

— Не преувеличивай, — сказал Адам. — Когда-нибудь ты сам будешь вспоминать об этом с улыбкой. И потом, — извини, мой друг, — это была не любовь, а влюблённость, жажда любви.

Адам терпеливо стал объяснять.

— Есть три вида любви. Человек постоянно путает любовь и страсть, любовь и жажду

любви. А ведь это три разных чувства.

— Любовь рождается медленно и живёт долго. Даже когда она уходит, она уходит медленно, и всё равно частица её остаётся в сердце. Говорят про любовь с первого взгляда. Это ещё не любовь.

— Страсть вспыхивает, как спичка, и быстро гаснет. В страсти больше животного, чем духовного. К любви она имеет малое отношение.

— Жажда любви предшествует любви. Она не знает имени, она не имеет объекта своего приложения, точнее, объекты эти могут меняться, — она есть духовная и телесная потребность. Говорят о любви Ромео и Джульетты. А ведь любовь там только зарождалась. А всё, что было между ними — это жажда любви. Мало кто вспоминает, что, полюбив Джульетту, Ромео тут же забыл первую любовь. Мало кто понимает, что не случись трагедии, завтра Джульетту могла ждать участь Розалинды.

— Смешивать эти три вида любви нельзя, но именно это все делают. Называют одним словом такие разные чувства... Многие знают любовные страсти, к немногим приходит любовь, как подлинное счастье, но у всех в груди живёт жажда любви. Именно она правит миром.

— Всё это — слова, — хмуро заметил, молчавший до сих пор, Ньютон. — Вы наверно не любили по-настоящему, Адам. Пока я не любил, я тоже отлично знал, что такое любовь.

— О-о! Вы прочитали Чехова, — не обижаясь на учёного, но слегка насмешливо сказал Адам.

Помолчали, задумавшись.

— Любовь вообще чувство сложное, одной краской не нарисуешь, — глядя куда-то вдаль, сказал Паскаль. — Я отца своего и любил, и не любил одновременно.

— Как это возможно? — усомнился Артур.

— А вот так... Человек он мне по духу чужой, но отец... Когда приходит, я в свою комнату ухожу, не хочу его видеть и разговаривать с ним. А когда уходит, выхожу проводить его, говорю «будь здоров», и рука сама тянется прикоснуться к нему. Ловлю себя на этом, злюсь, а потом понимаю, что значит есть во мне и любовь к нему, несмотря на то, что мы люди очень разные... Я внешне похож на отца, а внутри — на мать... Вот такая любовь-нелюбовь.

Паскаль поднялся и пошёл по дорожке к воротам в сад. Артур хотел пойти за ним следом, но Адам остановил его движением руки.

— Оставь его, пусть побудет один.

Артур снова сел за стол.

— У меня в юности была такая теория, — сказал Ньютон. — Любовь — это природная сила, подобная гравитации. Гравитация стремится объединить физический мир, притягивает разрозненную материю друг к другу. Любовь делает то же самое — это сила, объединяющая живой мир. Любовь к человеку, к животным, к природе, к красоте, наконец, к Богу, к Истине — это то единение, которое в этом мире человеку доступно. Оно не полно, но большего здесь не дано.

— Хорошая теория, — одобрил Артур. — А сейчас вы так не думаете?

— Сейчас я думаю о других вещах, — ушёл от ответа Ньютон.

— Нет, погодите, погодите, — запротестовал Артур. — Если любовь — природная сила, должны быть какие-то физические законы, описывающие её. Получается, человек встроен в общую картину мира и подчиняется общим законам.

— А разве не так? — недоумённо посмотрел на Артура Ньютон. — Я вообще думаю, возможно, разум стоит в ряду таких физических явлений как энергия, материя, поле. То есть он не является чем-то отдельным от мёртвого мира, некой душой, оживляющей этот мир; он является свойством этого мира. Как свет освещает тёмный мир, ощупывает его фотонами, так и разум освещает мир, делая его видимым, единым, понятным... Если рассматривать разум в этом ключе, становится лишним вопрос о смысле жизни. Смысл подразумевает место чего-то отдельного в целом. Но если разум не является отдельным от мира, а является его неотрывным свойством, он не может противопоставляться мёртвому миру, ибо нет такого мира. Мир пронизан разумом, как гравитацией, как светом, как электромагнитными полями. Где-то гравитации меньше, как в пустынях космоса, где-то больше, как вблизи черных дыр. Гравитационное поле неоднородно. То же самое и с разумом, где-то его мало, и можно подумать, что его нет, где-то он осязаем и кажется отдельным явлением. Но это заблуждение. Просто разумное поле также неоднородно, как гравитационное или любое другое. Но оно вездесуще, едино и неотделимо от мира.

Артур заметил лёгкую улыбку на лице Адама.

— А вы как считаете, Адам? — спросил он его. — По-моему, вы не согласны.

— Нет, я не против, не против! — восторженно воскликнул Адам. — Мне даже очень нравится такая романтическая теория.

— Ничего тут нет романтического! — обиделся Ньютон. — Стар я уже для романтики.

Адам примирительно улыбнулся и потрепал Ньютона по плечу.

— Кстати, Адам, — спросил Андрон, — как у вас в будущем с этим делом?

— С каким?

— Ну... Есть ли секс на Марсе? Или где вы там живёте?

Адам улыбнулся.

— На Марсе секс ещё был. А вот потом постепенно исчез.

— Почему?!

— Пропала необходимость. Люди стали размножаться сначала в лабораториях, а потом вообще на конвейере.

— Но ведь секс — это не только продолжение рода.

— Появились такие источники удовольствия, что секс показался пресным.

— Ух ты! И что это за источники?

— Например, нейронная акупунктура — стимуляция нейронов, ответственных за удовольствие.

— Ну и как ощущения?

— Что-то среднее между нирваной и наркотиками.

— Так вы, стало быть, наркоманы?

— Без малейшей химии, без привязанности и без последствий. Если не злоупотреблять, конечно.

Андрон задумался. Артур встал из-за стола и пошёл в сад. Он хотел поговорить с Паскалем наедине.

В саду он нашёл Паскаля, сидящим под дубом и разговаривающим с Сократом. Артур подошёл, и сел рядом.

— Если бы она сказала: «я буду с тобой, но ты должен стать священником», — говорил Паскаль, — я бы с радостью принял эту судьбу, и молился бы в храме неведомому Богу, умоляя Его простить меня за неверие. Ради любви я готов на любое безумство.

— Может быть, она тебя просто не любит. К сожалению, это часто бывает — невзаимная любовь, — пытался утешить его Сократ. — Что же делать? Даже Аполлону отказала Дафна, чего уж нам простым смертным!

— И к несчастьям можно относиться философски, — продолжал он. — Человек ищет счастья — здесь и сейчас. Счастливому ничего не надо — лишь бы его счастье длилось вечно. Вот я думаю, спасение человека в том, что он несчастлив. Именно это побуждает его двигаться, не останавливаться на месте.

Вразумительные слова Сократа не достигали души Паскаля. Маялась его душа, своим несчастьем упиваясь.

Вечером во дворе болтали о разном, уже не загадывая тему, и, не понятно с чего, зашёл разговор об эвтаназии.

— В ряде стран эвтаназия разрешена при неизлечимых заболеваниях, — кивнул Судья. — Разумеется при согласии врачей, родных и самого больного.

— Если человек смертельно болен и знает об этом, он имеет право на эвтаназию, — упрямо сказал Паскаль. — Без чьего-либо согласия. У человека есть право на жизнь, должно быть право на смерть.

— Решение об эвтаназии должны принимать врачи, — твёрдо сказал Адам. — Больной может принять неверное решение под сильным болевым и депрессивным давлением. Больной может выразить своё желание, но окончательное решение за врачами.

Паскаль угрюмо молчал. Было ясно, что он остаётся при своём убеждении.

— Почему это так тебя волнует? — попытался расшевелить его Артур. — Это что-то личное? У тебя кто-то был смертельно болен?

Паскаль посмотрел на него, слегка прищурившись.

— Мы все смертельно больны. Жизнь — это долгая болезнь со смертельным исходом... А если у меня не тело, — повысил голос он, — а душа смертельно больна?! Я тоже должен спрашивать разрешения у врачей?.. Я вправе сам принимать решения. Это моя жизнь.

— Твоя жизнь?! — рассердился Адам. — Сопли зелёные — твоя жизнь... Ноешь и хнычешь, как последний лузер... Надо жить так, как будто завтра умрёшь. А ты живёшь так, как будто вчера умер.

Паскаль поднялся и пошёл в свою комнату. За столом повисла тишина. Наконец, Адам встал и, уходя, бросил:

— Ты проследи за ним, Артур. Не нравится мне его настроение.

Наутро, завидев Еву, выходящую из комнаты Паскаля, Адам подошёл к ней и спросил:

— Ну что наш отшельник? Ты разговаривала с ним?

Ева нахмурилась и отвернулась.

— Я рассказала ему забавный сон, хотела его развеселить... Он сидит и молчит, сидит и молчит... Я не знаю — о чём он молчит? Мне нужен переводчик с языка молчания.

Она поджала губы, и, чтобы не расплакаться на людях, быстро ушла.

Артур зашёл к Паскалю. Он сидел за ноутбуком и смотрел на бегущие по экрану бессмысленные слова. Артур тронул его за плечо, он вздрогнул, оглянулся и заговорил.

— Может, я — семя, упавшее среди камней, бесплодная смоковница?.. Маленькая щепка в течении могучей реки налетела на подводный камень и закружилась в бесконечном водовороте. Все проносятся мимо в стремительном течении. Одних выбрасывает на берег, других несёт и несёт вперёд, а я всё кружусь и кружусь в злосчастном водовороте, бьюсь и бьюсь о тяжёлый подводный камень.

Он посмотрел Артуру в лицо.

— Ты тоже считаешь меня сопливым нытиком?

— Ну почему же сопливым? — попробовал пошутить Артур и пожалел. Паскаль отвернулся и угрюмо замолчал, уставившись в экран ноутбука.

— Что у тебя с рукой? — Артур вдруг заметил повязку на руке друга.

— Неважно! — нахмурился Паскаль. — Обжёг руку о плиту на кухне.

— Нечаянно или нарочно? — заподозрил Артур.

— Нарочно... — не сразу и неохотно ответил Паскаль. — Иногда телесную боль принимаешь радостно и даже нарочно. Здесь нет никакого мазохизма. Телесная боль заглушает боль душевную, позволяет отвлечься от глухой постоянной душевной боли.

Он повернулся к Артуру.

— Философы спорят: что первично — бытие или сознание? Но ведь это бумажный вопрос. Человеку неважно то, что существует вообще, где-то там, в большом мире, неведомом и непостижимом. Человеку важно то, что существует для него, в его мире. А я вот недавно понял: первично страдание. Оно определяет и наше бытие, и наше сознание. Жизнь и есть страдание. От мучительного рождения до мучительной смерти... Да, посередке бывают светлые моменты, когда забываешь о страдании, когда ты счастлив. Но это короткий обман. Счастье — это всего лишь временное отсутствие боли.

— Категорически не согласен, — возмутился Артур. — Сама жизнь и есть главное счастье. Тебе подарен огромный таинственный мир. Возможен ли большой подарок?! За такое сокровище можно, стиснув зубы, стерпеть очень многое — боль, обиды, потери... Ты просто утратил способность, которой мы все обладали в детстве — радоваться самой жизни — каждому дню, каждой минуте... Надо вспомнить — как это было? Надо вернуть себе эту радость жизни.

— Как вернуть себе то, чего больше нет?

— Оно есть, — упрямо сказал Артур. — Если прекрасный мир больше не виден сквозь грязное окно, надо подняться и протереть окно от пыли.

Паскаль, прищурившись, посмотрел на Артура и усмехнулся.

— Неисправимый романтик... Тебе книжки надо писать... для детей.

Артур заметил на столе белый конверт.

— Ты пишешь письмо? — спросил он, кивнув на конверт.

Паскаль взял конверт в руки, подержал и положил обратно.

— Это письмо от матери, — сказал он. — Единственное, которое она мне сюда написала.

— Почему единственное?

— Она умерла.

— Прости... — смутился Артур.

— Это было два года назад... Больше всего меня угнетает то, что расстались мы с ней в ссоре. Это были взаимные обиды, которые сейчас, по прошествии лет, кажутся такой ерундой! — Паскаль снова взял конверт, повертел и даже понюхал. — Когда я узнал, что её нет, на меня накатила такая тоска, что я заперся в комнате и ходил из угла в угол весь вечер, а в голове вертелась только одна мысль: «мама больше никогда не придёт». Я повторял её про себя сотни раз, а потом заметил, что говорю её вслух:

— Мама не придёт.

Паскаль положил конверт на стол, захлопнул ноутбук и лёг на кровать, лицом вниз,

уткнувшись в подушку. Артур присел на краешек кровати. Минуту они провели молча. Затем Паскаль перевернулся на спину и заложил руки за голову и посмотрел на Артура.

— Ты боишься смерти? — спросил он.

Артур на мгновение задумался и ответил честно:

— Да... Я её не понимаю... Мы боимся того, чего не понимаем.

— А что ж тут непонятного? — оживился Паскаль. — Это дверь в лабиринте.

— Дверь в лабиринте? — удивился Артур. — Как это?

— Жизнь — это длинный лабиринт, по которому я иду, не имея в руках ариадниной нити. Может, я свернул в тупик — не знаю, но продолжаю идти, пока не упрусь лбом в стенку. Разворачиваюсь и иду обратно, может быть, в очередной тупик. В конце концов, я прихожу в отчаяние и вдруг вижу в стене дверь — выход из лабиринта. Разве я не с радостью кинусь к ней, даже не зная, что за нею?

— А если за ней — ничего?

— «Ничего» не бывает. «Ничего» — это уже шесть букв... Я скорее поверю в Бога, чем в «Ничего».

Артур замялся, не зная — что ответить? Он припомнил слова Шута и сказал:

— Даже если смерть — переход в новую жизнь, торопиться не надо, ведь она и так неизбежна.

— Надо, не надо... — задумчиво произнёс Паскаль. — Кому надо? Кому не надо? Разве я не сам решаю — чего мне надо?.. Я устал скитаться по лабиринту, устал стучать головой в стены, уткнувшись лбом в очередной тупик... Меня греет мысль, что всегда, в любой безвыходной ситуации, в любом отчаянном положении, рядом есть дверь — выход из лабиринта.

Он перевернулся набок, лицом к стене, и закрыл глаза. Артур посидел ещё чуть-чуть и, решив, что Паскаль уснул, удалился.

Следующий день запомнился Артуру надолго. Проснувшись утром, он вышел во двор. Навстречу ему шёл Андрон. В руках он держал какую-то бумажку.

— Тут... вот... Паскаль на столе оставил, — как-то растерянно сказал Андрон и протянул бумажку Артуру.

«Артур, Адам и все-все-все — не судите меня. У меня есть право на жизнь и право на смерть. Прощайте!»

Тяжёлое предчувствие охватило Артура.

— Где Паскаль? — спросил он Андрона.

— Он уплыл на тот берег, в лес за грибами. Так он сказал. Я ещё подумал: какие в марте грибы?

Артур выбежал из ворот Замка, подбежал к воде и посмотрел на другой берег. Лодка стояла, уткнувшись носом в землю, Паскаля нигде не было видно. Выругавшись, — чёрт! — он отвязал плот и взял в руки весло. Через пятнадцать минут он выбрался на противоположный берег возле лодки и отдышался, держась за неё. Потом побежал по тропинке в лес. Минут через пять, он наткнулся на Паскаля. Он шёл, пошатываясь, между голых деревьев, не разбирая дороги. Руки его безвольно болтались, как у марионетки. По кистям стекала и капала на землю кровь.

Артур бросился к нему.

— Что ты сделал? Откуда кровь?

Паскаль посмотрел на него мутными глазами, ноги его подкосились, и он упал на

землю, стукнувшись головой о корягу. Артур беспомощно оглянулся назад. Помощи ждать было неоткуда. Он ещё раз выругался, снял с себя рубаху, бросил её на землю, наступил ногой и двумя сильными рывками оторвал рукава. Двумя рукавами, как бинтом, он туго обтянул кисти Паскаля, чтобы остановить кровь. Подвернул концы, чтобы тряпки не свалились. Потом взвалил его себе на спину и пошёл, пошатываясь к берегу озера.

Подплывая к острову, Артур крикнул Хозяину, стоявшему с удочкой на берегу.

— Помогите!

Они вытащили Паскаля на берег. Хозяин стал осматривать его, Артур побежал в Замок. Увидев Сократа, схватил его за руку и чуть ли не потащил за собой.

— Скорее, скорее! Нужна ваша помощь.

Вдвоём с Сократом они перенесли Паскаля в его комнату. Хозяин пошёл за бинтами и лекарствами.

Через два часа, когда Паскаль уже пришёл в себя, покрасневшись от ярости, Адам ругал его:

— Тряпка! Слабак! Размазня! Даже хуже — ты просто трус! Ты бежишь от боли, от обиды, от бессмыслицы, не пытаешься победить боль, обиду, бессмыслицу. Будь воином! Сожми свою волю в кулак и борись! Легче всего сбежать с поля боя. Но это презренный выход.

От досады он отбросил в сторону полотенце, которое держал в руках, и вышел, хлопнув дверью.

Паскаль улыбнулся одними губами.

— Я, кажется, разозлил Адама... *Mea culpa*... Он хороший человек и всё правильно говорит... Я действительно хотел сбежать от боли.

Пришла Ева, села на край постели Паскаля и молча положила руки и голову ему на грудь. Он медленно поднял руку и осторожно погладил её по голове. Взгляд его был направлен в потолок. Через пять минут Ева заснула на его груди и Паскаль тоже закрыл глаза. Артур встал со стула и тихо вышел из комнаты.

Настроение у всех было подавленное. Говорили негромко, не было слышно смеха. Адам ходил хмурый, каким Артур его никогда не видел. Зато Хозяин оживился, он вновь почувствовал себя нужным и значимым. Отправил Андрона на ярмарку в Кардерлин — купить красного вина, диктовал Ньютону — какой суп сварить для больного, в общем, командовал с непререкаемым тоном врача.

Шут за столом во дворе утешал Еву, сидевшую напротив него с заплаканными, красными глазами.

— Главное, что всё обошлось. Он жив и отец твой поставит его на ноги. Это несерьёзные раны, заживут быстро. Вот меня однажды так покровсали в бою — полгода отлёживался, встать не мог. И ничего! Видишь — живой и весёлый. Так что вытри слёзы и будь умницей.

Он протянул её свой шёлковый платок.

— А с кем вы воевали? — поинтересовался Артур, присаживаясь рядом.

— Да почти со всеми соседями! И с анжуйским графом, и с герцогом Бретани, и с маврами.

— А в будущем с англичанами Франция будет воевать, — вспомнил будущее Артур.

— С англичанами? — удивился Шут. — Ну, до этого пока не дошло. Они сидят там у себя на острове, у них там свои разборки.

— Нормандский герцог станет королём Англии, — просветил Шута Артур.

— Это Добрый Ричард что ли?

— Нет, его внук — Вильгельм.

Они ещё долго беседовали об истории будущего, а Ева, заинтересовавшись, слушала их, открыв рот и хлопая ресницами. Слезы на её глазах высыхали.

На следующее утро Артур зашёл к другу. Паскаль лежал в кровати с открытыми глазами. На столе валялись бинты и лекарства. Хозяин уже с утра перебинтовал и обработал раны.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Артур, подойдя к кровати.

— Как несостоявшийся покойник, — пошутил Паскаль, пытаясь улыбнуться.

— Не надо было тебе делать этого, — сказал Артур, присев на стул возле стола.

— Ой, только давай без нравоучений. Я уже наслушался их от Адама... Что ты можешь мне сказать? «Tomorrow the birds will sing... Be brave! Face life!» — улыбаясь одними губами, произнёс он слова из старого фильма.

Артур промолчал. Он оглядел комнату, где было непривычно прибрано. «Видимо, Ева постаралась», — подумал он. Посидел, глядя на бледное лицо Паскаля и слушая его неровное дыхание.

— Давай поговорим о смерти, — тихо сказал Паскаль.

Он смотрел в потолок или дальше, серьёзно и даже строго. Артур подошёл и присел на стул у кровати.

— Смерть похожа на чёрную дыру, — задумчиво говорил Паскаль. — Ты знаешь, что она засосёт тебя, разорвёт и уничтожит. Но ты не знаешь, что будет потом. Вынырнешь ли ты в каком-нибудь ином мире для новой жизни или это окончательное уничтожение без вариантов? Может быть, и вынырнут где-то в ином мире твои атомы и расплятятся по газовым облакам чужого космоса. Твои атомы это не ты. И вообще они не твои, а взяты взаймы.

Он прикрыл глаза, помолчал, потом снова открыл глаза и продолжил.

— Смерть загадочна и притягательна. Жизнь не менее интересна, но её мы можем постигать, а смерть непостижима. Жизнь мы выпиваем медленно, по глотку, а смерть наваливается на нас разом, уничтожая постигаемое вместе с постигающим... Приближение смерти освещает жизнь неожиданным светом. Переоценка ценностей тем более мучительней, что уже ничего нельзя поправить... Меня удивило, что Иван Ильич у Толстого перед смертью ни разу не вспоминает о Боге, о жизни после смерти. Нет — описана именно смерть, как уничтожение... Но если смерть — уничтожение, то теряет какой-либо смысл и сама жизнь. Если человек — исчезает, значит, исчезнет и человечество. Это подкашивает под корень. Сколько трудов, надежд, мучений пережито человечеством... И — пустота. Для кого же игрался этот великий спектакль?

Он опять помолчал, всё так же строго глядя в потолок, и снова заговорил.

— Если в этом мире умирают и мучаются даже невинные дети, это может означать только одно: наша жизнь, наша смерть не имеют того значения, которое мы им придаём. Либо мы ничто, случайная искра в бесконечной пустыне мрака, либо мы несравненно больше, чем то, что считаем собой, чем то, что страдает и умирает в нас... Я не верю в ничтожество человека. Человек как невзрачная коробочка, в которой лежит драгоценный бриллиант. Брось её в огонь, она сгорит, и на пепле её, неподвластный огню, засверкает чудесный камень... Может быть, смерть и есть этот очистительный огонь, и зря мы её боимся?

Он слегка наклонил голову и посмотрел на Артура, ожидая ответа.

— Я согласен, что смерти не надо бояться. Не согласен, что к смерти надо стремиться. В конце концов, она неизбежна, и, значит, незачем к ней спешить. Человеческая жизнь и так слишком коротка.

Паскаль чуть заметно покачал головой.

— Ты рассуждаешь, как правильный человек... А я — человек неправильный... Вот Адам, хоть и злится, но лучше меня понимает... Я однажды позавидовал его «бессмертию». А он мне грустно сказал так:

— «Ценность человеческой жизни во многом определяется её конечностью. Когда человек обретёт бессмертие, его жизнь обесценится в его глазах, и смерть станет желанной, станет мечтой о заслуженном отдыхе».

— Как это не похоже на Адама! — удивился Артур. — Он всегда такой бодрый и позитивный...

— Это сложный человек, может быть, самый сложный из всех, кого я знал.

Пару минут они помолчали. Слышно было, как жужжит на окне проснувшаяся после зимней спячки муха.

— Я помню похороны моей бабки, — снова заговорил Паскаль. — Нет, на самих похоронах я не был, меня не взяли, я был мал, и меня оставили с соседками дома, но я помню приготовления. Как она лежала в своей кровати с растрёпанными седыми волосами и открытым ртом. Я ходил в соседней комнате, с каким-то благоговейным недоумением поглядывая сквозь дверной проём на неё, пытаюсь понять, что означает — «бабушка умерла»? Мне хотелось подойти и потрогать её за руку. Я пересилил страх и сделал шаг через порог её комнаты, и тут я, потрясённый, увидел, как изо рта её вылетела муха и, жужжа, пролетела мимо меня. Я заплакал от ужаса, побежал на кухню, к мамке, и, обняв её за ноги, закричал одно слово: «Муха! Муха! Муха!» Никто не мог понять, о чём я говорю. Но потом разобрались, и набросили бабке на голову платок, подвязав его под подбородком, чтобы закрыть рот.

— Зачем он мне это рассказывает? — думал Артур. — Ну, пусть выговорится, может, ему полегчает.

— И ещё помню одно, связанное со смертью, воспоминание из детства, — продолжал Паскаль. — Мне тогда уже было тринадцать лет. Моя дальняя родственница умерла от рака. Это был тяжёлый, мучительный, долгий уход. Но приехав на похороны и посмотрев на покойницу, я заметил в лице её умиротворение, а на губах — лёгкую прощальную улыбку. Я понял, что перед смертью боль отпустила её, и последняя улыбка была радостью от того, что смерть убивает боль.

Он закрыл глаза, но через минуту снова открыл их.

— Однажды, — продолжил вспоминать он, — по дороге в школу я увидел мёртвую кошку. Она лежала на обочине дороги, и все как-то торопливо проходили мимо, отводя взгляд. Я тоже прошёл мимо, но всё время оглядывался назад... Когда вечером возвращался из школы, её уже занесло снегом... Я тогда подумал: так и я когда-нибудь буду валяться мёртвый на дороге, и меня занесёт снегом или забросают землёй. А мир покатится дальше, как будто меня и не было... Когда-нибудь всё кончится (когда-нибудь всё кончается) и окажется, что смерть кошки, смерть человека и смерть звезды — это явления одного порядка. Равно-ничтожные и равно-трагичные.

Он закрыл глаза и, уже проваливаясь в сон, еле слышно прошептал:

— Не может быть, чтоб всё было напрасно.

Вечером Артур навел друга с бутылкой красного вина. Паскаль полулежал на кровати, прислонившись к подушке. На стуле возле стола сидел Адам. Они о чём-то разговаривали, когда зашёл Артур.

— Ты уже забросил свою «Сокровенную Книгу»? — спросил Артур, разливая вино по кружкам. — Что-то я не вижу твоего ноутбука, — он протянул одну кружку другу.

— Отдал его Еве, — бросив на него взгляд, ответил Паскаль. — Наверно Адам прав, и я занимался ерундой.

— Боже мой, какой прогресс! — с иронией прокомментировал Адам. — Кажется, мы встали на путь выздоровления.

Паскаль сделал глоток вина и вздохнул.

— Это было смыслом моей жизни... На какой-то момент я подумал, что смыслом моей жизни может стать любовь... Но не случилось... И вот я опять потерял и не знаю — что мне делать? Куда бросить свою жизнь, куда бросить своё тело? Чем занять себя в ожидании смерти?

— Ты опять за своё? — рассердился Адам. — Давай без соплей и нытья... У многих людей реальные проблемы, и они не хнычут. А ты — молодой, здоровый...

Паскаль посмотрел на Адама, потом на Артура. Досадно качнув головой, выпил кружку до дна, отдал её Артуру и лёг на кровать, положив голову на подушку.

— Ещё? — поднял бутылку Артур.

— Нет, хватит.

Артур пригубил вино и сел на кровать рядом с другом.

— Здравый смысл подсказывает нам... — начал он своё рассуждение, но Паскаль прервал его на полуслове.

— «Здравый смысл — это набор предрассудков, которые накапливаются у человека к восемнадцати годам». Это сказал не я, это сказал Эйнштейн.

Он отвернулся к стене, явно не желая продолжать разговор.

Артур с Адамом, переглянувшись, вышли из комнаты.

— Вы как-то поделикатней с ним, — робко упрекнул Адама Артур. — Я понимаю, как ему больно. И боль эта не физическая.

— Как сказал один писатель: «если нам не больно — значит, мы умерли». А хныкающий здоровый парень у меня может вызвать только презрение... У него весеннее обострение. Но это его не оправдывает.

И, немного успокоившись, добавил:

— Боль человеку нужна. Боль — это защитный механизм. Боль предупреждает об опасности... Кроме того, у боли есть и другое полезное свойство. Она не даёт человеку расслабиться, она его мобилизует. Это как удар хлыстом, который заставляет лошадь бежать быстрее.

На другой день Паскаль почувствовал себя лучше и попробовал встать. С помощью Артура поднялся с кровати и вышел во двор. Полчаса они посидели на скамье. Артур сбегал на кухню в подвал и принёс кружку с чаем.

— Сладкий чай и красное вино — вот что тебе нужно, чтобы восстановить силы, — сказал он. — Наберёшься сил, и мы поедем с тобой на прогулку. Кони уже застоялись без дела. А весна в самом разгаре. Снег уже весь растаял, молодая трава поднимается, цветочки всякие. Птицы поют веселее. Живи, да радуйся!

— Хватит разговаривать со мной, как с малым ребёнком! — рассердился Паскаль. — Давай лучше помоги мне — я хочу прогуляться до озера.

Артур взял его под руку, и они потихоньку, не торопясь, пошли за ворота и спустились к озеру. Сев на мостки возле лодки, они помолчали, наслаждаясь весенним утром — плеск воды, крики птиц, и дальний лес, залитый весенним солнцем.

— Знаешь, — сказал Паскаль, — а я действительно чувствую, что меня отпустило. Надо было подойти к последней черте, чтобы вновь захотелось жить.

Артур промолчал, но губы его, впервые за эти дни, тронула улыбка. Он поверил, что худшее уже позади, а впереди много радостного и хорошего.

В конце марта Адам слазил с Артуром на северную башню Замка — проверить свой телепорт и закрепить мачту громоотвода. Натягивая верёвки, они выпрямили покосившуюся мачту, на которой трепыхался под ветром трумэновский флаг. Затем Адам проверил высоковольтный трансформатор и телепорт. Набросил на них клеёнку, чтобы защитить от дождя.

— Когда ожидается первая гроза? — в шутку спросил Артур.

— Не знаю... — оглядывая горизонт, ответил Адам. — Может быть, даже сегодня.

Он показал рукой в сторону дальних туч.

К вечеру собрались облака, и запахло дождём. Адам с надеждой смотрел в небо, гуляя по двору. Артур наблюдал за ним, сидя за столом возле «Мыслителя».

Одинокая капля упала Артуру на лицо. Вслед за ней вторая, третья и вот уже капли застучали по земле всё быстрее и сильнее. Артур встал и побежал к стене Замка, где пока было сухо. Адам подошёл к нему и сказал:

— Первый дождь в этом году. Но, увы, без грозы.

Дождь полил, как из ведра. Из ворот сада с визгом выбежала Ева, а следом за ней Паскаль. Они побежали вверх по лестнице. Артур с Адамом пробежались до комнаты Артура и зашли внутрь.

— Похоже, зарядит на всю ночь, — сказал Адам.

Он сел за столик, Артур присел на кровать и спросил:

— Что мы будем делать, когда попадём в ваше время?

— Я дал согласие — стать хозяином «музея». Вы будете моими помощниками.

— И в чём будет заключаться наша работа?

— Там будет видно. Я сам пока не очень представляю весь проект. Но работы уже идут. Очистили планету от следов эмэновской цивилизации. Возродили всю флору и фауну, какой она была на рассвете человечества. Даже мамонтов в Сибирь запустили.

— А где мы будем жить? Надеюсь, не в Сибири?

— А чем тебе этот вариант не нравится? — усмехнулся Адам. — «Мороз и солнце — день чудесный».

— Ну да, — улыбнулся Артур. — И мамонты трубят за окном.

— Жить мы будем на острове в Средиземном море. Я так решил. Климат хороший, и Евразия с Африкой под боком.

— А сколько осталось людей? Ну, я имею в виду трумэнов.

Адам задумался и сказал:

— Трумэнов на Землю обратно не пустят... Так мне сказали. Мы будем единственными обитателями Земли человеческого рода.

— Почему?

Адам нахмурился и вздохнул.

— Не хотят они возрождения человечества. Это не входит в их планы. Музей предназначен для сэйнов. Чтобы видели колыбель своей цивилизации в чистом виде — без людей.

— Но это же несправедливо!

— Забудь это слово — справедливость. Как и многие другие, человеческие слова. В будущем они не пригодятся. Там они ничего не обозначают.

В середине апреля Шут съездил в Кардерлин. Когда вернулся, подошёл к Адаму и сказал:

— Надо поговорить.

Адам взглянул ему в глаза и кивнул. Они отошли в сторону.

— У меня две новости, и обе плохие, — сказал Шут. — Из Парижа приехала королева Берта, мать молодого графа. Аббаты — и старый, и новый — доложили ей про бесовский Замок, который неизвестно каким образом очутился в этих краях. Виконт пытался ей что-то объяснить, но она приказала собирать войско, хочет приехать и разобраться на месте сама. Ничего хорошего вам её визит не сулит.

— Сколько у нас времени? — спросил Адам.

— Две недели, не больше.

— А какая вторая плохая новость?

— Демон сбежал в ночь перед казнью. Где он? — теперь никто не знает.

Адам сжал губы и тяжело вздохнул.

— Не говори об этом пока никому. Не нужна нам паника.

Шут кивнул, но остался стоять, как бы что-то обдумывая.

— Что-то ещё? — спросил Адам.

— Я сегодня уеду. Мне пора возвращаться к Виконту.

— Понимаю, — сказал Адам. — Передай Виконту — пусть задержит королеву до начала лета. Скоро май, недолго осталось.

— Передам, но вы особо на это не рассчитывайте. У Виконта мало влияния на свою приёмную мать.

Маркус нарисовал на своём «мольберте» портрет Шута. Портрет получился похожий, только грустный.

— Ну, — засомневался Шут, — я такой бываю, конечно... перед дождём, когда старые раны ноют... Нельзя ли добавить чуток улыбки, а то так и хочется стукнуть его, — он кивнул на портрет, — по плечу и сказать: «ты чего закис, приятель?»

Маркус, вздохнув, чуть-чуть подправил на портрете уголки губ, сгладил морщины на лбу и результат удовлетворил заказчика.

— Ну вот! Другое дело. Теперь и повесить можно дома на стену.

— Почему так мало любви в этом мире? — спросил Паскаль, сидя на скамейке во дворе.

Шут с интересом посмотрел на него.

— Я бы спросил по-другому. Почему её так мало в нас?.. В мире нет любви. Принести её в мир может только человек.

— Неуютно мне в этом мире, — глядя в землю, сказал Паскаль. — Где найти другой, чтобы стало легче на душе?

— Недовольство миром, как правило, вырастает из недовольства самим собой, — заметил Шут. — А это значит, что в ином мире ты вновь повторишь то же самое.

— Нет в жизни счастья, — обречённо сказал Паскаль.

Шут неодобрительно покачал головой.

— Постыдитесь, молодой человек! В ваши годы просто неприлично петь такие песни. Никогда не надо унывать. Жизнь бессмысленна, если она безрадостна... Что ты хнычешь, как Гераклит? Выше нос! Смейся над своими несчастьями, и они убегут от тебя!

Он лукаво поглядел на присутствующих.

— Хотите испытать настоящее счастье? Купите себе тесную обувь и ходите в ней целый день. Уверю вас, вечером, сняв её, вы будете по-настоящему счастливы!

Шут поднялся и закинул на плечо свою сумку.

— Пожалуй, мне пора... Что-то вы тут приуныли. А мне грустить нельзя — у меня профессия другая.

Широко улыбнулся и добавил:

— Китайцы, говорят, оптимистичные люди. У одного китайца сгорел дом, сосед бежит к нему, чтобы пожалеть его, а он выходит навстречу, улыбается, в зубах ковыряет. «Слушай», — говорит, — «так хорошо свинья зажарилась, съел с удовольствием!..» Записаться в китайцы что ли? Где записывают в китайцы?

Все невольно заулыбались.

— Ладно! Засиделся я у вас. Мне пора возвращаться к Виконту. А то забудет про своего верного Шута.

— Оставайтесь с нами! Увидите будущее, там много интересного! — сказал Артур.

Шут на мгновение задумался и помотал головой.

— Извини, но я не хочу в будущее... Да, у нас жизнь суровая... Но понятная. А у вас как-то всё путанно и суетно. Я там не приживусь — нет! Так что останусь в своём, как вы там говорите, Средневековье, — улыбнулся он. — Будем прощаться!

Пообнимавшись и похлопав друг друга по спине, все пошли проводить Шута.

— Я тут у вас несколько спичечных коробков забрал, — сказал Шут Адаму. — А у Ньютона выпросил рецептик — как получить бертолетову соль, кажется, так это называется. Попробую сделать спички сам. Глядишь, ещё разбогатею на старости лет!

— Когда разбогатеете, обязательно откройте банк! — посоветовал Писатель. — Будете спонсором короля, станете вторым человеком во Франции.

Шут запрыгнул в лодку, Артур прыгнул следом.

— Я вас отвезу!

На другом берегу, выйдя из лодки, Шут протянул Артуру свой нож — «последний аргумент».

— Это подарок тебе. На память.

Артур похлопал себя по карманам и вытащил зажигалку.

— А это вам! Я её как раз заправил.

— Горючий воздух? — хитро прищурился Шут.

Они обнялись и Шут, ещё раз улыбнувшись и подмигнув Артуру на прощание, ушёл по дороге в деревню. Артур махал ему рукой, пока он не скрылся в лесу.

Выйдя утром во двор, Артур стал свидетелем забавной картины. По дорожке вокруг двора, обгоняя Сократа, бежали Адам и Паскаль, оба в трусах и майках. Когда они поравнялись с Артуром, он спросил:

— Динамо бежит?

— Все бегут, — бросил Паскаль и побежал дальше.

Когда они наконец набегались, вышли во двор и начали зарядку. Адам командовал и показывал пример. Через десять минут они закончили, и Адам подошёл к Артуру.

— Это называется физиотерапия. Проще говоря: в здоровом теле здоровый дух... А ты чего ленишься? Завтра утром присоединяйся к нам. Форма одежды спортивная.

— Слушаюсь, командир! — с улыбкой отвечал Артур.

Паскаль подошёл к ним, вытираясь полотенцем.

— Ну как — получше? — поинтересовался у него Адам.

— Да! — кивнул Паскаль. — Взбодрился на целый день.

— Вот так и продолжай. Главное, не лениться. Тогда и жизнь станет прекрасна.

Воспитывай в себе оптимизм.

— Как воспитать в себе оптимизм?

— Работай над собой. Представь, что ты Микеланджело, и смотришь на грубый кусок мрамора. Возьми в руки стамеску и молоток, и, не торопясь, аккуратно, вытёсывай красивую статую. А что надо для этого? Правильно — отсечь и выбросить всё лишнее.

— Мне трудно найти в себе Микеланджело, — покачал головой Паскаль. — Какой-нибудь простой, но конкретный совет.

— Самый простой совет: проснувшись утром — улыбнись. Проверено — работает! Сразу после этого вставай, умывайся и делай зарядку, а ещё лучше — пробежку на свежем воздухе. Всё — банальные вещи. Но если ты не делаешь даже эти простые вещи, другие советы тебе не помогут.

Паскаль с Артуром во дворе играли в шахматы. Писатель подошёл к ним с вопросом.

— Деррида — это французский еврей или еврейский француз?

Паскаль нахмурился.

— Я даже не знаю — кто это?

— Деррида — это французский философ, — припомнил Артур. — А зачем вам его национальность? Вы что, ещё и антисемит?

— Как я могу быть антисемитом, если у меня сводный брат еврей? — возмутился Писатель. — У нас разные матери... Я просто задумался — а как определяется национальность, если уже все перемешались?

— Я признаю только одну национальность — человек, — заявил Паскаль.

— А зачем вам этот Деррида? — спросил Артур.

— Сочиняю кроссворд для новой газеты.

Подошла Ева и показала что-то, держа это двумя пальцами.

— Смотрите, что у меня есть!

— Что это? — присмотрелся Артур. — Кошачий зуб?

— У Филипа зуб выпал! — радостно сообщила девочка. — То есть не выпал, он сам его вырвал.

— Как это сам?

— У него зуб шатался, он кушать не мог. Я уже хотела папу звать, но смотрю — Филип сам двумя лапами пытается этот зуб вырвать. И вырвал!

Артур взял из руки Евы злополучный зуб, рассмотрел и показал Писателю. Писатель посмотрел и отвернулся.

— Я кошек не люблю, я люблю собак... У меня было три собаки: Гай, Юлий, Цезарь.

Он вздохнул и загрустил.

Перед сном Артур вышел прогуляться во двор и столкнулся с Адамом, который только

что вернулся из мастерской.

— Такой прекрасный вечер, захотелось прогуляться, — сказал Артур.

— Да, вечер прекрасный, — согласился Адам. — Я уже прогулялся по берегу, но могу и тебе составить компанию.

Из облаков выглянула луна и осветила двор.

— О! — воскликнул Адам. — Швейцарский сыр из-за туч показался.

— Швейцарский сыр? — удивился Артур, поглядев на небо. — За что вы так Луну обзываете?

— Это её неофициальное, шутовское конечно, название в будущем.

— И почему её так называли?

— Видишь ли, если Землю, как свой дом, ещё как-то пытались щадить, то на Луне оторвались по полной. Пропылесосили её насквозь, вытащили всё ценное и нужное, так что она стала представлять собой большую головку швейцарского сыра, с дырками внутри. Вот её так и прозвали.

— Ну... — задумался Артур. — Тут есть и положительный момент, дырки можно использовать как подземные, то бишь, подлунные жилища.

— Соображаешь, — согласился Адам. — Именно так это и было до поры до времени... А потом из неё сделали большой космический корабль и зафутболили в Космос. Так что на моей Земле, задирай голову, сколько хочешь, никакой Луны не увидишь.

— В Космос? — недоверчиво переспросил Артур. — Это же какой двигатель нужен?

— Ну не бензиновый конечно, и даже не ракетный. Гравитационный двигатель, медленный на ускорение, но надёжный и почти не требующий горючего. Изобретение эмэнов, которым теперь пользуются сэйны. Сами-то они на такие революционные открытия не способны.

— Почему?

— Они настроены на эволюцию. Допилить что-то, довести до ума — это их дело. А вот изобрести что-то принципиально новое, с потолка, — на это их не запрограммировали. Да на это и не запрограммируешь. На это человеческая дерзость нужна, а не мощный компьютер в звёздных облаках.

— Тогда их цивилизация, рано или поздно, зайдёт в тупик, — задумался Артур.

— Очень на это надеюсь, — легко согласился Адам. — Но не надеюсь до этого дожить.

— Разве вы не бессмертный? — бросил взгляд на Адама Артур.

— Я не бессмертный, я восстанавливаемый. Но когда-нибудь мне это надоест. Когда-нибудь я захочу послать весь мир к чёрту.

— И когда это произойдёт? — недоверчиво спросил Артур.

— Не знаю... Знаю только, что это может быть.

Они присели на скамейку и посидели молча, наслаждаясь тёплым вечером. Потом Артур, посмотрев на Адама, спросил:

— Помните, в ту ночь, на башне Замка, вы рассказали мне один парадокс, связанный с перемещением во времени?.. Я много думал об этом, и запутался окончательно. Я пришёл к выводу, что путешествие во времени невозможно — слишком много логических сбоев приносит оно с собой. Но это не вяжется с тем, что я вижу и чувствую вокруг себя. У меня когнитивный диссонанс.

Адам улыбнулся.

— Это нормально... Любые парадоксы — свидетельства того, что где-то в начальных

аксиомах допущены ошибки. Тебе надо пересмотреть идею времени, переосмыслить её по-новому. Я мог бы прочитать тебе лекцию о своём понимании времени, но это не эффективный метод. Будет лучше, если ты проделаешь весь путь сам. А я тебе буду помогать.

— Дайте мне подсказку, — попросил Артур.

— А я уже дал... Переосмысли идею времени. Где-то там заложена банальная человеческая ошибка.

— Человек живёт во времени, в последовательности событий, — начал размышлять вслух Артур. — От первого события — рождения, до последнего — смерти... Время для человека — естественная среда обитания. Отказаться от времени он не может. Исчезнет не просто его понимание мира, исчезнет он сам.

— А этого никому не хочется, — подхватил его мысль Адам, — срабатывает инстинкт самосохранения... И всё же... Постарайся обойти хотя бы те грабли, на которые постоянно наступает человек.

— И что же это за грабли? — улыбнулся Артур.

— Антропоцентричность — главные грабли, на которые всю свою жизнь наступает человек. Мир не крутится вокруг нас, но каждый раз приходится себе об этом напоминать.

— Я понимаю, — согласился Артур, — что мир не таков, каким он представляется нам. Но человек не может выпрыгнуть из себя.

— Почему же? Разве Коперник не это сделал? Он увидел Солнечную систему, как она есть, а не как её видит человек. Человек поднимает голову и видит, что и Солнце, и звёзды, всё вокруг него вращается; значит, он в центре мира. А это ведь так приятно!

— Человеческий разум позволяет исправлять ошибки органов чувств, — согласился Артур.

— Вот и исправь ещё одну человеческую ошибку. Почувствуй себя Коперником, — улыбнулся Адам.

— Мне кажется, я понимаю, на что вы намекаете. То, что человек живёт во времени, ещё не означает, что во времени живёт Вселенная.

— Ну, не совсем так. Направление мысли правильное, но продолжаешь наступать на те же грабли. Вселенная — это видимый мир; мир, доступный человеку через его органы чувств. Реальный мир гораздо больше, чем то, что мы можем увидеть и пощупать. Вселенная — это фотография мира нашими глазами. Ты же не будешь утверждать, что фотография равна тому, что на ней изображено. Она просто даёт некое представление — однобокое и поверхностное. Фотография существует только в твоём мозгу, а то, что на ней изображено, существует в реальности, недоступной тебе во всей своей полноте.

— Мы живём во Вселенной, — упрямо сказал Артур. — Реальный мир, о котором вы говорите, всегда останется для нас некой фантазией. Человек называет реальностью то, что он чувствует, а не то, что он предчувствует.

Адам остановился и спокойно сказал:

— Так измени это.

И добавил, разглядывая звёзды:

— Вселенная — это не место. Вселенная — это дорога. Дорога, которую мы выбираем. Этот выбор и называется жизнью.

На следующий день Артур с Адамом сходили за продуктами. Возвращались из деревни они через кладбище. Шагая по узкой тропинке, Артур рассуждал вслух.

— Всё-таки я не могу понять, что мальчишка, с которым мы только что говорили, умер

за тысячу лет до моего рождения. Это означает, что смерти нет. Но как отрицать смерть на кладбище, где она столь наглядна и очевидна?

— Представь, что ты родился в поезде, — объяснял Адам, — и всю жизнь провёл в своём купе, наблюдая за миром в окно. Поезд идёт без остановок. За окном мелькают реки, поля, дома, деревья, автомобили и просто встречные люди. Ты наблюдаешь их несколько секунд, прежде чем они исчезнут из твоего поля зрения. И ты вздыхаешь: «как коротка их жизнь!» Ты почему-то решил, что они у тебя на глазах родились, и у тебя на глазах умерли.

Он посмотрел с лёгкой усмешкой на Артура.

— Твоё купе — это твоё тело. Окно — это твои глаза, которыми ты наблюдаешь мир. А поезд — это время, которое несёт тебя по жизни без остановки.

Артур огляделся вокруг. Заросшая сорняками поляна, ряды покосившихся деревянных крестов — печальная картина бренности человеческой жизни.

— Трудно на кладбище отрицать смерть. Или эти кости под нашими ногами, по-вашему, всё ещё живы?

— Кости — нет, а люди, которым они принадлежали — да.

— Как это может быть?

Они вышли к маленькому ручью, через который был перекинут шаткий, деревянный мосток. Они прошли через мосток, и Адам вдруг остановился. Он посмотрел через плечо на Артура.

— Умереть не означает «исчезнуть», умереть означает «закончиться». Вот ты идёшь по мосту, проходишь его, мост закончился, мост для тебя умер. Но он никуда не исчез. Он остался там же, где и был. Это ты ушёл вперёд... Так и люди. Человек, умирая, не исчезает, он заканчивается, обретает свои границы, и остаётся во всей полноте своей жизни там же, где она и была. Все люди, жившие когда-то на Земле, и все, ещё не рождённые, жили и живут вечно. Все их мгновения, все их дела и поступки — вечны. Поэтому так важно жить достойно. Потому что всё это падает в вечность.

— «Жить достойно» — это иметь право выбора, иметь свободную волю. Но если всё грядущее уже есть, где тут свобода воли и право выбора?

— Ты сказал...

— Что?

— Ты сам себе ответил, но не понял этого. «Всё грядущее уже есть». Ударение сделай на слово «всё». Тогда поймёшь, то, что ускользнуло от тебя.

Он повернулся и пошёл дальше.

Артур, шагая за ним, долго ещё обдумывал его слова. Через полчаса они вышли к озеру.

Ева подошла к Артуру и потянула его за рукав.

— Пойдём! Отец зовёт тебя на обед. Мама опять расхандрилась. Говорит: «Артур не приходит, он про меня забыл».

Артур поднялся вслед за Евой по лестнице. Они вышли в столовую, где уже сидели за столом Хозяин и Офелия. Артур подошёл к Офелии, встал на колени и поцеловал ей руку. Офелия, с рассеянной улыбкой, погладила его по голове. Артур сел за обеденный стол. За обедом Хозяин спросил:

— Как поживает Паскаль? Я слышал, он забросил свою «Сокровенную Книгу».

— Он в поиске новых смыслов своей жизни.

— Значит, так и не выздоровел, — кивнул Хозяин.

— Должен же быть смысл в человеческой жизни! — упрямо сказал Артур.

— Ай-яй-яй! А ещё похожи на умного человека! — иронично покачал головой Хозяин. — Смысл — это ваше желание. С чего это он «должен быть»? Вселенной плевать на ваши желания. Это вы хотите осмыслить себя, чтобы доказать себе, что вы нечто большее, чем обезьяна, у которой вчера отвалился хвост.

— Вы не верите в бессмертие души, а я верю, и не могу не верить.

Хозяин посмотрел на него, как на неразумного ребёнка.

— Когда человек рождается, ему дают бокал вина. Кто-то выпивает залпом, и уходит в двадцать, в тридцать лет. Кто-то цедит аккуратно и доживает до ста лет. Но рано или поздно вино кончается... Нет ничего после смерти. Всё вино уже выпито.

Он допил свой бокал и поставил его на стол.

— Впрочем, вы ещё молоды. Когда-то и я мечтал о бессмертии души. Потом повзрослел, поумнел, и это прошло. Мне помогли занятия медициной и биологией.

— Многие люди до старости сохраняют эту веру.

— Я веру понимаю, — кивнул Хозяин. — Понимаю силу, которую она даёт. Я обман не принимаю. Пусть даже возвышенный, святой обман — не принимаю!

— Зачем вы хотели отправиться в прошлое? — спросил Артур напрямик.

— Зачем?.. — Хозяин не был удивлён вопросу. — Вы же знаете — зачем.

— Я хочу понять ваши мотивы.

Хозяин задумчиво постучал пальцами по столу.

— Мотивы?.. Избавить Землю от безумцев. Достаточный мотив?

— Вы полагаете — без религии человечество стало бы лучше?

— Без обмана человечество стало бы лучше, — прямо глядя в глаза, ответил Хозяин.

Он налил себе ещё вина, сделал глоток и поставил бокал на стол.

— Мой отец был мудрый человек, — начал он говорить, глядя куда-то в сторону. — Когда я спрашивал у него совета, он говорил мне:

— «Друг мой, я не даю советы. У каждого своя голова на плечах, и ни к чему приставлять мою голову к твоей шее. Все советы основаны на заблуждении, будто люди одинаковы. Но у каждого своя судьба. То, что хорошо для меня, тебе может быть просто не нужно, и наоборот».

— Хорошо, не давай мне советов, — слукавил я. — Ответь на такой вопрос: если б ты мог вернуться во времена своей юности, какой совет ты бы дал самому себе?

— «Совет самому себе?» — засмеялся он. — «Ты ловкий малый. Но будь по-твоему. Я бы сказал самому себе: избегай людей, желающих изменить мир. Обходи их стороной, пропускай их слова мимо ушей, если ты не хочешь быть пойманным, как рыба на крючок, если ты не хочешь оказаться в той ухе, которую они готовят себе на обед. Будь то Христос, будь то Антихрист, — все они проповедники великого недовольства миром. Вражду и разрушение несут они в мир, ненавидимый ими. Ловцы человеков! — все они готовы безропотно, как Авраам, принести в жертву своему Богу самых близких и дорогих себе людей. Что уж говорить об остальных! — они для них только средство, камни в фундамент их нового храма. О, эти люди много говорят о любви! — о любви к человеку, о любви к истине, о любви к Богу. Но по плодам своим познаётся дерево. Победа христианства не привела к прекращению войн и уменьшению преступлений, но добавила новые войны и преступления религиозной нетерпимости.

— «Кто мать моя?» — возгласил Христос — и этого человека, отрёкшегося от своей матери, прославили как символ добродетели. Гораздо честнее выглядит Ницше, не

скрывающий своё презрение к человеку, но и он объясняет это презрение любовью!

— О, любители меня! — обходите меня стороной, не любите меня столь неистово, до заклания на алтарь! Обещаю вам ту же услугу — я не буду любить вас ради Бога, я не буду любить вас ради «сверхчеловека». Моя любовь к вам выше вашей любви, моя любовь к вам говорит: живите собственной жизнью, своей головой и будьте столь милосердны — позвольте мне делать то же самое».

Пообедав, Артур зашёл в комнату Евы. Она сидела за столом и что-то рисовала на листке карандашом. Артур подошёл и посмотрел. На фоне бурного моря и грозových туч летели два буреизвестника.

— Красиво, — сказал Артур. — Только мрачновато.

Он оглядел комнату, как-то опустевшую без двух кукол-подружек. На кровати лежала тёмная толстая книга. Артур взял её в руки. Это был «Фауст» Гёте. Артур с удивлением бросил взгляд на Еву и положил книгу на место.

— А где твой остров? — спросил Артур, не заметив на стене «карты» Аверлэнда.

— Утонул... — не глядя на него, ответила Ева.

Артур уже почти забыл, что в Замке есть ещё один обитатель — Мерлин. Поэтому, когда он однажды столкнулся с ним ночью, он удивился и обрадовался. Они гуляли в ночном саду по теням деревьев и лужам лунного света.

— Вам не скучно в комнате одному? — спросил Артур.

— А я не один, — ответил Мерлин. — Я медитирую и сливаюсь со всем миром.

— Мне кажется, медитация — это уход от реальности, — побаиваясь обидеть старика, всё же сказал Артур.

— Значит, вы никогда не практиковали её. Медитация — это возврат в реальность. Уход от наших земных иллюзий в подлинную реальность.

— Я могу этому научиться?

— Для этого нужно только ваше желание, и на первое время наставник. Попросите Адама, он вам поможет.

— Как-то я не разговаривал с ним об этом. Он тоже занимается медитацией?

— Да. Иногда мы занимаемся этим вместе. Хотя для полноценной медитации, особенно новичку, нужно уединение.

Было прохладно. Но Мерлин в лёгком больничном халате, казалось, не испытывал холода. Артур приглядывался к нему, пытаясь понять этого человека.

— Почему вы гуляете по ночам? — поинтересовался Артур. — Дневной мир не менее интересен.

— Есть правда дня и правда ночи, — ответил Мерлин. — При свете дня и в ночной темноте думается иначе, думается о разном. Большинство людей — дневные люди. Днём творятся их судьбы, днём сочиняют они собственную жизнь. Я тоже был таким. Но потом полюбил ночь. Днём мы носим маски. Ночью не надо притворяться. Ночью засыпает суэта и просыпается одиночество. Одиночество — это один ночью.

— Я не понимаю любви к одиночеству, — сказал Артур. — Одиночество — как сильнодействующее лекарство. Малая доза его лечит, большая убивает.

Мерлин остановился на мгновение, посмотрел Артуру в лицо и сказал:

— Вы ещё молоды. В старости начинаешь больше ценить одиночество.

— Но вы теряете связь с людьми, не знаете — что происходит вокруг?

— Мне стало неинтересно — что происходит вокруг, — сказал Мерлин. — Человек,

который живёт сегодняшним днём, похож на очень близорукого человека, потерявшего очки. Он видит только то, что перед носом... Человек настолько привязан ко времени, что даже как-то его жалко. Он как собачка на поводке, который и тянут, и дёргают.

— Время — оно очень убедительно, — сказал Артур. — Как пудовый кулак у твоего лица, как лезвие ножа у твоей шеи. Невозможно отказаться от времени.

— Я отказался. Оно мне неинтересно. Мне интересна вечность.

— Время нам дано, а вечность — всего лишь наша фантазия.

— Вы так думаете? Тогда вы меня не поймёте. Мне дана вечность, а время для меня не более чем назойливая муха, летающая перед моим лицом. Я от неё отмахиваюсь, но когда-нибудь возьму в руки мухобойку, и со временем будет покончено.

— Чтобы познать вечность, человеку нужно обрести бессмертие, — сказал Артур.

Мерлин остановился, взял его за руку и заглянул в глаза.

— Как вы ошибаетесь!.. Вечность — это не когда много времени. Вечность — это когда времени нет.

Все людские печали, заботы, надежды имеют естественный предел. Через два дня Адам вышел из комнаты Мерлина растерянным и хмурым.

— Что случилось Адам? — встревожился Артур.

— Старик умер...

— Как умер?! — ахнул Артур. — Когда?

— Не знаю... Наверно ночью... Я к нему зашёл, он уже был холодный.

Услышав печальную новость, подошёл Андрон. Все угрюмо молчали, не зная — что сказать?

— Это я виноват, — вздохнул Адам. — Я видел, что он плохо себя чувствует в последнее время, но надеялся, что всё обойдётся таблетками.

— Не вините себя, Адам, — серьёзно сказал Андрон. — Он умер во сне. Просто сердце остановилось... Ему было за семьдесят. Это обыкновенный старик, которому пришло время умереть... Или вы ожидали, что он будет жить вечно?

— Ладно! — Адам махнул рукой. — Пойдёмте со мной. Надо его похоронить.

Мерлина похоронили на деревенском кладбище. Присели у могильного холмика и помолчали.

— Обрёл ли он вечность, о которой так мечтал? — вздохнул Артур. — Я хоть и не был с ним близок, но уважал его и прислушивался к нему.

— Да, это трагедия! — поддержал Артура Сократ.

Маркус вздохнул и рассеянно глядя под ноги сказал:

— Любая трагедия — это неожиданное вторжение реальности в иллюзорный мир человека.

Вернувшись в Замок, сели во дворе за столом и помянули Мерлина, разлив по кружкам бутылку водки, принесённую Хозяином. Выпили по чуть-чуть, закусили хлебушком, помолчали.

— Он прожил долгую жизнь, — сказал Адам. — Может быть, не самую весёлую, трудную, но свою. Смерть не перечёркивает прожитую жизнь. Смерть придаёт ей завершённость.

— Когда я потерял сыновей, — задумчиво глядя в стол, сказал Хозяин, — я перестал бояться собственной смерти. Мне пришла в голову мысль, что смерть может быть подарком... Жизнь — это череда разочарований и потерь. Долгая жизнь — это утрата

иллюзий. Смерть приходит вовремя. Когда мы ещё не растеряли все свои иллюзии, когда мы ещё не разочаровались — в людях, в идеях, в жизни. Смерть — это подарок.

Оглядев, притихших жителей Замка, Адам улыбнулся и сказал:

— Носы не вешать! Скоро мы откроем новую главу своей жизни. Это будут радостные страницы — я обещаю.

— Очень на это надеюсь, — улыбнулся в ответ Артур.

Во двор спустилась Ева и подошла к ним.

— Сегодня разве праздник? — спросила она, заметив открытую бутылку на столе.

— Нет, не праздник, — смутился Хозяин. — Проводы... Мерлина проводили. Он решил уехать домой.

— Жалко! — сказала Ева. — А где его дом?

— Далеко, — ответил Хозяин и поднялся. — Пойдём, я тебе обещал прогулку по озеру на лодке.

Он повёл её за руку к воротам Замка.

— Где Адам? — спросил у Паскаля Артур, выйдя на следующий день утром во двор.

— Он на северной башне. Сказал: «схожу-ка, узнаю прогноз погоды».

Артур поднялся по винтовой лестнице на третий уровень, прошёл до северной башни и по металлической лестнице забрался наверх. Адам стоял у края башни, пристально глядя на горизонт. Он был в лёгкой ветровке, той самой, в какой его первый раз увидел Артур.

— Что говорит прогноз погоды? — шутливо спросил Артур.

Адам оглянулся и ответил серьёзно:

— Будет гроза. Посмотри туда! — он указал рукой.

Далеко на юго-западе собирались тучи. Но небо над Замком было в редких облаках.

— Думаете, придёт к нам?

— Посмотри на флаг.

Артур поднял голову и понял, о чём говорит Адам. Флаг крепился свободно и вёл себя, как флюгер. Ветер дул с юго-запада.

— Через несколько часов будет знатная гроза, — уверенным голосом сказал Адам. — Это наш шанс. Это то, чего мы так долго ждали.

Тучи собрались к вечеру. Громовые раскаты слышались вдалеке, но постепенно они приближались к Замку. Адам спустился с башни серьёзный и собранный.

— Сегодня мы покидаем этот мир, — сказал он Артуру. — Мои молитвы наконец услышаны.

Он собрал всех во дворе и приказал:

— Оставайтесь в своих комнатах, в своей постели. Это в ваших же интересах. Я потушу в Замке свет, выключу дизель. Ничего не бойтесь и положитесь на меня!

Все разошлись по комнатам, но Артур остался стоять.

— Тебе нужно повторить приказание? — сердито спросил его Адам.

— Я хочу подстраховать вас. Вам может понадобится помощник.

— Зачем? Уже ничего изменить нельзя. Телепорт настроен и ждёт удара молнии. Как ты можешь мне помочь?

Артур продолжал упорно стоять, не двигаясь с места. Адам, посмотрел на него, сжав губы, но потом приказал:

— Поднимись на третий уровень, проверь, всё ли там в порядке?

Артур выполнил приказание. Поднявшись по лестнице, он заглянул в кабинет Хозяина и

увидел, что тот сидит, откинувшись в своём кресле, с закрытыми глазами. Из динамиков негромко звучала музыка Bert Weedon. Артур прошёл по коридору и заглянул в комнату Евы. Она сидела за столом и рисовала на листке бумаги. Офелия сидела рядом с дочерью, рассеянно глядя в окно.

— Адам просил всех лечь в постель, — смущаясь, сказал Артур.

— Я слышала, — сказала Ева, но не сдвинулась с места.

— Вы можете упасть и удариться головой, — настаивал Артур.

По стеклу застучали первые капли дождя. Где-то уже совсем рядом громыхнул гром. Внезапно погас свет — это Адам выключил дизель. Ева вздохнула и, молча положив карандаш, встала, обняла мать за плечи и подвела её к кровати. Она уложила мать, и сама легла рядом, обняв её. Артур прикрыл дверь и пошёл обратно во двор.

Дождь усиливался с каждой минутой. Артур пробежал через двор в свою комнату, накинул плащ и снова вышел наружу. В этот момент сверкнула молния и почти сразу прозвучал гром. Ветер усилился до штормового. Дождь хлестал под углом, вместе с ветром сбивая с ног. Адам стоял, прислонившись к «Мыслителю» и напряжённо смотрел вверх, туда, где на башне колыхался под ветром металлический громоотвод. Артур встал рядом и тоже стал смотреть вверх.

— Чтоб тебе! — внезапно крикнул Адам и, приказав Артуру — «оставайся тут!» — рванул через двор на лестницу.

Артур уже понял — что произошло. Порывом ветра сорвало одну из верёвок, крепящих громоотвод. Мачта согнулась и повисла, грозя рухнуть вниз. Стоя под проливным дождём, Артур наблюдал, как Адам залез на башню и поднял мачту. Он крепил её верёвками, накручивая их на зубцы башни. Мачта болталась под сильным ветром и нужна была недюжинная сила — удержать её и закрепить. В этот момент ударила молния и мгновенно последовал гром. Артур вздрогнул. К счастью молния миновала Замок. Иначе жизнь Адама на этом закончилась бы. Он как раз натягивал последнюю верёвку.

Через десять минут Адам спустился мокрый до нитки, но довольный.

— То, что здесь внизу, это ещё цветочки. Меня чуть с башни не сдуло, такой там ветер.

Полчаса затем они стояли рядом под проливным дождём. Молнии били одна за другой — падали в лес, падали в озеро. Адам стоял, стиснув кулаки и сжав губы. Но потом его терпение лопнуло. Он кричал, пытаясь перекричать ветер и гром. Он грозил небу кулаками. Он казался безумным. Может быть, так оно и было.

Яркая молния ударила в башню Замка.

Гроза закончилась утром. С первыми лучами солнца, наиболее смелые из окрестных крестьян вышли на берег бывшего озера, и увидели, что озеро исчезло, оставив после себя большую лужу, в которой трепыхались диковинные рыбы. Хитрый Бедрайон тут же пригнал три телеги, и вместе с сыновьями начал, буквально руками, ловить рыбу. Заполнив все телеги, он, не теряя времени, отправился на ярмарку в Кардерлин — продавать улов.

Через несколько месяцев солнце высушило лужу, и на память о странных гостях, осталось большое белое соляное пятно. Через несколько лет исчезло и оно. И только в памяти людской осталось предание о дьявольском графе и его Замке.

Больше книг на сайте - Knigoed.net